

И. Г. БЛЮМИН

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

III

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

10Р
D-71
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

И. Г. БЛЮМИН

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ТОМ III

1554
КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ
БУРЖУАЗНОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ

*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА · 1962

*Печатается по решению
Отделения экономических, философских
и правовых наук АН СССР
и дирекции Института мировой экономики
и международных отношений АН СССР*

*ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО К ПЕЧАТИ
РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИЕЙ В СОСТАВЕ*

*доктор экономических наук П. Н. ДВОРКИН
(ответственный редактор)*

член-корреспондент АН СССР А. И. ПАШКОВ

доктор экономических наук Л. Б. АЛБТЕР

доктор исторических наук Ф. Я. ПОЛЯНСКИЙ

кандидат экономических наук Н. М. ОСАДЧАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

При подготовке настоящей работы перед автором стоял вопрос о том, как лучше сгруппировать материал, относящийся к современной буржуазной политической экономии,— по важнейшим проблемам или по отдельным направлениям. Автор считал целесообразным сочетать оба эти принципа. В главах второй, третьей, четвертой, пятой и шестой рассматривается трактовка буржуазными экономистами важнейших проблем; в главах седьмой и восьмой дан критический анализ основных направлений. При таком построении работы неизбежно получились некоторые повторения, которые автор старался свести к минимуму, но полностью избежать их не удалось.

Работа посвящена критическому анализу буржуазных экономических теорий. Что касается правосоциалистических и реформистских, а также ревизионистских выступлений, то о них идет речь лишь попутно в той мере, в какой это необходимо для того, чтобы оттенить взгляды буржуазных экономистов.

Автором здесь рассматривается лишь ограниченный круг вопросов, связанных с обострением внутренних экономических противоречий в капиталистических странах. Этим, конечно, далеко не исчерпывается проблематика современной буржуазной политической экономии. Существует большой комплекс вопросов, связанных с межимпериалистическими противоречиями, с противоречиями между империалистическими и зависимыми странами, с экономикой слаборазвитых стран. По этим вопросам существует специальная литература, которая не получила отражения в данной книге.

Для того чтобы не расширять объема книги, мы сочли возможным обойти вопрос о мальтузианстве, поскольку этот вопрос подробно освещался в нашей литературе. По тем же причинам не рассматривается и теория «народного капитализма».

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРИЗИСА СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Одно из проявлений общего кризиса капитализма — кризис в различных областях идеологии, в частности в буржуазной политической экономии. Кризис капиталистической системы вызывает специфические изменения в буржуазной идеологии, показывающие, как преломляется в буржуазном сознании управление капитализма. Кризис буржуазной политической экономии есть прежде всего отражение кризисного состояния самого капитализма, которое вынуждает буржуазных идеологов изыскивать средства для спасения обреченного историей на гибель капиталистического строя.

Некоторые авторы дают другое, значительно более широкое толкование понятия кризиса политической экономии. Так, в экономической литературе встречаются определения, согласно которым кризис политической экономии сводится к расколу экономистов на два глубоко противоположных лагеря — марксистов и буржуазных экономистов. Начало этого кризиса такие экономисты усматривают в появлении работ К. Маркса, давшего развернутую критику буржуазной политической экономии.

Раскол политической экономии на марксистскую и буржуазную есть отражение ее классового характера. Политическая экономия всегда была партийной наукой. Борьба в экономической литературе между защитниками интересов разных классов имела место задолго до появления работ Маркса. Если согласиться с приведенным выше определением, то придется признать, что кризис политической экономии начался с самого возникновения этой науки и что он будет продолжаться до тех пор, пока будут существовать классы.

Во всяком случае, как бы широко ни толковать понятие кризиса политической экономии, остается совершенно бесспорным, что кризис современной буржуазной политической экономии есть специфическое историческое явление, совершенно не похожее на то, что имело место в буржуазной экономической литературе в

XIX или даже в начале XX в. При всех определениях этого понятия остается бесспорным, что буржуазная политическая экономия претерпела в период общего кризиса капитализма значительную эволюцию, которая вместе с тем знаменует собой вынужденный пересмотр некоторых исходных положений, представлявших для экономистов XIX и начала XX в. характер самоочевидных истин.

На эту эволюцию решающее влияние оказали два фактора во-первых, победа Великой Октябрьской социалистической революции и успешное развитие социалистической экономики; во-вторых, углубление социально-экономических противоречий капитализма.

Победа социализма в нашей стране, а затем успешное строительство социализма в странах народной демократии означали сильнейший удар по буржуазной политической экономии, основное назначение которой заключается в обосновании вечности и нерушимости капитализма. Практика социалистического строительства повергла в прах попытки буржуазных апологетов доказать невозможность социалистического хозяйства. Капитализм перестал быть всеобъемлющей системой, охватывающей все мировое хозяйство.

В новых исторических условиях усилилась реакционность буржуазных экономистов. Борьба с социализмом в наши дни означает борьбу не только с социалистическими теориями, но и с социалистическим государственным и общественным строем, победившим в СССР и прокладывающим себе путь в странах народной демократии.

Но буржуазные апологеты при всех своих усилиях не в состоянии полностью замолчать хозяйственных успехов социалистических государств. Они не могут замолчать громадного распространения коммунистической идеологии. Они вынуждены перестраивать свои методы оправдания капитализма и выдвигать новые теоретические схемы.

Уже сам факт признания успешно развивающейся социалистической экономики есть наиболее убедительное подтверждение ограниченности капитализма, его глубокого кризиса.

Английский буржуазный писатель Э. Карр в книге, специально посвященной советскому влиянию на «западный мир», вынужден был отметить, что «вся буржуазная цивилизация переживает глубокий кризис, поскольку существует новая цивилизация, служащая миллионам людей и оказывающая огромное влияние на весь мир»¹.

Известный американский публицист У. Линнман в своей брошюре «Америка в современном мире» признал, что на буржуазную идеологию оказывает огромное влияние выпадение из капиталистической орбиты трети человечества.

¹ E. H. Carr. The Soviet Impact on the Western World. N. Y., 1947, p. 112.

«Мы полагали, — пишет он, — что у всех народов будут такие же основные политические идеалы, как у нас... Мы думали, что все человечество будет двигаться к тому же порядку, в который верим мы...»

Это представление о нас самих, о нашем месте в мире, о нашей роли в истории человечества теперь уже недействительно. Культура, идеология западного (капиталистического. — И. Б.) общества уже не признаются универсальными. Им брошен такой вызов, с каким они не встречались со времен столкновения христианства с наступающим исламом».

Линнман сравнивает это признание ограниченности капитализма с переходом от астрономии Птолемея, рассматривавшей землю как центр вселенной, к астрономии Коперника. «Западное общество, когда-то представлявшее центр политической вселенной, представляет теперь лишь одну из планет — правда, крупную планету, но все же одну планету в гораздо более обширной солнечной системе»².

Второй решающий фактор, вызвавший кризис буржуазной политической экономии, связан с углублением социально-экономических противоречий в период общего кризиса капитализма. Особое значение имеет тот факт, что «внутренние силы капиталистической экономики, на основе которых она в прошлом добивалась подъема производства, действуют все слабее. Теперь, чтобы поднять производство, капитализм все более нуждается в искусственных факторах»³.

В этих условиях для буржуазных экономистов стало весьма трудным делом рисовать капитализм в идеалистически розовом свете.

Факты — упрямая вещь. И как ни стараются буржуазные апологеты не замечать наличия хронической недогрузки производственных мощностей и постоянной многомиллионной армии безработных, углубления экономических кризисов перепроизводства, значительного усиления инфляционных процессов, революционизирования народных масс и т. д., — полностью они этого сделать не могут.

Каждый из этих факторов в своем воздействии на буржуазную экономическую мысль тесно переплетается с другими⁴.

² Цит. по А. Леонидов. Уолтер Линнман думает по-новому. «Новое время», 1957, № 31, стр. 8.

³ Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. М., Госполитиздат, 1956, стр. 14—15.

⁴ «Утверждение в России полностью «антикапиталистического» строя, вдохновленного марксистской идеологией, придало этой последней такое значение (вызвав доверие одних и страх у других), какого она не имела раньше. «Великая депрессия» конца 30-х годов побудила авторов изучать прежде всего проблемы экономического неравновесия и диспропорциональности» (Э. И. А. м. с. История экономической мысли XX века. М., ИЛ, 1959, стр. 48).

Революционизирующее влияние на массы острых социально-экономических противоречий капитализма в виде массовой безработицы, экономических кризисов перепроизводства, инфляции и т. д. значительно усиливается в результате того, что эти противоречия существуют в условиях развивающегося соревнования двух систем. Массы могут воочию наблюдать примеры полной ликвидации этих противоречий в странах социалистического лагеря.

В этих условиях выявление противоречий капитализма неизбежно подводит массы к коренному вопросу современности — о выборе между капитализмом и социализмом.

Этот факт отмечают более вдумчивые буржуазные авторы.

Так, американский экономист Гольденвейзер писал в 1947 г.: «Никогда для экономистов не было так важно иметь уважение и доверие публики и никогда еще стране не было так необходимо полное использование их специальной выучки, знаний и проницательности, как сейчас, когда общество столкнулось с жизненно важными вопросами. Что должно быть предпринято в ближайшем будущем, зависит от того, будет ли найден ответ на неотложные экономические проблемы в рамках капитализма и свободного предпринимательства, или экономическая организация должна двигаться в направлении социализма или коммунизма... Если экономистам не удастся открыть способ заставить систему свободного предпринимательства давать удовлетворительные для народных масс результаты, то безусловно усилится тенденция отхода от свободного предпринимательства к какой-либо форме социалистического государства»⁵.

В условиях соревнования между двумя системами каждое обострение социально-экономических противоречий капитализма создает угрозу для последнего. Особое значение в этом отношении имеет рост безработицы. В этом отдают себе отчет многие буржуазные авторы.

Так, канадский экономист П. Кассельман прямо ставит вопрос о том, что возможность победы социализма станет реальностью, «если мы не будем контролировать безработицу с помощью относительно мягких форм государственного вмешательства... Без сомнения, рабочие и профессиональные союзы Северной Америки и других частей света не потерпят серьезной депрессии, подобно той, которая парализовала мировую экономику в 30-х годах. Это правда, что коммунисты могут быть разбиты на поле брани, но это не означает конечной победы свободного предпринимательства и демократии.

Конечная победа будет достигнута на экономическом фронте тогда, когда свободное предпринимательство и капитализм сумеют

⁵ E. Goldenweiser. The Economist and the State. «American Economic Review», March 1947, pp. 3—4.

доказать рабочим, что они могут обеспечить им большую степень экономической безопасности, более высокий уровень жизни и большую свободу, чем другие системы»⁶.

Так же ставят вопрос о перспективах сохранения капитализма американские буржуазные экономисты У. Боумол и Л. Чендлер. «Одна из главных экономических проблем Соединенных Штатов, а может быть и самая насущная (pressing) проблема, — пишут они, — это предупредить экономическую неустойчивость, обеспечить постоянный высокий уровень занятости и производства и относительно стабильную покупательную способность доллара. Не будет преувеличением сказать, что будущее системы свободного предпринимательства в этой стране, так же как экономическое благосостояние нашего народа, зависит от нашей способности разрешить эту проблему»⁷.

В таком же духе ставят эту кардинальную проблему известные французские государственные деятели П. Мендес-Франс и Ардан. «Способна ли капиталистическая экономика или экономика смешанного характера, — спрашивают они, — реализовать полную занятость? Этот вопрос является кардинальным. От него зависит социальный мир. Это — факт, что трудящиеся больше не потерпят продолжительной и массовой безработицы, которую они знали в относительно недавнем прошлом»⁸.

Существование социалистической системы оказывает существенное воздействие не только на классовую борьбу внутри капиталистических стран, но и на национально-освободительное движение в колониальных и зависимых странах. Факты показывают, что существование Советского Союза и других стран социалистического лагеря, их готовность помочь слаборазвитым странам в промышленном развитии на условиях равноправия и взаимной выгоды являются серьезной преградой на пути колониальной политики.

В условиях наличия двух систем и обострения социально-экономических противоречий капитализма буржуазные экономисты вынуждены вносить коррективы в методы его оправдания. Они не могут полностью замолчать противоречия капитализма. Иначе они рискуют потерять последние остатки доверия народных масс к своим теоретическим схемам и своей пропаганде.

Этот мотив — боязнь потерять доверие широких масс — весьма откровенно выразил Д. М. Кейнс. Указывая на противоречие между теоретическими высказываниями буржуазных экономистов и действительностью, он писал: «Это противоречие не могло

⁶ P. H. Casselman. Economics of Employment and Unemployment. Wash., 1955, p. 178.

⁷ W. J. Baumol and L. V. Chandler. Economic Processes and Policies. N. Y., 1954, pp. 137—138.

⁸ P. Mendès-France et G. Ardant. La science économique et l'action. UNESCO, 1954, p. 158.

ускользнуть от рядового человека, вследствие чего с его стороны стало заметно все меньше и меньше склонности относиться к экономистам с тем же уважением, как к другим группам ученых, у которых теоретические выводы, когда их применяют на практике, согласуются с наблюдениями»⁹.

В интересах сохранения своего влияния буржуазные экономисты вынуждены были несколько перестроить свою апологетику. Они вынуждены были поставить вопрос об опасности, угрожающей капиталистической системе, т. е. тем самым подвергнуть сомнению исходный пункт всей буржуазной политической экономии о нерушимости капитализма. Они должны были подвергнуть критике и такой постулат традиционной апологетики, как положение о том, что механизм капиталистической конкуренции автоматически ликвидирует все экономические противоречия и трудности. Перед лицом таких неопровержимых фактов, как хроническая массовая безработица и хроническая недогрузка производственных мощностей, они вынуждены были подвергнуть сомнению традиционную догму о том, что капитализм обеспечивает полное использование всех производственных ресурсов, и в первую очередь трудовых. Общий итог сводится к тому, что в обстановке усиливающегося разложения мировой капиталистической системы буржуазным экономистам становится все труднее восхвалять внутренние силы капитализма, действие его имманентных экономических законов.

Кризис буржуазной политической экономии на современном этапе выражается прежде всего в явном банкротстве многих догм, составлявших на протяжении XIX и первых десятилетий XX в. фундамент буржуазной апологетики. К этим догмам следует отнести представление о свободной конкуренции как о наилучшем автоматическом регуляторе производства. С этой догмой тесно связана теория реализации Сэя, отрицающая даже абстрактную возможность общего перепроизводства товаров. Наряду с неизбежностью экономических кризисов отрицалась неизбежность массовой безработицы. Монополия в традиционной апологетике трактовалась как случайная аномалия.

Противоречие между этими догмами и действительностью в период общего кризиса капитализма оказалось настолько разительным, что буржуазные экономисты вынуждены были признать неблагоприятное состояние капитализма, его неустойчивость, растущие экономические трудности. Апологеты вынуждены обратиться к поискам средств для укрепления расшатанных устоев капитализма. Хотя буржуазные экономисты отвергают ленинское учение об общем кризисе капитализма, но... фактически в своих

теоретических построениях они исходят из кризисного состояния современного капитализма.

Так в кривом зеркале буржуазных теорий отражается общий кризис капитализма. Это вынужденное отражение и составляет существо современного кризиса буржуазной политической экономии.

Известный английский буржуазный экономист Л. Роббинс весьма отчетливо выразил господствующие в буржуазных кругах настроения, которые оказывают воздействие на эволюцию экономических теорий. «Две мировые войны и сопровождающие их перевороты привели культуру Запада... ближе к грани окончательного разложения, чем когда-либо после падения Римской империи... Я не думаю, что мы осведомлены об этих вещах в должной степени... Но мы знаем, что-то неблагоприятно. Мы полны беспокойства относительно судеб мира. Мы не знаем, куда мы идем. И в своем беспокойстве люди обращаются к чему-то, что, по их мысли, обещает объяснение и возможное решение. Возросший интерес к нашему предмету частично объясняется этим положением. Люди надеются, что когда-нибудь наступит день, когда будут найдены магические слова «Сезам, откройся!», которые наведут порядок в существующей неразберихе и дадут смысл и направление человеческим усилиям»¹⁰.

Кризис современной буржуазной политической экономии выражает кризис привычных буржуазных представлений о капитализме, которые Маркс охарактеризовал как «затасканные и самодовольные представления буржуазных деятелей производства о их собственном мире как лучшем из миров...»¹¹. Он отражает тревогу буржуазных деятелей по вопросу о судьбах капитализма, их неуверенность в будущем буржуазного общества.

Важнейшим моментом, характеризующим эволюцию буржуазной политической экономии в период общего кризиса капитализма, является постановка новой проблемы — как обеспечить существование и нормальное функционирование капиталистической системы. Для экономистов XIX в. такой проблемы не стояло, для них беспрепятственное развитие капитализма представлялось самоочевидной истиной. Между тем для современных буржуазных авторов этот вопрос стал самой актуальной и самой грозной проблемой. Некоторые из них открыто высказывают свои сомнения о возможности сохранения капитализма. Даже такой убежденный защитник монополистических интересов, как английский экономист Джон Хикс, писал в своей известной книге «Стоимость и капитал»: «Я не думаю, что можно считать возможным

¹⁰ L. Robbins. The Economics of the Twentieth Century and other Lectures in Political Economy. L., 1954, p. 5.

¹¹ К. Маркс. Капитал, т. I. М., Госполитиздат, 1952; стр. 87, примечание.

⁹ Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег. М., ИЛ, 1948, стр. 32.

длительное выживание чего-то подобного капиталистической системе, понимая под этим термином систему свободного предпринимательства, включая свободу выдачи и получения ссуд»¹². А некоторые буржуазные экономисты прямо писали о том, что не исключена возможность крушения капитализма. Так, профессор университета штата Огайо Г. Хейс писал: «Возможно, существующая система частного предпринимательства не сможет быть спасена»¹³.

В учебном пособии, опубликованном под редакцией профессора Нью-Йоркского университета Л. Роббинсона, отмечается: «Относительно слабостей капиталистической системы существует полное единодушие даже у наиболее ревностных ее защитников. Споры ведутся о том, какие из недостатков капиталистической системы являются врожденными для нее, а какие можно устранить, не заменяя их недостатками более серьезного характера»¹⁴.

Некоторые буржуазные авторы прямо ставят вопрос о спасении капитализма. В этом отношении характерно появление в 1948 г. в США сборника под красноречивым заголовком «Спасая американский капитализм». Через весь сборник проводится точка зрения, что нужны экстраординарные меры для исцеления и придания устойчивости капиталистической экономике. Редактор сборника Сеймур Харрис во вступительной статье так характеризует положение современного капитализма: «Трудности, с которыми столкнулся капитализм, казались непреодолимыми в 30-х годах; возможно, что они сейчас еще больше; нет никаких гарантий, что заплатанная экономическая система может противостоять вторжениям социализма»¹⁵. Сеймур Харрис высказывает убеждение, что без преобразований капиталистическая система не выдержит испытания. «Если мы не совершим хирургической операции над нашей экономической системой, она не выживет»¹⁶. Для настроений, питающих кризис буржуазной политической экономики, весьма характерны следующие слова Харриса: «Мы расположены в пользу капитализма, но мы полагаем, что он должен доказать, что он является наиболее эффективной экономической системой»¹⁷.

Характерно также для этих настроений появление в США сборника под заголовком «Как исправить капитализм» («Make Capitalism Work», 1950) под редакцией Д. Кизера.

¹² J. R. Hicks. Value and Capital. Oxford, 1939, p. 302.

¹³ H. Hages. Keynesism and Public Policy. «Twentieth Century Economic Thought». N. Y., 1950, p. 240.

¹⁴ «An Introduction to Modern Economics». N. Y., 1952, p. 904.

¹⁵ S. Harris. The Issues. «Saving American Capitalism. A Liberal Economic Program». N. Y., 1948, p. 4.

¹⁶ Ibidem

¹⁷ Ibid.

Страх перед экономическим крахом капитализма пронизывает писания буржуазных экономистов различных направлений. Весьма часто этот страх маскируется показным оптимизмом, шумной рекламой «достижений» капитализма в области экономики. Но как бы ни маскировался этот страх, он составляет внутреннюю подоплеку современных буржуазных экономических теорий и накладывает на них свою неизгладимую печать. Боязнь экономической катастрофы капитализма и стремление ее предупредить определяют существо кризиса современной буржуазной политической экономики.

Существенным моментом этого кризиса является потеря веры в действие внутренних сил капиталистической экономики. Современные буржуазные экономисты не отказались и никогда не откажутся от апологии капитализма, но они вынуждены вносить серьезный корректив в свою апологию. Они вынуждены признать, что капиталистическая экономика нуждается в каких-то искусственных мероприятиях, в каких-то подпорках и костылях, без которых она не может нормально функционировать и развиваться. Весьма красочно выразил это широко распространенное убеждение в буржуазных кругах известный американский бизнесмен и по совместительству автор экономических работ Эрик Джонстон. Джонстон с раздражением писал, что многие буржуазные деятели изображают капиталистическую экономику в качестве пациента, нуждающегося в лечении. Этот «пациент», — писал Джонстон, — по их мнению, может выжить, но останется хроническим инвалидом, питающимся государственными пилюлями и ковыляющим при помощи бюрократических костылей»¹⁸.

Прежде для буржуазных экономистов считалась самоочевидной истина о так называемом автоматическом действии капиталистического механизма. Считалось, что если, например, где-либо возникает безработица, то в результате снижения реальной заработной платы и последующего повышения спроса на рабочую силу она немедленно вызывает силы, которые ведут к ее преодолению; считалось, что капиталистическая система располагает достаточными внутренними силами для преодоления любых экономических трудностей, любых диспропорций, любого кризиса и любой безработицы.

Это положение составляло сердцевину традиционной буржуазной апологетики. Но в условиях общего кризиса капитализма буржуазным экономистам становится все труднее поддерживать это положение. Они вынуждены вносить поправки в это положение. Они обставляют его различными оговорками. Вольно или невольно, таким образом, буржуазные экономисты признают, что действие внутренних сил капитализма в современных условиях становится более затрудненным. Но это признание полу-

¹⁸ E. Johnston. America Unlimited. N. Y., 1944, p. 79.

часть у буржуазных экономистов извращенное толкование — они пытаются показать, что могут быть найдены искусственные факторы, которые способны восстановить нормальное функционирование капиталистической экономики. Так в условиях общего кризиса капитализма происходит существенная перестройка буржуазной апологии — восхваление внутренних сил капитализма и автоматически действующего механизма капиталистической конкуренции подменяется воспеванием искусственных факторов в виде государственного вмешательства в экономику.

В наиболее систематизированном виде эта важнейшая идея, пронизывающая современную буржуазную политическую экономию, сформулирована у французского экономиста Э. Жамса. «Экономисты стали исходить из того, — пишет он, — что экономика нашего времени все более и более теряет конкретный характер, что принцип *laissez faire* не обеспечивает ни действия механизма конкуренции, ни свободы человека, ни его благосостояния. Они пришли к заключению, что действие денежных механизмов неизбежно обуславливает экономические неравновесия, которые, вместо того чтобы наталкиваться на противодействие автоматически корректирующих реакций, порой в силу кумулятивного процесса имеют тенденцию к неограниченному расширению или после известных реакций могут уступить место лишь неравновесиям противоположного направления»¹⁹. Из этой пессимистической оценки современного состояния капиталистической экономики следует определенный вывод, который Жамс формулирует следующим образом: «Если свободная экономика не обеспечивает стихийного равновесия, то, следовательно, стабилизирующее вмешательство извне оправдано»²⁰.

Наиболее последовательное выражение это неверие в действие внутренних сил капитализма получило в теории «стагнации капитализма» (см. гл. VII).

Свое неверие в действие внутренних сил капитализма буржуазные экономисты дополняют верой в спасительную роль буржуазного государства. Апология государственного вмешательства в экономику является одной из важнейших тенденций, характеризующих современную буржуазную политическую экономию. Такая апология прежде имела лишь частичное распространение в некоторых странах, например в Германии: немецкая литература XIX в. пропагандировала культ юнкерски-буржуазного государства как абсолютной и высшей ценности, как источника всякого развития, в том числе и экономического. Основу такого культа государства составляли специфические условия развития германского капитализма, и прежде всего тот факт, что государственное объединение Германии произошло значительно позднее других стран. Немецкая буржуазия жаждала сильной государственной

власти как средства уничтожения раздробленности германских государств, тормозившей развитие капитализма.

Своеобразие современного этапа в эволюции буржуазной политической экономики состоит не только в том, что апология государственного вмешательства в экономику получила всеобщее распространение, в частности в таких странах, как Англия, где прежде неограниченно господствовала фритредерская идеология, но и в том — и это самое важное, — что эта апология в настоящее время выступает в качественно новых формах, соответствующих изменившимся экономическим условиям. Главной особенностью этой апологии в современной обстановке является замалчивание основного и решающего факта — связи между усилением государственного вмешательства в экономику и всевластием капиталистических монополий, иными словами — замалчивание государственно-монополистического капитализма. Буржуазные апологеты замалчивают, что монополии используют государственный аппарат для усиления эксплуатации трудящихся на своих предприятиях внутри и вне страны, подавления их сопротивления. Апологеты монополий всячески обходят такие факты, как использование финансовой олигархией государственного бюджета в качестве дополнительного канала для извлечения монопольно высоких прибылей, — и за счет изъятия через механизм налогов и субсидий части необходимого продукта рабочего класса и доходов трудящегося крестьянства, и за счет перераспределения в пользу монополий части прибавочной стоимости, извлекаемой мелкой и средней буржуазией, а отчасти и немонополистической крупной буржуазией. Буржуазная апологетика замазывает и столь характерные для империалистической эпохи факты, как использование монополиями государства в проведении своей внешней экспансии, в навязывании другим странам кабальных внешних займов, грабительских торговых договоров, невыгодных концессий и получении других преимуществ в зависимых и отсталых странах.

Восхваление экономической роли государства стало важнейшей чертой буржуазной апологетики в период общего кризиса капитализма. Буржуазные экономисты пытаются внушить массам веру в то, что современное буржуазное государство своим вмешательством может исправить недостатки механизма капиталистического хозяйства.

Апелляция к государству как к силе, способной якобы обеспечить нормальное развитие капиталистической экономики, представляет собой яркое выражение кризиса буржуазной экономической мысли. Попытка найти в государстве убежище от бурь, потрясающих капиталистическую экономику, является яркой демонстрацией того, что сама буржуазия чувствует неустойчивость, непрочность своего положения и что она пытается разрешить свои трудности путем всяких экстраординарных средств.

¹⁹ Э. Жамс. История экономической мысли XX века, стр. 219.

²⁰ Там же, стр. 102.

Из истории капитализма известно, что буржуазия широко использовала государственное вмешательство в экономику на заре капиталистического развития, в период первоначального накопления капитала. Характеризуя различные моменты первоначального накопления, Маркс писал: «...все они пользуются государственной властью, т. е. концентрированным и организованным общественным насилием, чтобы ускорить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии. Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым»²¹.

По мере того как капиталистический способ производства прочно становится на свои ноги и создает адекватную себе материально-техническую базу, буржуазия отказывается от использования старых форм государственного вмешательства в экономику, характерных для периода меркантилизма, и переходит к политике *laissez faire* и фритредерства. Представители классической политической экономии теоретически оправдывали и обосновывали веру буржуазии в то, что автоматическое действие законов капиталистической конкуренции обеспечивает наилучшие результаты и что к государственному вмешательству в экономику следует прибегать лишь в особых, исключительных случаях. Маркс охарактеризовал систему свободной конкуренции и присущую ей политику *laissez faire* как адекватную форму капиталистического развития. Основанное на капитале производство проявляется в своих адекватных формах лишь постольку и тогда, когда развивается свободная конкуренция, потому что она есть свободное развитие основанного на капитале способа производства, отмечал К. Маркс²². Поскольку капитал слаб, писал Маркс, он ищет костылей прошлых или с его появлением уходящих в прошлое способов производства. Поскольку он чувствует себя сильнее, он отбрасывает прочь костыли и движется соответственно своим собственным законам²³.

Возражения классической школы политической экономии против государственного вмешательства в экономику отражали веру молодой буржуазии в то, что она может превосходно устраивать свои дела без всякой помощи со стороны государства. С этим неразрывно была связана вера в бесперебойное действие механизма капиталистической конкуренции. Защита политики *laissez faire* отражала убеждение в превосходстве экономических законов капитализма, которые действуют в стихийной борьбе капиталов и которые осуществляются независимо от экономической политики государства.

²¹ К. Маркс. Капитал, т. 1, стр. 754.

²² См. К. Маркс. Grundriß der Kritik der politischen Ökonomie. Moskau, 1939, S. 543.

²³ Ibid., S. 544.

Вместе с тем оппозиция против государственного вмешательства в экономику выражала стремление буржуазии свести к минимуму непроизводительные расходы, связанные с функционированием государства и с содержанием правительственного аппарата. Идеологи прогрессивной тогда буржуазии правильно понимали, что одним из условий бурного роста производительных сил является максимальное сокращение непроизводительных расходов, которое в свою очередь предполагает сокращение масштабов государственной деятельности в области экономики.

В эпоху империализма и общего кризиса капитализма произошла переоценка ценностей во взглядах буржуазии на экономические функции государства. Оппозиция против государственного вмешательства в экономику сменилась призывом к усилению этого вмешательства.

Такая переоценка ценностей свидетельствует не о силе, а о слабости буржуазии. Она демонстрирует кризис не только в экономической и политической сфере, но и в области буржуазной идеологии. Она демонстрирует то, что сама буржуазия чувствует свою неспособность справиться собственными силами с экономическими трудностями.

2. НОВЫЕ МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМАГОГИИ

Кризис буржуазной политической экономии находит свое выражение и в новых формах социальной демагогии, которые несут на себе печать морального банкротства капиталистической системы. Знаменем времени является тот факт, что многие буржуазные идеологи не осмеливаются выступать перед массами с открытой защитой капитализма, что они пытаются замаскировать свою приверженность к капиталистическому способу производства формальной, словесной критикой капитализма и «социалистической» фразеологией. В этом отношении большинство современных буржуазных экономистов значительно отличается от старых стокровенных адвокатов капитализма и открытых противников социализма.

То обстоятельство, что буржуазные апологеты в защите капитализма вынуждены прибегать к «социалистической» фразеологии, является косвенным признанием банкротства капиталистической системы, признанием непобедимости социализма. Морально обанкротившийся общественный строй усилиями своих идеологов пытается не только замаскироваться, но и поддаться под своего противника — социализм.

Новые методы социальной демагогии представляют собой непосредственную реакцию буржуазной экономической мысли на огромные достижения социалистической системы. Решающее значение имеет то обстоятельство, что социализм перестал быть

только теорией. В Советской стране он воплощен в реальную действительность, прочно вошел в быт двухсотмиллионного народа, побеждает в странах народной демократии Европы и Азии и на практике доказал свои огромные преимущества перед капитализмом. Притягательная сила социалистических идей в настоящее время неизмеримо возросла по сравнению с дооктябрьским периодом. Буржуазные идеологи вынуждены считаться с этим фактом, признавать большое влияние советского опыта на народы капиталистических стран. Так, например, английский буржуазный писатель Э. Карр в цитированной выше книге о советском влиянии на «западный мир» вынужден был отметить огромную притягательную силу принципа права на труд, осуществленного в СССР, а также советского принципа расового и национального равноправия²⁴.

Для того чтобы в какой-то мере ослабить огромное влияние опыта великой социалистической державы и стран народной демократии, буржуазные идеологи стараются внушить массам идею, что социализм не ограничивается только СССР и странами народной демократии, но что элементы социализма существуют якобы уже и в капиталистических странах. Нередко апология капитализма преподносится под флагом того, что капиталистическая система все более «социализируется», что капиталистические и социалистические элементы мирно-де сочетаются друг с другом в пресловутой «смешанной экономике».

Так, американский буржуазный экономист Р. Паттон пишет, что «экономика США включает в себя некоторые элементы социализма»²⁵. Другой американский буржуазный экономист, Д. Адамс, в книге, специально посвященной «конкурирующим экономическим системам»²⁶, утверждает, что различие между экономическими системами (которых он насчитывает четыре — капитализм, фашизм, социализм, коммунизм) имеет в настоящее время гораздо меньшее значение, чем два-три десятилетия назад, и что оно быстро перекрывается общими чертами. Во всех современных экономических системах, подчеркивает Адамс, все сильнее вырисовываются коллективистические тенденции. А третий буржуазный экономист, Д. Райт, прямо заявляет, что различие между капитализмом и социализмом потеряло-де свое значение. «Сегодня, — изрекает он, — когда капитализм стал более социалистическим, а социализм более капиталистическим, привычные ярлыки мало что говорят»²⁷.

По словам американского экономиста Грэхэма, «Индивидуализм и социализм в точном смысле слова (в этой оговорке весь

смысл этого сверхпарадоксального положения. — И. Б.) представляют собой не антиподы, а дополняющие друг друга и даже совпадающие понятия»²⁸.

Это смешение капитализма и социализма создает почву для самых парадоксальных выводов. Движение за социализм некоторые авторы изображают в виде... средства спасения капитализма. Так, английский лейборист Д. Стрэчи замечает, что «борьба демократических сил против капитализма... спасла эту систему»²⁹. Единственный рациональный смысл этого положения состоит в том, что правые социалисты своей политикой действительно способствуют сохранению капитализма, отвлекая массы от революционной борьбы. Но реакционные правосоциалистские лидеры выполняют эту функцию не потому, что они борются за социализм, а в результате предательства интересов трудящихся и измены подлинному социализму.

Для того чтобы замаскировать свое враждебное отношение к социализму и представить себя в роли «друзей социализма», современные буржуазные идеологи, преимущественно из лагеря правых социалистов, стараются фальсифицировать понятие социализма, лишить его действительного конкретного содержания. Они отрицают такой важнейший признак социалистического общества, как устранение частной собственности на средства производства и установление социалистической общественной собственности. Видный теоретик английского лейборизма, бывший советник К. Эттли, Ф. Уильямс писал, что общественная собственность на средства производства и распределения, пропагандировавшаяся в ранних социалистических доктринах, несовместима с социалистической концепцией в том виде, как она существует в Англии. То, к чему мы стремимся, является скорее сочетанием общественной собственности на средства производства в ряде важнейших отраслей промышленности с частной собственностью на средства производства в значительно большей группе отраслей промышленности, включающей большую часть обрабатывающей промышленности и распределительную сеть.

Буржуазные фальсификаторы нередко отождествляют капитализм с принципом *laissez faire*, а социализм — с любой формой государственного контроля над экономикой. Такое отождествление позволяет выдавать за «социализм» государственно-монополистический капитализм, приукрашенный некоторыми несущественными реформами. Такого рода «социализм» не только совместим с господством капиталистической собственности, но имеет последнюю своим базисом.

²⁴ Е. Н. Carr. The Soviet Impact on the Western World, p. 112.

²⁵ R. D. Patton. The American Economy. N. Y., 1953, p. 425.

²⁶ G. Adams. Competitive Economic System. N. Y., 1955.

²⁷ D. Mc. Cord Wright. A Key to Modern Economics. N. Y., 1954, p. 3.

²⁸ Цит. по F. Machlup. Capitalism and Its Future Appraised by Two Liberal Economists. «American Economic Review», 1943, June, p. 303.

²⁹ J. Strachey. Contemporary Capitalism. L., 1956, p. 154.

Использование социалистической фразеологии демонстрирует тот факт, что хозяева современного капиталистического мира чувствуют себя непрочно и что они вынуждены прибегать к терминам и понятиям, заимствованным у своих социалистических противников.

Формы и методы этой своеобразной идеологической мимикрии различны в разных странах и в разные периоды в зависимости от политической и социально-экономической обстановки. Решающее значение имеют глубина капиталистических противоречий и степень напряженности общей обстановки. Там, где буржуазия чувствует наибольшую угрозу своему господству, она прибегает в наибольших масштабах к этому приему идеологической мимикрии, к антикапиталистической демагогии и «социалистической» фразеологии. В этом отношении показателен пример германского фашизма. Он распространял демагогическую идею о так называемом процентном рабстве, рассчитанную на использование глубокой вражды мелких ремесленников, торговцев, крестьян к ростовщическому капиталу. Г. Димитров в своем докладе на VII конгрессе Коминтерна в 1935 г. говорил: «...маскировка социальной демагогией дала возможность фашизму увлечь за собой в ряде стран выбитые кризисом из колеи массы мелкой буржуазии и даже некоторые части наиболее отсталых слоев пролетариата, которые никогда бы не пошли за фашизмом, если бы понимали его действительный классовый характер, его настоящую природу»³⁰. «Фашизм, — говорил Г. Димитров в том же докладе, — не только разжигает глубоко укоренившиеся в массах предрассудки, но он играет и на лучших чувствах, на их чувстве справедливости и иногда даже на их революционных традициях. Почему германские фашисты, эти лакеи крупной буржуазии и смертельные враги социализма, выдают себя массам за «социалистов» и свой приход к власти изображают как «революцию»? Потому, что они стремятся эксплуатировать веру в революцию, тягу к социализму, которые живут в сердцах широких трудящихся масс Германии»³¹.

Нацисты, как известно, распространяли легенду, что в гитлеровской Германии создан какой-то особый «немецкий социализм». Фашистские агитаторы нагло утверждали, что «в Германии нет капитализма». При этом они прибегали к самым изощренным софистическим приемам.

С антикапиталистической демагогией выступают и некоторые современные буржуазные деятели фашистского толка. Так, например, бывший диктатор Аргентины Х. Д. Перон в своей книге

«Сила — закон зверей» заявляет, что его программа направлена и против капитализма и против коммунизма.

Применение антикапиталистической демагогии и «социалистической» фразеологии не получило широкого распространения в странах, где буржуазия чувствует себя более устойчиво и где, в частности, она не считает нужным прибегать к методам фашистской диктатуры. Но и в этих странах имеет место охарактеризованная выше идеологическая мимикрия. Она принимает лишь более смягченные формы. Она выражается не в демонстративном подчеркивании своей мнимой враждебности к капиталистическому строю, а в стремлении показать, что современный капитализм перестал быть капитализмом в обычном понимании этого слова. В частности, эта тенденция проявляется в попытках создания особой теории «трансформации капитализма», по которой современный капитализм стал совершенно непохожим на капитализм в прошлом и потерял все свои бывшие пороки. Суть этой демагогии можно вкратце выразить так: хотя капитализм сохранился, но его важнейшие моменты — господство капиталистов, эксплуатация рабочих, классовые противоречия, безработица, кризисы и т. д. — якобы испарились и незаметно исчезли.

С этой формой демагогии тесно связаны новые приемы буржуазной апологетики. Они выражаются в попытках приукрашивания капитализма путем приписывания ему качеств и особенностей, принципиально присущих только социалистической системе хозяйства, в стремлении приписать капитализму совершенно не свойственные ему закономерности, которые могут существовать только в рамках социалистического строя. Буржуазные экономисты распространяют иллюзии о возможности устранения при капитализме таких неизбежных его спутников, как кризисы, безработица, анархия производства. Эта демагогия распространяется в форме пропаганды теорий «бескризисного капитализма», «полной занятости», «планового капитализма». Пропаганда этих теорий дополняется утверждением, что в современном капиталистическом мире погоня за прибылью якобы потеряла свое бывшее решающее значение, что важнейшим движущим мотивом стало стремление к обеспечению наибольшего благосостояния общества.

Новые формы социальной демагогии и буржуазной апологетики отражают процесс сближения буржуазных и социал-демократических теорий. Это — двусторонний процесс. С одной стороны, правые социалисты во все больших масштабах становятся пропагандистами и разносчиками буржуазных теорий. Наиболее яркой иллюстрацией этого процесса является громадное влияние кейнсианства на современных правых социалистов, в особенности на английских лейбористов. Основное направление развития реформистской идеологии на современном этапе состоит в соедине-

³⁰ Г. Димитров. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма. — Избранные произведения, т. I. Госполитиздат, 1957, стр. 377.

³¹ Там же, стр. 379.

нии старых ревизионистских теорий с новейшими буржуазными теориями. У правых социалистов, наряду с мелкобуржуазной ревизионистской тенденцией, которая была основной в старой социал-демократической идеологии, проявляется откровенно буржуазная тенденция.

Весьма показательна для эволюции реформистской идеологии в сторону этой откровенно буржуазной тенденции новая постановка вопроса о собственности, все более распространяющаяся в реформистской литературе. Прежде реформисты, хотя и непоследовательно, защищали необходимость расширения общественной собственности. Они выступали против экспроприации капиталистической собственности, но все же считали, что переход к социализму неразрывно связан с расширением общественной собственности.

В отличие от старых реформистов современные правосоциалистические теоретики настойчиво подчеркивают, что отношения собственности потеряли, мол, свое значение в процессе исторического развития. Правые социалисты в своем большинстве отрицают общественную собственность на средства производства как важнейший признак и основу социалистического общества.

Весьма симптоматична эволюция правосоциалистических теорий по вопросу о национализации. Прежде правые социалисты всячески рекламировали национализацию некоторых отраслей, проведенную во Франции и Англии, как якобы социалистическую меру. В последнее время лидеры правых социалистов становятся на путь отказа от национализации. Этот отказ нашел свое выражение в лейбористских программах 1955 и 1957 гг., в избирательной программе западногерманских социал-демократов к выборам в бундестаг летом 1957 г. и в программе СПА 1958 г.

Эволюция правосоциалистических теорий выражается в участвовавшемся переходе на позиции открытого антимарксизма, во все более распространяющемся отказе от заигрывания с марксизмом, характерного для более старых реформистов на континенте Европы. Эта тенденция проявляется в противоречивых формах — и в современных условиях имеются попытки правых социалистов оправдать оппортунизм под флагом ревизии Маркса (наиболее известная попытка в этом направлении за последние годы — книга Д. Стрэчи «Современный капитализм» — D. Strachey. Contemporary Capitalism. L., 1956). Но преобладающей тенденцией в правосоциалистической литературе является откровенный и полный отказ от марксизма.

Сближение буржуазных и правосоциалистических идеологов проявляется и в том, что в работах буржуазных идеологов чаще начинают защищаться идеи, которые раньше были высказаны правыми социалистами. По существу охарактеризованные выше методы приукрашивания капитализма путем приписывания ему закономерностей, присущих социалистической экономике, пред-

ставляют собой вариации на излюбленную в социал-демократической литературе тему об эволюционном перерождении капитализма, о мирном вращении капитализма в социализм и т. д. Особенно сильно сближение буржуазных и социал-демократических теорий сказывается в отношении тех авторов, которые выступают с «критикой» капитализма и которые применяют «социалистическую» фразеологию (наиболее известный представитель этой группы И. Шумпетер).

Само это сближение представляет собой один из моментов кризиса буржуазной политической экономики. Правые социалисты издавна специализировались на идеологической обработке рабочего класса, а также более радикально настроенных кругов мелкой буржуазии, т. е. тех слоев, которые в наибольшей мере испытывают на себе гнет капитализма и представляют наиболее революционный материал. Поэтому правые социалисты уже давно разработали специфические методы идеологического воздействия на массы в обстановке, чреватой революционным взрывом. Они представляют, так сказать, передовой отряд буржуазии в идеологической борьбе с революционным движением. Тот факт, что буржуазные экономисты начинают все чаще прибегать к приемам, характерным для правых социалистов, или к родственным приемам, является косвенным показателем напряженности политической и социально-экономической обстановки в странах капитала. Теоретические построения современной буржуазной политической экономики отражают в возрастающей степени страх перед социалистической революцией и стремление предотвратить ее.

3. ИЗМЕНЕНИЕ СООТНОШЕНИЯ ВАЖНЕЙШИХ НАПРАВЛЕНИЙ В БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Одним из существенных моментов, характеризующих кризис буржуазной политической экономики, является изменение соотношения важнейших направлений в буржуазной экономической литературе.

В последней можно выделить два основных направления — сторонников «регулируемого капитализма» и защитников так называемого свободного предпринимательства (это направление обычно фигурирует под именем либерализма или неолиберализма). Наиболее видный идеолог первого направления — Д. М. Кейнс. В работах экономистов этого направления отмечены выше новые тенденции, характеризующие современную буржуазную политическую экономию, выступают в наиболее обнаженном и развернутом виде. В отличие от первого второе направление воспроизводит в основном старые экономические теории, сложившиеся еще в конце прошлого столетия (австрийской, кембриджской школ и т. д.). Но хотя второе направление использует аппарат традиционных буржуазных теорий, оно в скрытой

форме отражает новые тенденции, характеризующие современный этап буржуазной политической экономики. Борьба этих двух направлений выражает борьбу нового и старого в буржуазной экономической идеологии. Усиливающееся влияние первого направления свидетельствует о победе новых тенденций в буржуазной политической экономике.

Следует отметить, что в коренных вопросах мировоззрения и экономической теории (отношение к марксизму, отрицание теории трудовой стоимости, теории прибавочной стоимости, обвиняния рабочего класса, неизбежности крушения капитализма и т. д.) нет существенных разногласий между представителями обоих направлений.

Важнейшее различие между указанными направлениями сводится к неодинаковой оценке опасности, угрожающей капитализму, и важности мероприятий, намечаемых для предупреждения этой опасности по линии борьбы с экономическими кризисами перепроизводства и безработицей. Следует отметить, что современные неолбералы не отказываются от подобного рода мероприятий, но они не склонны придавать им такого решающего значения, как это делают сторонники теорий «регулируемого капитализма».

Разногласия между обоими направлениями весьма отчетливо выступают при рассмотрении вопроса о так называемой полной занятости. Следует отметить, что буржуазные экономисты вкладывают особое содержание в этот термин. Под «полной занятостью» они понимают не полную ликвидацию безработицы, а лишь ее ограничение до уровня так называемой «стандартной», или «нормальной», безработицы. Так, например, У. Беверидж считает «нормальной» безработицей 3% от общей численности рабочих (1%, по Бевериджу, падает на сезонную безработицу, 1% — на безработицу, вызванную техническим прогрессом, и 1% — на безработицу, связанную с неблагоприятными изменениями внешней торговли).

Бывший президент США Г. Трумэн в своих мемуарах заявляет, что в 1946 г. в США существовала якобы «полная занятость», несмотря на наличие, даже по его весьма преуменьшенным расчетам, 2 млн. безработных, которых он относит к так называемой фрикционной безработице, т. е. безработице, обусловленной необходимостью перехода рабочих из одной отрасли и из одного района в другие³². Следуя этой же точке зрения, профессор Чикагского университета Риз предлагает эмпирический метод определения «полной занятости» как занятости самого высокого уровня, достигнутого за последние два-три десятилетия, независимо от безработицы, существовавшей при этом наивысшем достигнутом

³² H. S. Truman. Years of Decision (The Memoirs of Harry S. Truman, v. 1). N. Y., 1955, p. 427.

уровне занятости³³. Как видим, буржуазные деятели и идеологи вкладывают весьма скромное содержание в столь громко звучащий и столь популярный для рабочих лозунг «полной занятости». Но и в таком урезанном и ограниченном виде вопрос о «полной занятости» вызывает большие разногласия среди буржуазных экономистов. Сторонники теорий «регулируемого капитализма» выдвигают этот вопрос на первое место, подчеркивая, что массовая безработица представляет собой величайшую угрозу для «социального мира» и для существования капитализма. Между тем идеологи «свободного предпринимательства», или неолбералы, указывают, что борьба за «полную занятость» отнюдь не является центральной задачей экономической политики, что «полная занятость» наряду с положительными имеет и отрицательные последствия.

Так, неолберал Л. Роббинс, дав сводку отрицательных последствий «полной занятости», приходит к выводу: «Если это верно, что она («полная занятость». — Л. Р.) приводит к инфляции, снижению приспособляемости (речь идет о том, что изменения цен не вызывают немедленного и соответствующего изменения спроса и предложения товаров и наоборот — изменение спроса и предложения товаров не вызывает немедленного и соответствующего изменения цен. — Л. Р.), к нарушениям внешнего равновесия (т. е. нарушениям платежного баланса. — Л. Р.) и к самому решительному ограничению индивидуальной свободы, то спрашивается: можно ли считать после всего этого желательной «полную занятость» в том смысле, как ее обычно рисуют?»³⁴. Известный американский буржуазный экономист П. Самуэлсон в статье под заглавием «Полная занятость в противоположность (versus) прогрессу и другим экономическим задачам» заявляет, что «полная занятость — важная задача, но это не единственная задача современного экономического общества»³⁵.

Он утверждает, что безработица поддерживает трудовую дисциплину, стимулирует производительность труда и является необходимым условием «гибкости экономической системы» и «стабилизации экономической активности», а также «облегчает военную мобилизацию, в то время как полная занятость может ее чрезвычайно затруднить».

В связи с начавшимся осенью 1957 г. экономическим кризисом в США, там начался сильный рост безработицы. Некоторые

³³ A. Rees. The Meaning and Measurement of Full Employment. — «The Measurement and Behavior of Unemployment. A Conference of the Universities — National Bureau Committee for Economic Research». N. Y., 1957.

³⁴ L. Robbins. The Economist in the Twentieth Century and other Lectures in Political Economy, p. 30.

³⁵ P. Samuelson. Full Employment versus Progress and other Economic Goals. — «Income Stabilisation for a Developing Democracy. A Study of the Politics and Economics of High Employment without Inflation», ch. XII. L., 1953, p. 547.

органы монополий откровенно писали, что рост безработицы имеет положительное значение для бизнеса. Так, американский журнал «Тайм» писал в самом конце 1957 г.: «Хотя никто не желает безработицы, некоторые хладнокровные экономисты-статистики могут найти в ней определенную ценность, ожидая выигрыша для США в результате роста производительности труда... Увеличивающаяся трудность найти работу заставит каждого работать несколько лучше. Более того, поскольку работу будет труднее найти, не будет роста заработной платы»³⁶.

На первый взгляд получается впечатление коренного расхождения между двумя направлениями в постановке вопроса о «полной занятости». В действительности акцентируются лишь различные моменты, связанные с проблемой безработицы. Последняя имеет две стороны. С одной стороны, безработица — необходимое условие действия капиталистического механизма. Армия безработных оказывает давление на заработную плату и составляет необходимый резерв для расширенного воспроизводства. Эту сторону безработицы всячески подчеркивают сторонники «свободного предпринимательства», хотя ее принимают и защитники «регулируемого капитализма», говоря о «нормальной», или «стандартной», безработице. С другой стороны, хроническая массовая безработица оказывает революционизирующее влияние на рабочих и тем самым представляет серьезную социальную опасность для капиталистического строя. На эту сторону обращают преимущественное внимание защитники «регулируемого капитализма», хотя ее полностью не игнорируют и сторонники «свободного предпринимательства». Последние не считают нужным выдвинуть на передний план борьбу с безработицей, поскольку они не считают столь значительной опасностью для капитализма, сопряженную с безработицей.

Такие же разногласия между обоими направлениями имеются и по вопросу о кризисах. Оба направления выступают за необходимость антикризисных мероприятий — в современных условиях трудно найти экономиста, который отстаивал бы политику *laissez faire* в условиях наступления глубокого экономического кризиса. Однако имеется различие в трактовке антикризисных мероприятий. Сторонники «свободного предпринимательства» подходят к последним как к эпизодическим мероприятиям, которые должны быть пущены в ход в случае крайней необходимости. Между тем защитники «регулируемого капитализма» отстаивают систематическое осуществление антикризисной политики, связывая это с тем, что для современного капитализма кризисы и депрессии принимают весьма продолжительный и острый характер.

Разногласия между обоими направлениями в вопросе о кризисах весьма отчетливо выступают при оценке небольших кризи-

сов. Сторонники «свободного предпринимательства» изопрятуются в том, чтобы представить в положительном свете последствия «умеренных» кризисов, или «спадов». Весьма отчетливо эта позиция выражена в книге американского буржуазного профессора Альберта Харта «Деньги, долг и экономическая активность». Харт дает сводку приводимых в американской экономической литературе «положительных» оценок кризисов. В изображении американских буржуазных экономистов кризисы перепроизводства: 1) выступают источником «всеобщего морального подъема» (?!), 2) являются фактором отбора наиболее эффективных процессов, лучше работающих фирм и руководителей предприятий, 3) способствуют росту числа изобретений, 4) ломают монополистические объединения и свойственную монополиям негибкость цен (*price rigidities*), 5) поднимают индустриальную дисциплину и производительность труда³⁷. Сам Харт чувствует неудобство открытого восхваления кризисов перепроизводства, представляющих собой величайшее бедствие для населения капиталистических стран, и выступает с показной «критикой» приведенной выше «аргументации». Но общий его вывод по данному вопросу весьма недвусмысленно подчеркивает желательность сохранения «смягченных» кризисов. «Вероятно, нам не угрожает (!), — заверяет он, — полная ликвидация депрессий. В случае удачи и при хорошем руководстве мы окажемся способными добиться разумно мягких и коротких депрессий и в то же время использовать те реальные преимущества, которые они предоставляют»³⁸.

Еще более откровенно эту точку зрения выразил другой американский буржуазный профессор, Э. Шоу, заявивший, что идеалом экономики является не полная стабильность и не полное отсутствие стабильности, а нечто среднее между этими двумя крайностями³⁹. Смысл этого высказывания также сводится к восхвалению «смягченных» кризисов.

Такого рода оценки широко распространены среди неолибералов. В отличие от последних сторонники теорий «регулируемого капитализма» подчеркивают, что малые кризисы могут перерасти в большие и что правительство должно быть всегда наготове для борьбы с последними.

С этими разногласиями между двумя направлениями тесно связан и разный подход к вопросу о государственном контроле над экономикой. При рассмотрении этого вопроса следует учесть, что монополистический капитал идет на такого рода контроль неохотно, соглашаясь на эти меры в случае необходимости (в особенности во время глубоких экономических или военно-политических кризисов). Хотя крупнейшие монополии получают

³⁷ A. G. Hart. Money, Debt and Economic Activity. N. Y., 1948, p. 339.

³⁸ Ibid., pp. 338—339.

³⁹ См. E. S. Shaw. Money, Income and Monetary Policy. Chi., 1950, pp. 422—423.

³⁶ «Time», December 30, 1957, p. 55.

наибольшие выгоды от государственно-монополистического контроля, но и для них он связан с некоторыми неудобствами.

Степень согласия монополистического капитала на мероприятия по регулированию экономики непосредственно зависит от оценки опасности, угрожающей капиталистическому строю вообще и господству буржуазии данной страны в особенности. Чем больше эта опасность, тем на более жесткие формы государственного регулирования экономики соглашаются монополии. Неудивительно, что защита государственного регулирования экономики идет со стороны тех буржуазных экономистов, которые сильнее подчеркивают опасности, угрожающие капитализму. Напротив, экономисты, отрицающие эти противоречия или придающие им не столь большое значение, занимают критическую позицию по отношению к регулирующим мероприятиям.

Разногласия между указанными направлениями выступают в особенно отчетливой форме в вопросе о финансовой политике. Поскольку сторонники «регулируемого капитализма» выступают за систематическое осуществление антикризисной политики в крупных масштабах, сопряженной с большими правительственными расходами, они поддерживают политику бюджетного дефицита. А так как последний обычно приводит к инфляционным процессам, то сторонники «регулируемого капитализма» нередко выступают в качестве защитников «умеренной инфляции». Возлагая на буржуазное государство новые экономические функции, защитники теории «регулируемого капитализма» подвергают пересмотру некоторые старые положения о так называемых здоровых финансах. Прежде, при ограниченном вмешательстве государства в экономику, чисто финансовые интересы играли первенствующую роль в соображениях буржуазных государственных деятелей. Обеспечение устойчивого денежного обращения трактовалось как первая заповедь науки о государственных финансах, а поддержание золотого стандарта и бюджетного равновесия — как вернейший способ реализации этой первой заповеди. Между тем постановка новых задач, выдвинутых защитниками «регулируемого капитализма», связана с усилением напряжения государственного бюджета. Она предполагает большой рост правительственных расходов в периоды, когда доходная часть государственного бюджета обнаруживает тенденцию к сокращению (например, во время кризиса). Сторонникам «регулируемого капитализма» приходится выбирать между осуществлением своих программ, предполагающих большой рост правительственных расходов, и требованиями бюджетного равновесия. Сторонники этих теорий, как правило, поступают этим последним требованием.

В отличие от сторонников «регулируемого капитализма» защитники «свободного предпринимательства» проявляют большую приверженность к ортодоксальным положениям о «здоро-

вых финансах». Для современной капиталистической экономики характерна одновременная угроза и экономических кризисов перепроизводства и разрушительной инфляции. Сторонники «регулируемого капитализма» делают большее ударение на первой опасности (хотя они не игнорируют угрозы разрушительной инфляции), а защитники «свободного предпринимательства» — на второй опасности (хотя они, конечно, учитывают и угрозу кризиса). Во всяком случае последние выступают за более умеренные программы правительственных расходов. Следует учесть, что их призыв к соблюдению строгой экономии в государственном бюджете заключает в себе немалую дозу демагогии, поскольку они активно поддерживают милитаризацию, являющуюся на современном этапе важнейшей причиной роста государственных расходов и разворачивания инфляционных процессов.

Различная оценка опасности, угрожающей капитализму и господству буржуазии, обоими направлениями непосредственно отражается на их тактических приемах, на характере их пропагандистской деятельности.

Сторонники «регулируемой экономики», которые более серьезно оценивают эту опасность, проявляют большую гибкость и изощренность в деле обмана трудящихся и идеологического воздействия на них. Они нередко прикрываются маской защитников профессиональных союзов и сторонников социальных реформ, в частности они выступают за увеличение расходов на общественные работы, на борьбу с безработицей.

В отличие от сторонников «регулируемой экономики» защитники «свободного предпринимательства» выступают с наибольшей откровенностью. Многие из них открыто проповедуют снижение реальной заработной платы, пытаются представить рост номинальной заработной платы в качестве первоисточника всех трудностей, переживаемых современным капитализмом. Неудивительно, что экономические теории «свободного предпринимательства» оказываются менее приспособленными для идеологического воздействия на массы, нежели теории «регулируемой экономики».

Влияние охарактеризованных выше двух основных направлений меняется и в зависимости от экономической конъюнктуры. Фаза промышленного подъема благоприятствует оживлению идей «свободного предпринимательства», в то время как в фазе кризиса и депрессии идеи «регулируемой экономики» получают особенно широкое распространение. Даже самые крайние защитники «регулируемой экономики» в периоды промышленного оживления несколько смягчают свои положения и выступают за предоставление большей свободы частному предпринимательству. С другой стороны, сторонники либерального направления в периоды таких глубоких социальных потрясений, как войны и экономические кризисы, соглашаются с необходимостью осуществления в больших масштабах государственного вмешательства в

экономику. Но как в развитии капитализма, несмотря на временное ослабление в некоторые периоды экономической роли буржуазного государства, общая тенденция заключается в усилении государственно-монополистических форм, точно так же и в эволюции буржуазной политической экономии общая тенденция заключается в постепенном усилении концепций в духе «регулируемой экономики». Эта тенденция особенно сильно проявилась в Англии, затем, в несколько более слабой степени, в США, а в послевоенный период начинает заметно проявляться и во Франции.

Позиции сторонников «свободного предпринимательства» в США, Англии и Франции значительно ослабли. Американский экономист Л. Мизес, один из последних сторонников доктрины *laissez faire*, жалуется на то, что вебленисты⁴⁰, марксисты и кейнсианцы захватили в свои руки кафедры и университетское преподавание. «Только люди, которые согласны с ними, назначаются преподавателями и пропагандистами социальных наук, и только учебники, поддерживающие их идеи, используются»⁴¹. Ссылка Мизеса на засилье марксистов в университетском преподавании США, конечно, вымышленна от начала до конца. Двери американских университетов, как и подавляющего большинства университетов в других капиталистических странах, наглухо закрыты для марксистов — преподавателей политической экономии. Мизес пустил слух о засильи марксистов для того, чтобы запугать буржуазию. Что же касается жалобы Мизеса на засилье вебленистов и кейнсианцев, то она имеет некоторые основания. Мизес ратует за то, чтобы допускать представителей старых теорий к университетскому преподаванию. Это свидетельствует о том, что эти представители чувствуют себя не совсем уютно в современных условиях. Американский буржуазный экономист Д. Саул объявляет, что «сейчас редко можно встретить приверженность к *laissez faire* в классическом духе, за исключением произведений членов экономического «подполья» (*underworld*) или среди политиков, либо экспертов, защищающих некоторые частные интересы против отдельных налогов или регулирующих мероприятий»⁴². Другой американский экономист, С. Харрис, признает, что представители старых теорий, возлагающие все надежды на свободное предпринимательство, «все в большей степени занимают оборонительную позицию»⁴³.

⁴⁰ Вебленисты — последователи известного американского экономиста Т. Веблена, в работах которого дается мелкобуржуазная критика господства монополий и финансового капитала.

⁴¹ L. Mises. *Planning for Freedom and Other Essays and Addresses*. Libertarian Press, 1952, p. 152.

⁴² G. Soule. *Ideas of the Great Economists*. N. Y., 1953, p. 179.

⁴³ S. G. Harris. *The National Debt and the New Economics*. N. Y., 1947, p. 29.

4. ВАЖНЕЙШИЕ МОМЕНТЫ КРИЗИСА БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Важнейшие моменты кризиса буржуазной политической экономии вкратце могут быть сведены к следующим пунктам.

1. Явное банкротство многих старых догм в связи с вынужденным признанием растущих экономических трудностей капитализма и угрозы социальной катастрофы.

2. Признание недостаточной эффективности действия внутренних сил капитализма, потеря прежней веры в автоматическое действие механизма капиталистической конкуренции.

3. Ориентация на действие искусственных факторов в виде государственного вмешательства в экономику, апелляция к буржуазному государству как к силе, способной якобы преодолеть экономические трудности современного капитализма.

4. Вынужденное признание, что свободная конкуренция ушла в прошлое, что конкуренция в современных условиях осложняется элементами монополии.

5. Восхваление всякого рода непроизводительных форм потребления, в особенности военных затрат. Эта тенденция и раньше имела место (например, в работах Мальтуса), но теперь она получила особенно широкое распространение, стала господствующей линией в буржуазной апологетике.

6. Новые формы социальной демагогии, выражающиеся в приписывании капитализму закономерностей, которые могут иметь место только в условиях социалистического общества, и в распространении иллюзий о том, что современный капитализм утратил такую коренную черту, как господство капиталистического класса.

7. Изменение соотношения между основными направлениями в буржуазной экономической литературе — сторонниками «регулируемого капитализма» и защитниками «свободного предпринимательства» — в пользу первых.

Таковы важнейшие черты кризиса буржуазной политической экономии. Это не просто очередная перестройка буржуазной апологетики, какие имели место в прошлом (например, в 70-х годах прошлого столетия, когда после выхода в свет «Капитала» К. Маркса образовались новые школы в политической экономии в виде австрийской, лозаннской, кембриджской, молодой исторической школы и т. д.). Это такая перестройка, которая в самой себе носит глубокое противоречие, характерное именно для умирающего капитализма. Это — не просто апология буржуазного строя, но такая апология, которая заключает в самой себе вынужденное признание внутренней слабости капиталистической экономики.

Это — апология, которая ищет источник могущества и процветания капиталистической экономики не внутри самой этой

экономики, а во внешних, внеэкономических силах. Это — апология, трактующая успешное развитие капиталистической экономики как случайность, зависящую от произвольного изменения курса экономической политики буржуазного государства. Восхваляя капиталистическую экономику, современные буржуазные апологиеты вынуждены в то же время выдавать ей *testamentum pauper-talis* (свидетельство о бедности). Они вынуждены признавать, что она страдает различными старческими недугами, что она нуждается в лечебных мероприятиях, в искусственном взбадривании при помощи впрыскивания в народное хозяйство громадных средств государственного бюджета, в своеобразном «ремонте».

Внутреннее противоречие буржуазной апологии на современном этапе выражается и в том, что защита преимуществ капиталистической системы получает условную формулировку — эти преимущества могут проявиться лишь при определенных условиях, а именно при проведении определенной экономической политики. В этих условных формулировках отражается противоречивое положение современных буржуазных экономистов — они не могут защищать капиталистический строй в столь категорической форме, как прежде, не могут полностью замалчивать капиталистических противоречий.

В этом смысле можно говорить о кризисе буржуазной идеологии. Последний выражается не в отказе от буржуазных представлений, а в неспособности современных авторов давать последовательную защиту этих представлений. Как отмечают П. Мендес-Франс и Г. Ардан, «признание... (недостатков капитализма. — И. Б.) буржуазными экономистами ослабило их защиту»⁴⁴. Такая неспособность порождена положением современной буржуазии, которая ходом исторического развития подведена к приближающейся катастрофе и ищет чуда, при помощи которого можно было бы исцелить смертельно больную капиталистическую экономику.

Неудивительно, что представители старых школ буржуазной политической экономии (например, австрийской), пользующиеся прежними методами буржуазной апологии, обвиняют сторонников новых направлений, в частности кейнсианцев, в поражении в отношении капитализма. Сторонники старых апологетических приемов выражают опасение, что экономический анализ, ссылающийся на «недостатки» капитализма, может дискредитировать последний в глазах масс. Так, например, известный французский буржуазный экономист, сторонник либерального направления Ш. Рист писал: «В мире, в котором мы живем, защитники того, что называют капиталистической системой, взяли на себя

труд дискредитировать ее всеми способами»⁴⁵. А. Л. Мизес сваливает на «пораженчество» ответственность за возможное крушение буржуазного общества. «Это умонастроение пассивно воспринимаемого поражения, — пишет он, — позволило социализму триумфально шествовать во многих странах Европы и очень скоро может помочь ему завоевать также и эту страну (т. е. США. — И. Б.)»⁴⁶.

Некоторые американские авторы обвиняют сторонников «регулируемого капитализма» в том, что они составляют «экономическую пятую колонну» в буржуазном обществе. Д. Флипп предъявляет им обвинение в том, что они защищают «скрытый социализм»⁴⁷.

Следует при этом иметь в виду, что сторонники старых теорий обвиняют даже весьма умеренных буржуазных реформаторов в «антикапитализме». Так, буржуазный историк Хэккер усматривает «антикапитализм» в деятельности ряда американских государственных деятелей, начиная от Джефферсона и кончая Франклином Рузвельтом⁴⁸.

А Мизес обвиняет в поражении по отношению к капитализму даже церковных деятелей и представителей аристократии, которые в интересах заигрывания с массами позволяют себе иногда критические замечания по адресу капитализма. «Некоторые из самых выдающихся вождей современного протестантизма..., — жалуется он, — открыто осудили капитализм и даже приписывают его неудачам ответственность за все эксцессы русского большевизма»⁴⁹.

В действительности все эти обвинения некоторых буржуазных экономистов и политиков в «пораженчестве» являются неосновательными. Сторонники «регулируемого капитализма» менее всего склонны примириться с крушением буржуазного общества. Напротив, они используют свои заявления об опасностях, угрожающих капитализму, для мобилизации буржуазного общественного мнения и правительственных органов. Подчеркивание этих опасностей тесно связано с пропагандой необходимости принятия экстраординарных мер для усиления капиталистической экономики, предупреждения глубоких экономических кризисов перепроизводства и разрушительной инфляции. Многие буржуазные экономисты полагают, что ссылка на грозную опасность, вырисовывающуюся перед современным буржуазным обществом, — лучшее средство для обоснования больших государственных

⁴⁵ Ch. Rist. Les fonds d'égalisation des changes et leur action sur la prix et sur l'activité économique. «Revue d'économie politique», 1938, No 6, p. 1545.

⁴⁶ L. Mises. Planning for Freedom and Other Essays and Addresses, p. 165.

⁴⁷ J. Flynn. The Road Ahead. Цит. по J. R. Golbraith. Economics and the Art of Controversy. New Brunswick, 1955, p. 61.

⁴⁸ «Capitalism and Historians», ed. by F. A. Hayek. L., 1954, p. 89.

⁴⁹ L. Mises. The Anticapitalist Mentality. N. Y., 1956, p. 45.

⁴⁴ P. Mendès-France et G. Ardant. La science économique et l'action, p. 206.

субсидий и заказов. По их мнению, этой ссылкой можно оправдать усиленную эксплуатацию рабочего класса, интенсификацию труда рабочих и т. д.

Отражая эту точку зрения, виднейший представитель кейнсианства в США А. Хансен писал: «Я убежден, что экономисты грубо пренебрегают своими обязанностями, если они отказываются изучить тяжелые недостатки нашего общества»⁵⁰.

Одним из последствий кризиса буржуазной политической экономии является то, что некоторые наиболее вдумчивые и серьезные буржуазные экономисты начинают проявлять интерес к Марксу не только как к главному объекту их критики.

Как указывает Э. Жамс, «покалуж, никогда еще не уделялось столько внимания произведениям Карла Маркса, как в нашу эпоху, и не только в Советской России, но и в странах Запада. После длительного периода успешного распространения идей Маркса на европейском континенте центр их влияния переместился в Англию, приковав к себе внимание не только лейбористов, но и даже радикалов. Несмотря на враждебное отношение к учению Маркса со стороны официальных кругов США, часть американской интеллигенции относится к нему со всей серьезностью»⁵¹.

Этот специфический интерес к Марксу вызван двумя причинами.

Во-первых, марксизм получил громадное распространение после Великой Октябрьской социалистической революции и образования мировой социалистической системы и стал господствующим мировоззрением в социалистических странах, население которых доходит до 1 млрд. человек. Марксистские идеи имеют большое влияние и в некоторых капиталистических странах, где имеются мощные коммунистические партии, например во Франции и Италии. В частности, в этих странах некоторые в прошлом буржуазные экономисты перешли на позиции марксизма или приблизились к нему.

Показательно, что во Франции даже некоторые «экономисты от религии» начали заигрывать с Марксом. Так, «христианский гуманист» П. Биго в своей книге «Марксизм и гуманизм» ссылается на теорию прибавочной стоимости Маркса, которую он пытается истолковать в идеалистическом духе. Ссылки на некоторые положения Маркса не мешают Биго пропагандировать веру в реформированный капитализм. По его мнению, проблема заключается в том, чтобы «найти такие формы связи между трудом и капиталом, которые исключали бы возможность угнетения одного другим»⁵². Такую же позицию защищает другой «католиче-

ский социалист», А. Бартоли. Он много пишет о заслугах Маркса: «Маркс вскрыл отвратительный порок XIX столетия. Протестуя против превращения человека в вещь, в предмет, в товар, он тем самым возродил достоинство человека, защитил и спас человеческую личность»⁵³. Вместе с тем Бартоли отвергает революционные выводы Маркса и пытается опорочить социальные отношения в СССР и странах народной демократии.

Заигрывание с идеями марксизма мы также наблюдаем среди некоторых немецких евангелистов. Так, в ФРГ в 1954 г. вышел труд Евангелической академии под названием «Исследования по марксизму». Некоторые авторы, участвующие в этом сборнике, дают теологическое истолкование марксизма. Так, в одной из статей с характерным заголовком «О сущности денег: теологический анализ одного основного понятия в «Капитале» Карла Маркса» учение Маркса характеризуется как «экономически ориентированный деизм», а абстрактный человеческий труд — как понятие, играющее для Маркса роль божества⁵⁴.

Как ни смешны подобного рода попытки, они свидетельствуют о том, что религиозные деятели отдают себе отчет о большом влиянии марксизма среди масс и поэтому пытаются приспособиться к марксистской терминологии.

Некоторые буржуазные авторы подчеркивают, что при таком громадном распространении идей марксизма нельзя ограничиваться случайными и мимолетными замечаниями по его адресу. Так, Д. Райт пишет: «Многие люди находятся под глубоким влиянием марксистской мысли, не зная в конечном счете источника своих идей. И без разумной оценки марксистских понятий наш подход к экономической политике будет, по-видимому, всегда серьезно извращаться»⁵⁵.

Во-вторых, на распространение марксизма значительное влияние оказало углубление социально-экономических противоречий капитализма.

Среди буржуазных экономистов можно наметить три группы, различающиеся своим отношением к Марксу.

Первая группа, охватывающая значительное большинство буржуазных экономистов, открыто заявляет о своем враждебном отношении к марксизму. Представители этой группы очень редко упоминают о Марксе, а если упоминают, то всегда в критическом плане.

Ко второй группе относятся некоторые буржуазные идеологи, которые иногда заигрывают с марксизмом преимущественно в демагогических целях, для привлечения на свою сторону читателей, которые колеблются между марксизмом и различными

⁵³ Там же, стр. 546.

⁵⁴ «Marxismusstudien», Bd. 3 der Schriften der Studiengemeinschaft der evangelischen Akademie, Tübingen, 1954, S. 57—58, 73.

⁵⁵ D. Mc Cord Wright. A Key to Modern Economics, p. 326.

⁵⁰ А. Н. Hansen. Economic Policy and Full Employment. N. Y., 1947, p. 306.

⁵¹ Э. Жамс. История экономической мысли XX века, стр. 538.

⁵² Там же, стр. 545.

вариантами буржуазной идеологии. В качестве примера можно сослаться на приведенные выше высказывания церковных авторов.

Третью группу составляет пока еще незначительное число экономистов, которые, оставаясь в целом на буржуазных позициях, считают возможным сослаться в некоторых случаях на Маркса, привлекать некоторые элементы его теории (конечно, в своем, вольном толковании) для объяснения сложных вопросов современного капитализма. Наиболее яркий представитель этой группы — английская экономистка Джоан Робинсон. В специальной книге, посвященной экономическому учению Маркса, Робинсон писала: «До последнего времени Маркс обычно третировался в академических кругах с презрительным молчанием, нарушаемым... только насмешливыми подстрочными примечаниями. Но современное развитие академической теории, ускоренное современным развитием экономической жизни — анализ монополии и анализ безработицы, — потрясли структуру ортодоксальной доктрины и нарушили самодовольство, с которым экономисты обычно рассматривали «свободно развивающийся» капитализм. Их отношение к Марксу как к главному критику капитализма является поэтому гораздо менее самоуверенным, чем оно было обычно»⁵⁶.

Это признание того, что буржуазные экономисты потеряли свою прежнюю самоуверенность в отношении к марксизму, весьма симптоматично. Оно является оборотной стороной вынужденного признания капиталистических противоречий и потери веры в действие внутренних сил капитализма.

Робинсон идет дальше. Она выдвигает следующий тезис: «По моему мнению, они (буржуазные экономисты. — *И. Б.*) должны многому научиться у него (у Маркса. — *И. Б.*)»⁵⁷.

С этим выводом соглашается незначительное меньшинство буржуазных экономистов. Точно так же только незначительное меньшинство буржуазных экономистов может согласиться с выводом того же автора, что «современное развитие академической (т. е. буржуазной. — *И. Б.*) политической экономии привело их (буржуазных экономистов. — *И. Б.*) на позиции, которые в некоторых отношениях примыкают к Марксу гораздо теснее, чем к позициям их собственных интеллектуальных предшественников»⁵⁸. Но все же эти выводы не являются единичными. За последние годы учащаются случаи, когда некоторые буржуазные экономисты, отвергая в целом экономическое учение Маркса, признают правильность его отдельных положений.

Приведем несколько иллюстраций.

Шведский экономист Акерман заявляет по поводу экономического учения Маркса, что «если его теория обнищания не пред-

⁵⁶ J. Robinson. An Essay on Marxian Economics. L., 1949, p. V.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Ibid., p. 4.

ставляется обоснованной, то теория концентрации и катастрофический тезис относительно трестов и становящихся все более тяжелыми мировых кризисов содержат часть истины, абсолютно неопровержимой»⁵⁹.

Один из видных представителей эконометрики, Э. Домар, писал: «Из отдельных школ экономической науки марксистская, я думаю, ближе всего подошла к развитию существенной теории экономического роста...»⁶⁰ Рассматривая проблему взаимоотношения между накоплением капитала и занятостью, Домар замечает: «В экономической литературе она дискутировалась много раз, наиболее выдающийся вклад принадлежит Марксу»⁶¹.

Профессор Оксфордского университета (выходец из Польши) М. Калецкий в своей известной работе «Очерки по теории экономических колебаний» писал, что «метод Маркса создает базис для анализа платежеспособного спроса и что академические экономисты благодаря своему пренебрежению к Марксу потеряли много времени для того, чтобы вновь открыть для себя эти истины»⁶².

Французский экономист М. Домарши предложил «восстановить, опираясь на новейшие достижения маржиналистской теории, работу, сделанную Марксом над классической теорией»⁶³.

Известный французский экономист Жан Маршаль выпустил книгу под названием «Два очерка о марксизме». В начале своей книги он прямо заявляет, что не разделяет марксизма как мировоззрения. «Речь идет не о том...», — пишет он, — «чтобы знать, является ли кто-либо марксистом или немарксистом, а о более простой вещи — о том, чтобы для исследователя, который не пытается стать марксистом, найти в доктрине ключ, который позволил бы преодолеть недостатки традиционной теории и лучше понять действительность»⁶⁴. Маршаль признает плодотворность метода Маркса, который рассматривал отношения не между вещами, а между социальными группами. Он считает метод Маркса необходимым при изучении проблемы распределения национального дохода. Маршаль подчеркивает, что при рассмотрении некоторых проблем «изучение марксизма может быть очень плодотворным»⁶⁵.

Американский экономист Дж. Саул писал: «Может быть, предсказания Маркса были ошибочными в смысле сроков, но не

⁵⁹ J. Akerman. Structures et cycles économiques, t. 1, P., 1955, p. 88.

⁶⁰ E. V. Domar. Essays in the Theory of Economic Growth. N. Y., 1957, p. 17.

⁶¹ Ibid., p. 43.

⁶² M. Kalecki. Essays on the Theory of Economic Fluctuations. L., 1939, p. 45.

⁶³ Цит. по G. Granger. Concept, structure et loi en science économique. P., 1955, p. 96.

⁶⁴ J. Marchal. Deux essais sur le marxisme. P., 1955, p. 11.

⁶⁵ Ibid., p. 13.

по существу. Возможно, что катастрофический крах капитализма будет иметь место когда-либо в будущем»⁶⁶.

Другой американский автор, Л. Роджин, отвергающий ряд важнейших положений Маркса о классах и пролетарской революции, вынужден, однако, признать, что «по центральному вопросу относительно способности капитализма достигнуть экономической стабильности, которая является, если не достаточным, то, во всяком случае, необходимым условием обеспечения социальной и политической стабильности и мира на земле, Маркс оказался прав в противоположность как социалистам-ревизионистам, так и либеральным реформаторам»⁶⁷.

Было бы, конечно, ошибочным переоценивать значение подобного рода высказываний. Дж. Робинсон, несомненно, переоценила интерес, который проявляют буржуазные экономисты к Марксу. Но она верно подметила, что буржуазные экономисты вынуждены ставить вопрос о перспективах развития капитализма. Иными словами, само развитие событий подвело буржуазных экономистов к вопросам, которые с такой широтой поставил и так гениально решил Маркс.

В тех случаях, когда буржуазные экономисты пытаются ближе подойти к объяснению экономических явлений, они нередко используют, хотя в извращенной форме, некоторые положения, выдвинутые Марксом. Так, многие буржуазные экономисты фактически исходят из деления общественного производства на производство средств производства и производство предметов потребления. Аналогичным образом буржуазные экономисты применяют положение о преимущественном росте первого подразделения, излагая это положение в виде «принципа акселерации». Некоторые буржуазные экономисты используют, опять-таки в извращенном виде, положения, выдвинутые марксистской политической экономией, о роли накопления, диспропорциях в процессе расширенного воспроизводства, о значении массового обновления основного капитала и т. д.

В этом отношении не лишено основания замечание американского экономиста У. Ростоу: «Автор убежден, что марксова схема взаимоотношения экономических, социальных и политических факторов оказала более глубокое влияние на западную академическую мысль, чем это признают большинство практиков»⁶⁸.

Другой американский экономист, Д. Хамберг, пытается представить Маркса в качестве «интеллектуального предшественника таких экономистов, как Туган-Барановский, Шумпетер, Робертсон и, наконец, Харрод, которые, якобы подобно Марксу, пыта-

лись доказать органическую связь между экономическим ростом и нестабильностью»⁶⁹.

Примерно такую же оценку дает Э. Жамс. Он пишет: «...Нам представляется, что марксистское мировоззрение частично затронуло экономистов, которые не являются ни коммунистами, ни даже социалистами. В частности, это находит свое проявление в том, как эти экономисты осуждают некоторые стороны капитализма или уделяют подчас большое внимание теории недопотребления, хотя в понимании этой теории они отличаются от Маркса»⁷⁰.

Это положение не ново. В свое время Энгельс в письме к А. Бебелю от 22 декабря 1882 г. писал по поводу катедер-социалистов, что они «питаются нашими отбросами».

Частичное использование в извращенной форме некоторых положений марксистской политической экономии, разумеется, ни в коей мере не ослабляет враждебности буржуазных экономистов к марксизму.

Дж. Робинсон заканчивает свою книгу, посвященную Марксу, следующими словами: «Если вообще есть какая-нибудь надежда на прогресс в политической экономии, она должна заключаться в применении академических методов (т. е. методов, разработанных буржуазными экономистами.— И. Б.) к решению вопросов, поставленных Марксом»⁷¹.

Для всякого марксиста очевидно, что задача, поставленная Робинсон, утопична и внутренне противоречива. Правильный ответ на вопросы, поставленные Марксом, может быть дан (да он уже дан Марксом, Энгельсом, Лениным и их последователями) только на основе научного метода, а таким методом является только метод диалектического материализма. Все дело в том, что буржуазных экономистов не устраивают, конечно, ответы, данные марксистско-ленинской политической экономией. На острые вопросы, которые выдвинуло современное развитие капитализма, они пытаются дать ответы, соответствующие интересам буржуазии, т. е. класса, обреченного историей на гибель, интересы которого противостоят потребностям развития производительных сил. Буржуазные экономисты, в силу своей классовой природы, не способны открыть подлинный закон экономического развития общества. Они строят искусственные теоретические схемы, которые призваны «опровергнуть» открытый марксистско-ленинской политической экономией закон движения капиталистического способа производства. Они не способны идти дальше использования некоторых положений Маркса, взятых вне связи с общим мировоззрением марксизма.

⁶⁹ D. Hamberg. Economic Growth and Instability. N. Y., 1956, p. 10.

⁷⁰ Э. Жамс. История экономической мысли XX века, стр. 426.

⁷¹ J. Robinson. An Essay on Marxian Economics, p. 115.

⁶⁶ G. Soule. Ideas of the Great Economists. N. Y., 1953, p. 93.

⁶⁷ L. Rogin. The Meaning and Validity of Economic Theory. N. Y., 1956, p. 404.

⁶⁸ W. W. Rostow. The Process of Economic Growth. Oxford, 1953, p. 9.

5. ОСОБЕННОСТИ КРИЗИСА БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Кризис буржуазной политической экономии получил отчетливое выражение в период между двумя мировыми войнами. В ведущих капиталистических странах — Англии и США — этот кризис обнаружился в 30-х годах в связи с мировым экономическим кризисом 1929—1933 гг. Важнейшие черты и особенности кризиса буржуазной политической экономии сохранили свою силу и для послевоенного периода. Но глубокие социально-экономические и политические изменения, последовавшие после второй мировой войны, придали некоторые новые особенности буржуазным экономическим теориям.

Важнейшим фактором, оказавшим влияние на эволюцию буржуазной идеологии в целом, буржуазных экономических теорий в частности, является изменение соотношения сил между капитализмом и социализмом в пользу последнего в результате значительного усиления СССР и образования мировой социалистической системы. Борьба с победоносно развивающимся коммунизмом стала важнейшим содержанием буржуазных теорий. В то же время продолжает усиливаться тенденция, наметившаяся еще на первом этапе общего кризиса капитализма, к сближению откровенно буржуазных и правосоциалистических партий. В результате все силы старого мира, включая и реакционных лидеров правых социалистов, выступили против коммунистического движения. Борьба против социализма, которая всегда была характерна для буржуазных апологетов, получила после победы Октябрьской революции совершенно конкретное выражение как борьба против СССР, а после второй мировой войны — также и как борьба против других социалистических стран.

В послевоенный период буржуазные авторы стали часто практиковать следующий прием: пытались заполнить и замаскировать глубочайшую пропасть, разделяющую капитализм и социализм, они в то же время стали искусственно конструировать мнимую пропасть между социализмом и коммунизмом. Они пытаются изобразить социализм и коммунизм, представляющие в действительности две стадии в развитии коммунистического общества, подчиняющиеся одним и тем же экономическим законам, как две совершенно различные или даже противоположные системы. Во всех этих измышлениях имеется только одна «логика» — стремление во что бы то ни стало опорочить коммунистическое строительство в глазах масс. Учитывая огромную популярность социалистических идей, буржуазные идеологи предприняли двойной идеологический маневр — они устанавливают наличие социализма там, где его нет и не может быть (в капиталистической экономике), и отрицают его существование там, где он только и может получить и получает свою реализацию (в странах социалистического лаге-

ря). Это нелепое *qui pro quo* демонстрирует те выкрутасы, к которым вынуждена прибегать современная буржуазная апологетика в своем стремлении показать, что она не враждебна социалистическим идеям.

Второй важнейший фактор, оказавший влияние на эволюцию буржуазной политической экономии в послевоенный период, — это изменение соотношения сил в капиталистическом мире в пользу США и усилившееся стремление американских монополий к мировому господству. Это стремление получило отчетливое выражение в многочисленных выступлениях государственных деятелей США. Оно наложило отпечаток на буржуазную экономическую литературу и даже на трактовку отдельных теоретических проблем. Так, проблема экономических кризисов перепроизводства рассматривается как проблема, непосредственно затрагивающая экономику США, а остальные капиталистические страны — лишь в той мере, в какой на них оказывают влияние процессы, происходящие в американской экономике. Антикризисные мероприятия многими авторами, в особенности американскими, трактуются не только как средство борьбы с внутренними трудностями, но и как средство обеспечения решающего влияния США на капиталистические страны. В известном сборнике «Политическая экономия американской внешней политики», в котором дано наиболее систематическое обоснование стремления американского империализма к мировому господству, успешная антикризисная политика объявляется важнейшим условием реализации экспансионистского курса внешней политики США. «До тех пор, пока правительство США не готово в случае необходимости выработать позитивную политику и программу, направленные к поддержанию желательного темпа экономического роста и уровня занятости, — читаем мы в этом сборнике, — до тех пор нет большой пользы в обсуждении внешней экономической политики, которую мы считаем необходимой для американской безопасности и безопасности всего остального несоветского мира»⁷². Характерной чертой американской буржуазной экономической литературы в послевоенный период является то, что важнейшие вопросы экономической политики — валютной, кредитной, налоговой, инвестиционной, внешнеторговой, экспорта капитала и т. д. — рассматриваются под углом зрения соответствия руководящей роли США в мировом капиталистическом хозяйстве. А в послевоенный период американские экономисты стали играть ведущую роль в мировой буржуазной экономической литературе.

Американский империализм стал на современном этапе главным вдохновителем «холодной войны», гонки вооружений и подготовки третьей мировой войны. Он в гигантских масштабах

⁷² «The Political Economy of American Foreign Policy. Its Concepts, Strategy and Limits». N. Y., 1955, pp. 14—15.

развернул пропаганду милитаризма, которая оказала значительное влияние на всю мировую буржуазную экономическую литературу. Буржуазные экономисты США и других капиталистических стран изощряются в восхвалении «преимуществ» военной экономики, якобы свободной от безработицы, кризисов, анархии производства и других проявлений противоречий капиталистической экономики. Из США распространяется теперь на весь капиталистический мир легенда о том, что усиленная гонка вооружений и милитаризация народного хозяйства представляют собой якобы наилучшее противоядие от экономических кризисов перепроизводства. Широкое распространение проповеди милитаризма является одной из важных черт буржуазной экономической литературы в послевоенный период.

На эволюции буржуазной политической экономии в послевоенный период не могли не сказаться факторы конъюнктурного характера. В частности, сказалось то обстоятельство, что в большинстве капиталистических стран с начала 50-х годов (до 1957—1958 гг.) установилась фаза промышленного подъема. В отличие от литературы 30-х годов и военного периода, когда преобладали настроения, сложившиеся под влиянием мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., депрессии особого рода, кризиса 1937—1938 гг., литература 50-х годов в капиталистических странах, в особенности в США, в значительно большей мере проникнута духом оптимизма. Буржуазные экономисты изощряются в распространении веры о том, что капитализму якобы удалось создать механизм, способный предупреждать наступление глубоких экономических кризисов типа кризиса 1929—1933 гг.

В отличие от 30-х годов в работах современных буржуазных экономистов уделяется значительно большее внимание обоснованию различных антиинфляционных программ. Это связано с большим развитием инфляционных процессов во время второй мировой войны и в послевоенный период.

На рассмотрении буржуазных антикризисных и антиинфляционных программ мы остановимся ниже, в главе 5. Здесь мы хотели бы отметить весьма важную особенность экономической литературы в послевоенный период, непосредственно связанную с кризисом буржуазной политической экономии. Обычно, как мы видели, призывы к государственному вмешательству в экономику усиливаются в фазе экономических кризисов и депрессий, когда капиталистическая экономика переживает большие трудности. В фазе оживления и подъема в буржуазной литературе, напротив, преобладает критика государственного регулирования экономики и усиленно распространяется проповедь экономической политики, основанной на принципах *laissez faire*. Так обстояло дело в прошлом, и в частности в 20-х годах текущего столетия, когда в некоторых странах (например, в США) наблюдался промышленный подъем. Своеобразие послевоенного периода состоит в том, что, несмотря

на наличие довольно значительного и продолжительного промышленного подъема, идеи «регулируемого капитализма» по-прежнему продолжали господствовать в буржуазном мире. Это непосредственно связано с тем, что послевоенный подъем развивался в значительной мере на непрочной базе гонки вооружений и других искусственных факторов. Такого рода подъем не мог укрепить веру в действие внутренних сил капитализма. Не случайно буржуазные экономисты связывают некоторое оживление капиталистического производства после войны прежде всего с мероприятиями экономической политики.

Большинство современных буржуазных экономистов объявляет громадный рост правительственного спроса решающим фактором, определяющим конъюнктуру. Таким образом оптимизм современной буржуазной политической экономии опирается на веру в чудотворное воздействие раздувания государственного бюджета, неразрывно связанного с усилением налогового пресса, форсированным инфляционными процессами, гонкой вооружений и милитаризацией народного хозяйства. Самый оптимизм современных экономистов покоится на весьма несимпатичных представлениях о действии экономических законов капитализма, но связан с восхвалением внеэкономического фактора, причем такого фактора, который в свою очередь тесно связан с подготовкой войны.

Отмеченная особенность экономической литературы в послевоенные годы свидетельствует об определенной эволюции буржуазных взглядов. Различие в господствующей буржуазной идеологии 20-х и 50-х годов находит свое выражение в высказываниях виднейших государственных деятелей.

Экономические отчеты президента США отражают общую тенденцию, характеризующую современную буржуазную политическую экономию, — отход от доктрины *laissez faire* и признание особой ответственности правительства в деле борьбы с кризисами, безработицей и инфляцией. Эта тенденция нашла свое отражение в изменении соотношения между различными направлениями в буржуазной политической экономии. Типичными для периода общего кризиса капитализма являются теории, выступающие в защиту «регулируемого капитализма». Наиболее известным вариантом этих теорий является кейнсианская теория. Не все сторонники теории «регулирования» капиталистической экономики примыкают к кейнсианской аргументации и терминологии. Но в том или ином виде теории «регулируемого капитализма», получившие широкое распространение еще в 30-х годах, стали господствующими в буржуазной литературе после второй мировой войны. Подавляющее большинство буржуазных экономистов выступает за те или иные формы государственного «регулирования» капиталистической экономики. Разногласия разворачиваются по вопросу о масштабах и формах этого «регулирования». Этот факт вынужденны признать многие буржуазные экономисты. Например,

проф. А. Бэрнс, бывший руководитель экономических советников при президенте США, писал: «Вопрос о том, должно ли правительство играть определенную роль в деле поддержания высокого уровня экономической активности, сегодня не является уже объектом серьезных споров. Представители самых различных социальных групп и наших обеих политических партий теперь согласны с тем, что нельзя позволять экономическим штормам инфляции и депрессии без помех оказывать свое разрушающее действие. Теперь мы спорим не о необходимости регулирования экономических циклов, а скорее о характере действий правительства, их сроках и масштабах»⁷³. Примерно такую же оценку разногласий по вопросу о государственном регулировании экономики дает американский буржуазный экономист Дж. Голбрейс⁷⁴.

Изменение конъюнктуры в современных условиях оказывает влияние не столько на масштабы распространения идей «регулируемого капитализма», сколько на конкретные формы предлагаемых методов регулирования экономики. Для выяснения этих различий можно использовать терминологию, предложенную американским экономистом Л. Лорвином, который различает «две концепции плана» — «институциональную» и «оперативную». Под различными концепциями плана Лорвин фактически имеет в виду различные методы воздействия буржуазного государства на экономику. «Институциональная концепция плана» на языке Лорвина означает воздействие государства при помощи различных мероприятий экономической политики (валютной, кредитной, налоговой и т. д.), без непосредственного вмешательства в деятельность отдельных предприятий и объединений. Суть этой концепции в том, что государство при помощи увеличения или сокращения эмиссии бумажных денег, изменения учетных ставок процента, повышения или снижения налогов и других мероприятий экономической политики может направлять деятельность предприятий, стимулировать расширение или сокращение выпуска продукции, инвестиций капиталов и т. д. «Оперативная концепция плана» наряду с этими методами косвенного воздействия на предприятия включает и непосредственное вмешательство в деятельность предприятий путем установления обязательных цен, распределения дефицитных видов сырья, закрепления рабочих за предприятиями, принудительного картелирования и концентрации производства и т. д.⁷⁵

Буржуазное государство прибегает к методам «оперативного планирования» в особых, исключительных случаях, например во

⁷³ A. Burns. From Ike's Business Adviser: the Recession is Ended. «United States News and World Report». October 29, 1954. p. 43.

⁷⁴ J. K. Galbraith. Economics and the Art of Controversy. New Jersey, 1955. p. 73.

⁷⁵ Подробнее об этом см. Л. Альтер. Крушение теории «планового капитализма». М., Госполитиздат, 1954.

время глубокого кризиса, когда многим предприятиям угрожает банкротство, или во время войны, когда значительно повышаются требования к определенной группе предприятий. Монополистический капитал предпочитает косвенные методы регулирования, которые укладываются в «институциональную концепцию плана». Весьма симптоматично то, что американские монополии в 1935 г. добились отмены наиболее жестких методов регулирования, введенных Ф. Рузвельтом в 1933 г., в частности так называемых «кодексов честной конкуренции», которые во время кризиса держали в узде конкурентов, пытавшихся сбыть товары путем понижения цен, и которые стали неудобными для монополий после того, как улучшилась конъюнктура.

Особенность послевоенного регулирования (за исключением отдельных отрезков времени, например, во время корейской войны) состоит в том, что в силу благоприятной конъюнктуры методы «институционального планирования» играют большую роль, чем методы «оперативного планирования».

6. КРИТИКА БУРЖУАЗНЫХ ТРАКТОВОК КРИЗИСА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Буржуазные экономисты стали обсуждать вопрос о кризисе политической экономии еще с 20-х годов текущего столетия. Интерес к этой проблеме появился вначале в Германии, затем — в Англии и США и, наконец, — во Франции.

В Германии уже в 20-х годах был опубликован ряд специальных монографий, посвященных вопросу о кризисе политической экономии. Таковы монографии А. Гюнтера⁷⁶, Л. Поле⁷⁷, Р. Штольцмана⁷⁸, О. Шпанна⁷⁹. В немецкой буржуазной литературе в тот период усиленно распространялись жалобы о разброде, царящем в экономической науке, о неспособности последней решать новые проблемы, вызванные жизнью. Такие жалобы, хотя и реже, раздавались в немецкой литературе и в 30-х годах. Так, Х. Вагенфюр, характеризуя состояние буржуазной политической экономии, писал в 1933 г.: «Не существует никакой единой системы над усовершенствованием которой велась бы постоянная работа. Не может быть и речи о том, чтобы исследовать действительность (или правильность) ограниченного числа систем (как в математических и естественных науках); в действительности друг другу

⁷⁶ A. Günther. Krisis der Wirtschaft und der Wirtschaftswissenschaft. Dresden, 1921.

⁷⁷ L. Pohle. Die gegenwärtige Krisis in der deutschen Volkswirtschaftslehre. Betrachtung über das Verhältnis zwischen Politik und nationalökonomischen Wissenschaft. Leipzig, 1921.

⁷⁸ R. Stolzmann. Die Krisis in der heutigen Nationalökonomie. Jena, 1925.

⁷⁹ O. Spann. Die Krisis in der Volkswirtschaftslehre. München und Leipzig, 1930.

противостоит большое число политикоэкономических систем, в большинстве своем никак не связанных друг с другом»⁸⁰. Ваген-Фюр в конечном счете приходит к весьма неутешительной оценке политической экономии — в последней, по его словам, царит «хаос произвольных мнений»⁸¹.

В таких же примерно тонах охарактеризовал состояние буржуазной политической экономии немецкий экономист Шахтнабель в 1940 г. Он также употребил выражение «хаос». Он писал, что политическая экономия представляет собой «хаотическое состояние лишенной какого-либо единства экономической науки»⁸². Шахтнабель особенно подчеркивал то обстоятельство, что буржуазная политическая экономия застыла в традиционных представлениях, порожденных в прошлом столетии, и что она неспособна давать ответы на актуальные вопросы современности. «Экономическая наука, — жаловался он, не доглядела необходимости приспособить себя к новым хозяйственным отношениям»⁸³.

Жалобы подобного рода встречаются весьма часто в английской экономической литературе в 30-х годах. Весьма характерна для настроений английских экономистов вступительная лекция по политической экономии в Лондонском университете А. Юнга, опубликованная в 1928 г. Мир, утверждал он в своей лекции, выдвигает перед экономистами больше вопросов, чем когда бы то ни было, и ставит их все более настойчиво. На старые вопросы экономисты, по словам Юнга, могут еще с грехом пополам найти ответ. Что же касается новых вопросов, то в этой области экономист чувствует себя не на много сильнее, чем неэкономист⁸⁴.

Наиболее подробно различные жалобы на политическую экономию в буржуазной литературе были систематизированы в книге английской писательницы Б. Уоттон «Жалоба на экономическую науку», опубликованной в 1937 г. Уоттон отмечала пять обвинений, выдвинутых в литературе против политической экономии: во-первых, она бесполезна для практиков; во-вторых, недоступна для специалистов; в-третьих, среди экономистов нет единодушия в решении основных вопросов; в-четвертых, экономисты игнорируют реальную действительность и анализируют гипотетические схемы; в-пятых, они занимаются апологией существующего строя. Рассмотрев эти обвинения, Уоттон задает вопрос, можно ли политическую экономию рассматривать как науку; при этом она обходит молчанием наличие подлинно научной марксистско-ленинской политической экономии. Вывод, который делает Уоттон, весьма не-

⁸⁰ H. W a g e n f ü h r. Der Systemgedanke in Nationalökonomie. Eine methodologische Betrachtung. Jena, 1933, S. 218.

⁸¹ Ibid., S. 220.

⁸² H. G. S c h a c h t t s s c h a b e l. Ein System der Wirtschaftslehre. Jena, 1940, S. 21.

⁸³ Ibid., S. 20.

⁸⁴ A. J o u n g. English Political Economy. «Economica», March 1928, p. 1.

утешителен: экономисты, которых подозревают в шарлатанстве, не имеют права претендовать на почетный титул ученых, для таких претензий требуется достаточное обоснование⁸⁵. Нет нужды добавлять, что современные буржуазные экономисты меньше всего способны дать подобное обоснование.

Уоттонронически писала, что с точки зрения самой кембриджской школы, с точки зрения ее теории цены и рыночного равновесия труд, затраченный на разработку экономической теории, является трудом, весьма нерационально затраченным, ибо рынок крайне равнодушен к услугам профессиональных экономистов и предъявляет очень незначительный спрос на эти услуги⁸⁶.

Книга Уоттон вызвала в свое время много откликов в английской литературе. Некоторые рецензенты высказали опасение, что подобные работы могут дискредитировать авторитет ученых экономистов среди читающей публики. В этом отношении характерна была рецензия Л. Фрезера, опубликованная в «Экономик джорнале» в 1938 г. Фрезер предлагал заключить договор между экономистами и их «критиками». Хотя текст этого договора написан в юмористических тонах, но он дает некоторое представление о настроениях, наблюдающихся среди английских буржуазных экономистов. Тайная цель договора, предлагаемого Фрезером, выражена в седьмом пункте, который гласит: «Обе стороны обязаны дискутировать таким путем, чтобы не уронить положение политической экономии в глазах читающей публики»⁸⁷.

Характерно для этого периода появление специальной работы Дж. Робинсон под таким заголовком: «Экономическая наука — серьезный предмет».

После второй мировой войны тема о кризисе политической экономии стала особенно оживленно обсуждаться во французской экономической литературе. А. Дени отмечает, что во Франции жалобы на политическую экономию выражены в значительно более резкой форме, нежели в англосаксонских странах⁸⁸. Критика, направленная в адрес буржуазной политической экономии, идет как со стороны профессиональных теоретиков-экономистов, так и со стороны администраторов, инженеров, вообще людей практики.

Для позиции многих французских экономистов характерен следующий диалог, приводимый в книге французского буржуазного экономиста Л. Саллерона:

«— Есть ли это конец либеральной экономики?

— Да.

— Есть ли это конец политической экономии?

⁸⁵ B. W o t t o n. Lament for Economics. L., 1937, p. 111.

⁸⁶ Ibid., p. 179.

⁸⁷ L. F r a s e r. Economists and Theory Critics. «Economic Journal», April 1938, p. 209.

⁸⁸ H. D e n i s. La crise de la pensée économique, p. 6.

— Также да»⁸⁹.

Известный французский экономист Ж. Фурастье писал: «Цель настоящей статьи в том, чтобы осознать ту неудачу, которую потерпели экономические исследования в том виде, как они проводились до наших дней»⁹⁰.

То обстоятельство, что с утверждениями о кризисе политической экономии первоначально выступили немецкие, затем английские и американские, а еще позже — французские буржуазные экономисты, не представляет особых трудностей для своего объяснения. В Германии, потерпевшей поражение после первой мировой войны и испытавшей на себе тяжесть Версальского договора, раньше всего обнаружился социальный и политический кризис капитализма. Неудивительно, что потребность в перестройке буржуазной политической экономии выявилась раньше всего там. 30-е годы были критическими годами для Англии и США, испытавших на себе особенно сильное давление мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. В эти годы в Англии и США резко усилилось недовольство старыми вульгарными теориями и обнаружился поиск нового решения экономических проблем. В этой связи участились жалобы в литературе на традиционные экономические теории, известные там под неправильно употребляемым термином «классическая школа». Во Франции все эти процессы выявились позже, в частности государственно-монополистический капитализм получил заметное развитие только после второй мировой войны (более подробно на специфических условиях развития экономики отдельных стран мы остановимся в гл. 7). Общий вывод по данному вопросу сводится к тому, что последовательность, в которой наибольшая острота экономических и политических противоречий перемещалась из одной страны в другую, определяла и то, в какой стране преимущественно обсуждалась и разрабатывалась тема о кризисе политической экономии.

Хотя по этому вопросу имеется очень много высказываний в буржуазной литературе, но тем не менее в этой литературе нет четкого определения кризиса политической экономии. Высказывания буржуазных экономистов по данной проблеме скорее носят характер отдельных lamentаций, чем научного анализа разных сторон и элементов этого кризиса. Если попытаться разобраться в различных упреках, которые бросают в адрес политической экономии, то можно выделить два главных момента: а) жалобу на усилившийся разброд среди экономистов и б) упрек в том, что политическая экономия оторвалась от изучения современной действительности, что она находится в плену у старых догм и поэтому неспособна дать ответ на актуальные практические проблемы сегодняшнего дня. Решающим моментом является второй, он обус-

ловливает и усиливающийся разброд среди буржуазных экономистов. Неудовлетворенность современным состоянием буржуазной политической экономии с точки зрения возможности практического использования экономических теорий для решения новых вопросов (например, о значении государственного вмешательства в экономику, о характере и формах влияния монополий и т. д.) составляет важнейший лейтмотив в литературе, посвященной данной проблеме.

Этот мотив звучит у экономистов различных направлений в работах, посвященных самым различным вопросам. Так, немецкий буржуазный экономист Альфред Краузе констатирует разрыв между экономической теорией и хозяйственной практикой. «Государственное вмешательство и государственное руководство, — пишет он, — на протяжении последнего полувека становились все более значительными, между тем теория рассматривала государственное вмешательство как исключение, как нападение на либеральное хозяйство и к тому же часто зло критиковала его, так что образовалась растущая пропасть между теорией и хозяйственной политикой»⁹¹.

Американский экономист Сидней Шеффлер в книге, посвященной характерное название «Недостатки экономической науки — диагностическое исследование», подчеркивает прежде всего провал подавляющего большинства прогнозов, которые делали экономисты. Современная экономическая наука, пишет он, не располагает еще данными для того, чтобы делать выводы относительно будущего. Шеффлер дает весьма резкую оценку экономической науки. «Кажется, что «экономическая наука» имеет весьма странную характеристику: всякий раз, когда она «экономическая», она не является «наукой»; когда она «наука», она не является «экономической», и зачастую она не является ни тем, ни другим»⁹².

Американский экономист Дж. Джукис использует тот же аргумент. Экономическая наука, по его мнению, не обладает в настоящее время достаточным количеством знаний, чтобы на их основе можно было бы делать верные предсказания. Он далее отмечает, что в последнее время авторитет экономистов сильно снизился в связи с тем, что они не могут дать ответа на многие вопросы. «Например, — пишет он, — если мы заинтересуемся оптимальным распределением экономических ресурсов не в данный момент, а на протяжении определенного периода, то спрашивается, какая часть наших ресурсов должна быть выделена непосредственно на процесс усовершенствований? Должна ли экономическая теория вообще сказать нам что-либо относительно правильного уровня инвестиций в промышленные или научные исследования или хотя

⁹¹ A. Krause. Wo steht die Nationalökonomie heute? München, 1951, S. 24.

⁹² S. Schaeffler. The Failures of Economics: a Diagnostic Study. Cambr., 1955, p. 154.

⁸⁹ L. Salleron. L'économie libérale. Fayard, 1949, p. 15.

⁹⁰ J. Fourastié. Les nouveaux courants de la pensée économique. «Annales», janvier — mars 1949, p. 53.

бы относительно правильной пропорции между ними? Существуют ли темпы экономического развития, которые сами по себе обеспечивают больший уровень экономической стабильности, чем другие? Нужно только поставить эти вопросы, чтобы показать, как мало мы знаем о них и насколько трудно будет даже теоретизировать по их поводу»⁹³.

Опираясь на подобного рода высказывания, весьма часто встречающиеся в буржуазной литературе, мы можем сделать следующий вывод. Буржуазные экономисты сводят кризис политической экономии к кризису старых теорий, которые не отвечают новым практическим потребностям. С этой точки зрения кризис буржуазной политической экономии означает только потребность в новой ее перестройке, отражая поиски новых теорий, которые могли бы разрешить назревшие вопросы. Согласно этому представлению, кризис буржуазной политической экономии означает только переход от одного ее этапа к другому, т. е. имеет временный характер.

При такой трактовке нетрудно прийти к выводу, что кризис буржуазной политической экономии есть симптом прогрессивного развития экономической мысли. Такой вывод делают некоторые буржуазные экономисты. Так, например, французский экономист Андре Маршал характеризует этот кризис как «кризис роста». «Это, — пишет он, — скорее обновление, являющееся определенным признаком жизненности, проявление «кризиса роста», если хотите, поворота экономической мысли... Это критический период, когда все, даже те, кто, казалось бы, не вызывают сомнения, объединились под знаком вопроса»⁹⁴. Другие буржуазные авторы идут еще дальше, утверждая, что «трудности экономической науки свидетельствуют не о кризисе зрелости, а о болезнях детства»⁹⁵. А третьи пытаются установить в истории экономических учений нечто вроде цикла со сменой *laissez faire* и государственного регулирования экономики, усматривая в кризисе буржуазной политической экономии нечто вроде перехода от одного цикла к другому.

Так, американский экономист Л. Хени изображает дело так, что в истории экономических учений циклически возрождаются идеи об обусловленности экономических законов государственным и правовым фактором и что современные буржуазные концепции представляют собой не что иное, как возрождение меркантилистических представлений. Так, Хени пишет: «В настоящее время мир — свидетель возрождения меркантилизма, который в некоторых отношениях может рассматриваться как реакция против неоклассицизма. Безудержный патернализм, индивидуумы представ-

лены на милость своих правительств, национализм является лозунгом момента. Господствуют даже экономические идеи меркантилистов, в частности меркантилистические идеи о денежном обращении и балансе торговли. Торговые компании XVI и XVII столетий были как бы повторены в виде корпораций, поощряемых правительствами к развитию экспортной торговли; объединения бизнесменов в каждой отрасли могут быть поставлены в один ряд с гильдиями и рабочие организации также принимают все в большей мере гильдийский характер»⁹⁶.

Подобного рода аналогии имеют чисто формальный и поверхностный характер. Существует громадная разница между мероприятиями по укреплению капиталистической промышленности в период первоначального накопления капитала и политикой обогащения монополий за счет государственного бюджета в период империализма. Мероприятия первого рода объективно выполняли прогрессивную роль; мероприятия второго рода имеют глубоко реакционный характер. Различие между ними такое же, как между приходящим на смену феодализма капитализмом в стадии его становления, развивающимся в целом по восходящей линии, и современным загнивающим, умирающим капитализмом в его империалистической стадии, развивающимся по нисходящей линии.

Характерной особенностью буржуазных трактовок современного состояния политической экономии является сочетание утверждений о наличии кризиса в экономической науке с шумной рекламой о минимой революции в области этой науки. Высказывания об этой «революции» связаны больше всего с восхвалением «достижений» кейнсианства, и обычно буржуазные экономисты пишут о «кейнсианской революции» (более подробно на этом вопросе мы остановимся в гл. 7). На первый взгляд существует противоречие между высказываниями о кризисе и о революции в буржуазной экономической науке. Одни высказывания подчеркивают ее слабость, другие — ее силу. Одни высказывания проникнуты пессимизмом, другие имеют резко выраженный оптимистический характер. Но эти внешне столь различные высказывания нетрудно примирить. Буржуазная трактовка кризиса политической экономии дает для этого достаточные основания. Если сводить кризис к потребности в очередной ее перестройке, то легко прийти к выводу, что вслед за выявлением такой потребности должна наступить очередная перестройка, которая и выдается за искомую «революцию». При такой трактовке кризис и революция в политической экономии выступают как два этапа одного и того же процесса ее перестройки, как начало и завершение этого процесса.

Буржуазная трактовка кризиса политической экономии должна быть признана совершенно неправильной.

⁹³ J. Jewkes. The Economist and Economic Change. «Economics and Public Policy. Brookings Lectures». Wash., 1954, p. 90—91.

⁹⁴ A. Marchal. La pensée économique en France depuis 1945. P., 1953, p. 5.

⁹⁵ H. Ardant. Les crises économiques. P., 1948, p. 200.

⁹⁶ L. H. Haney. History of Economic Thought. N. Y., 1949, p. 942.

Коренной порок этой трактовки состоит в игнорировании связи между идеологическим кризисом и кризисом самой капиталистической системы. Кризис буржуазной политической экономии есть отражение кризисного состояния самого капитализма, которое выдвигает перед буржуазными идеологами совершенно новую задачу — спасения обреченной историей на слом капиталистического строя. Эта задача по самой своей природе неразрешима. Никакая перестройка буржуазной политической экономии не в состоянии ее решить. Поэтому не может быть выхода из этого идеологического кризиса, ибо это не «кризис роста», как ошибочно утверждает А. Маршалл, а кризис гниения и упадка буржуазной экономической мысли. Поэтому нет никаких оснований для сравнения и отождествления этого поворота с переходом буржуазной экономической мысли от меркантилизма к классической политической экономии. Та перестройка имела прогрессивный смысл, она вооружила буржуазию новой, более научной идеологией и способствовала практическому решению новых задач, вставших перед капитализмом. Современная перестройка буржуазной политической экономии имеет реакционный смысл и ставит своей целью затормозить исторически неизбежное движение человечества к новому, более прогрессивному общественно-экономическому строю.

Некоторые буржуазные экономисты видят выход из кризиса политической экономии в большом развитии за последние десятилетия экономической литературы, посвященной прикладным вопросам экономики, в широком применении математики к экономическому анализу, в появлении и распространении эконометрического направления и т. д. Вслед за идеологами современного капитализма восторженные оценки «достижений» современных буржуазных экономистов подхвачены и некоторыми ревизионистами⁹⁷. Претензии буржуазных экономистов в этом направлении будут более подробно рассмотрены в главе 9 настоящей книги. Здесь мы хотели бы отметить, что буржуазные экономисты пытаются опереться на некоторые особенности эволюции современной буржуазной политической экономии, но они дают совершенно неверное толкование этих особенностей.

Кризис буржуазной политической экономии проявляется в противоречивых формах. В частности, этот кризис не только не исключает, а, наоборот, сопровождается усилением активности буржуазных экономистов. Признание опасности, угрожающей капиталистическому миру, повысило интерес к экономической теории и вызвало усиленный поток всякого рода проектных работ, предлагающих различного рода рецепты лечения и спасения больной капиталистической экономики. В этой лихора-

⁹⁷ См. об этом подробнее И. Блюмин, И. Дворкин. Современная буржуазная политическая экономия и ревизионизм. «Мировая экономика и международные отношения», 1957, № 1.

дочной деятельности буржуазных экономистов нет ничего парадоксального. Пока основным принципом экономической политики признавался принцип *laissez faire*, буржуазная политическая экономия выполняла в основном пропагандистские функции. Она не могла тогда заниматься разработкой практических мероприятий государства в экономической жизни, поскольку осуществление принципа *laissez faire* фактически сводило на нет значение активной экономической политики. В тех условиях буржуазные экономисты могли ограничить себя воспеванием преимуществ капиталистического механизма. В такой исторической обстановке могло возникнуть представление о том, что учение об экономической политике не связано непосредственно с политической экономией. Родоначальником этого представления был не кто иной, как один из основоположников вульгарной политической экономии Ж.-Б. Сэй.

Правда, и в условиях домонополистического капитализма буржуазные экономисты не могли полностью абстрагироваться от вопросов экономической политики, в частности от вопросов таможенной или денежно-кредитной политики. Но эти вопросы играли подчиненную роль. Они, как правило, не брались во внимание при трактовке коренных вопросов экономической теории.

Вынужденное признание кризисного состояния капитализма выдвинуло перед буржуазными экономистами, наряду с пропагандистскими задачами, и задачи, имеющие практический характер. Наряду с задачей оправдания капитализма перед буржуазными экономистами встала задача спасения его. Восхваление чисто автоматического действия рыночных законов уже не могло удовлетворять буржуазию. Она стала требовать от своих ученых лакеев уже не пассивного любования игрой спроса и предложения на рынке; она стала требовать «планов», проектов активного вмешательства в хозяйственную жизнь для проведения антикризисной, антиинфляционной политики и т. д. Под влиянием этих причин изменилось традиционное представление о взаимоотношении между политической экономией и экономической политикой. Последняя стала занимать не только все более крупное место в работах буржуазных экономистов, но обоснование тех или иных мероприятий экономической политики стало одной из важнейших задач буржуазных работ по общим вопросам политической экономии.

Правда, и в настоящее время некоторые буржуазные авторы защищают старое представление о независимости экономической политики от политической экономии. Но это делается преимущественно с целью продемонстрировать мнимое научное беспристрастие, абстрагирование от всяких практических выводов, связанных с теоретическими положениями, короче говоря — чтобы скрыть апологетику. В качестве примера можно сослаться на итальянского буржуазного экономиста Луиджи Эйауди (бывшего президента Италии), который призывает экономистов к тому, чтобы они

оставались «чистыми эстетам»⁹⁸. «Исследователь хозяйства, — изрекает он, — не знает и не должен знать и не должен отягощать себя сознанием, что его мысли, его теоремы, его схемы, его инструменты исследования служат или должны служить отдельным лицам или многим, одному единственному или всем или никому»⁹⁹. Эйнауди подчеркивает, что политическая экономия не должна и не в состоянии давать каких-либо советов государственным деятелям. Пожалуй, в наиболее резкой форме это традиционное представление выражено у английского буржуазного экономиста Гарри Джонсона, который писал, что благодаря своей тенденции к упрощению анализа экономическая теория в известных случаях «скорее служит препятствием, чем помощью» для экономической политики¹⁰⁰.

Но как бы глубоко ни укоренилось это традиционное представление, используемое для маскировки практических задач, стоящих перед буржуазными экономистами, оно начинает подтачиваться в связи с отказом от политики *laissez faire*. Пока экономисты ограничивались пропагандистской деятельностью, их роль была незначительной. Но по мере того, как они стали вовлекаться в разработку практических программ укрепления капиталистической экономики, их роль значительно повысилась. Буржуазные экономисты неоднократно отмечали, что в современном мире роль экономической науки значительно повысилась по сравнению с условиями, когда господствовала политика *laissez faire*¹⁰¹.

Причины этому следует искать в социально-экономических процессах, протекающих в период общего кризиса капитализма, и прежде всего в значительном усилении вмешательства буржуазного государства в сферу экономики, а также в дальнейшем возрастании роли монополий и в обострении конкурентной борьбы между ними.

В связи с этими процессами в капиталистических странах возрастает государственный аппарат и непрерывно растет сеть различных правительственных учреждений, ведающих разнообразными экономическими вопросами. Параллельно крупные монополии расширяют размах работы по изучению конъюнктуры. Одновременно резко усиливается спрос на статистику. В этих условиях правительственные органы, а также крупнейшие монополии начали в значительно больших масштабах, нежели раньше, приглашать видных буржуазных экономистов в качестве консультантов, экспертов и т. д. Неудивительно, что в биографиях виднейших со-

⁹⁸ L. Einaudi. *Wirtschaftswissenschaft und Wirtschaftswissenschaftler von heute*. «Zeitschrift für Nationalökonomie», Bd. XIV, H. 2—4, S. 196.

⁹⁹ Ibid., S. 197.

¹⁰⁰ H. G. Johnson. *The Taxonomic Approach to Economic Policy*. «Economic Journal», Decembre 1951, p. 327.

¹⁰¹ См., напр., G. Soule. *Ideas of the Great Economists*, p. 213; A. Hansen. *The American Economy*. N. Y., 1957, p. 175.

временных буржуазных экономистов мы очень часто встречаем упоминания о тех органах, учреждениях, фирмах, в которых они сотрудничали. Современным буржуазным экономистам приходится в большей мере заниматься практическими вопросами, нежели старым экономистам.

В буржуазной литературе все чаще начинает пропагандироваться тезис об ответственности экономистов за судьбы капитализма. В случае победы социализма или коммунизма, заявляет австралийский экономист Г. Браун, ответственность за это будут нести экономисты-теоретики¹⁰². Буржуазные авторы призывают к устранению существующей «отчужденности» между политической экономией и экономической политикой. Все чаще встречаются высказывания о том, что политическая экономия прежде всего преследует практические задачи, что она напоминает медицину и, как последняя, ставит своей непосредственной целью излечение болезней (в данном случае социальных). «Экономист, специализировавшийся в области разработки экономической политики, — пишет Сидней Шеффлер, — должен быть «экономическим врачом» в буквальном смысле этого слова. Он должен выполнять различные функции, которые медицинский врач выполняет в отношении своих пациентов»¹⁰³.

Какое влияние на эволюцию буржуазной политической экономии оказывает тот факт, что она наряду с пропагандистскими задачами вынуждена все в большей мере ставить и прикладные задачи? Не оказал ли этот поворот в сторону практических целей некоторого положительного влияния на буржуазную экономическую мысль?

При рассмотрении этой проблемы необходимо выделить тройкого рода вопросы.

Во-первых, буржуазные экономисты пытаются ответить на коренной вопрос о судьбах капитализма. Они пытаются создать программу спасения и укрепления капитализма.

Практика в этой области, которую пытаются разработать и теоретически оправдать буржуазные экономисты, порочна. Она строится на отрицании исторической обреченности капиталистического способа производства. Она проникнута духом реакционного утопизма — стремлением укрепить отжившие производственные отношения, превратившиеся в тормоз для развития производительных сил.

Такого рода порочная практика не может оплодотворять экономическую науку.

Некоторые авторы рисуют дело так, что буржуазные экономисты ставят своей целью лишь отсрочить гибель капитализма и что в этом направлении они добились не только практических, но и

¹⁰² H. G. Brown. *Academic Freedom and Defence of Capitalism*. «American Journal of Economics and Sociology», January 1956, p. 180.

¹⁰³ S. Schaeffler. *The Failures of Economics: a Diagnostic Study*, p. 161.

теоретических успехов. Так, польский автор С. Журавичский пишет: «Так же как врач, бессильный победить смерть, может в случае раннего и удачного диагноза отсрочить ее, современный буржуазный экономист направляет свое внимание на возможно более тщательное изучение механизма капиталистического хозяйства, чтобы по возможности вовремя заменить непригодные колесики. Этим, по-моему, объясняется ряд достижений в использовании математики для анализа экономических явлений»¹⁰⁴. Журавичский исходит из совершенно неверного представления о том, что большинство буржуазных экономистов убеждено в неизбежности крушения капитализма и что они хотят только оттянуть это крушение. «Буржуазные экономисты, — пишет он, — ищут реальный выход (из кризиса капиталистической системы. — И. Б.), хотя большинство из них отдаст себе отчет в том, что возможны только паллиативы на короткий срок *in short run*»¹⁰⁵. Не приходится доказывать, что это представление очень далеко от действительности. Некоторые буржуазные экономисты признают *возможность* гибели капитализма, но нет таких буржуазных экономистов, которые признавали бы *неизбежность* этой гибели. Для буржуазных экономистов исключена та постановка вопроса о судьбах капитализма, которую пытается навязать им Журавичский, совершенно не учитывающий влияния на идеологию классовых интересов буржуазии.

Это влияние особенно ярко проявляется в неспособности буржуазных экономистов давать научный прогноз исторического развития. Некоторые буржуазные авторы вообще отрицают возможность научного прогноза в условиях капитализма, например Джон Голбрейс, ссылавшийся на «неопределенность, которая внутренне присуща капитализму»¹⁰⁶. В частности, некоторые авторы отрицают возможность научного прогноза конъюнктуры. Такая точка зрения защищалась на конференции университетов и национального бюро экономических исследований США. Там было заявлено, что требуется еще длительный путь, пока будет достигнута эра научного предсказания¹⁰⁷. Другие сводят вопрос об экономическом прогнозе в основном к предсказанию тенденций технического развития. Например, известный французский экономист Ж. Фурастье в специальной работе, посвященной проблеме экономического прогноза, пишет: «Экономическое предвидение на длительный срок должно опираться на предварительное предвидение такого основного фактора, как технический прогресс»¹⁰⁸.

¹⁰⁴ S. Żurawicki. Na marginesie «Szkiców współczesnej burżuazyjnej ekonomii politycznej USA» I. G. Blumina. «Economista», 1956, nr. 6, str. 179.

¹⁰⁵ Ibidem.

¹⁰⁶ J. K. Galbraith. Economics and the Art of Controversy, p. 70.

¹⁰⁷ «Policies to Combat Depression. A Conference of the Universities — National Bureau Committee for Economic Research». Princetion, 1956, p. 51.

¹⁰⁸ J. Fourastié. La prévision économique et la direction des entreprises. P., 1955, p. 41.

Буржуазные экономисты или занимают нигилистические позиции в вопросе об экономическом прогнозе, или становятся на позиции голого техницизма, сводя все к техническим тенденциям развития, игнорируя противоречия между развитием производительных сил и капиталистическими производственными отношениями. Буржуазные экономисты не могут дать правильный прогноз в отношении судьбы капитализма, не сбросив с себя, по выражению Маркса, буржуазной кожи, не изменив интересам своего класса.

Нет и не может быть научно обоснованной практики, которая не опиралась бы на правильный прогноз экономического развития. Неспособность буржуазных экономистов к правильному прогнозу капиталистического развития лишает их возможности давать научно обоснованные практические программы. Следовательно, в решении коренных вопросов политической экономии поворот буржуазных экономистов к практике не может изменить общего направления буржуазной экономии, которая по-прежнему остается в своей основе вульгарной и ненаучной.

Во-вторых, буржуазные экономисты занимаются разработкой некоторых практических программ, которые касаются лишь ряда отраслей, а не всего народного хозяйства, и которые имеют временный характер, как, например, программа милитаризации. Разработка этих программ подчинена интересам крупнейших монополий, военно-хозяйственных концернов. Она дает толчок для некоторых специальных исследований, например для изучения связей между отраслями, непосредственно производящими вооружение и боеприпасы, и обслуживающими их отраслями. В качестве примера таких специальных исследований можно сослаться на работы американского экономиста Василия Леонтьева по изучению межотраслевых связей. Он разработал метод изучения балансовых связей между различными отраслями народного хозяйства, получивший применение во многих капиталистических странах. Он построил балансовую таблицу затрат — продукции (*input — output*), отражающую картину межотраслевых потоков (в стоимостном выражении). По этому методу Леонтьев представил межотраслевые балансы продукции и услуг в народном хозяйстве США за 1919, 1929 и 1939 гг.

Расчеты, проведенные по методу Леонтьева, могут получить практическое применение при решении отдельных частных задач, например при разработке военных программ.

В-третьих, буржуазные экономисты уделяют много внимания вопросам лучшей организации отдельных предприятий и объединений. Они, используя новый раздел математики — так называемое линейное программирование, детально разработали расчетную технику при определении минимального уровня издержек производства, оптимального сочетания отдельных факторов, выбора наиболее выгодного ассортимента выпускаемых товаров.

При оценке современного состояния буржуазной экономической науки необходимо бороться против двух крайних выводов.

С одной стороны, было бы неправильно полагать, что кризис буржуазной политической экономии означает полный застой и отсутствие какого-либо продвижения во всех областях буржуазной экономической науки. Следует учесть, что последние не ограничиваются только политической экономией, а включает в себя и ряд разделов, посвященных изучению конкретной экономики. Для решения практических задач, выдвигаемых буржуазией, и в особенности монополистическим капиталом, требуется ряд специальных исследований конкретной экономики.

К. Маркс, давший уничтожающую характеристику вульгарной апологетической экономии, получившей господство в буржуазной литературе с 30-х годов прошлого столетия, в то же время отметил ряд ценных исследований буржуазных экономистов. В письме к Энгельсу от 2 апреля 1851 г. он писал: «Au fond (в сущности.— И. Б.) эта наука (речь идет о буржуазной политической экономии.— И. Б.) со времени Адама Смита и Давида Рикардо не сделала больше никаких шагов вперед, хотя в отдельных областях сделано много исследований, часто сверхтонких»¹⁰⁹.

В. И. Ленин, характеризуя буржуазных профессоров-экономистов как ученых приказчиков класса капиталистов, в то же время отмечал их достижения и писал: «...Вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков...»¹¹⁰ Ленин проводил очень четкое различие между общей теорией политической экономии и специальными экономическими исследованиями. Он призывал к беспощадной критике работ буржуазных экономистов в первой области, но не отвергал, а, напротив, широко использовал их работы во второй области. «...Ни единому профессору политической экономии,— писал он,— способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить ни в одном слове, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же партийная наука в современном обществе, как и гносеология»¹¹¹.

С другой стороны, было бы еще более ошибочным из факта наблюдающегося за последние два десятилетия увеличения числа буржуазных работ в области специальных исследований делать вывод о том, что буржуазная экономическая наука переживает расцвет. Нельзя забывать о том, что общая теория политической экономии составляет базис всех экономических наук, что она отвечает на коренные вопросы экономического развития, что только

она дает возможность правильно уяснить значение и использовать результаты специальных исследований по конкретной экономике. Эти специальные исследования не идут дальше установления некоторых эмпирических закономерностей, социальная природа, источники, сфера применения и масштабы действия которых могут быть определены лишь при помощи правильной политической экономической теории. Научные результаты таких специальных фактических исследований могут быть использованы только в свете единственно правильной марксистско-ленинской политической экономии.

Может встать вопрос — как возможно продвижение буржуазной экономической науки на некоторых участках при порочности ее исходной теоретико-экономической базы? При рассмотрении этого вопроса необходимо учесть следующие моменты.

Во-первых, Маркс видел одно из отличий вульгарной политической экономии от классической в том, что первая отказывается от изучения внутренней сущности явлений и ограничивается рассмотрением внешних зависимостей в том виде, в каком они выступают на поверхности. Однако детальное изучение этих внешних зависимостей, выступающих на поверхности, также может представлять интерес, например изучение влияния спроса на колебания цен. Такого рода наблюдения могут пригодиться, в частности, для изучения экономической конъюнктуры.

Во-вторых, одна из особенностей буржуазной политической экономии — преобладание частногохозяйственного подхода. Это закрывает путь для изучения народнохозяйственных проблем, но не исключает возможности детального изучения экономики отдельных предприятий и их объединений, которая также представляет самостоятельный интерес.

В-третьих, буржуазная методология характеризуется отрывом производственно-технических процессов от их социально-экономических особенностей. Это — один из крупнейших пороков буржуазной методологии. Однако изучение материального производства с точки зрения натурально-вещественного содержания и технических связей между отдельными частями производства может также представлять самостоятельный интерес.

Порочность теоретико-экономической базы закрывает для буржуазных экономистов возможность дать правильный ответ на коренные вопросы экономического развития, но не исключает разработки некоторых частных вопросов.

* * *

Быстрое укрепление и развитие мировой социалистической системы хозяйства, огромные ее преимущества перед системой капитализма оказывают большое влияние на все области общественной жизни капиталистических стран, в частности на идеологическую сферу. Марксистско-ленинские идеи получают все более

¹⁰⁹ Маркс — Энгельсу от 2 апреля 1851 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXI, стр. 183.

¹¹⁰ В. И. Ленин и н. Материализм и эмпириокритицизм. — Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 364.

¹¹¹ Там же, стр. 363.

широкое распространение среди трудящихся масс во всех частях света. В то же время все более глубоким становится кризис буржуазной идеологии, одно из важнейших проявлений которого представляет собой кризис буржуазной политической экономии.

Расшатывание влияния буржуазной идеологии на массы должно еще более усилиться в связи с осуществлением семилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг. Как отметил в докладе на XXI съезде КПСС Н. С. Хрущев, «по подсчетам экономистов, в результате выполнения и перевыполнения семилетнего плана развития народного хозяйства СССР, а также высоких темпов развития экономики стран народной демократии страны мировой социалистической системы будут производить более половины всей мировой промышленной продукции. Тем самым будет обеспечено превосходство мировой системы социализма над мировой системой капитализма в материальном производстве, в решающей сфере человеческой деятельности»¹¹². Многочисленные мероприятия по росту народного благосостояния, предусмотренные семилетним планом, будут еще резче оттенять тяжелое положение трудящихся при капитализме, растущую безработицу, огромное налоговое бремя, снижение жизненного уровня народных масс, их безудержную эксплуатацию капиталом. Семилетний план способствует умножению борцов за социализм во всем мире. В результате всех этих многосторонних влияний «семилетний план является сокрушительным ударом по буржуазной идеологии, по международному реформизму и ревизионизму»¹¹³.

¹¹² Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. Доклад на внеочередном XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза 27 января 1959 г. М., Госполитиздат, 1959, стр. 76.

¹¹³ «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы». М., Госполитиздат, 1959, стр. 102.

Глава вторая

ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДОЛОГИИ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Кризис современной буржуазной политической экономии нашел отражение и в некоторой эволюции ее методологии. Основа последней осталась прежняя — метафизическая и идеалистическая точка зрения, но отдельные стороны этой методологии претерпели некоторые видоизменения.

Эволюцию буржуазной методологии можно свести к следующим моментам:

- 1) постановка вопроса о «трансформации капитализма»;
- 2) отрицание объективных экономических законов;
- 3) кризис теории равновесия;
- 4) кризис индивидуалистической методологии;
- 5) подчеркивание решающей роли математического метода.

1. НОВЫЕ ФОРМЫ ВУЛЬГАРНОГО ИСТОРИЗМА

Отрицание исторического характера политической экономии и ее законов является одной из важнейших особенностей буржуазной методологии. Маркс так определил существо буржуазной политической экономии: «Поскольку политическая экономия является буржуазной, ... она рассматривает капиталистический строй не как исторически преходящую ступень развития, а, наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства...»¹ Эта идея красной нитью проходит через работы как классической, так и вульгарной политической экономии. Буржуазным экономистам, в силу их классовой ограниченности, недоступно понимание исторического процесса как закономерного развития общественно-экономических формаций, ибо с этим пониманием неразрывно связано положение об исторической обреченности капитализма и о необходимости замены его более прогрессивным общественно-экономическим строем.

Хотя антиисторизм является конститутивным и непременным признаком буржуазной методологии в общественных науках вообще и в политической экономии в особенности, он приобретает

¹ К. Маркс. Капитал, т. I. М., Госполитиздат, 1952, стр. 12.

некоторые новые черты в период общего кризиса капитализма. Для буржуазных экономистов XIX в. представление о вечности капитализма было неразрывно связано с представлением о его неизменности. Они отстаивали точку зрения, что капитализм с самого начала является идеальной системой, что он не претерпевает каких-либо существенных изменений, что ему не угрожает опасность крушения и что он не нуждается в реорганизации и всевозможных мерах укрепления его экономической мощи.

Под влиянием глубоких экономических и политических потрясений, которые переживает капитализм в период его общего кризиса, буржуазные экономисты вынуждены отказаться от старого тезиса о неизменности капитализма. Они пытаются обосновать вечность капитализма, т. е. возможность его сохранения, тем, что он претерпел изменения, что ему, мол, удалось наладить борьбу с экономическими кризисами, что произошли-де благоприятные для рабочего класса изменения в распределении национального дохода и т. д.

Из истории экономических учений известно, что некоторые буржуазные направления политической экономии применяли для апологии капитализма метод вульгарного историзма. Такой метод применяла, например, немецкая историческая школа. Последняя проповедовала плоский эволюционизм, основанный на отрицании диалектического метода и на идеалистической трактовке исторического процесса. Такой вульгарный историзм является формой проявления антиисторизма, ибо он пытается обосновать вечность категорий капиталистической экономики при помощи фальсифицированного истолкования исторического процесса. Подобного рода вульгарный историзм практикуется и современными буржуазными экономистами. Характерным проявлением этого вульгарного историзма является версия о так называемой трансформации капитализма, или о неокapитализме.

Что толкает современных буржуазных экономистов на эту эволюционистскую трактовку? Тут действует ряд причин.

Одна из важнейших причин состоит в стремлении противопоставить распространяющимся вширь и вглубь идеям марксизма-ленинизма версию о том, что коммунистическое движение имеет якобы шансы на успех только в экономически отсталых странах с невысоким уровнем капиталистического производства. По этой версии в процессе развития капитализма происходят сдвиги в сторону улучшения положения трудящихся масс и тем самым исчезают основания для недовольства. Буржуазным сикофантам нужно дать какое-то объяснение мощного развития коммунистического движения в современном мире. Они пытаются дать такое объяснение, которое показало бы, что коммунистические идеи не угрожают наиболее развитым капиталистическим странам. С этой целью распространяется версия о том, что коммунистическое движение есть результат противоречий, характерных якобы только для ран-

ней стадии капитализма. Так теория «трансформации капитализма» используется для борьбы с коммунизмом.

Не приходится говорить о порочности этой, с позволения сказать, «аргументации». Известно, что социалистическая революция под руководством Коммунистической партии впервые победила в стране среднеазовитого капитализма. Известно, что социалистическое строительство успешно осуществляется в такой высокоразвитой индустриальной стране, как Чехословакия. Известно, наконец, какое огромное влияние имеют коммунистические идеи в таких старых индустриальных странах, как Франция и Италия.

Наряду с этой причиной действует и другая. Буржуазным апологетам важно отвлечь внимание от действительных изменений, которые произошли в экономике капитализма в XX в., и представить эти изменения в превратном свете. Буржуазные и правосоциалистические авторы имеют обыкновение обвинять марксистов в том, что в своих представлениях о капитализме те исходят из отношений, имевших место в XIX в., что они не учитывают изменений в экономическом и политическом строе, характерных для современного капитализма. Это обвинение марксизма в игнорировании исторических изменений лишено всяких оснований. Достаточно сослаться на гениальный ленинский анализ империализма, как высшей стадии капитализма, на разработку марксизмом-ленинизмом проблем общего кризиса капитализма на первом и втором этапах, на исторические решения XX и XXI съездов партии.

Под флагом обвинения марксистов в игнорировании исторических изменений буржуазные авторы пытаются протащить свою фальсифицированную трактовку этих исторических изменений, противопоставляя ее единственно правильному анализу, данному В. И. Лениным.

Капитализм на империалистической стадии, как показал Ленин, стал монополистическим, загнивающим, умирающим, он превратился в реакционную силу, задерживающую развитие человеческого общества. Империализм обостряет все противоречия капитализма, доводит их до последней черты, до крайних пределов, за которыми начинается революция. Империализм — канун социалистической революции, — таков главный вывод ленинской теории империализма.

Одним из важнейших моментов, характеризующих изменения, происшедшие в буржуазном обществе на империалистической стадии, является то, что пролетарская революция становится практической неизбежностью и что создаются благоприятные условия для прямого штурма твердынь капитализма.

Буржуазные экономисты, конечно, всячески заинтересованы в том, чтобы исказить подлинную суть новых черт, характеризующих капиталистическую экономику и буржуазное общество на империалистической стадии. С этой целью они измышляют версии

о разных «революциях», которые якобы произошли в экономике капитализма в XX в. и которые-де сделали излишней пролетарскую революцию.

Одной из наиболее широко распространенных попыток изобразить в совершенно неверном свете эволюцию современного капитализма является теория «народного капитализма». Наибольшее распространение она получила в США. Затем ее начали насаждать в других капиталистических странах.

В американской буржуазной прессе распространяются самые фантастические сведения о стирании и исчезновении различия между рабочими и капиталистами, о превращении всех американцев в капиталистов, а самого капитализма — в какой-то особый «народный капитализм».

С такой проповедью выступают и некоторые бизнесмены, как Эрик Джонстон и Гарольд Стассен. Академические ученые, университетские профессора, видимо, считают для себя неудобным выступать с такими явно фантастическими утверждениями, но они снабжают пропагандистов теории «народного капитализма» теоретическими и квазинаучными аргументами.

Пропаганда о «народном капитализме» базируется на «трех китах»: 1) теории «диффузии (рассеивания) собственности», связанной с так называемой демократизацией акционерного капитала; 2) теории так называемого управленческого строя, или директорского строя, приходящего якобы на смену капитализму; 3) теории «революции в доходах».

Суть теории «диффузии собственности» сводится к тому, что с превращением акционерной формы в господствующую форму капиталистических предприятий, с распространением мелких акций среди населения, в том числе среди мелких производителей и рабочих, собственность на предприятия стала достоянием не малой кучки капиталистов, а широких народных масс. Буржуазные экономисты распространяются о том, что, в противовес тенденции к концентрации производства, происходит децентрализация собственности, рассредоточение ее в руках все большего числа лиц.

Авторы теории «управленческого строя» утверждают, что руководство современными предприятиями сосредоточивается в руках наемной администрации, принадлежащей не к капиталистическому классу, а к служащим. Что же касается капиталистов, в частности крупных акционеров, то эта теория отводит им жалкую роль — они, мол, ограничиваются получением дивидендов и не оказывают заметного влияния на жизнь предприятий.

Особое место в аргументации сторонников теории «народного капитализма» занимает версия о так называемой «революции в доходах». Суть этой широко распространенной версии сводится к положению о том, что за последние десятилетия в США (некоторые авторы добавляют — и в Англии) якобы произошла «революция» в распределении национального дохода в пользу низкоопла-

чиваемых слоев населения, в первую очередь в пользу рабочих и служащих. С помощью этой версии буржуазные экономисты пытаются замаскировать эксплуататорскую сущность капиталистического строя и распространить иллюзию о постепенном стирании граней между рабочими и капиталистами².

Таковы измышления буржуазной апологетики о социальных сдвигах в капиталистических странах.

Глубокую критику подобного рода измышлений дал Н. С. Хрущев в речи на собрании избирателей Калининского района города Москвы 24 февраля 1959 г. «Но что происходит на деле с теми рабочими и служащими, которые попадают на эту удочку и покупают на свои трудовые сбережения мелкие акции, становятся акционерами, «хозяевами» капиталистических предприятий? Когда наступают кризисные явления, настоящие хозяева берут за ушко этих «хозяев»-акционеров и выбрасывают их из тех предприятий, акции которых они имеют. Акционер становится безработным, армия которых насчитывает миллионы. И вот стоит такой «хозяин» в очереди, ожидая, что, может быть, ему улыбнется счастье вновь получить работу, не умереть с голоду самому и не дать погибнуть семье. Сколько таких «хозяев» принимают участие в забастовках против владельцев заводов и фабрик, против эксплуататорских классов и правительств так называемых «народно-капиталистических» государств!

Разве не является это наглядным уроком лживости утверждения идеологов капитализма и ревизионистов об изменении природы капиталистического строя, о появлении каких-то «ростков» социализма в современной экономике капиталистических стран и каких-то «особых путях» преобразования капиталистических стран в социалистические³.

Как было отмечено в решении XXI съезда КПСС, «упадок и разложение в странах капитализма являются неоспоримым доказательством реакционности и обреченности капиталистического строя, бесплодности реформистских и ревизионистских попыток «улучшить» и приукрасить капитализм, замазать его язвы и вопиющие antagonистические противоречия»⁴.

Как ни фантастичны измышления буржуазной апологетики о социальных сдвигах, характеризующих современный капитализм, эти вымыслы несут на себе печать кризиса буржуазной политической экономии. Они представляют собой порождение загнивающего и умирающего капитализма, когда многие буржуазные

² Критика этих теорий дана в кн. И. Г. Блюмин, И. Н. Дворкин. Миф о «народном капитализме». М., Госполитиздат, 1958.

³ Н. С. Хрущев. Речь на собрании избирателей Калининского избирательного округа города Москвы 24 февраля 1959 г. М., Госполитиздат, 1959, стр. 9.

⁴ «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы». М., Госполитиздат, 1959, стр. 102.

идеологи не рискуют открыто выступить с признанием господствующей роли капиталистического класса.

Через все приведенные выше апологетические теории красной нитью проходит идея о том, что капиталистический класс потерял свою былую роль, что он не является главным собственником средств производства, что он не осуществляет руководства предприятиями, что он присваивает все меньшую часть национального дохода. «Народный капитализм» — это внутренне противоречивое понятие. Смысл теории «народного капитализма» в утверждении, что капитализм перестал быть капитализмом в привычном, традиционном понимании этого слова, что он утратил все свои былые недостатки.

Буржуазные и правосоциалистические авторы изыскивают различные аргументы для обоснования своего тезиса о «трансформации капитализма». Одним из ходячих аргументов является утверждение, что технический прогресс в состоянии обеспечить сам по себе коренную перестройку общественных отношений при сохранении прежних имущественных отношений. Конкретным выражением этой аргументации является теория «второй промышленной революции». Назревающая в современных условиях техническая революция, связанная с применением атомной энергии, широким развитием автоматизации производства, радиоэлектроники и т. д., объявляется началом новой «промышленной эры», характеризующейся устранением капиталистических противоречий, кризисов, безработицы, установлением всеобщего благосостояния. Техническая революция трактуется буржуазными авторами как фактор, который заменяет и делает излишней социальную революцию.

Чувствуя явную недостаточность и неубедительность всех этих аргументов в защиту теории «трансформации капитализма», буржуазные авторы апеллируют в чисто идеалистическом духе к мнимой «психологической революции», которая охватила бы руководителей современных корпораций и которая выражается в том, что администрация этих корпораций руководствуется в своих действиях не стремлением к получению более высокой прибыли, а якобы интересами производства и потребителей.

В таком откровенно апологетическом духе рисует руководителей современных капиталистических корпораций американский буржуазный экономист А. Берли. В книге, написанной совместно с Г. Минзом, «Современные корпорации и частная собственность» он утверждал, что «развитие корпораций является самым большим достижением в движении нашего общества к социализму... Это — парадокс, но правление директоров корпораций и коммунистические советы так близки по своему содержанию»⁵. А в книге

«Капиталистическая революция 20-го века» Берли пытается показать, что якобы произошло моральное перерождение руководителей корпораций, что последние-де прониклись сознанием общественного долга, что их действия подчиняются общественному мнению, играющему якобы решающую роль в современной экономике Соединенных Штатов. Он отмечает тенденцию превращения корпораций «скорее в обслуживающий (serviceable), нежели тираннический институт»⁶. «Корпорации, — вещает Берли, — вынуждены были почти против собственной воли принять на себя значительную часть роли носителя совести (conscience-carriere) американского общества XX в.»⁷.

Версия о «психологической революции» не имеет ничего общего с действительностью. Действия руководителей капиталистических предприятий зависят не от их случайных капризов и причуд: они обусловлены объективными экономическими законами, которые диктуют определенное поведение. Погоня за максимальной прибылью — не случайное увлечение того или иного капиталиста, а объективный экономический закон, непосредственно вытекающий из основного экономического закона капитализма — закона прибавочной стоимости. Отдельный капиталист может отклониться от этого пути и не бороться за максимальную прибыль, но ему счете поражение в жестокой конкурентной борьбе с более успешно действующими предпринимателями.

В условиях монополистического капитализма погоня за максимальной прибылью еще более усиливается, поскольку господство монополий обеспечивает реальные возможности извлечения монопольно высоких прибылей. Перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм открывает ряд новых средств для реализации этой цели. Весь государственный аппарат капиталистических стран ставится на службу этой задаче. Обеспечение монопольно высоких прибылей становится важнейшим движущим мотивом внутренней и внешней политики империализма. Оно лежит в основе гонки вооружений и развязывания империалистических войн.

Буржуазные апологеты для подтверждения мифа о «психологической революции» среди руководителей современных корпораций ссылаются на некоторые социальные реформы, проведенные в капиталистических странах, например на законы о социальном страховании, рабочем дне и т. д. Но эти реформы не были проведены добровольно буржуазией. Они осуществлялись в результате ожесточенной борьбы рабочих организаций при сильнейшем сопротивлении капиталистического класса. Реализация этих реформ свидетельствует не о моральном перерождении буржуазии, не об

⁵ A. Berle, G. Means. Modern Corporations and Private Property, N. Y., 1934, p. 278.

⁶ A. Berle. The 20th Century Capitalist Revolution. N. Y., 1954, p. 54.
⁷ Ibid., p. 182.

отказе от традиционной безжалостности капитализма, а о росте организованности и активности рабочего класса.

Капиталистическая практика дает бесконечное число примеров, опровергающих утверждения буржуазных апологетов, будто современные капиталистические корпорации руководствуются в своей деятельности общественными интересами. Достаточно напомнить тот общезвестный факт, что проводимая монополиями гонка вооружений и развязываемые ими войны, приносящие неисчислимые бедствия народам, служат прибылейнейшим бизнесом для кучки монополистов. Напомним хотя бы о практике американских монополий во время второй мировой войны. В начале войны американские монополии отказались переоборудовать свои предприятия для производства военных материалов, пока правительство не пошло на их ростовщические условия. В частности, крупнейшие автомобильные монополии «Дженерал моторз» и «Форд» тормозили перевод своих предприятий на выполнение военных заказов, продолжая выпускать легковые автомобили, ограничивая производство даже грузовиков. А крупнейшие сталелитейные корпорации создали в интересах повышения цен острую нехватку стали. Монополии на протяжении всей войны, как и в мирное время, последовательно держались капиталистического принципа: для наживы все средства хороши.

Эту хищническую практику капиталистических монополий вынуждены были признать правительственные деятели США и в послевоенный период. Так, председатель комиссии по внешней экономической политике американского конгресса К. Рэндолл, которому на этом посту пришлось иметь дело с руководителями многих корпораций, прямо подчеркивает «неспособность деловых кругов ставить национальное благосостояние выше собственных интересов». Он указывает, что возглавляемая им комиссия произвела опрос нескольких сотен американских компаний и убедилась, что они, как правило, всегда отстаивали только собственные интересы. «Такая компания или торговая ассоциация, которая ставит на первый план вопрос о том, что является наилучшим для народа, и только на второй план — вопрос о том, что поможет сбыту определенного продукта, встречается действительно редко»⁸, — пишет он.

Не случайно Берли наряду с воспеванием морального перерождения руководителей корпораций считает нужным обратиться к ним с увещеванием. Он, очевидно, столь мало уверен в этом перерождении, что прибегает даже к угрозам. Он упрямает руководителей корпораций величайшими социальными бедствиями, если они не осознают свой долг перед обществом. «Если только управляющие корпорациями, — пишет он, — будут продолжать

свою деятельность, основываясь на силе, а не на разуме, то это приведет в конце концов к бедствию»⁹.

Попытки буржуазных экономистов приукрасить эволюцию современного капитализма весьма многообразны. Все эти попытки объединяет одна общая черта — стремление представить дело так, что в процессе развития ликвидируются противоречия капитализма, улучшается положение трудящихся, сходит на нет господство капиталистического класса, устраняются такие спутники капитализма, как кризисы и безработица.

Характерна для современного этапа буржуазной политической экономии тенденция оторвать капиталистическое сегодня от его прошлого, осудить это прошлое в интересах большего возвеличения «достижений» современного капитализма. Кое-кто из буржуазных экономистов — для того чтобы ярче противопоставить современный капитализм капитализму прошлых столетий — согласен даже принять на словах марксову критику капиталистических противоречий, с тем чтобы распространить ее только на прошлое капитализма. Маркс был прав при оценке прошлого, но он не годится для современности — этот вывод вслед за ревизионистами повторяет кое-кто из буржуазных писателей.

Характерно, что такого рода высказывания воспроизводятся даже на страницах органа деловых кругов США журнала «Форчун». В февральском номере этого журнала за 1951 г. мы встречаем такое признание: «Ничто не демонстрирует силу американского образа жизни и приспособляемость американской системы лучше, чем трансформация американского капитализма. Пятьдесят лет назад американский капитализм представлялся тем, что Маркс предсказывал относительно его будущего... — нечеловеческим продуктом алчности и безответственности... Представлялось, что он дает убедительное доказательство теории о том, что частная собственность не уважает никаких обязательств, кроме обязательства выколачивания прибылей... Американский капитализм сегодня... в действительности не имеет ничего подобного».

Руководитель информационного агентства США Уолшбери, говоря о намерении США популяризировать «за границей американский капитализм с помощью всех имеющихся средств», подчеркивал, что «это не тот капитализм, о котором говорил Маркс».

Известный американский экономист С. Кузнец пытается «опровергнуть» марксизм ссылкой на то, что он отражает только прошлое капитализма, а не его сегодняшний день. Он заявляет, что, «вероятно, многое у марксистов-экономистов могло быть чрезмерным обобщением неверно понятых тенденций, развивавшихся в Англии в течение первой половины XIX в., когда неравенство доходов увеличивалось...»¹⁰.

⁹ A. Berle. The 20th Century Capitalist Revolution, p. 60.

¹⁰ S. Kuznets. Economic Growth and Income Inequality. «American Economic Review», March 1955, p. 27.

⁸ C. B. Randall. A Foreign Economic Policy for the United States. Chi., 1954, p. 80—81.

В таком же духе «опровергает» марксизм А. Берли. Он подчеркивает, что и классическая школа и марксизм порождены капитализмом в его старых формах и что они не соответствуют современной действительности¹¹.

Восхваление современного капитализма в буржуазной литературе иногда принимает сугубо парадоксальную форму в виде признания, что в США реализовано то, о чем... мечтал Маркс. Так, в монографии, посвященной истории концерна Дюпона («Dupont: The Autobiography of an American Enterprise»), приводится следующее высказывание, свидетельствующее о трюках, к которым прибегает современная буржуазная апологетика: «Сто лет назад К. Маркс мечтал и писал об утопической стране, где народ будет владеть орудиями производства и делить между собой свою продукцию. Его мечта осуществилась, но не в коммунистическом государстве, основанном на теориях, которые он так горячо проповедовал, она стала реальностью в капиталистической Америке»¹².

При всей абсурдности подобного рода высказываний их нельзя расценивать просто как бред зарвавшихся невежд. Эти высказывания отражают остроту положения, при котором буржуазные идеологи прибегают к самым невероятным трюкам и рискованным приемам для того, чтобы приукрасить и возвеличить современный капитализм.

Подобного рода трюки несут на себе печать кризиса буржуазной политической экономии. Они представляют собой продукт умирающего капитализма, когда защитникам капиталистического строя становится все труднее отстаивать в полной неприкосновенности старый апологетический тезис о том, что этот строй с самого начала своего возникновения является идеальным способом производства. Вынужденное признание противоречий капитализма принимает у современных буржуазных апологетов специфическую форму эволюционизма в виде утверждений о том, что капитализм нуждается в «усовершенствовании», что он лишь постепенно освобождается от своих противоречий.

Защитники старых приемов буржуазной апологетики не без оснований усмотрели в признании социальных противоречий хотя бы для прошлого капитализма некоторую сдачу позиций. По этим мотивам они протестуют против всяческих критических выпадов по адресу капитализма в прошлом. Позиция этой группы экономистов и историков отчетливо отражена в сборнике «Капитализм и историки», изданном в США в 1954 г. Ф. Хайеком. Центральный вопрос, рассматриваемый в этом сборнике, связан с воздействием

промышленного переворота на положение рабочих. Промышленный переворот вызвал, как известно, резкое ухудшение положения рабочих в связи с ростом безработицы, распространением женского и детского труда, вытеснением квалифицированных ремесленников, удлинением рабочего дня, интенсификацией труда и т. д. Эти факты настолько очевидны, что неоднократно признавались многими буржуазными историками. Авторы указанного сборника пытаются при помощи всяких софизмов опровергнуть эти бесспорные факты. Основную идею сборника отчетливо выразил Хайек в своем предисловии. «Нас, — пишет он, — могут справедливо обвинить в дискредитации системы, которую упрекают в том, что она хоть на время ухудшила положение наиболее бедного и наиболее многочисленного класса населения»¹³.

Отрицая абсолютное обнищание рабочих во время промышленного переворота, Хайек в то же время всячески подчеркивает «жертвы», на которые шли капиталисты. По его словам, капиталисты в тот период максимально ограничивали свое потребление для того, чтобы накапливать капиталы в интересах расширения производства. Великая роль капиталистов, по словам Хайека, состоит в том, что «это первая группа людей, которая начала употреблять свои доходы в значительной мере для того, чтобы создавать новые средства производства, используемые теми, которые без них не смогли бы производить средства своего существования»¹⁴.

В своем стремлении опровергнуть бесспорные факты, наглядно подтверждающие ухудшение положения рабочих в период промышленного переворота, Хайек, объявляет это положение легендой, сфабрикованной социалистами. При этом он к «социалистам» причисляет катедер-социалистов Шмоллера и Брентано и представителей институционализма вроде Коммонса и Митчелла. По словам Хайека, жертвами этой легенды оказались такие буржуазные идеологи, как Руджерио, автор «Истории европейского либерализма» (1925), и Бертрам Рассел в своей книге «Влияние нации на общество» (1951).

Один из авторов указанного сборника, Хэккер, в статье, озаглавленной «Антикапиталистические предубеждения американских историков», идет так далеко в своем стремлении замазать все отрицательное в истории капитализма, что объявляет всех наиболее видных американских историков XX в. «антикапиталистами».

Тенденция, представленная в сборнике «Капитализм и историки», не типична, однако, для большинства современных буржуазных авторов; она представляет лишь интерес как реакция защитников старых методов буржуазной апологетики против все более распространяющейся тенденции выпятить положительную эволю-

¹¹ A. Berle. The 20th Century Capitalist Revolution, p. 10.

¹² Цит. по кн. Г. Аптекер. Лауреаты империализма. Монополистический капитал переписывает историю Америки. М., ИЛ, 1955, стр. 10—11.

¹³ «Capitalism and the Historians», ed. with an Introduction by F. A. Hayek. Chi., 1954, p. 10.

¹⁴ Ibidem.

цию капитализма хотя бы путем противопоставления преимуществ современного капитализма по сравнению с прошлым.

Таковы специфические формы вульгарного историзма в современной буржуазной экономической литературе.

2. ОТРИЦАНИЕ ОБЪЕКТИВНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ

Кризис буржуазной политической экономии особенно отчетливо отразился в эволюции буржуазных представлений об экономических законах. Большая заслуга буржуазной классической политической экономии состояла в том, что ее представители вскрыли ряд объективных экономических законов и показали их независимость от государственного вмешательства и экономической политики. «...Классики, — писал В. И. Ленин, — нащупывали и нащупали целый ряд «естественных законов» капитализма, не понимая его переходящего характера, не видя классовой борьбы внутри его»¹⁵. Вульгарная политическая экономия, отбросив научное наследие классической школы, оказалась неспособной дать научный анализ экономических законов капитализма. Некоторые направления вульгарной политической экономии, например немецкая историческая школа, в принципе отвергали само понятие экономического закона. Но в той мере, в какой буржуазные экономисты давали характеристику экономических законов, они прежде всего рассматривали эти законы как законы, действующие независимо от правительства и экономической политики.

В период домонополистического капитализма в буржуазных кругах преобладала трактовка государства в качестве скромного «ночного сторожа», охраняющего покой буржуазии и ее богатства. Наилучшей экономической политикой считалась политика *laissez faire*, т. е. политика невмешательства государства в экономическую жизнь, политика предоставления полной свободы предпринимателям. Государственное вмешательство в экономику трактовалось как зло, которое должно быть сведено к минимуму. Большинство буржуазных экономистов подчеркивало, что механизм капиталистической конкуренции способен автоматически, без всякого вмешательства государства, устранять всякого рода экономические трудности, диспропорции, безработицу, кризисы перепроизводства и т. д.

В период общего кризиса капитализма, в обстановке громадных экономических потрясений и колоссального обострения капиталистических противоречий, буржуазные экономисты все больше и все чаще трактуют государственное вмешательство в экономику как фактор, который может подменить действие экономических законов и определить новые пути экономического развития. Современ-

ные буржуазные экономисты в своем подавляющем большинстве отрицают объективный характер экономических законов и исходят из представления, будто экономические законы могут устанавливаться и меняться в зависимости от субъективной воли лиц, возглавляющих государственные органы. Отрицание объективных экономических законов стало одним из главных приемов буржуазной апологетики.

Отрицание объективных экономических законов частично имело место у некоторых буржуазных экономистов и в XIX в. Своеобразие современного этапа состоит прежде всего в том, что такое отрицание получило очень широкое распространение, стало типичным для современной буржуазной политической экономии. Вместе с тем отрицание объективных экономических законов выступает теперь в других формах, нежели это имело место, например, в работах немецкой исторической школы. Это отрицание в современных условиях неразрывно связано с идеей «регулируемого капитализма», с признанием того, что буржуазное государство может установить соответствие между общественным предложением и спросом и обеспечить гармоническое, пропорциональное развитие производительных сил. Отрицание объективных экономических законов выступает сейчас и в такой специфической форме, как признание того, что общество может произвольно выбирать пути своего дальнейшего развития в самых различных направлениях.

Современные буржуазные экономисты редко ссылаются на экономические законы.

В изданном в США после второй мировой войны «Словаре современной экономической науки» в статье «Об экономическом законе» отмечается, что «большинство современных экономистов избегает пользоваться этим термином»¹⁶.

Лишь немногие буржуазные экономисты, отстаивающие традиционные теории в полной их неприкосновенности, подчеркивают необходимость изучения экономических законов. Таковы экономисты, группирующиеся вокруг Л. Мизеса. В сборнике, посвященном последнему и опубликованном в 1956 г. под названием «О свободе и свободном предприятии», К. Антони посвятил этому вопросу специальную статью. Антони критикует широко распространенное в буржуазных кругах мнение о том, что мировые войны якобы опровергали действие экономических законов. Следуя старой традиции, Антони выводит экономические законы непосредственно из человеческой природы. «Активный элемент в законах, — пишет он, — есть фактор полезности, который всегда остается тем же, потому что это — форма, или категория, деятельности человеческого разума. С этой точки зрения все законы объединяются в один закон, согласно которому человек, помимо того, что он есть существо

¹⁵ В. И. Ленин. Еще одно уничтожение социализма. — Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 42.

¹⁶ «Economic Law», by B. Harton with J. Ripley and M. Schnapper. — «Dictionary of Modern Economics». Wash., 1948, p. 106.

«духовное» (spiritual), является также существом утилитарным (utilitarian)»¹⁷.

Эта метафизическая точка зрения, давным-давно опровергнутая основоположниками марксистской политической экономии, еще широко бытует среди буржуазных экономистов. Но большинство из них, в отличие от К. Антони, предпочитает все же не афишировать своего учения об экономических законах. Некоторые буржуазные экономисты прямо заявляют о том, что было бы претенциозным говорить об экономических законах. Так, шведский экономист Э. Линдаль прямо пишет по поводу экономических законов, устанавливаемых буржуазными авторами, что «выводы, содержащиеся в этих теориях, определяющих, какая серия событий должна вытекать из условий, характеризующих исходное положение, имеют чисто формальный характер. Спорно, могут ли предположения подобного рода быть удостоены почетного термина «экономических законов», поскольку их принадлежность к реальному миру не может быть определена из содержания самих этих теорий»¹⁸.

Некоторые буржуазные авторы упражняются в высмеивании самой идеи экономических законов. Так, американский буржуазный экономист Бродус Митчелл выступает с утверждением, что, «возможно, теперь не требуется иконоборцев для того, чтобы рассеять веру в чудотворный экономический закон»¹⁹. Для подкрепления своего отрицательного отношения к идее экономических законов Митчелл ссылается на... огромные правительственные субсидии, получаемые американскими монополиями. «Когда,— пишет он,— громадные субсидии, с политическими и военными побуждениями или без них, стали великой опорой человеческого благосостояния, зачем щебетать об экономических «законах» прежних дней, когда правилом было, что «каждый сам за себя, а последнее слово остается за дьяволом. Дьявол находится на заднем плане»²⁰.

Б. Митчелл в своей критике экономических законов идет так далеко, что возлагает на учение классиков об экономических законах ответственность за все бедствия капитализма вплоть до империализма и колониализма. «Классики,— утверждает он,— проповедовали доктрину, приспособленную к интересам только Англии, осуждавшую рабочих на деградацию и слишком часто на гибель. Увлечение красотами естественного закона было настолько восторженным, что закрывало глаза на жестокости, увеличившие

количество детей на фабриках и доводившие углекопов до животного состояния»²¹.

Отрицание объективных экономических законов есть идеологический результат общего кризиса капитализма. Образование мировой социалистической системы есть ярчайшее проявление действия экономических законов развития, обрекающих капитализм на неизбежную гибель. Буржуазные экономисты прежде всего заинтересованы в опровержении этого важнейшего закона экономического развития. Они стараются представить победу социалистической системы в качестве якобы случайного, а отнюдь не закономерного результата исторического процесса развития. С этой целью они пытаются отбросить само понятие закона экономического развития, утверждая, что нет никакой возможности определить, в каком направлении будет происходить экономическое развитие. В современных условиях отрицание детерминизма в вопросах исторического развития стало наиболее выгодным и чаще применяемым идеологическим оружием буржуазии.

К этому оружию прибегают не только кейнсианцы, но и неолбералы. Так, глава немецких неолбералов Вальтер Ойкен категорически заявляет: «По правде говоря, мы не знаем никаких законов, по которым развивалась бы история»²². Он утверждает, что общество свободно выбрать экономическую форму, которую оно считает наиболее разумной и справедливой. Из этого положения он, в частности, делает вывод, что капитализм свободной конкуренции отнюдь не должен перерасти в монополистический капитализм. Меры экономической политики, по Ойкену, могут парализовать вредные последствия монополий, ослабить их роль в экономике и осуществить свободную конкуренцию.

Другой видный немецкий неолберал Ф. Бем писал: «Мы не видим перед собой никакой исторически-диалектической необходимости развития, ход которой мы лишь могли бы искусственно замедлить или ускорить...»²³.

Положение о невозможности предсказать, в каком направлении будет происходить историческое развитие, весьма категорически формулирует американский экономист Люис. «Мы полагаем,— пишет он,— что нельзя говорить о том, как будет развиваться какая-либо социальная система... Что касается передовых стран, мы считаем невозможным предсказать, куда они пойдут дальше, поскольку мы не верим, что будущее человеческой расы управляется неизменными законами, которые мы познаем или можем познать»²⁴.

¹⁷ «On Freedom and Free Enterprise», Essays in Honor of L. von Mises. N. Y.—L., 1956, p. 137.

¹⁸ E. Lindahl. Studies in the Theory of Money and Capital. L., 1939, p. 23—24.

¹⁹ B. Mitchell. The Poverty of Economics.—«Economics and the Public Interest». New Brunswick, 1955, p. 23.

²⁰ Ibidem.

²¹ Ibid.

²² W. Eucken. Grundsätze der Volkswirtschaftspolitik. Tübingen, 1952, S. 208.

²³ F. Böhm. Die Aufgaben der freien Marktwirtschaft, München, 1951, S. 13.

²⁴ W. A. Lewis. The Theory of Economic Growth. L., 1956, p. 18.

Отрицание объективных экономических законов тесно связано с распространением в современной буржуазной литературе агностицизма, с неверием в возможность создания объективной теории экономического развития, адекватно отражающей действительность. Агностицизм в вопросах политической экономии за последние годы наиболее подробно изложение получил в работах французского экономиста Ж. Фурастье. Он категорически отрицает возможность познания экономических законов, ссылаясь при этом на «несовершенство человеческого разума», на его «неспособность воспринять весь чувственный мир в целом», на то, что экономические явления слишком быстро изменяются и что человеку не хватает времени их изучить и т. д.

Характерной особенностью агностицизма большинства современных буржуазных экономистов является отрицание детерминизма. Буржуазные экономисты в своих нападках на принцип детерминизма стремятся опереться на тех буржуазных физиков, которые стоят на позициях идеалистической философии.

Французский экономист Андре Маршалль пытается представить кризис политической экономии как составную часть кризиса всей научной мысли, а последний он сводит к «кризису детерминизма»²⁵. Он ссылается при этом на физика А. де Бройля и математика фон Неймана.

Отрицание детерминизма в политико-экономических вопросах, помимо общих причин, породивших распространение агностицизма в современной буржуазной литературе, имеет свои специфические причины. Путем отрицания детерминизма в вопросах исторического развития буржуазные идеологи пытаются уверить публику, что дни капитализма еще не сочтены, что вопрос о судьбах капитализма еще не может считаться решенным. Весьма отчетливо эта служебная роль индетерминизма выражена в пропагандистском сборнике «Политическая экономия американской внешней политики», отстаивающем руководящую роль американского империализма в мировой политике. «Нет неотвратимого детерминизма в истории, — читаем мы там, — который принуждает нас ожидать неизбежной гибели нашего общества... Внутри существующих границ возможного люди всегда свободны выбирать свою судьбу — или подчиняться ей, если они не могут выбрать и действовать. Хотя западное общество за последние годы несомненно ослабло, тем не менее оно еще располагает достаточной энергией и моральным духом для того, чтобы найти конструктивные пути выхода из настоящих опасностей»²⁶.

Отрицание буржуазными экономистами экономических законов прежде всего связано с этим агностицизмом в вопросах истори-

ческого развития. Вместе с тем такое отрицание есть своеобразное отражение углубления экономических противоречий внутри самой капиталистической системы. В этой форме буржуазные экономисты выражают свое вынужденное признание, что автоматическое действие экономических законов капитализма (которые обычно в буржуазной литературе обозначаются как законы рынка) не сулит последнему ничего хорошего.

Айрес ополчается против «старой веры в магию рынка со всеми ее традиционными ответвлениями»²⁷. Важнейшим предрассудком, с которым он призывает бороться теоретиков-экономистов, он объявляет «боязнь правительства (веру в то, что экономика может быть наилучшим образом управляема посредством «рынка», который поэтому должен быть «предоставлен самому себе»)»²⁸.

Таковы важнейшие причины, объясняющие отрицание экономических законов буржуазными экономистами.

3. КРИЗИС «ТЕОРИИ РАВНОВЕСИЯ»

Одним из важнейших устоев традиционной буржуазной апологетики является «теория равновесия». Многие буржуазные экономисты (например, Д. Б. Кларк, И. Шумпетер) выделяли специальный раздел политической экономии, рассматриваемый в качестве теоретической базы всего последующего анализа, — так называемую статику, в которой экономическое равновесие рассматривалось, так сказать, в чистом виде, при абстрагировании от всех факторов, которые могут его нарушить.

Традиционные буржуазные теории рассматривали состояние равновесия как нормальное, типичное состояние капиталистической экономики, лишь изредка нарушаемое в силу действия каких-либо случайных факторов. Капиталистическая экономика, согласно этим теориям, обладает идеальным механизмом, позволяющим легко и быстро преодолевать возникающие диспропорции и восстанавливать нарушенное равновесие.

Вместе с тем равновесие трактовалось как идеальное состояние экономики, обеспечивающее наилучшее использование наличных производственных ресурсов и реализацию так называемого максимума полезности. Состояние равновесия в представлениях буржуазных экономистов обычно ассоциировалось с существованием полной занятости. Защитники традиционной «теории равновесия» обычно стояли на позициях теории реализации Ж.-Б. Сэя, отрицавшей возможность общего перепроизводства товаров. Одним из аспектов «теории равновесия» является положение о финансовом равновесии. Состояние равновесия, согласно этим представлениям, предполагает устойчивость денежного обращения, неизменный

²⁵ A. Marchal. La pensée économique de la France après 1945. P., 1953, p. 6.

²⁶ «The Political Economy of American Foreign Policy». N. Y., 1955, p. 397.

²⁷ C. E. Ayres. Classical Tradition Versus Economic Growth. «Southwestern Social Science Quarterly», March 1956, p. 349.

²⁸ Ibid., p. 346.

уровень цен, равновесие между расходами и доходами государства.

Некоторые из наиболее ретивых защитников теории равновесия утверждали, что состояние равновесия предполагает отсутствие эксплуатации рабочих капиталом, что в статических условиях, когда состояние равновесия ничем не нарушается, отсутствуют такие категории, как предпринимательская прибыль (теория Д. Б. Кларка) или процент (теория Шумпетера).

«Теория равновесия» была использована прежде всего для восхваления рыночного хозяйства, для апологии автоматически действующего механизма свободной конкуренции. В условиях общего кризиса капитализма, как мы видели, вера в этот механизм пошатнулась в результате ослабления действия внутренних сил капитализма. В связи с этим пошатнулась и традиционная «теория равновесия». Она переживает длительный кризис.

Этот кризис не следует понимать в том смысле, что «теория равновесия» совершенно сошла со сцены. Она в современных условиях потеряла то место, которое занимала в конце прошлого — начале текущего столетия, когда она претендовала на всеобщее распространение, когда она занимала одну из ключевых позиций в буржуазной политической экономии. «Теория равновесия» в ее традиционной форме защищается сторонниками «свободного предпринимательства», специализирующимися на восхвалении рыночного хозяйства, в частности современными немецкими неоллибералами. Так, глава немецких неоллибералов В. Ойкен трактует равновесие в качестве критерия, позволяющего выбрать наиболее рациональную хозяйственную систему. «Вопрос о том, какой хозяйственный строй (Ordnungsform) должен быть осуществлен, — пишет он, — зависит прежде всего от того, содействует ли он восстановлению равновесия»²⁹. Равновесие в трактовке Ойкена, ассоциируется с требованиями экономической эффективности и справедливости. «Задача, — пишет он, — остается всегда той же — установление способного функционировать и справедливого строя. С точки зрения выполнения этой двойной задачи должно быть ясно, что означает равновесие: способность к функционированию. Это одна сторона равновесия. Не меньшее значение — и это следует подчеркнуть — имеет также вопрос справедливости»³⁰.

Но такие защитники «теории равновесия» составляют все же меньшинство среди современных буржуазных экономистов. По мере распространения в буржуазных кругах идеи о том, что капиталистическая экономика нуждается для своего функционирования в каких-то искусственных подпорках и костылях, «теория равновесия» теряет свое влияние. Эта теория не полностью отвергается, но в нее вносятся многие коррективы, которые подрывают ее основы и сводят ее в значительной мере на нет.

Кризис «теории равновесия» выражается прежде всего в том, что подвергается сомнению традиционное положение о равновесии как об идеальном состоянии экономики. В этом отношении особенно показателен пример Кейнса. Последний не отвергал прямо «теории равновесия», но он подчеркивал, что состояние равновесия отнюдь не обязательно связано с реализацией полной занятости. Кейнс видел главную задачу в том, чтобы выяснить, как складывается рыночное равновесие в условиях, когда нет предпосылок для осуществления полной занятости, когда налицо так называемая вынужденная безработица. В этой трактовке понятие равновесия приобретает гораздо более ограниченное содержание. Оно означает только тенденцию к равенству спроса и предложения. Но эта тенденция в данной трактовке отнюдь не претендует на то, чтобы служить символом наиболее рационального и эффективного использования производительных сил. Она отнюдь не является залогом того, что капиталистический механизм действует бесперебойно и безотказно. В кейнсианской трактовке состояние равновесия отнюдь не выступает как гарантия всеобщего преуспевания и процветания.

Кейнс в своих работах особенно много внимания уделял критике требований финансового равновесия. По его собственным словам, он всю жизнь боролся с двумя фетишами, на которых базировалась валютная и бюджетная политика капитализма в прошлом: а) с принципом золотого стандарта и б) с положением о необходимости балансирования доходов и расходов государственного бюджета. Он не только не считал, что устойчивое денежное обращение является самоочевидным идеалом, но во многих своих работах усиленно подчеркивал, что стремление во что бы то ни стало удержать золотой стандарт и обеспечить бюджетное равновесие чревато во многих случаях губительными последствиями для экономики. Он провозгласил критерием «разумной» экономической политики отказ от золотого стандарта и объявил бюджетный дефицит чуть ли не нормой финансовой политики. На этом вопросе мы более подробно остановимся в главе, посвященной теориям «регулируемого капитализма». Здесь мы только хотели показать, что подобного рода критика способствовала расшатыванию веры в то, что осуществление принципа равновесия избавляет капитализм от всех его противоречий.

Расшатыванию этой веры способствовало и распространение теорий, посвященных проблеме монополии и конкуренции. Многие буржуазные экономисты вынуждены были признать, что нельзя рассматривать свободную конкуренцию как нормальное, типичное явление для современного капитализма. Как ни порочны различные схемы, предложенные буржуазными экономистами для объяснения монопольных цен, но они означают признание того, что в современных условиях равновесие устанавливается не на базе свободной конкуренции. Как ни стараются буржуазные экономисты

²⁹ W. Eucken. Grundsätze der Wirtschaftspolitik, S. 164.

³⁰ Ibid., S. 166.

обелить монополии, но в своем большинстве они все же не в состоянии полностью замолчать грабительскую политику монополий. Иначе они рисковали бы полностью потерять доверие трудящихся масс. Некоторые, хотя и очень нерешительные, попытки критики монополий, встречающиеся в работах буржуазных экономистов, дают все же основание для утверждений о том, что равновесие в условиях наличия монополий отнюдь не является идеалом.

Эти утверждения в буржуазной литературе иногда формулируются так, что в условиях монополий (или, как выражаются буржуазные экономисты, в условиях «несовершенной конкуренции») возможно только несовершенное равновесие, которое, по их признанию, не является подлинным равновесием. Канадский экономист Кирстид, рассматривая случаи «несовершенной конкуренции», заявляет: «Это совсем не равновесие. Это ни в коем случае не определенное положение, его стабильность не соответствует, говоря словами Шумпетера, «экономической рациональности», оно поддерживается не точным балансированием экономических сил, как в Вальрасовской системе равновесия в условиях свободной конкуренции, а путем принуждения, путем использования власти в институциональной структуре, в которой соотношение власти чрезвычайно неустойчиво. Такое положение, следовательно, даже если оно устойчиво на протяжении некоторого периода, не является равновесием, и мы заключаем, что равновесие фирмы в условиях несовершенной конкуренции несовместимо с равновесием системы в строго Вальрасовском смысле»³¹.

Мы привели эту выдержку для иллюстрации того, как некоторые буржуазные экономисты вынуждены признать невозможность устойчивого равновесия в современных условиях. Правда, эти экономисты не свободны от идеализации свободной конкуренции, когда равновесие также осуществлялось лишь на время и путем кризисных потрясений. «Теория равновесия» неприменима ни к капитализму свободной конкуренции, ни к монополистическому капитализму. Но в условиях последнего ее труднее защищать, ибо ее противоречие с действительностью выступает в более обнаженном виде.

В обстановке углубления экономических противоречий капитализма буржуазные экономисты должны были уделить значительно больше внимания проблеме экономических кризисов перепроизводства. Перед лицом усиливающихся кризисов многие буржуазные экономисты должны были признать, что нарушения равновесия отнюдь не носят такого кратковременного характера, какой рисовала традиционная «теория равновесия», что в ходе кризиса имеющиеся противоречия не только не преодолеваются, а продолжают в течение длительного времени обостряться. Так, кризис перепроизводства вызывает усиленную безработицу, а последняя

³¹ B. Keirstead. The Theory of Economic Change. Toronto, 1948, p. 44.

способствует еще большему углублению разрыва между производственными возможностями капитализма и условиями реализации, т. е. приводит к дальнейшему обострению кризисов. Традиционная «теория равновесия» утверждала, что всякая диспропорция немедленно вызывает действие сил, которые преодолевают эту диспропорцию.

Практика капитализма (в особенности во время экономических кризисов перепроизводства и разрушительных инфляций) показала, что диспропорции и вообще экономические противоречия вызывают действие сил, которые углубляют эти диспропорции и противоречия.

Эти факты в какой-то мере должны были признать и некоторые буржуазные экономисты (например, шведский буржуазный экономист Виксель). Но признание таких фактов не могло не подорвать веры в устойчивость экономического равновесия. Во всяком случае нельзя не отметить явных трещин в формулировках, которые даются буржуазными экономистами по вопросу о равновесии.

Некоторые буржуазные авторы прямо утверждают, что термин «равновесие» имеет весьма условный характер.

Так, например, Пигу, рассматривая разные случаи равновесия, особо выделяет неустойчивое равновесие, когда «малейшее нарушение пробуждает дополнительные возмущающие силы, которые, действуя совокупно, удаляют систему от ее первоначальной позиции». Рассматривая этот наиболее характерный для современной капиталистической экономики случай, Пигу замечает: «Практически, конечно, неустойчивое равновесие равнозначно отсутствию равновесия»³². Еще дальше идет Дж. Робинсон, которая характеризует равновесие как метафору (это выражение взято из теоретической механики), имеющую весьма условный смысл. Она пишет: «Метафора равновесия довольно обманчива (treacherous), однако мы знаем, что некоторые виды экономики менее подвержены нарушениям, чем другие... поэтому этим выражением удобно пользоваться при описании отсутствия нарушений. Мы можем говорить об экономике в состоянии спокойствия, когда она развивается спокойно, регулярно, без внутренних противоречий или внешних потрясений, так что ожидания, основанные на прошлом опыте, вполне обоснованы и фактически постоянно осуществляются, а следовательно, и постоянно возобновляются»³³.

Итак, если верить Робинсон, вся суть принципа равновесия сводится к тому, что иногда экономика переживает состояние относительного спокойствия. Нечего говорить о том, что сам этот термин «спокойствие» имеет расплывчатый и неопределенный характер. Да и о каком спокойствии может идти речь в буржуазном обществе, раздираемом внутренними противоречиями. Сама

³² Цит. по Э. Жамс. История экономической мысли XX века. М., ИЛ, 1959, стр. 161.

³³ J. Robinson. The Accumulation of Capital. L., 1956, p. 59.

Робинсон вынуждена признать, что капиталистическая действительность совсем не похожа на это иллюзорное состояние спокойствия. «Достаточно только описать эти условия, — замечает она, — чтобы увидеть, насколько они далеки от состояния, в котором пребывает действительная экономика. В частности, капитализм никогда не мог бы возникнуть в таких условиях, потому что разрыв между трудом и собственностью, который делает возможным крупное предпринимательство, заключает в себе конфликт; и правила игры развивались именно так, чтобы сделать возможными накопление и технический прогресс в условиях неопределенности и неизвестности»³⁴.

В результате всех этих оговорок Дж. Робинсон от принципа равновесия фактически ничего не остается.

Некоторые буржуазные экономисты, ставя все точки над «и», отказываются вообще от принципа равновесия. Такова позиция упоминавшегося Эрика Линдаля, который характеризует предлагаемый им метод как «метод неравновесия» (*disequilibrium method*). Он подчеркивает, что при изучении экономической динамики нужно главное внимание обращать на случаи нарушения равновесия. При этом он акцентирует свое внимание на расхождении между предполагаемыми будущими ценами и доходами предпринимателей и действительно складывающимся положением (этот вопрос специально рассматривается нами в гл. VII). «Динамический элемент, — утверждает он, — как раз и заключается в несовместимости этих предположений... Иными словами, в течение каждого периода присутствует скрытое нарушение равновесия»³⁵. В критической статье, посвященной Кейнсу, Линдаль упрекает последнего в том, что он изучает равновесие и характеризует его теорию как статическую³⁶.

Критически относится к «теории равновесия» и другой видный шведский экономист Эрик Лундберг. Он считает, что «вся концепция о тенденции к всеобщему равновесию, осуществляющейся путем приспособления, должна быть отклонена»³⁷.

Такую же точку зрения защищает американский экономист К. Болдинг, который пишет: «Теория развития организма во времени должна быть скорее теорией неравновесия, чем равновесия. Действительно, подлинное равновесие неизвестно миру природы, поскольку все вещи подчинены необратимому процессу энтропии»³⁸.

«Теорию равновесия» отвергает и эконометрик Э. Домар. «Мы начинаем с того, — пишет он, — что отвергаем идею равновесия как

состояние покоя, к которому, как предполагается, должна вернуться стабильная система (это отличает наш подход от других динамических моделей, где движение переменных трактуется как отклонение от некоторых постоянных величин равновесия). Наша экономика никогда к этому состоянию не возвращается»³⁹. Рассматривая теорию стационарной экономики, Э. Домар замечает: «...Эта схема отслужила свое; в настоящее время она стала скорее мертвым грузом, чем орудием (познания)»⁴⁰.

Вынужденный отказ многих буржуазных экономистов от «теории равновесия» сопровождается участвующими за последнее время попытками создания динамических теорий. В ряде работ буржуазные авторы пытаются выявить основные факторы, определяющие экономическое развитие, формы и результаты их взаимодействия и т. д. Такого рода попытки перестройки политической экономии на путях изучения динамических процессов сами по себе представляют положительную тенденцию. Но в данном случае, как и в других подобных случаях, обнаруживается общая закономерность: там, где буржуазные экономисты под влиянием обострившихся противоречий капитализма вынуждены отказываться от старых догм и встать на путь более реалистического анализа, они оказываются неспособными дать подлинно научный анализ в силу классовой ограниченности и апологетической направленности своих работ (см. гл. 7).

4. О ТАК НАЗЫВАЕМОМ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОМ МЕТОДЕ

Кризис буржуазной политической экономии находит свое выражение, в частности, в кризисе субъективизма, составляющем одну из важнейших особенностей буржуазной методологии. Субъективизм — сложный комплекс, состоящий из ряда элементов. Важнейшим моментом субъективизма является идеалистическая точка зрения, трактующая субъективные оценки индивидов в качестве определяющего фактора экономики, а все экономические категории — как специфическое выражение этих субъективных оценок. Идеалистическое мировоззрение и в настоящее время составляет методологическую основу всей буржуазной политической экономии. В этой области нет не только каких-либо признаков продвижения вперед, но, напротив, идеалистическая точка зрения принимает все более реакционные формы выражения.

Другим составным элементом субъективизма в политической экономии является индивидуалистическая трактовка экономических категорий, классическим выражением которой выступает так называемый метод робинзонад. Сущность этого метода выражается в том, что общество рассматривается как механическая сумма

³⁴ I. Robinson. *The Accumulation of Capital*. L., 1956, p. 59.

³⁵ E. Lindahl. *Studies in the Theory of Money and Capital*, p. 69.

³⁶ E. Lindahl. *On Keynes Economic System*. «The Economic Record». May 1954, p. 29.

³⁷ E. Lundberg. *Studies in the Theory of Economic Expansion*. N. Y., 1955, p. 45.

³⁸ K. E. Baulding. *A Reconstruction of Economics*. N. Y., 1950, p. 37.

³⁹ E. V. Domar. *Essays on the Theory of Economic Growth*. N. Y., 1957, p. 30.

⁴⁰ Ibid., p. 14.

множества индивидов, а отдельный индивид с его субъективными оценками имеющихся запасов потребных ему хозяйственных благ — в качестве исходного пункта экономического анализа. Наиболее последовательное выражение индивидуалистическая методология получила в писаниях австрийской школы, в которых детальный анализ робинзоновского хозяйства преподносится как ключ к решению всех проблем политической экономии. В соответствии с таким пониманием экономических категорий политическая экономия трактуется как наука об отношении субъекта к вещи и об отношениях между отдельными субъектами.

Индивидуалистическая методология не оказалась столь же долговечной, как идеалистическая точка зрения. Отход от индивидуализма начинается с наступлением эпохи империализма и в особенности с вступлением капитализма в период его общего кризиса, когда на сцену выступают новые направления в экономической литературе, такие, как социальное направление в Германии, институционализм в США, социологическая школа во Франции, подчеркивающие недостаточность индивидуалистической трактовки и выдвигающие необходимость рассмотрения экономических явлений в применении к обществу, взятому в целом.

Индивидуалистическая методология пришла в противоречие с новой задачей, возникшей перед буржуазными экономистами в условиях империализма, — с задачей оправдания капиталистических монополий. Последние заинтересованы в том, чтобы оправдать свою грабительскую политику разговорами о высших национальных интересах государства и т. д. Поэтому монополии и их агенты отходят от старых теорий, объявляющих личные интересы «хозяйствующего субъекта» главным и определяющим мотивом в области экономики. Монополиям выгодна такая перестройка буржуазной политической экономии, при которой подчеркивается особое значение «общественных мотивов», прикрываясь которыми можно было бы оправдать любые действия финансового капитала.

При рассмотрении отмеченной выше эволюции буржуазной политической экономии необходимо учесть так же громадный рост и усиление в эпоху империализма профсоюзного движения. Применяя разные методы борьбы с рабочим классом, монополии используют и такой метод, как подкуп правых деятелей профсоюзного движения. Оправдание выгодных для монополистического капитала соглашений между предпринимательскими организациями и реакционными деятелями профессиональных союзов стало одной из задач буржуазной политической экономии. Для решения этой задачи старая индивидуалистическая методология также оказывается непригодной.

Наконец, для указанной выше эволюции буржуазной политической экономии огромное значение имеет развитие государственно-монополистического капитализма. Старая методология оказалась непригодной для апологии государственно-монополи-

стического капитализма. Эту апологию легче и удобнее всего оказалось проводить путем подчеркивания решающей роли буржуазного государства в экономике и призыва к установлению правительственного контроля над экономикой. Эта тема становится одной из популярных в современной буржуазной экономической литературе. Она потребовала некоторой перестройки методологии в направлении отхода от индивидуализма.

Третий элемент субъективизма составляет примат частнохозяйственного подхода к рассмотрению экономических явлений. Эта точка зрения родственна индивидуалистической, но не вполне совпадает с ней. В качестве частного предприятия, составляющего основу всего теоретического анализа, выступает не только предприятие, принадлежащее одному индивиду, но и гигантская корпорация, насчитывающая сотни тысяч акционеров и тесно связанная финансовыми узами с многочисленными другими предприятиями. Суть указанной точки зрения сводится к тому, что центр тяжести теоретического анализа сводится к рассмотрению экономики предприятия, которое рассматривается в качестве исходного, определяющего и независимого элемента. Общие же положения, имеющие народнохозяйственное значение, выводятся непосредственно из рассмотрения практики частных предприятий. Эта точка зрения, преобладавшая прежде в буржуазной политической экономии, получила название «микроэкономической». Она занимала и занимает доминирующее положение в теории стоимости и распределения. Она оказала свое влияние и на ту область, где совершенно очевидно, что сама природа объекта исследования требует народнохозяйственного подхода, а именно на проблему кризисов и безработицы. Такой подход был связан с преобладанием в буржуазной литературе до 30-х годов теории реализации Сэя, отрицавшей возможность общего перепроизводства товаров и допускавшей только частичное перепроизводство в отдельных отраслях.

Под влиянием мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. многие буржуазные экономисты, в частности Д. М. Кейнс, вынуждены были расписаться в банкротстве теории реализации Сэя и признать, что экономические кризисы перепроизводства порождены не случайными причинами, а имеют более глубокие основания. Перед лицом растущих экономических трудностей капитализма многие буржуазные экономисты вынуждены были отбросить считавшуюся прежде самоочевидной догму о том, что все производственные ресурсы (в первую очередь трудовые ресурсы) обычно получают полное использование. Отбросив эту догму, буржуазные экономисты столкнулись с новой проблемой: что определяет общие масштабы капиталистического производства и размеры занятости, что лимитирует возможности дальнейшего расширения производства. Столкнувшись с этой проблемой, буржуазные экономисты в лице Кейнса и его последователей должны были встать на путь

множества индивидов, а отдельный индивид с его субъективными оценкам имеющихся запасов потребных ему хозяйственных благ — в качестве исходного пункта экономического анализа. Наиболее последовательное выражение индивидуалистической методологии получила в писаниях австрийской школы, в которых детальный анализ робинзоновского хозяйства преподносится как ключ к решению всех проблем политической экономии. В соответствии с таким пониманием экономических категорий политическая экономия трактуется как наука об отношении субъекта к вещи и об отношениях между отдельными субъектами.

Индивидуалистическая методология не оказалась столь же долговечной, как идеалистическая точка зрения. Отход от индивидуализма начинается с наступлением эпохи империализма и в особенности с вступлением капитализма в период его общего кризиса, когда на сцену выступают новые направления в экономической литературе, такие, как социальное направление в Германии, институционализм в США, социологическая школа во Франции, подчеркивающие недостаточность индивидуалистической трактовки и выдвигающие необходимость рассмотрения экономических явлений в применении к обществу, взятому в целом.

Индивидуалистическая методология пришла в противоречие с новой задачей, возникшей перед буржуазными экономистами в условиях империализма, — с задачей оправдания капиталистических монополий. Последние заинтересованы в том, чтобы оправдать свою грабительскую политику разговорами о высших национальных интересах государства и т. д. Поэтому монополии и их агенты отходят от старых теорий, объявляющих личные интересы «хозяйствующего субъекта» главным и определяющим мотивом в области экономики. Монополиям выгодна такая перестройка буржуазной политической экономии, при которой подчеркивается особое значение «общественных мотивов», прикрываясь которыми можно было бы оправдать любые действия финансового капитала.

При рассмотрении отмеченной выше эволюции буржуазной политической экономии необходимо учесть так же громадный рост и усиление в эпоху империализма профсоюзного движения. Применяя разные методы борьбы с рабочим классом, монополии используют и такой метод, как подкуп правых деятелей профсоюзного движения. Оправдание выгодных для монополистического капитала соглашений между предпринимательскими организациями и реакционными деятелями профессиональных союзов стало одной из задач буржуазной политической экономии. Для решения этой задачи старая индивидуалистическая методология также оказывается непригодной.

Наконец, для указанной выше эволюции буржуазной политической экономии огромное значение имеет развитие государственно-монополистического капитализма. Старая методология оказалась неспособной для апологии государственно-монополи-

стического капитализма. Эту апологию легче и удобнее всего оказалось проводить путем подчеркивания решающей роли буржуазного государства в экономике и призыва к установлению правительственного контроля над экономикой. Эта тема становится одной из популярных в современной буржуазной экономической литературе. Она потребовала некоторой перестройки методологии в направлении отхода от индивидуализма.

Третий элемент субъективизма составляет примат частнохозяйственного подхода к рассмотрению экономических явлений. Эта точка зрения родственна индивидуалистической, но не вполне совпадает с ней. В качестве частного предприятия, составляющего основу всего теоретического анализа, выступает не только предприятие, принадлежащее одному индивиду, но и гигантская корпорация, насчитывающая сотни тысяч акционеров и тесно связанная финансовыми узами с многочисленными другими предприятиями. Суть указанной точки зрения сводится к тому, что центр тяжести теоретического анализа сводится к рассмотрению экономики предприятия, которое рассматривается в качестве исходного, определяющего и независимого элемента. Общие же положения, имеющие народнохозяйственное значение, выводятся непосредственно из рассмотрения практики частных предприятий. Эта точка зрения, преобладавшая прежде в буржуазной политической экономии, получила название «микроэкономической». Она занимала и занимает доминирующее положение в теории стоимости и распределения. Она оказала свое влияние и на ту область, где совершенно очевидно, что сама природа объекта исследования требует народнохозяйственного подхода, а именно на проблему кризисов и безработицы. Такой подход был связан с преобладанием в буржуазной литературе до 30-х годов теории реализации Сэя, отрицавшей возможность общего перепроизводства товаров и допускавшей только частичное перепроизводство в отдельных отраслях.

Под влиянием мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. многие буржуазные экономисты, в частности Д. М. Кейнс, вынуждены были расписаться в банкротстве теории реализации Сэя и признать, что экономические кризисы перепроизводства порождены не случайными причинами, а имеют более глубокие основания. Перед лицом растущих экономических трудностей капитализма многие буржуазные экономисты вынуждены были отбросить считавшуюся прежде самоочевидной догму о том, что все производственные ресурсы (в первую очередь трудовые ресурсы) обычно получают полное использование. Отбросив эту догму, буржуазные экономисты столкнулись с новой проблемой: что определяет общие масштабы капиталистического производства и размеры занятости, что лимитирует возможности дальнейшего расширения производства. Столкнувшись с этой проблемой, буржуазные экономисты в лице Кейнса и его последователей должны были встать на путь

рассмотрения воспроизводства общественного капитала, на путь рассмотрения таких «глобальных» категорий, как национальный доход, общая занятость, совокупное производство и совокупное потребление. Так совершился переход к так называемой «макроэкономической» точке зрения, рассматривающей процессы в масштабе всего народного хозяйства.

Эта эволюция буржуазной политической экономии, знаменующая собой кризис одного из важнейших проявлений субъективизма, отражает растущие экономические трудности капитализма. Этот факт признают и некоторые буржуазные экономисты. Так, К. Курихара дает следующее объяснение того факта, что в XIX в. макроэкономическая точка зрения не получила большого распространения: «Пока экономическая система функционировала прогрессивно и гладко, экономисты, естественно, рассматривали экономику в целом как нечто данное, стремясь изучать скорее индивидуальные цены и количества, чем общий уровень цен, производства и занятости»⁴¹.

Такая постановка вопроса К. Курихарой отражает не только углубление экономических противоречий капитализма, но и потребность в каких-то практических мероприятиях в интересах ослабления этих противоречий. Старые вульгарные теории, полностью игнорировавшие эти противоречия, не годились для решения таких практических задач.

На первый взгляд представляется, что макроэкономическую постановку проблемы в условиях, определяющих общий объем занятости, можно оценивать как некоторый положительный симптом. Но все дело в том, что буржуазные экономисты с самого начала ставят проблему на неправильные рельсы. Для них суть проблемы сводится к следующему: как избежать массовой безработицы и экономических кризисов перепроизводства при обязательном сохранении капиталистического строя.

Заранее поставленная реакционная цель — сохранить и укрепить капиталистический строй — обрекает на научное бесплодие буржуазных сторонников макроэкономической точки зрения. Стремясь затушевать связь между безработицей и экономической структурой капитализма, Кейнс и его последователи ищут источник безработицы не в экономических законах капитализма, а в неправильной экономической политике, в следовании принципам *laissez faire*.

Подлинно научный макроэкономический анализ, который должен опираться на изучение производственных отношений буржуазного общества в их единстве и взаимосвязи и на раскрытие экономических законов развития этого общества, недоступен для буржуазных экономистов.

⁴¹ К. К. Kurihara. Introduction to Keynesian Dynamics. L., 1956, p. 12.

Для осуществления подлинно научного макроэкономического анализа недостаточно одной декларации о необходимости изучения общественного производства, общественного потребления, накопления общественного капитала, национального дохода и других «глобальных» категорий капиталистической экономики. Для осуществления подобного анализа необходимо правильное понимание взаимоотношения производства, потребления, накопления, национального дохода и т. д. А правильное понимание этого взаимоотношения невозможно при характерном для буржуазных экономистов игнорировании противоречий, в которых протекает процесс воспроизводства общественного капитала. Макроэкономическая теория Кейнса и других буржуазных экономистов представляет собой выхолощенную теорию, в которой капиталистические противоречия получают весьма слабое и извращенное отражение, например в виде элементов теории недопотребления. Эта макроэкономическая теория игнорирует ряд важнейших тенденций капиталистического развития: усиливающееся обнищание рабочего класса, возрастающий гнет монополистического капитала, обострение империалистических противоречий, рост милитаризма и т. д. В этой макроэкономической теории отсутствует такое важнейшее условие научного анализа воспроизводства общественного капитала, как правильное понимание классовой структуры буржуазного общества и всех его важнейших экономических категорий (капитала, заработной платы, прибыли, процента и т. д.).

Теория воспроизводства общественного капитала опирается на достижения в разработке других проблем политической экономии — теории стоимости, прибавочной стоимости и т. д.

Известно, каким тормозом для разработки проблем воспроизводства общественного капитала служила пресловутая догма Адама Смита, сводившая стоимость к доходам. Кстати, Кейнс, как и подавляющее большинство современных буржуазных экономистов, разделяет эту догму.

Для проведения макроэкономического анализа недостаточно только оперировать «глобальными» величинами, например категориями «национальный доход», «совокупный капитал» и т. д. Необходимо правильно определить эти категории. Так, например, национальный доход определяют двояким образом: а) как сумму индивидуальных доходов, б) как новую стоимость, создаваемую в народном хозяйстве. В первом случае национальный доход определяется микроэкономическим методом, ибо в качестве исходного пункта берется индивидуальное хозяйство. «Глобальные» категории при таком подходе трактуются в качестве суммы результатов, полученных в условиях индивидуальных хозяйств. При этой трактовке любое предприятие, независимо от характера его деятельности, рассматривается как источник дохода. Именно такой подход характерен для буржуазных экономистов. Это дает нам основание утверждать, что буржуазные макроэкономические теории имеют

своей основной категории, природа которых изучается путем микроэкономического анализа.

Некоторые буржуазные экономисты прямо признают, что макроэкономическая теория есть непосредственный итог микроэкономического анализа. Так, например, Э. Линдаль дает следующую характеристику макроэкономическому анализу: «Эти макроэкономические величины могут быть обычно получены путем *суммирования* соответствующих микроэкономических величин, или, если иметь дело с ценами и другими отношениями, посредством *исчисления средних* того или иного рода»⁴². Все сводится к механическому суммированию. В основе этой версии лежит старая буржуазная концепция о том, что народное хозяйство есть просто арифметическая сумма отдельных частных хозяйств. Совершенно ясно, что при такой трактовке макроэкономическая теория не устраняет тех пороков, которые неизбежны при микроэкономическом подходе. При таком понимании взаимоотношения между макро- и микроэкономикой игнорируется следующее важное положение — то, что верно при рассмотрении отдельного частного хозяйства, не всегда применимо к народному хозяйству, взятому в целом. Так, например, при рассмотрении воспроизводства отдельного предприятия можно отвлечься от натуральной формы продукта, но это положение совершенно неприменимо при изучении воспроизводства общественного капитала.

Ненаучный характер буржуазных представлений о макроэкономике особенно явно выступает у шведского экономиста И. Акермана, который постулирует следующее положение: «В цикле отношение микросферы к макросфере выступает как фактор, имеющий абсолютно решающее значение»⁴³. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что Акерман установил весьма своеобразное «разделение труда» между макро- и микроэкономическими факторами. Первые, по его концепции, объясняют переход от промышленного подъема к экономическому кризису, вторые — переход от кризиса к фазе депрессии и затем подъема. Трудно обнаружить логику в этом более чем оригинальном теоретическом построении. Остается совершенно непонятным — почему к разным фазам цикла следует подходить с различными методологическими критериями. Точно так же непонятно, как можно объяснить выход из кризиса без анализа движения совокупного спроса и предложения товаров. Единственное объяснение, которое можно дать этому построению, следующее: по старой в буржуазной литературе традиции кризис рассматривается здесь как случайное и исключительное явление, которое нуждается в особом объяснении, с применением другой методологии. Остальные же фазы цикла харак-

теризуют собой «нормальную» экономику и для их объяснения можно идти старыми проторенными путями, которые можно суммарно охарактеризовать как микроэкономический подход. Ясно, что при таких предпосылках нельзя дать научного понимания макроэкономике.

Сами попытки «примирения» макро- и микроэкономических точек зрения⁴⁴ свидетельствуют о непонимании принципиального расхождения этих двух точек зрения. Макроэкономический анализ ни в коей мере не исключает необходимости детального и глубокого изучения экономики отдельных предприятий. Все дело в том, как ее изучать. Макроэкономическая теория изучает отдельные предприятия как составную часть совокупного народного хозяйства, подчиненную общим экономическим законам, усматривая в стоимости отдельного товара проявление общечеловеческого труда. Между тем микроэкономическая теория подходит к частному предприятию как к независимому исходному пункту.

Таким образом, макро- и микроэкономическая теория фактически исключают друг друга.

То, что большинство буржуазных экономистов не видят этого факта, лишь дополнительно подтверждает, что они способны лишь на жалкие потуги создания «макроэкономической теории». Они не в силах создать стройную теорию воспроизводства общественного капитала, хотя и ощущают потребность в создании такой теории.

Следует отметить, что некоторые буржуазные экономисты догадываются о противоречии между макро- и микроэкономической точками зрения. Так, Ричард Ругглез, выступивший в декабре 1953 г. на съезде Американской экономической ассоциации, говорил: «Так как микроконцепция, используемая в теории стоимости, фундаментально отлична от макроконцепции, используемой в агрегативном анализе (анализе, оперирующем совокупными величинами. — И. Б.), то между микро- и макротеорией существует огромная брешь. С теоретической точки зрения эта брешь является большим несчастьем. Она означает, что теория стоимости должна основываться теорией, основанной скорее на частичном, чем на общем равновесии, а агрегативный анализ, поскольку он основан на других концепциях, не может использовать теорию микроповедения для проверки предполагаемых теорем относительно поведения производителей и потребителей в рамках общей модели, которая постулируется или наблюдается»⁴⁵.

В еще более «самокритическом» духе выступил по этому вопросу Д. М. Кларк в декабре 1954 г. на съезде той же ассоциации. Он отметил наличие «бреши между теорией и действительностью, и в

⁴² E. Lindahl. Studies in the Theory of Money and Capital, p. 53 (куп. св. мой. — И. Б.).

⁴³ J. Ackerman. Structures et cycles économique, t. 1. P., 1955, p. 221.

⁴⁴ О равноправии макро- и микроэкономических точек зрения пишет также Н. Чемберлин (N. W. Chamberlain. A General Theory of Economic Process. N. Y., 1955, p. 4.).

⁴⁵ R. Ruggles. The Value of Value Theory. «American Economic Review», May 1954, p. 147.

особенности брени между теориями равновесия издержек и цен (имеется в виду теория стоимости.— И. Б.) и теориями производства, роста и развития (имеется в виду теория воспроизводства и кризисов.— И. Б.)»⁴⁶.

Эта «самокритика» со стороны буржуазных экономистов весьма показательна. Она отражает неудовлетворенность традиционными микроэкономическими теориями, их непригодность для решения практических задач, выдвигаемых современной действительностью, и в то же время неспособность буржуазных экономистов отрешиться от этой столь глубоко укоренившейся и столь соответствующей буржуазному кругозору методологии. Вместе с тем эта «самокритика» свидетельствует о том, что до сознания более вдумчивых буржуазных экономистов доходит понимание того, что сама «макроэкономика» не имеет солидной методологической и теоретической базы, поскольку исходные разделы политической экономии — теории стоимости, прибыли, заработной платы и т. д. — разрабатываются с помощью микроэкономического метода.

Конфликт между макро- и микроэкономическими теориями, на который ссылаются некоторые буржуазные экономисты, отражает внутреннее противоречие буржуазной методологии, которая никак не может оторваться от частнохозяйственной точки зрения и в то же время не может полностью отмахнуться от грозных проблем кризисов, безработицы и инфляции, требующих народнохозяйственного подхода. Макроэкономическая точка зрения, как было отмечено, есть непосредственный идеологический продукт кризисного состояния капитализма⁴⁷. Противоречие между макро- и микроэкономической точками зрения — непосредственное проявление кризиса современной буржуазной политической экономии.

5. ПОДЧЕРКИВАНИЕ РЕШАЮЩЕГО ЗНАЧЕНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МЕТОДА

Одной из характерных особенностей методологии современной буржуазной политической экономии является подчеркивание примата математического метода. В наиболее законченном виде это выступает в работах по эконометрике. Но и в работах многих буржуазных экономистов, которые не относятся к эконометрическому направлению, применение математических приемов занимает очень видное место. Применение этих приемов прежде было характерно преимущественно для экономистов, примыкавших к так называемой «математической школе» (т. е. к школе Вальраса — Парето). В настоящее время применение математических приемов

среди буржуазных экономистов приняло если не всеобщий, то во всяком случае широко распространенный характер.

Чем вызвано такое всеобщее увлечение математическим методом? Тут действует ряд причин. Некоторые из них проявляли свое действие и прежде, некоторые же причины имеют более позднее происхождение и связаны с кризисом современной буржуазной политической экономии.

Одна из этих причин выражается в стремлении приукрасить внутреннее убожество современной буржуазной политической экономии, создать видимость ее высокой научности, показать ее близость к точным наукам.

В буржуазной экономической литературе было немало попыток показать внешнюю близость некоторых положений политической экономии к важнейшим теоремам теоретической механики. Нередко буржуазные экономисты в очень сложной математической форме выражают весьма банальные вещи.

Маркс в письме к Энгельсу от 23 мая 1868 г. отметил характерную для буржуазных экономистов тенденцию к нарочито усложненному изложению своих работ. «...Все они, — писал Маркс, — так полны экономических банальностей, — и знают к тому же, что это основательно надоело их читателям, — что стараются приправить свою стряпню псевдо-философским или псевдо-научным slang (жаргоном). Несмотря на этот мнимонаучный характер, содержание (само по себе равное нулю) ни в коем случае не становится более понятным. Напротив. Весь фокус состоит в том, чтобы мистифицировать читателя и заставить его ломать себе голову, пока он, в конце концов, не придет к успокоительному выводу, что за этими hard words (страшными словами.— И. Б.) скрываются лишь общие места»⁴⁸. Эти слова Маркса сохраняют свою силу для многих буржуазных работ по теоретической экономии, испещренных сложными математическими формулами.

Другая причина такого широкого увлечения буржуазных экономистов математическим методом — это стремление увести исследование от социально-экономических особенностей и противоречий рассматриваемых процессов. Многие из этих особенностей не могут получить вообще количественного выражения, например исторически преходящий характер экономических категорий. Некоторые категории представляют собой результат воздействия большого и сложного комплекса факторов, что затрудняет их количественное измерение (например, уровень жизни). В некоторых случаях трудно изолировать влияние отдельных факторов и измерить их самостоятельное влияние (например, изменений интенсивности и производительности труда). Концентрация внимания только на количественной стороне экономических процессов

⁴⁶ «American Economic Review», May 1955, p. 450.

⁴⁷ Следует отметить, что самые ревностные защитники «свободного предпринимательства» отвергают в принципе макроэкономическую теорию. Так, Ф. Хайек квалифицирует ее как научный тоталитаризм, ведущий к опасному дирижизму.

⁴⁸ Маркс — Энгельсу от 23 мая 1868 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIV, стр. 60—61.

приводит к устранению ряда моментов, не поддающихся точному количественному выражению, но имеющих очень важное значение для характеристики положения отдельных классов. Для анологетов капитализма такой прием очень выгоден.

Увлечение буржуазных экономистов математическими методами связано и с новыми практическими потребностями, возникшими в период общего кризиса капитализма, о чем говорилось в предыдущей главе. При помощи математических приемов буржуазные экономисты пытаются решать некоторые практические вопросы, например лучшей организации капиталистических предприятий, или вопросы, связанные с изучением динамики спроса на отдельные товары, с выяснением взаимосвязи между отдельными отраслями производства. Работы такого типа, как будет показано в главе 9, не лишены научного значения в той части, в какой они касаются вопросов прикладной экономики.

Какова должна быть оценка этой тенденции, характерной для методологии современной буржуазной политической экономии?

Марксистская политическая экономия никогда не отрицала возможности применения математики к изучению экономических явлений. Достаточно указать на ту роль, которую играет математический метод у Маркса, который основательно знал современную ему высшую математику и написал ряд математических работ. В «Капитале» математический метод играет важную роль при решении проблем воспроизводства, установлении тенденции нормы прибыли к понижению, при выявлении сущности цен производства и т. д.⁴⁹ О том, какое значение придавал Маркс математической обработке статистических материалов, видно из его письма к Ф. Энгельсу от 31 мая 1873 г. «Дело, — писал Маркс, — в следующем: ты знаешь таблицы, в которых представлены цены, учетный процент и пр. в их движении в течение года и т. п. в их колебаниях вверх и вниз. Я неоднократно пытался — для анализа кризисов — вычлнить эти *up and downs* (повышения и понижения. — И. Б.), как неправильные кривые, и думал (думаю еще и теперь, что это возможно с достаточно проверенным материалом) математически вывести из этого главные законы кризисов. Мур, как сказано, считает задачу пока невыполнимой, и я решил *for the time being* (на ближайшее время. — И. Б.) отказаться от нее»⁵⁰.

Но математический метод есть только вспомогательное оружие, которым пользуется экономист и которое движется в рамках, очерченных экономической теорией. Математический метод не в состоянии создавать какие-то новые понятия. Он только по-

могает экономисту более полно сделать из данного теоретического положения все необходимые выводы. Экономист может прекрасно владеть математическим методом и прийти к совершенно неверной, ненаучной теории. Вопрос о правильности, точности, степени научности экономической теории лежит совершенно вне компетенции математики. Этот вопрос решается в зависимости от правильности исходных предпосылок и теоретических положений, на которые опирается количественный анализ. Для того чтобы математический метод мог выполнять свою роль в научном исследовании, необходимо, чтобы были правильно раскрыты природа отдельных категорий, их взаимоотношения и зависимости, их тенденции развития.

В этом отношении экономическая наука не составляет исключения. Применение математики в естественных науках также невозможно без предварительного качественного анализа.

Известный английский геолог Гексли сказал знаменитому физiku Уильяму Томсону: «Математика, подобно жернову, перемалывает то, что под него засыпают, и как, засыпав лебеду, вы не получите пшеничной муки, так, исписав целые страницы формулами, вы не получите истины из ложных предпосылок»⁵¹.

В экономической науке использование математического метода сопряжено с дополнительными трудностями, поскольку взаимосвязь явлений в социально-экономическом мире значительно сложнее, чем в мире природы. Особое значение имеет то обстоятельство, что с переходом от одной общественно-экономической формации к другой и даже в рамках одной формации возникают одни категории, исчезают другие и качественная природа многих категорий подвергается глубоким изменениям.

Экономические величины суть величины особого рода: они выражают производственные отношения, характеризующие определенный исторически сложившийся способ производства. Экономист, который все свое внимание обращает исключительно на количественное выражение отдельных категорий, тем самым отвлекается от их качественного содержания. Но это приводит к тому, что экономист подменяет качество своих категорий, ибо игнорирование одного качества (если даже отвлечься от сознательного искажения действительности) есть фактическое признание другого качества. Так, игнорирование исторически-преходящего характера экономических категорий приводит к фактическому признанию вечности этих категорий. Чрезмерное увлечение количественным анализом метит за себя. Экономист, который дает волю своей математической фантазии, теряет руководство экономическим анализом, становится пленником математического метода. Это бывает тогда, когда из подсобного метода математика превращается в основной,

⁴⁹ Даже буржуазный английский экономист Ф. Эджворт отмечал, что «Маркс, по-видимому, признавал возможность использования математических концепций в политической экономии» (F. J. Edgeworth. *Papers Relating to Political Economy*, t. III. L., 1925. p. 273).

⁵⁰ Маркс — Энгельсу от 31 мая 1873 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс. *Сочинения*, т. XXIV, стр. 414.

⁵¹ Цит. по кн. А. Н. Крылов. *Мои воспоминания*. М., Изд-во АН СССР, 1945, стр. 111.

когда математическая экономика превращается в экономическую математику.

Математика есть вообще формальная наука. Ее интересуют лишь формы количественных соотношений отдельных величин. Если, скажем, X и Y , с одной стороны, U и V — с другой, изменяются по одному и тому же закону, т. е. каждому одинаковому изменению X и U соответствуют одинаковые изменения Y и V , то обе функции математиком рассматриваются как одинаковые, хотя сами элементы, между которыми устанавливается функциональная зависимость, могут иметь совершенно различную природу. Если в центре экономического анализа ставится применение математики, то тем самым в политическую экономию привносится тот формализм, который характеризует математику. Одинаковая форма изменения отдельных категорий дает основания экономисту-математику сближать и отождествлять эти категории. Работы так называемой математической школы в политической экономике дают многочисленные примеры такого неоправданного сближения.

Так, экономисты математической школы подвергают экономические функции дифференцированию и интегрированию. Такие операции предполагают в качестве обязательного условия непрерывность функции, т. е. каждому бесконечно малому изменению аргумента должно соответствовать бесконечно малое изменение функции. Очевидно, что это условие неприменимо к тем случаям, когда рассматривается поведение отдельного индивида. Последний не будет реагировать на каждое бесконечно малое изменение цены. На это возражение представители математической школы отвечают следующим образом: функции спроса, потребления и т. д. отдельного индивида имеют прерывный характер, но зато функции спроса, потребления и т. д., взятые в отношении ко всему народному хозяйству, являются непрерывными в силу действия закона больших чисел. В отношении всего народного хозяйства можно сказать, утверждают они, что бесконечно малое изменение цены вызывает бесконечно малое изменение спроса. Несмотря на эту оговорку, представители математической школы подвергают дифференцированию и функции, характеризующие поведение индивидуума (с этих функций они, как сторонники субъективного направления, начинают свой анализ). Иными словами, индивидуальным функциям приписываются те черты, которые присущи социальным функциям; индивидуальное заменяется социальным; устраняется та сторона явлений, которая для экономистов субъективного направления является решающей, — индивидуальная.

Возможность дифференцирования данных функций предполагает не только их непрерывность, но и бесконечную делимость тех величин, которые связаны данной функциональной зависимостью. Между тем экономические блага не могут делиться до бесконечности. Правда, физические тела поддаются бесконечному дроблению, но бесконечно малая доля какого-нибудь тела (например, хлеба)

существует только физически (как известная часть материи), но не экономически, поскольку бесконечно малые доли каких угодно тел не имеют потребительной стоимости, а следовательно, и стоимости вообще. Процесс бесконечного деления, которому экономисты-математики подвергают все экономические величины, приводит к устранению экономического содержания.

Под мантией математических операций у представителей математической школы нередко происходит процесс трансформации отдельных категорий, процесс метаморфозы различных понятий.

Яркую иллюстрацию такого формализма и трансформации понятий в результате математических операций представляет весьма модная в настоящее время «теория игр и экономического поведения» Неймана и Моргенштерна.

Глава третья

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИЙ «ПРЕДЕЛЬНОЙ ПОЛЕЗНОСТИ» И «ПРЕДЕЛЬНОЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ»

Кризис буржуазной политической экономии отразился и на изменении проблематики, преобладающей в экономической литературе. Современные буржуазные экономисты мало занимаются такими общими теоретическими проблемами, как проблема стоимости, прибыли, земельной ренты и т. д. Буржуазные авторы вынуждены были сосредоточить свое внимание на вопросах, связанных с массовой безработицей, экономическими кризисами перепроизводства, инфляцией, т. е. на тех процессах, в которых наиболее отчетливо проявляются экономические потрясения современного капитализма. Вместе с тем, по мере усиления агрессивности империалистических стран, в экономической литературе этих стран начинают занимать все большее место вопросы, связанные с милитаризацией народного хозяйства.

Исходные базы буржуазных теорий стоимости и распределения — теорий «предельной полезности» и «предельной производительности» — продолжают господствовать и в современной буржуазной литературе. Но эти теории претерпели некоторую модификацию, отражающую характерные черты современной буржуазной политической экономии. С одной стороны, буржуазные авторы пытаются так перестроить эти теории, чтобы создать видимость приближения их к действительности, учета ряда моментов, которые игнорировались прежними защитниками теорий «предельной полезности» и «предельной производительности». Но это — обманчивая видимость. Фактически основной смысл этой перестройки сводится к тому, чтобы приспособить старые теории для лучшего обслуживания наиболее реакционных буржуазных деятелей, для обоснования нападок даже на самые умеренные буржуазные реформы. Хотя внешне эти модифицированные теории выглядят более «реалистическими», они в действительности имеют более реакционное содержание. Усиление реакционности особенно заметно проявляется в эволюции теории «предельной производительности». В этой модификации косвенно отражается кризис современной буржуазной политической экономии.

Теория «предельной полезности», как известно, была выдвинута в начале 70-х годов XIX в. одновременно К. Менгером в Австрии, С. Джевансом в Англии, Л. Вальрасом в Швейцарии. Основное острие этой теории направлено против исходного пункта марксистского учения — марксистской теории стоимости. В противовес трудовой теории стоимости К. Маркса Менгер, Джеванс и Вальрас выдвинули положение о том, что цены определяются субъективными оценками покупателей и продавцов. В основе этих оценок лежит предельная полезность, т. е. наименьшая полезность, которая может быть получена от одной единицы товара при данной величине запаса этих товаров. Предельная полезность, согласно утверждениям сторонников этой теории, зависит в свою очередь от интенсивности потребностей и от величины запаса товаров, т. е. от их редкости. По существу за весьма сложными формулами теории «предельной полезности» скрывается очень элементарное положение: стоимость товара тем выше, чем в меньшем количестве он имеется, чем больше его редкость.

Теория «предельной полезности» ставит вещи на голову. В действительности относительная редкость товаров определяется их стоимостью. Последняя через рыночные цены воздействует на размеры платежеспособного спроса, к которому приспособляются размеры общественного предложения товаров. Товары, имеющие более высокую стоимость, как правило, производятся в меньших количествах, поскольку спрос на эти товары ниже. Сторонники теории «предельной полезности» ссылаются на так называемые редкие товары, имеющиеся в ограниченном количестве и не поддающиеся воспроизводству (например, древняя утварь, некоторые естественные продукты и т. д.). На деле же такие редкие товары составляют ничтожную часть товарной массы и ими можно пренебречь при изучении законов образования стоимости и рыночных цен, поскольку оно строится на рассмотрении типических условий производства и обращения товаров. А типическими для капиталистического производства являются товары, которые можно производить в любом количестве, в зависимости от условий платежеспособного спроса. Попытка сделать редкие товары отправными пунктами теории стоимости столь же порочна, как и попытка объяснения стоимости на основе рассмотрения образования цен в условиях осажденной крепости.

В теории «редкости» при всей ее бессмысленности скрывается свой внутренний смысл. «Принцип редкости» оказывается весьма удобным для того, чтобы выхолостить социальную природу экономических категорий, замазать классовые противоречия и классовую борьбу, эксплуатацию рабочего класса. «Принцип редкости» буржуазные экономисты используют для обоснования положения о том, что экономические законы будто бы выражают

отношение между интенсивностью индивидуальных потребностей и наличными запасами благ. Отсюда делается вывод, что экономические законы вытекают из психологии человека, что они независимы от социально-экономического строя и, следовательно, имеют вечный характер.

Этим служебным назначением теории «предельной полезности» объясняется ее широкое распространение в буржуазной литературе. В большом коллективном труде французских экономистов «Трактат политической экономии» под редакцией Л. Бодена теория «предельной полезности» восхваляется как «краеугольный камень», «сезам, отворишь» всех великих проблем, выдвинутых экономической деятельностью человека¹. Шумпетер объявляет важнейшим принципом политической экономии маржинализм², под которым в первую очередь имеется в виду принцип «предельной полезности».

В таких панегириках по адресу теории «предельной полезности» нет недостатка в современных работах. Однако наряду с такими панегириками все учащаются критические выступления по адресу этой теории со стороны виднейших представителей буржуазной экономической науки. Это дало основание некоторым авторам говорить о кризисе теории «предельной полезности».

Этот кризис получил наиболее яркое выражение в книге английского буржуазного экономиста Джона Хикса «Стоимость и капитал» (1-е изд. в 1939 г.). По общему признанию буржуазной прессы, это — наиболее крупная по своему значению буржуазная работа по вопросам теории стоимости за последние два десятилетия. В связи с той ролью, которая приписывается этой работе Хикса, остановимся несколько на ее важнейших положениях.

Исходные положения Хикса те же, что у австрийской школы. Как и представители последней, он в начальной стадии своего исследования совершенно абстрагируется от производства, рассматривая обмен товаров, неизвестно откуда полученных. Производство фигурирует у Хикса лишь на последующих стадиях исследования в качестве какого-то дополнительного фактора, несколько усложняющего первоначально полученные выводы. Весьма характерно для методологии этого автора, что в начальной стадии своего исследования он все внимание уделяет рассмотрению факторов, определяющих динамику спроса, перенося затем полученные при этом рассмотрении выводы на функцию предложения товаров. Это вполне естественно для автора, игнорирующего производство. Столь же естественно для него, что он на этой стадии исследования отвлекается от рассмотрения стоимости средств производства, ограничиваясь только сферой предметов потребления и личных услуг.

¹ G. Dehove. Les concepts fondamentaux. — «Traité d'économie politique». Publiés sous la direction de L. Baudin, t. 1. P., 1951, p. 130.

² J. A. Schumpeter. History of Economic Analysis, N. Y., 1954, p. 168.

Переход от теории обмена к теории производства Хикс рисует следующим образом. Раньше допускалось, что хозяйствующий субъект может получить нужные ему товары путем обмена на имеющиеся у него товары. Сейчас нужно допустить еще одну возможность — хозяйствующий субъект может получить эти товары путем «технической трансформации», или производства. Хозяйствующий субъект предпочтет вторую возможность лишь в том случае, если она обеспечит ему более высокий доход, т. е. большую сумму стоимости. Как видим, производство в трактовке Хикса играет подчиненную и служебную роль. При этом он, подобно экономистам австрийской школы, отвлекается от рассмотрения производственных отношений буржуазного общества. В его анализе фигурируют только разобщенные, лишь случайно связанные между собой товаровладельцы. Различие между капиталистическими предпринимателями и мелкими товаропроизводителями, не прибегающими к использованию наемного труда, им просто игнорируется. Во введении к своей книге Хикс считает нужным предупредить читателя, что анализ исторических условий развития общества вообще не входит в задачу теоретической политической экономии и должен разрабатываться другой научной дисциплиной — историей народного хозяйства.

Как видим, Хикс целиком остается на антинаучных методологических позициях австрийской школы — индивидуализма, субъективизма, антиисторизма, игнорирования решающей роли производства. По коренным методологическим вопросам Хикс не сделал никакого шага вперед, что обусловило полное научное бесплодие его попытки преобразовать теорию стоимости.

Тем не менее эта попытка представляет некоторый интерес как вынужденное признание банкротства теории «предельной полезности» со стороны одного из виднейших современных представителей субъективной теории стоимости. Хикс прямо отвергает понятие предельной полезности и закона убывания предельной полезности по мере увеличения запаса полезных вещей. Он ссылается при этом на невозможность количественного измерения полезности тех или иных благ. Единственное, что можно утверждать в этой области, говорит Хикс, это то, что потребитель предпочитает один набор полезных вещей другим наборам. Однако потребитель не в состоянии сказать, насколько он предпочитает один набор другому. Никакие количественные измерения здесь невозможны. «Мы можем только полагать, — пишет Хикс, — что потребитель предпочитает один набор товаров другому. Совершенно бессмысленно говорить, что он желает один набор на 5% больше, чем другой, или что-либо в этом духе»³.

Отбросив положение о возможности измерения полезности, Хикс заявляет, что вместе с этим положением должны отпасть

³ J. R. Hicks. Value and Capital. Oxford, 1939, p. 18.

некоторые весьма важные понятия. «Первой жертвой, — пишет он, — должна, очевидно, явиться сама предельная полезность»⁴.

Отказ Хикса от центрального понятия субъективной теории стоимости не может не рассматриваться иначе, как явное выражение банкротства этой теории.

Хикс не одинок в этом вопросе. Он проявил лишь большую последовательность по сравнению со своими коллегами. Известный итальянский экономист В. Парето еще в 1908 г. в своей книге «Учебник политической экономии» развил так называемую теорию «кривых безразличия», также основанную на положении о невозможности количественного измерения полезности благ. В современной буржуазной экономической литературе существует влиятельная группа так называемых ординалистов (в противовес кардиналистам, сторонникам теории предельной полезности), утверждающих, что полезности благ можно выражать только порядковыми числами, показывающими, что одно благо полезнее другого, но без всяких претензий на то, чтобы отразить, во сколько раз полезность одного блага больше полезности другого.

Положение о невозможности количественного соизмерения полезности различных благ, удовлетворяющих разные потребности, соответствует действительности. Такое соизмерение возможно лишь в отношении узкого круга предметов, удовлетворяющих одну и ту же потребность, например соизмерение разных видов топлива по их тепловому эффекту или разных видов питания по их калорийности. Но такое соизмерение возможно лишь в весьма узких границах. Человеческие потребности весьма многообразны. Они порождаются самыми различными причинами — как физиологическими, так и социально-историческими. Чрезвычайно многообразны и способы удовлетворения потребностей, которые обычно тесно связаны между собой. Способы удовлетворения потребностей определяются не только естественными, но и социально-историческими причинами. Очевидно, что нельзя определить, во сколько раз потребность в каком-либо художественном произведении выше или ниже, чем потребность в каком-либо предмете питания.

Тот факт, что некоторые буржуазные экономисты вынуждены были отказаться от явно несостоятельной догмы о возможности соизмерения полезности различных благ, можно было бы рассматривать как положительный симптом и как поворот к более реалистической трактовке экономических вопросов. Эта догма находится в таком кричащем противоречии с действительностью, что буржуазным экономистам становится все труднее ее отстаивать. Но из признания невозможности соизмерения полезности вытекают определенные логические выводы. Это признание подчеркивает глубокое различие и противоречие между потребительной

стоимостью и стоимостью товаров. Как потребительные стоимости, товары качественно отличны друг от друга и тем самым не поддаются количественному соизмерению. Как стоимости, различные товары отличаются друг от друга лишь в количественном отношении, поскольку они в этом своем свойстве выступают как качественно однородные предметы, имеющие одну и ту же субстанцию. Отсюда следует, что стоимость товаров никак не может определяться их полезностью или потребительной стоимостью. Отсюда следует, что основу стоимости нужно искать не в сфере субъективных ощущений, а в объективном факторе, в количестве абстрактного труда, затраченного при общественно нормальных условиях на производство данного товара.

Такой вывод, однако, неприемлем для буржуазных экономистов, которые, за очень редкими исключениями, отвергают теорию трудовой стоимости⁵. Они пытаются спасти остатки субъективистской теории стоимости, несколько модифицируя ее, выступая с более осторожными и завуалированными формулировками. Так Хикс заменяет предельную полезность другим понятием «предельной нормы замещения, или субституции». «Мы, — пишет он, — можем определить предельную норму субституции X на Y как то количество Y , которое как раз компенсирует для потребителя потерю предельной единицы X . Это определение совершенно не зависит от количественной меры полезности»⁶. «Предельная норма субституции» в том конкретном случае, который рассматривает Хикс (когда в меновом акте участвуют два лица), означает лишь желательную для покупателя Y меновую пропорцию между товарами X и Y . Почему для покупателя желательна такая, а не другая меновая пропорция, на этот вопрос теория Хикса не дает ответа. Он пытается подменить полезность понятием предпочтения, которое покупатель оказывает тому или другому решению вопроса. Но остается совершенно невыясненным, что лежит в основе этого предпочтения. По существу Хикс разные степени предпочтения тех или иных товаров, разную их желательность выводит из существующих меновых отношений.

⁵ В качестве такого исключения можно указать на греческого буржуазного экономиста Александра Коккалеса, выпустившего ряд книг в защиту теории трудовой стоимости (в частности, «Why is the Theory of Labor the Only Fundamental and Exact Economic Theory?» N. Y., 1952). Но Коккалес дает вульгарный вариант теории стоимости. Он делает главное ударение на различии между руководящим и исполнительным трудом, подчеркивая роль руководящей работы предпринимателей в образовании трудовой стоимости. Теория трудовой стоимости используется Коккалесом для апологии капиталистической прибыли.

Следует отметить, что даже такая экономистка, как Джоан Робинсон, призывающая буржуазных экономистов изучать марксизм и использовать некоторые его положения, полностью отвергает теорию трудовой стоимости. Она выдвигает совершенно несостоятельное положение, что марксизм ничего не потеряет, если он отвергнет теорию трудовой стоимости («Economic Journal», June 1950, p. 360).

⁶ J. R. Hicks. Value and Capital, p. 20.

Само предпочтение одного набора товаров другому определяется самыми различными причинами, в том числе и стоимостными факторами. Так, например, покупатель может оказать предпочтение набору товаров X по сравнению с набором товаров Y потому, что X более дешево удовлетворяет его потребности. Бывают случаи (значительно более редкие), когда богатые потребители предпочитают какой-либо набор товаров в силу его дороговизны, поскольку потребление таких дорогих продуктов демонстрирует богатство данного лица (эти случаи описывал американский экономист Т. Веблен, поэтому такие случаи в буржуазной литературе называются «эффектом Веблена»). Для того чтобы избежать влияния цен при сравнении тех или иных наборов товаров, Хикс оперирует с наборами товаров, имеющих равную стоимость. Но тем самым предполагается, что стоимость товаров заранее дана и что она устанавливается независимо от субъективных оценок.

Бессодержательность выводов Хикса о безразличии или предпочтении данных количеств определенных товаров выступает особенно отчетливо, когда он сравнивает какой-либо товар с деньгами. Хикс распространяет кривые безразличия и на отношения между товарами и деньгами. Но деньги имеют особую потребительную стоимость, которая вытекает из специфических общественных функций, из того, что они служат средством обмена — всеобщим эквивалентом. Любое сопоставление данного количества какого-либо товара с определенной денежной суммой целиком опирается на соотношение стоимостей. В этих случаях безразличие или предпочтение полностью является производным от стоимостных факторов. Рассмотрение безразличия или предпочтения в таких случаях ничего не даст для объяснения процесса ценообразования.

В своей новейшей работе «Ревизия теории спроса» Хикс мимоходом признает, что с отказом от кардиналистского понимания полезности следует при выяснении спроса основное внимание обратить на объективные факторы. «Прямое влияние... есть воздействие на предельные полезности товаров при неизменной предельной полезности денег; но в действительности это не что иное, как воздействие на сумму *денег*, которую потребитель согласен уплатить за предельную единицу такого-то товара. Косвенное... влияние есть воздействие на изменение дохода, которое для своего объяснения не требует анализа полезности. Кардинализм сам себя элиминировал»⁷. Хикс вынужден был признать, что покупатель оперирует не с категорией полезности, а с категорией денежных затрат, которые он может сделать на покупку того или иного товара. А эти денежные затраты определяются общей суммой денег, которой покупатель располагает, т. е. его доходом. Если бы Хикс смог проявить последовательность, то он должен был отказаться от субъективистского объяснения закона спроса. Но проявить такую

логическую последовательность оказалось не под силу Хиксу. Он решил пожертвовать кардинализмом, чтобы сохранить какие-то остатки субъективной теории стоимости под флагом признания так называемого ординализма.

Анализ Хикса все время вращается в области тавтологий. Так, например, он пытается вывести величину спроса на те или иные товары из субъективного фактора предпочтения. Но так как он заранее лишил себя возможности сказать что-либо количественно определенное о степени этого предпочтения, то он выводит стимулы, определяющие тот или иной размер спроса, непосредственно из реально складывающегося на рынке спроса. При таком подходе Хикс не может предложить ничего более, как совершенно бессодержательное положение — индивиды поступают так, потому что они так поступают.

Подобные бессодержательные тавтологии неизбежны для автора, который, с одной стороны, боится встать на путь исследования объективных факторов, определяющих экономическое поведение, а с другой стороны, вынужден признать полную неопределенность субъективного фактора. Тем самым теория стоимости лишается какой-либо базы и повисает в воздухе, а весь анализ принимает чисто формалистический характер.

Бессодержательность этой «теории предпочтения» признают и некоторые буржуазные экономисты. Так, Д. М. Кларк пишет по адресу этой теории, что она представляет собой «стерильную тавтологию, одинаково применимую к любой форме поведения и, следовательно, ничего нам не говорящую и не способную получить подтверждение или опровержение фактами»⁸.

Наряду с крайним формализмом такой подход характеризуется и очень далеко идущим релятивизмом. Австрийская школа пыталась совершенно неправильно представить предельную полезность в качестве субстанции меновой стоимости. Хикс отбросил предельную полезность, но не заменил ее каким-либо другим фактором, который может существовать независимо от цен и оказывать на них воздействие. То, что Хикс называет «предельной нормой субституции», есть чисто производное и относительное понятие. Из самого определения «предельной нормы субституции» вытекает, что эта норма существует лишь в отношениях между товарами, что ее нельзя рассматривать как имманентное свойство товара, взятого вне менового процесса. Если ограничиться этим понятием, то не остается места для субстанции стоимости. А изгнание из политической экономии субстанции стоимости закрывает путь к познанию таких агрегативных, суммарных категорий, как, например, совокупный национальный продукт или национальный доход.

Не случайно Хикс предлагает устранить из политической экономии понятие дохода. Он объявляет, что доход — «весьма опасное

⁸ J. M. Clark. Varieties of Economic Law and Their Limiting Factors. «Proceedings of the American Philosophical Society», April 1950, No 2, p. 123.

⁷ J. R. Hicks. A Revision of Demand Theory. Oxford, 1956, p. 15.

понятие, и, как мы увидим дальше, его можно избежать; может быть создана общая теория экономической динамики без использования этого понятия»⁹. Хикс связывает элиминирование категории дохода с элиминированием категории полезности: «Изгнав полезность, — пишет он, — мы оказались способными отточить лезвие наших выводов в экономической статике; по тем же самым причинам мы хорошо сделаем, если устраним из экономической динамики понятия дохода и сбережений. Это — плохие инструменты, которые ломаются в наших руках»¹⁰. Хикс стоит на той точке зрения, что подлинный доход не поддается исчислению. Он не отрицает, что статистика может делать подсчеты дохода, но тут же добавляет: «Но это может быть только результатом статистической оценки; по своей истинной природе это не есть измерение экономической величины»¹¹.

Позиция Хикса имеет настолько формалистический характер, что если бы он захотел последовательно отстаивать свои исходные положения, то он мог бы лишь ограничиться некоторыми общими и совершенно бессодержательными положениями. Хикс, как и все ординалисты, спасает себя тем, что под сурдинку использует весь аппарат, созданный защитниками теории «предельной полезности», несколько перелицевав этот аппарат, изменив терминологию, заменив всюду «предельную полезность» «предельной нормой субституции». Так теория «предельной полезности», изгнанная им через парадную дверь, возвращается с черного хода. Не случайно математические формулы ординалистов совпадают с количественными закономерностями, установленными кардиналистами.

Сам Хикс в своей новейшей работе, давая краткий обзор истории теории стоимости, вынужден признать, что его теория приближается к теории кардиналиста А. Маршалла. «Хотя терминология и графический аппарат остались паретовскими, сущность самой теории приблизилась к маршалловской. С течением времени должно было снизиться значение различия в терминологии... Мы вернулись к Маршаллу, несколько переформулировав его для того, чтобы сделать его теорию применимой к более сложным проблемам, нежели те, с которыми он имел дело»¹².

⁹ J. R. Hicks. Value and Capital, p. 180.

¹⁰ Ibid., p. 177.

¹¹ Ibid., p. 180.

¹² J. R. Hicks. A Revision of Demand Theory, p. 3. Некоторые ординалисты иногда признаются в том, что гипотеза об измеримости полезности обладает своими преимуществами. Так, Армстронг замечает, что «наши трудности с беспокойной концепцией безразличия исчезнут, как только мы заставим себя поверить, что полезность в принципе кардинально измерима, хотя наши способности недостаточно развиты, чтобы определить любые мелкие различия между ее величинами». (Цит. по D. H. Robertson. Utility and All That. L., 1952, p. 22). Робертсон приводит интересное высказывание по адресу ординалиста Ч. Кэннеди: «Полезность сама по себе, согласно его (Кэннеди.—И. Б.) аргументам, не может делиться или дополняться, и концепция предельной полезности — это глупость. Тем не менее расстояния между парами величин полезности могут подчиняться

Следует отметить, что ординалисты оперируют маржиналистскими понятиями, которые заимствованы из арсенала субъективной школы. Так, Хикс говорит не просто о «норме субституции», а о «предельной норме субституции», которая есть копия «предельной полезности». Понятие предельной полезности неразрывно связано с положением о том, что по мере возрастания запаса каких-либо благ полезность последующих приращений этого запаса снижается в связи с тем, что они удовлетворяют менее насущные потребности. Введением маржиналистского принципа Хикс контрбандным путем вводит в свою теорию закон убывающей полезности, который он формально отвергает.

Маржиналистский анализ (т. е. оперирование категориями пределов, в данном случае — предельной полезности) позволяет сторонникам субъективной теории стоимости незаметно подменять субъективные категории объективными. Поясним это на следующих примерах. Допустим, что хозяйствующий субъект (если пользоваться терминологией субъективистов) имеет три единицы данного блага. Первая единица представляет для него полезность в 100, вторая — в 80, третья — в 60. Предельная полезность в этом случае равна 60. Она определит, согласно субъективной теории стоимости, субъективную оценку каждой из этих единиц. Этот вывод основан на том, что все единицы должны иметь одинаковую субъективную оценку, поскольку они имеют одинаковую цену. Признание равенства субъективной оценки всех единиц товарного запаса есть косвенное признание того, что товаровладелец прежде всего руководствуется объективным критерием — равенством цены для всех единиц данного типа. Маржиналистский анализ позволяет смягчать на первый взгляд противоречие между исходными предпосылками субъективной теории стоимости о объективной действительностью, хотя он ни в коей мере не в состоянии ликвидировать это противоречие. Не случайно к этому методу охотно прибегают как кардиналисты, так и ординалисты.

В литературе, посвященной проблеме ординализма, неоднократно и справедливо отмечалось, что пользование порядковыми показателями для выражения соотношения между отдельными величинами, не поддающимися точному измерению, возможно лишь в том случае, если эти величины образуют так называемое «упорядоченное множество». Критерий такого «упорядоченного множества» следующий: если A больше B , а B больше C , то A

таинственному процессу, называемому «рациональным» добавлением или вычитанием. Убив таким образом предельную полезность в угоду строгим ординалистам, мы можем спокойно втащить на ее место не несчастный хиксовский закон убывающей степени субституции между бесконечным количеством различных товаров, а подлинный закон убывающего расстояния между величинами полезности, а затем действовать точно так же, как это делали раньше...» (D. H. Robertson. Utility and All What? «Economic Journal», December 1954, p. 668—669).

должно быть больше *B*. Если этот критерий наличен, то можно установить соотношение между отдельными величинами. Но этот критерий не всегда применим, и в частности он неприменим к порядковым показателям полезности отдельных товаров. Из того, что данный субъект предпочитает товар *A* товару *B* и товар *B* — товару *C*, не следует, что он должен предпочитать товар *A* товару *C*. Дело в том, что он может предпочитать товар *A* товару *B* по одним мотивам, а товар *B* товару *C* — по другим мотивам. Допустим, что данный субъект предпочитает квартиру на третьем этаже квартире на первом этаже потому, что она не имеет неудобств, связанных с первым этажом. Допустимо, что он также предпочитает квартиру на пятом этаже квартире на третьем этаже потому, что она имеет большую площадь. Но из этого не следует, что он должен квартиру на пятом этаже предпочитать квартире на первом этаже, если учесть, что в доме нет лифта и что площади обеих квартир примерно одинаковы. Тот фактор, который не учитывался при сравнении квартир на третьем и пятом этажах (трудность подъема), приобретает значение при сравнении квартир на пятом и первом этажах.

Отсюда вывод: хотя можно сказать, что полезность одного товара выше полезности другого, но это еще не делает возможным сопоставление ряда товаров с убывающими порядковыми показателями полезности. Тем самым возможность количественного сопоставления отдельных товаров по их полезности крайне ограничена.

Ординалисты пытаются обойти эту трудность. Хотя они всюду подчеркивают невозможность количественного соизмерения полезности различных товаров, но они фактически так оперируют со своими порядковыми величинами, как если бы они были обычными количественными величинами. Благодаря применению математического метода происходит трансформация понятий. Первоначально ординалисты рассматривают кривые безразличия и предпочтения отдельных товаров или наборов товаров лишь как индексы полезности. Затем они приступают к всевозможным математическим манипуляциям над этими индексами. При этом происходит разрыв между этими функциями и полезностью, ибо последняя не может быть подвергнута таким операциям. Изменения кривых безразличия и предпочтения перестают отражать изменения полезности. Характер функции предпочтения зависит от произвольно выбранной системы индексов — этой функции можно придать любое математическое выражение. В связи с этим различные математические выражения, полученные в результате преобразования этой функции, являются скорее продуктом нашего произвола, чем отражением закона изменения полезности.

Сама идея равенства полезности некоторых товаров или определенных наборов товаров, лежащая в основе теории кривых безразличия и предпочтения, предполагает возможность измерения

полезности. Если возможно равенство полезности отдельных наборов товаров, то можно установить определенные количественные отношения между этими полезностями.

Допустим, что имеются два набора товаров — *X* и *Y*, — которые одинаково желательны для покупателя, т. е. имеют в его глазах одинаковую полезность. Допустим, что какой-то новый набор товаров столь же желателен для покупателя, как наборы *X* и *Y*, взятые вместе. Тогда можно написать: $X + Y = X + X = 2X = Y + Y = 2Y$.

Этот факт неоднократно признавался в буржуазной литературе противниками ординализма. Так, американский буржуазный экономист Р. Бай, рассматривая обмен товаров *X* на *Y* (*X* — приобретается, *Y* — отчуждается), резонно замечает: «Эти кривые (безразличия. — И. Б.) показывают, что требуется растущее количество данного товара (*X*), с тем чтобы компенсировать увеличивающуюся потерю другого товара (*Y*)... Теория предполагает, что потребитель знает, сколько единиц *X* будут компенсировать вынадевшие последующих единиц *Y*; следовательно, он должен суметь выразить полезность одного в единицах другого, что по существу и является процессом измерения. Я повторяю, что всякое измерение — это только точное сравнение»¹³.

Оценивая теорию ординалистов в целом, мы можем сказать, что, правильно констатировав факт невозможности измерения полезности товаров, ординалисты оказались бессильными использовать это положение и сделать из него необходимые выводы. Формально изгнав принцип «предельной полезности» из своей экономической теории, ординалисты используют весь аппарат теории «предельной полезности» и еще больше запутываются в сетях психологизма, характерного для субъективной теории. Таким образом, важнейшая черта эволюции современных буржуазных теорий стоимости состоит не в фактическом разрыве с принципом «предельной полезности», а в беспомощных попытках оторваться от этого принципа. Важен сам факт, что связь теории стоимости с принципом «предельной полезности» тяготит многих современных буржуазных экономистов. Важна тенденция в истории стоимости, которую немецкие авторы обозначают как *Entpsychologisierung*, т. е. стремление отойти от психологического метода.

Эти тенденции требуют своего объяснения. Тут сыграли роль двоякого рода обстоятельства. Во-первых, буржуазным экономистам становится все труднее защищать явно несостоятельную предпосылку о возможности измерения полезности. Они вынуждены были признать правоту своих критиков в этом вопросе и несколько перестроить субъективную теорию стоимости с тем, чтобы спасти из этой теории все, что можно спасти. Эта перестройка преследует своей целью поднять пошатнувшийся авторитет субъек-

¹³ R. T. Bye. Social Economy and the Price System. N. Y., 1950, p. 53.

тивной теории стоимости, представить эту надуманную, чисто умозрительную теорию как якобы реалистическую теорию, опирающуюся на опытные данные. В действительности эта перестройка, как мы имели возможность убедиться, имеет показной характер — в экономическом учении ординалистов сохраняются все исходные предпосылки и все категории старой субъективной теории стоимости. В этом учении сохраняет свое значение принцип «предельной полезности», выступающий лишь в новом облачении. Экономическая теория ординалистов знаменует скорее изменение терминологии, чем существа теории «предельной полезности».

Во-вторых, — и это наиболее существенно, — перестройка субъективной теории стоимости диктовалась и новыми потребностями буржуазной апологетики. Как это ни звучит парадоксально, старая теория «предельной полезности» стала вызывать подозрения у наиболее реакционных буржуазных экономистов с точки зрения своей «благонадежности» и способности оправдывать интересы капиталистического класса. Теория «предельной полезности», как было отмечено выше, была выдвинута в качестве идеологического оружия в борьбе с марксистской политической экономией¹⁴. С помощью этой теории буржуазные апологеты пытались обосновать тезис об отсутствии эксплуатации в буржуазном обществе и извечность таких категорий буржуазного общества, как прибыль и процент. Таково было основное назначение и использование теории «предельной полезности».

Однако наряду с этим основным назначением теория «предельной полезности» была использована некоторыми авторами для обоснования частичных реформ в рамках буржуазного общества. Почин в этой области сделали фабианцы. Опираясь на сконструированный субъективной школой «закон», согласно которому с возрастанием запаса полезных предметов снижается полезность последующих приращений, фабианцы делали вывод, что с возрастанием денежного дохода какого-нибудь лица полезность последующих приращений дохода снижается. Отсюда они делали вывод, что полезность последнего фунта стерлингов для бедного человека гораздо выше, чем для богача. С помощью этой аргументации фабианцы старались показать, что более равномерное распределение национального дохода обеспечивает более высокую степень удовлетворения наличным богатством, более высокую совокупную полезность, рассматриваемую как сумму полезностей, получаемых всеми членами общества.

¹⁴ Этот факт признается и некоторыми буржуазными экономистами. Так, Д. М. Кларк пишет: «Готовность мыслителей принять такую теорию (речь идет о теории «предельной полезности». — И. Б.) в то время, вероятно, объясняется тем, что сделал Маркс из рикардianской теории, превратив ее в теорию эксплуатации и сделав либеральных экономистов предположительными к принятию теории совершенно другого сорта» (J. M. Clark, J. M. Clark on J. B. Clark. — «The Development of Economic Thought», ed. by H. W. Spiegel. N. Y., 1952, p. 605).

Эта аргументация была заимствована некоторыми откровенно буржуазными экономистами, в частности авторами работ по так называемой экономической науке благосостояния (Economics of Welfare). Наиболее известным автором подобного рода является английский экономист А. Пигу, выпустивший в 1920 г. книгу под этим заглавием. По теории Пигу, получившей широкое распространение, благосостояние общества определяется двумя факторами. Первый фактор, имеющий, по его мнению, решающее значение, выражается в величине национального продукта. Чем больше величина последнего, тем выше уровень благосостояния общества. Пигу в трактовке этого вопроса опирается на буржуазную методологию, игнорирующую производственные отношения, и антагонистические противоречия капиталистического общества, сводящую все к уровню производительных сил, абстрагирующуюся от классовой структуры капитализма. В действительности рост производительных сил в условиях капиталистического общества идет на пользу буржуазии и сопровождается ростом абсолютного и относительного обнищания рабочего класса.

Однако Пигу не мог ограничиться только ссылкой на зависимость благосостояния общества от величины национального продукта. Он вынужден был сослаться на второй фактор — характер распределения национального дохода. Он утверждал, подобно фабианцам, что чем более равномерно распределен национальный доход, тем выше благосостояние общества. Правда, как типично буржуазный идеолог, Пигу сопровождает этот вывод многочисленными оговорками. Он подчеркивает решающую роль первого фактора. Он предупреждает, что смягчение неравномерности в распределении национального дохода ни в коей мере не должно отражаться на капиталистическом стимуле к расширению производства, т. е. не должно задевать капиталистической прибыли. Пигу, как и другие буржуазные авторы, очень далек от революционных выводов. Он не идет дальше весьма умеренных реформ, частью реализованных в ряде капиталистических стран, например социального страхования, прогрессивного налогового обложения и т. д.

Как ни умеренны реформы, предлагаемые фабианцами, Пигу и ему подобными авторами (повторяем, под давлением рабочего класса такие реформы осуществлены в ряде стран), эти предложения встретили оппозицию со стороны наиболее реакционных экономистов. Последним прежде всего понадобилось опровергнуть теоретический базис сторонников подобного рода реформ — положение о том, что более равномерное распределение национального дохода повышает благосостояние общества. А эта задача решалась путем опровержения тезиса, что с ростом дохода отдельного лица снижается предельная полезность последующих приращений его доходов. Для подобного рода опровержения была использована теория ординалистов.

Попутно отметим, что для обоснования социальных реформ (например, введения прогрессивного налогового обложения) нет никакой надобности прибегать к услугам такой надуманной теории, как теория «предельной полезности». Целесообразность таких социальных реформ с точки зрения интересов трудящихся столь же очевидна и бесспорна, как, скажем, целесообразность для рабочих повышения реальной заработной платы. Ординалисты в своей критике подметили некоторые слабые пункты аргументации кардиналистов, но они вместе с водой выплеснули и ребенка, т. е. отбросили совершенно правильное положение о целесообразности социальных реформ.

Контраргументация ординалистов развивается по следующим линиям. Во-первых, полезность не поддается измерению, и поэтому всякие попытки определения благосостояния на основе субъективных оценок должны быть признаны неправомерными. Во-вторых, субъективные оценки (в форме, например, предельной нормы субституции) имеют чисто относительный характер, касаются только отношений между отдельными товарами и неприменимы к такой общей категории, как доход. Поэтому нельзя утверждать, что с возрастанием дохода отдельного лица снижается полезность последующих приращений его дохода. В-третьих, субъективные оценки имеют строго индивидуальный характер. Сопоставление субъективных оценок разных лиц невозможно. Поэтому нет оснований утверждать, что последний фунт стерлингов или последний доллар для бедняков представляет большую ценность, нежели для богача.

Опираясь на ординалистскую теорию, Хикс и другие буржуазные экономисты попытались реформировать «экономическую науку благосостояния». Суть этой реформы сводится к полному отрицанию влияния условий распределения на благосостояние общества. Хикс сохраняет лишь первый фактор, на который ссылался Пигу, т. е. величину национального продукта¹⁵. В качестве критерия, определяющего благосостояние общества, Хикс выдвигает принцип компенсации. Суть этого принципа в следующем: благосостояние общества возрастет, если улучшение экономического положения одних членов общества не сопровождается ухудшением экономического положения других членов или если улучшение положения одних членов общества компенсирует ухудшение положения других членов общества. Такая формула удобна для капиталистов. Она дает возможность утверждать, что приращение благосостояния общества в любых условиях на основе данных об обогащении буржуазии. Эта формула не используется для оправдания таких методов определения благосостояния общества,

при которых полностью замазывается значение обнищания рабочего класса и все сводится к воспеванию растущего богатства буржуазии. Вместе с тем эта формула оправдывает политику подкупа монополистическим капиталом верхушки рабочего класса за счет колоссальных прибылей. Хикс в качестве одного из моментов повышения уровня благосостояния общества рассматривает тот случай, когда преуспевающие члены общества компенсируют тех членов общества, которые терпят ущерб в результате роста производительных сил.

Классовый смысл принципа компенсации Хикса и Калдора настолько очевиден, что даже американский буржуазный экономист У. Боумол должен был признать, что принцип компенсации оправдывает и те случаи, когда богатый становится богаче, а бедный — беднее¹⁶.

Опираясь на аргументацию ординалистов, Ф. Хайек выступает с критикой прогрессивного налогового обложения. Ф. Хайек подвергает критике положение известного английского буржуазного экономиста Стэмпа, который писал: «Только тогда, когда предельная теория полностью разработала свое психологическое учение, прогрессивное обложение получило в принципе действительно надежный базис»¹⁷. Возражения Ф. Хайека сводятся к ссылке на невозможность сопоставления субъективных оценок разных лиц и на то, что понятие полезности применимо только к отдельным благам, а не к доходу в целом. Ревностно отстаивая интересы наиболее богатых получателей доходов, Хайек предал анафеме прогрессивное обложение, характеризуя последнее как институт, противоречащий требованиям справедливости и интересам экономического развития, как метод наказания тех групп общества, которые имеют решающее значение для роста производительных сил (т. е. крупнейших капиталистов)¹⁸.

Как видим, экономисты типа Хикса, Хайека, Мизеса и им подобные выступают против самых скромных уступок трудящимся. Поскольку некоторые буржуазные экономисты использовали при обосновании таких уступок доводы, заимствованные из арсенала гедонизма, психологизма и даже из пресловутой теории «предельной полезности», многие положения старой субъективной теории стоимости стали внушать опасение современным реакционным экономистам. Последние пытаются так перестроить субъективную теорию стоимости, чтобы из нее нельзя было сделать даже самых скромных реформистских выводов. В этом смысле тенденции к выхолащиванию из субъективной теории стоимости психологических моментов.

¹⁵ W. J. Baumol, *Commodity Indifference*. «The Review of Economic Studies», N. Y., 1946—1947, No 14, p. 45.

¹⁷ J. Stamp, *The Fundamental Principles of Taxation*, L., 1923, p. 40.

¹⁸ F. A. Hayek, *Progressive Taxation Reconsidered*. — «On Freedom and Free Enterprise», N. Y., 1956, p. 267.

¹⁵ Взгляды Хикса по этому вопросу изложены в его статье: *Foundations of Welfare Economics*. «Economic Journal», December 1939. Ближе подходит к Хиксу Н. Калдор — N. C. Caldor, *Welfare Propositions in Economics*. «Economic Journal», September 1939.

В своем стремлении всячески обезопасить теорию стоимости от возможности какого бы то ни было толкования в демократическом духе ординалисты стали на путь крайнего формализма и свели всю теорию стоимости к нескольким совершенно бессодержательным тавтологическим положениям. Как правильно заметил прогрессивный английский экономист М. Добб, «формализм достиг такого уровня утонченности, что он включил в себя солипсизм и выродился в интеллектуальный нигилизм»¹⁹.

Споры между кардиналистами и ординалистами представляют собой внутренние споры в лагере буржуазных экономистов. Каждая из сторон подметила слабости и пороки другой стороны. Так, ординалисты правильно указали, что теория кардиналистов опирается на несостоятельную предпосылку о возможности измерения полезности. Кардиналисты со своей стороны не без основания отметили, что ординалисты в своих выводах фактически исходят из возможности измерения полезности, хотя формально отрицают такую возможность. Но исходная база и тех и других является порочной. И те и другие отрицают роль труда, этого единственного источника стоимости. И те и другие сводят стоимость к отношению между субъектом и вещью, отрицают, что стоимость выражает производственные отношения, присущие товарному производству. И те и другие выдвигают во главу угла субъективные оценки, которые имеют производный характер и целиком определяются в условиях развитого товарного производства ценами.

Одинаково порочными являются и различные попытки буржуазных экономистов установить критерии экономического благосостояния общества. Для всех этих попыток характерен арифметический подход — общество рассматривается как простая совокупность отдельных членов, а благосостояние общества устанавливается путем суммирования показателей благосостояния отдельных членов. Из этой схемы полностью выпадает классовая структура общества. Различие в экономическом положении отдельных членов сводится только к чисто количественному различию в уровне полученного дохода.

Антагонистическая классовая структура буржуазного общества исключает возможность постановки вопроса о благосостоянии общества, взятого в целом. Одним из важнейших экономических законов буржуазного общества является всеобщий закон капиталистического накопления. Согласно этому закону, рост богатства на одном полюсе сопровождается усилением нищеты на другом полюсе. Суммирование показателей благосостояния отдельных членов общества без учета их классовой принадлежности затемняет и скрывает действие этого важнейшего экономического закона. При таком суммировании абсолютное обнищание рабочего

класса маскируется колоссальным обогащением буржуазии, а всякого рода суммарные и средние показатели дают совершенно искаженную картину о действительном положении большинства населения.

Отсутствие классового анализа отражается и на тех положениях, которые имеют (по крайней мере внешне) прогрессивный смысл, например на предложениях о смягчении неравенства в распределении национального дохода. В формулировке, которую дают этому предложению буржуазные экономисты, оно имеет совершенно неопределенный характер. Оно может получить ясный смысл лишь в том случае, если на место отдельных индивидов поставить классы. Тогда оно выступит как требование повышения реальной заработной платы, которое в ряде случаев может потребовать снижения капиталистической прибыли. Борьба за более равномерное распределение национального дохода в буржуазном обществе не может не выступать как борьба за интересы рабочего класса в противовес интересам буржуазии. Такая постановка, которая является единственно правомерной в капиталистических странах, неприемлема для буржуазных экономистов.

Конечно, сама констатация необходимости изменений в распределении национального дохода означает в то же время признание ненормальности в существующем распределении. Вот почему наиболее ретивые защитники капиталистического строя выступают даже против таких робких, расплывчатых и весьма неопределенных высказываний о желательности более равномерного распределения²⁰.

2. КРИЗИС ТЕОРИИ «ПРЕДЕЛЬНОЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ»

В период общего кризиса капитализма кризис охватил не только теорию «предельной полезности», но и теорию «предельной производительности». Последняя была сформулирована Тюненем еще в середине прошлого столетия, но значительное распространение она получила лишь в конце прошлого столетия. На распространение этой теории особое влияние оказали работы А. Маршалла и Д. Б. Кларка. В течение первых трех десятилетий теку-

²⁰ Буржуазные авторы сопровождают свои предложения о более «уравнительном» распределении национального дохода столькими оговорками, что это сводит на нет практическое значение подобных предложений. Так, Литтл подчеркивает, что «уравнительное» распределение дохода может способствовать росту благосостояния только при соблюдении определенных условий, а именно: изменение распределения не должно сопровождаться неблагоприятными политическими изменениями (имеются в виду неблагоприятные для господствующих классов политические изменения), изменение распределения не должно вступать в противоречие с требованиями морали (имеются в виду требования буржуазной морали, например о неприкосновенности частной собственности и т. д.), оно не должно отражаться отрицательно на производстве и т. д. (J. M. Little. A Critique of Welfare Economics. Oxford, 1957, p. 62).

¹⁹ M. Dobb. Die neuere Entwicklung der Wirtschaftstheorie in England und Amerika. «Wirtschaftswissenschaft», 1955, H. 6, S. 870.

щего века теория «предельной производительности» заняла господствующее положение в буржуазной литературе, посвященной проблеме распределения.

Такой успех этой теории объясняется тем, что она оказывает неоценимые услуги буржуазной апологетике.

Во-первых, эта теория пытается обосновать отсутствие эксплуатации рабочих капиталистами²¹. Согласно теории «предельной производительности», уровень заработной платы определяется производительностью «предельного рабочего». Поскольку, согласно этой теории, предполагается, что все рабочие данной специальности имеют одинаковую квалификацию и работают с одинаковой интенсивностью, никто из них не может претендовать на более высокую заработную плату, нежели «предельный рабочий». Теория «предельной производительности» воспроизводит в несколько модифицированной форме старую вульгарную теорию, известную еще со времен Ж.-Б. Сэя, о том, что рабочему полностью оплачивается стоимость продукта его труда.

Во-вторых, эта теория используется для оправдания политики снижения заработной платы как мнимого средства борьбы с безработицей. Теория «предельной производительности» опирается на вымышленный «закон убывающей производительности», по которому возрастающая численность занятых рабочих, при той же величине капитала, сопровождается снижением производительности труда при каждом последующем приращении занятых рабочих. А понижение предельной производительности труда должно привести, согласно этой теории, к снижению уровня заработной платы. Если же последняя не снижается, то для дополнительного вовлечения рабочих в производство создаются непреодолимые трудности, поскольку предельная производительность труда может опуститься ниже существующего уровня заработной платы. В-третьих, теория «предельной производительности» используется для оправдания низкого жизненного уровня рабочих путем протаскивания мальтузианского положения о слишком высокой степени размножения рабочего населения. Вытекающая отсюда якобы чрезмерно большая численность занятых рабочих обуславливает низкий уровень предельной производительности труда — и тем самым низкий уровень заработной платы. В-четвертых, опираясь на эту теорию, буржуазные и правосоциалистические деятели призывают рабочих к тому, чтобы они работали более прилежно и интенсивно. Тогда, уверяют они, повысится предельная произво-

²¹ Направленность теории «предельной производительности» Д. Б. Кларка против марксистского учения об эксплуатации рабочего класса признал его сын, Д. М. Кларк. «Его (Д. Б. Кларка.— И. Б.) утверждения,— писал Д. М. Кларк,— были направлены против Маркса и представляют собой наиболее серьезное и отнюдь не мелочное опровержение Марксовой теории эксплуатации» (J. M. Clark. J. M. Clark on J. B. Clark.— «The Development of Economic Thought», ed. by H. W. Spiegel, p. 610).

дительность труда, а с ней повысится автоматически и уровень заработной платы.

Как ни выгодна эта теория для буржуазной апологетики, но за последнее десятилетие ее влияние заметно снижается. Историк эволюции буржуазной политической экономии в XX в. Эмил Жамс выдвигает даже положение, что в действительности имеет место «отказ от теории предельной производительности труда»²². Он ссылается на ряд работ американских авторов, в которых развиваются другие варианты теории заработной платы²³. Жамс делает слишком категорический вывод. Теория «предельной производительности» еще далеко не сошла со сцены. Она фигурирует в качестве одного из элементов теории заработной платы в работах очень многих буржуазных экономистов. Верно лишь то, что эта теория защищается с очень многими оговорками, которые в ряде случаев сводят ее на нет. Верно и то, что многие буржуазные экономисты не считают возможным защищать ее в чистом, неприкосновенном виде и высказывают сомнения по поводу возможности ее практического применения.

Этот кризис, как и кризис теории «предельной полезности», объясняется двоякого рода причинами. Во-первых, буржуазные экономисты не смогли полностью замолчать колоссальный контраст между этой теорией и действительностью. Этот контраст был отмечен не только в марксистской критике. На него обратили внимание и некоторые буржуазные экономисты. Так, английский буржуазный экономист Т. Уилсон замечает: «Трудность примирить маржиналистскую теорию (имеется в виду теория «предельной полезности» и «предельной производительности».— И. Б.) с фактами хозяйственной жизни стала так подчеркиваться, что многие стали сомневаться в том, много ли пользы в чрезвычайно разработанном (маржиналистском.— И. Б.) анализе. С одной стороны, этот анализ считается слишком сложным, потому что бизнесмен не обладает достаточными знаниями, чтобы применять кривые предельных доходов и предельных издержек; с другой стороны, говорят, что он слишком упрощен, так как он не принимает во внимание многие условия, которые каждый бизнесмен должен учитывать, если он хочет выжить в динамическом мире»²⁴.

Расхождение между теорией «предельной производительности» и фактами действительности отмечается, в частности,

²² Э. Жамс. История экономической мысли XX века. М., ИЛ, 1959, стр. 362.

²³ Э. Жамс ссылается на следующие работы: W. W. Fellner. Prices and Wages under Bilateral Monopoly. «Quarterly Journal of Economics», July 1939; J. T. Dunlop. Wage Policies of Trade Unions. «American Economics Review», March 1942; J. T. Dunlop. Wage Determination under Trade Unions. N. Y., 1944; S. H. Slichter. Union Policies and Industrial Management. Wash., 1941.

²⁴ T. Wilson. The Inadequacy of the Theory of the Firm as a Branch of Welfare Economics. «Economic Papers», v. 4, Oxford, February 1952, p. 18.

буржуазными специалистами, занимающимися вопросами экономики труда. В буржуазной литературе за последнее время было высказано много сомнений по поводу закона убывающей производительности, на который опирается теория производительности. Если бы этот закон соответствовал действительности, то рост производства на предприятии должен был бы неизбежно сопровождаться повышением издержек производства. Между тем капиталистическая практика в подавляющем большинстве случаев дает обратные результаты. Об этом свидетельствует ряд обследований, проведенных буржуазными экономистами²⁵.

«Как показывают мои данные, — пишет известный американский специалист по вопросам экономики труда Р. Лестер, — паниматели, по-видимому, считают, что единица переменных издержек (и, судя по большому числу опросов, в особенности единица трудовых издержек) существенно увеличивается по мере того, как масштаб производства снижается ниже 100% мощности»²⁶.

Особенной критике со стороны специалистов по экономике труда, ближе стоящих к капиталистической практике, подверглось положение о том, что предприниматель устанавливает число рабочих на своем предприятии в зависимости от соотношения между предельной производительностью и уровнем заработной платы, что он будет нанимать рабочих до тех пор, пока производительность предельного рабочего станет равной заработной плате, что в случае повышения последней он соответственно снизит численность рабочих. Американские специалисты по экономике труда, не используя метод выборочных опросов руководителей многочисленных фирм, отвергают это положение и приходят к другим выводам. Так, цитированный выше Лестер на основе обработки материалов подобного опроса приходит к следующим выводам:

«1. При определении объема занятости фирмы гораздо большее значение имеет рыночный спрос, нежели уровень заработной платы...

2. Большинство промышленных концернов, согласно мнению их руководителей, исходят из того, что единица переменных издержек снижается (по мере расширения производств. — И. Б.) при использовании от 70 до 100 процентов производственной мощности. Следовательно, для фирм практически редкими оказываются случаи сокращения производства (а следовательно, и занятости) просто в ответ на повышение уровня заработной платы.

²⁵ О таких обследованиях упоминалось в изданном в США сборнике «Cost Behavior and Price Policy». N. Y., 1943. Сводка работ буржуазных экономистов по этому вопросу дается в статье: J. H. Müller. Zur ökonomischen Problematik des Ertragsgesetzes. «Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft», 1955. Н. 1.

²⁶ R. A. Lester. Marginalism, Wages and Labour Market. «American Economic Review», March 1947, p. 438.

3. Практические трудности, возникающие при применении маржиналистского (т. е. основанного на теории «предельной производительности». — И. Б.) анализа к операциям современных предприятий, охватывающих многие процессы, по-видимому, непреодолимы, и бизнесмены справедливо считают маржинализм непригодным в качестве руководящего принципа в подобных производственных предприятиях»²⁷.

Теория «предельной производительности» полностью игнорирует влияние профессиональных союзов на движение заработной платы. Между тем в современных условиях профессиональные союзы играют такую крупную роль в общественной жизни, что просто закрывать глаза на их существование становится неудобным даже для весьма твердолобых консерваторов. Точно так же становится неудобным полное игнорирование влияния экономической политики и различных правительственных мероприятий, в частности страхования по безработице, на условия, определяющие уровень заработной платы.

В обстановке резко обострившихся классовых конфликтов в буржуазной политической экономике повысился интерес к социальным факторам и к рассмотрению их влияния на распределительные отношения, в первую очередь на заработную плату. По мере усиления этого интереса снижается влияние теории «предельной производительности», для которой характерно полное (или почти полное) игнорирование этих факторов. Большинство поправок, вносимых в теорию «предельной производительности», связано как раз со ссылками на те или иные социальные факторы. Эти ссылки обычно связаны с проповедью в несколько модифицированной форме так называемой социальной теории распределения. Иногда защита этой теории преподносится под видом проповеди частичного использования марксизма. В качестве примера можно сослаться на французского экономиста Ж. Маршала.

В первой главе настоящей работы уже говорилось об отношении Ж. Маршала к марксизму. Ж. Маршал с первых же страниц своей книги отвергает марксизм как целостное мировоззрение. Он заявляет, что принимает лишь отдельные «элементы», или «фрагменты», которые должны быть переработаны и освобождены от специфического звучания, которое они имеют в марксистской системе, чтобы их можно было включить в другую теоретическую конструкцию²⁸. Это высказывание достаточно отчетливо говорит о его стремлении отмежеваться от марксизма как мировоззрения революционного пролетариата.

Какие же «фрагменты» пытается заимствовать у марксизма Ж. Маршал? Особое преимущество марксистской экономической

²⁷ R. A. Lester. Shortcomings of Marginal Analysis for Wageemployment Policies. «American Economic Review», March 1946, p. 81—82.

²⁸ J. Marchal. Deux essais sur le marxisme, p. 10—11.

теории он видит в том, что последняя оперирует не с изолированными индивидами, как это делает австрийская школа, а с большими социальными группами, с классами. При изучении распределения национального продукта она рассматривает общество как единое целое. Ж. Маршалль с похвалой отзываясь о том, что Маркс настойчиво подчеркивал необходимость замены исследования вещей исследованием тех отношений, которые устанавливаются между людьми, анализа чисто количественного и индивидуально — анализом на основе рассмотрения групп, борющихся между собой. Особым преимуществом марксистской экономической теории Ж. Маршалль объявляет то, что при изучении любой экономической категории она исходит из экономической системы капитализма, рассматривая эти категории как функции капиталистической системы.

Совершенно очевидно, что такое «фрагментарное» использование некоторых положений марксистской экономической теории, при отрицании ее коренных положений, не может дать положительных результатов. Но вместе с тем нужно отметить, что Ж. Маршаллю не удалось избежать ошибок, которые в свое время допустили сторонники так называемой социальной теории распределения вроде М. И. Туган-Барановского. Суть этой ошибки сводилась к тому, что классовая борьба в буржуазном обществе рассматривалась не как механизм действия экономических законов капитализма, а как фактор, который подменяет действие этих законов. Иными словами, средний уровень заработной платы и прибыли ставился в зависимость от соотношения сил отдельных классов. При этом сторонниками социальной теории распределения игнорировался такой чрезвычайно важный факт, что в основе заработной платы лежит стоимость рабочей силы, а в основе прибыли — прибавочная стоимость; что колебания заработной платы и прибыли происходят в известных пределах, диктуемых экономическими законами, что классовая борьба между рабочими и капиталистами может повлиять на колебания заработной платы и прибыли, но не в состоянии изменить экономические законы, определяющие средний уровень и движение этих категорий. Из социальной теории распределения делались, в частности, совершенно неправильные оппортунистические выводы о том, что рабочий класс может добиться в капиталистических условиях путем организованной борьбы коренного улучшения своего экономического положения. Эта теория игнорировала кардинальный факт, состоящий в том, что экономическое положение отдельных классов определяется отношениями собственности на средства производства и что, пока средства производства остаются в собственности капиталистов, никакая даже самая успешная борьба рабочих не в состоянии ликвидировать их зависимое положение.

Ошибочность трактовки Ж. Маршаллем проблемы распределения особенно заметно выступает в его теории предприниматель-

ской прибыли²⁹. Он рассматривает последнюю как категорию, которая целиком определяется борьбой предпринимателей, их экономической мощью. Он подчеркивает, что предпринимательская прибыль определяется в процессе упорной борьбы, которую предприниматели ведут против потребителей и их организаций, против представителей разных факторов производства, как рабочих (путем механизации производства, привлечения иностранных рабочих и т. д.), так и владельцев ссудных капиталов (путем понижения нормы процента, давления на политические организации в интересах обесценения денег и т. д.), и государства (за получение субсидий, налоговых льгот и т. д.). Предпринимательская прибыль, резюмирует Ж. Маршалль, «есть доход тех, кто использует силу, доход тех, кто любит борьбу».

Ж. Маршалль скользит на поверхности, давая внешнее описание процессов, происходящих в капиталистической экономике.

У него нет ясного представления о важнейших чертах капиталистической экономики. Достаточно сказать, что он ставит на одну доску владельцев рабочей силы и владельцев капитала, а предпринимателей изображает как социальную группу, стоящую вне капиталистического класса. При такой трактовке из поля зрения автора исчезла такая кардинальная категория для капиталистического способа производства, как категория прибавочной стоимости. Процент и предпринимательская прибыль, являющиеся двумя составными частями средней прибыли, в трактовке Ж. Маршалля выступают как категории, внутренне не связанные между собой и подчиняющиеся различным экономическим законам. При этом вопрос об источнике предпринимательской прибыли вообще повисает в воздухе, ибо экономическая мощь и давление какого-либо класса не в состоянии создать ни одного атома стоимости — они позволяют только присвоить большую или меньшую часть стоимости, созданной в процессе производства. Ж. Маршалль в лучшем случае показывает механизм, при помощи которого капиталистическим предпринимателям удается присвоить себе прибыль. Мы говорим «в лучшем случае», ибо само описание этого механизма весьма неполно, оно не дает дифференцированного анализа положения мелких и средних капиталистов, с одной стороны, представителей капиталистических монополий — с другой. Иными словами, оно не отражает положения, характерного для современного, т. е. монополистического, капитализма.

Тем же коренным пороком — игнорированием экономических законов капитализма — страдает теория заработной платы Ж. Маршалля, хотя она разработана им более полно³⁰.

²⁹ Эта теория изложена в его статье «Approches et catégories à utiliser pour une théorie réaliste de la répartition» («Revue Economique», mars 1952).

³⁰ Она изложена в его статье «Esquisse d'une théorie moderne des salaires et d'une théorie générale de la répartition» («Revue Economique», juil 1955).

Маршалль ставит ряд вопросов, которые, по его мнению, нужно решить для того, чтобы лучше выяснить механизм заработной платы — как влияет повышение заработной платы на спрос на разные группы товаров, как отражаются эти изменения спроса на производстве и т. д.; но он обходит коренной вопрос — как изменилась в современных условиях стоимость рабочей силы, как отражаются на ней чрезмерная интенсификация труда, изменения в квалификационной структуре рабочих, в их культурном уровне и т. д. Детальный анализ заработной платы, сделанный автором, повисает в воздухе, ибо у него выпадает основа заработной платы — стоимость рабочей силы. Хотя он упоминает о границах и пределах повышения заработной платы, но он по существу лишен возможности дать научный анализ этого вопроса, поскольку он отбрасывает основу, вокруг которой происходит колебания заработной платы. Теория заработной платы Ж. Маршалля, как в свое время и социальная теория распределения Туган-Барановского, легко может быть использована реформистами и сторонниками тред-юнионизма.

Поправки, вносимые буржуазными экономистами в теорию «предельной производительности», в большинстве случаев используются в реакционных целях — для оправдания наступления на жизненный уровень рабочего класса. Здесь мы подходим к выяснению второй причины, обусловившей кризис теории «предельной производительности» — она не вполне удовлетворяет современным требованиям буржуазной апологетики. Раньше буржуазные экономисты оправдывались тем, что пытались доказать тезис об отсутствии эксплуатации рабочих капиталом. Для этой цели вполне годилась теория «предельной производительности». Для выполнения этих задач она используется и в настоящее время. Этим объясняется то, что она не сошла со сцены и в современных условиях. Но сейчас реакционные буржуазные экономисты ставят новые задачи — они стараются всеми средствами опорочить борьбу рабочих за повышение заработной платы. Они рисуют дело в таком свете, что существует якобы завышенная заработная плата и что последняя является де главным источником всех социальных бедствий — большой безработицы, инфляционных процессов. Поправки этих реакционных экономистов к теории «предельной производительности» сводятся к тому, что рабочие, мол, получают более высокую заработную плату, нежели это соответствует уровню предельной производительности труда, что это снижает прибыли капиталистов и в ряде случаев делает невыгодным расширение капиталистического производства.

Одним из первых буржуазных экономистов, выступивших по реакционным мотивам с ревизией теории «предельной производительности», был тот же Д. Хикс, который выступил с ревизией теории «предельной полезности». В своей книге «Теория заработной платы» (первое издание вышло в 1932 г.) Хикс утверждал,

что в современных условиях благодаря ослаблению конкуренции между рабочими закон «предельной производительности» не действует так свободно и беспрестанно, как он действовал в «доброе старое время». В этом, по его мнению, виноваты как возросшая мощь профессиональных союзов, так и то, что они пользуются большой поддержкой со стороны государства. Отсутствие благоприятных условий для действия закона «предельной производительности» приводит к тому, что заработная плата устанавливается на слишком высоком уровне. Она, по Хиксу, поднимается над уровнем стоимости «предельного продукта». Это приводит к образованию массовой безработицы и к ослаблению стимула предпринимателей применять свои капиталы, так как отсутствует де достаточная прибыль. В своей книге Хикс особенно ополчился против страхования безработных; последствия этого института он пытался обрисовать в самых мрачных красках. Он подчеркивал, что фонд страхования безработицы образуется за счет взносов предпринимателей и правительственных расходов. Взносы предпринимателей он трактовал как дополнительный налог, который увеличивает и без того чрезмерно высокую стоимость труда. Хикс пророчил, что в результате усилившихся позиций рабочего класса доходы предпринимателей могут так низко упасть, что они не будут заинтересованы в применении наемной рабочей силы.

Теория заработной платы Хикса показательна для эволюции буржуазной политической экономии. Старая теория «предельной производительности» была нейтральна в отношении профессиональных союзов. Отдельные ее защитники (например, Д. Б. Кларк) выступали резко критически по адресу профессиональных союзов, обвиняя их в монополистической практике, но эта критика не отражалась на самой теоретической трактовке проблем заработной платы и прибыли. В отличие от старых вариантов современные буржуазные теории распределения имеют резко выраженную антирабочую направленность — они преследуют своей целью опорочить профессиональные союзы, представить их в качестве силы, враждебной обществу, в качестве источника социальных бедствий.

Наиболее откровенные идеологи монополий открыто требуют ликвидации профессиональных союзов, выдвигая положение, что профессиональное движение якобы несовместимо с капитализмом³¹.

Другие буржуазные экономисты, хотя и не выступают с такими категорическими выводами, но пытаются представить про-

³¹ Такого рода положение выдвинуто в кн. Ch. E. Lindblom. Unions and Capitalism. New Haven, 1949. В недавно вышедшей книге Д. Ричберга под кричащим заголовком «Монополия профсоюзов» автор пытается запугать буржуазное общественное мнение следующим пророчеством: «Процесс усиления профсоюзов зашел настолько далеко, что создалась угроза образования «социалистического рабочего правительства» (D. Richberg. Labor Union Oligopoly. Chi., 1957, p. 149).

фессиональные союзы в качестве наиболее сильной монополии, чрезмерно вздувающей уровень заработной платы. Такова позиция Ф. Махлупа³², М. Бронфенбреннера³³, С. Сликтера³⁴ и многих других буржуазных экономистов.

Американские экономисты Ф. Харбисон и Д. Коулман так резюмируют основные положения буржуазных критиков профессиональных союзов: «...1) главные функции коллективных договоров в основном экономические, 2) ...подлинных экономических границ для приобретения профессиональными союзами экономического могущества не существует и 3) ...непосредственные результаты действия профессиональных союзов ведут к нарушению оптимального распределения ресурсов»³⁵.

Харбисон и Коулман отметили центральную идею буржуазных критиков профессиональных союзов — она сводится к положению, что нет объективных пределов для возрастания экономической мощи этих организаций. Такой вывод, как мы показали выше, основан на полном игнорировании капиталистических производственных отношений, на отрицании господствующей роли капитала в буржуазном обществе. Такой подход позволяет полностью стереть различие между объединениями капиталистов и рабочими организациями и распространить на последние свойства, принадлежащие союзам капиталистов, т. е. монополистический характер таких объединений.

При помощи этих софизмов буржуазные экономисты пытаются «реконструировать» теорию заработной платы, сочетая старую теорию «предельной производительности» с положением о том, что заработная плата определяется соотношением сил капиталистических и рабочих монополий (по терминологии, принятой в буржуазной политической экономии, это — случай так называемой двусторонней монополии). Как видим, кризис теории «предельной производительности» выражается в том, что она дополняется и в значительной мере замещается весьма ухудшенным вариантом социальной теории распределения, искажающей классовые отношения в буржуазном обществе в гораздо большей степени, нежели это делал в свое время Туган-Барановский.

Хотя в буржуазной литературе говорится о двусторонней монополии, фактически имеется в виду только одна сторона. Дело в том, что буржуазные экономисты отказываются в большинстве случаев квалифицировать союзы капиталистов как монополистические, они предпочитают именовать эти союзы олигополиями. Но зато они проявляют исключительное рвение в том, чтобы на-

³² F. Machlup. Wage Determination and the Economics of Liberalism. Wash., 1947.

³³ M. Bronfenbrenner. The Incidence of Collective Bargaining. «American Economic Review», May 1953.

³⁴ S. Slichter. The Challenge of Industrial Relations. Ithaca, 1947, p. 76.

³⁵ F. H. Harbison and J. K. Coleman. Goals and Strategy in Collective Bargaining. N. Y., 1951, p. 146—147.

делить свойствами монополии рабочие организации. Буржуазные экономисты в этом своем рвении доходят до того, что объявляют профсоюзы самыми мощными и всеобъемлющими монополиями.

Очевидно, что такая трактовка полностью извращает действительную сущность профессиональных союзов. Между профессиональными союзами, на деле защищающими интересы рабочего класса, и монополистическими союзами капиталистов налицо глубочайший антагонизм, определяемый антагонизмом между пролетариатом и буржуазией.

Профессиональные союзы (если они не желтые) ведут упорную и постоянную борьбу с капиталом и являются действительными защитниками рабочих. Недаром само их существование вызывает ярость капиталистических монополий.

Только опираясь на профессиональные союзы, только в ожесточенной борьбе с капиталистами, проводимой профессиональными союзами, защищающими интересы рабочих, пролетариат может сдерживать непрерывное наступление капиталистов на его жизненный уровень в интересах получения монопольно высоких прибылей. Маркс характеризовал профессиональные союзы как центры «сопротивления притязаниям капитала»³⁶.

Практика профессионального движения полностью опровергает басню, которую пустил в оборот еще в прошлом столетии Л. Брентано, о том, что профессиональные союзы якобы коренным образом меняют экономическое положение рабочих в условиях капитализма. Путем организованной борьбы рабочим удается временами несколько сдержать наступление капитала на жизненный уровень рабочего класса. Благодаря усилиям рабочих организаций разрыв между стоимостью и ценой рабочей силы получается не столь значительным, каким он был бы в случае отсутствия этих организаций. Но рабочие в условиях капитализма не в состоянии преодолеть действия закона стоимости рабочей силы. Пока собственность на средства производства сосредоточивается в руках капиталистов, пока они являются хозяевами производства, они располагают очень важными рычагами, используя которые можно сокращать потребность в рабочей силе. Одним из таких рычагов является, в частности, капиталистическая рационализация производства, ведущая к повышению органического состава капитала, вытеснению рабочих с производства и относительному перенаселению. В силу этих причин возможности повышения реальной заработной платы путем чисто экономической борьбы профсоюзов весьма ограничены.

Совершенно несостоятельны утверждения буржуазных экономистов о том, что профессиональные союзы имеют возможность ограничивать предложение рабочей силы. Рабочие могут воздерживаться от продажи своей рабочей силы только на весьма ко-

³⁶ К. Маркс. Заработная плата, цена и прибыль.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 407.

роткий срок. Как бы ни были значительны стачечные фонды профессиональных союзов, эти фонды могут быть быстро исчерпаны в случае длительной массовой забастовки. Самая хорошая и боевая организация рабочих в рамках капитализма не может устранить основного производственного отношения буржуазного общества — экономической зависимости рабочих, лишенных средств производства, от капиталистов, владеющих этими средствами производства. Точно так же несостоятельно утверждение буржуазных экономистов о том, что профессиональные союзы способны воздействовать на спрос на рабочую силу, поскольку «путем повышения заработной платы они вызывают расширение потребительского спроса, ведущего к повышению спроса на рабочих в результате увеличения производства потребительских и капитальных благ»³⁷. Они игнорируют то обстоятельство, что рост заработной платы стимулирует дальнейшую механизацию и автоматизацию производства, все большую замену живого труда механизмами. Здесь отчетливо сказывается ограниченность возможности воздействия профессиональных союзов на положение рабочих. Последние могут добиться некоторого улучшения экономического положения рабочих, но это улучшение весьма ограничено и неустойчиво. Буржуазные экономисты крайне преувеличивают эти возможности улучшения положения рабочего класса. Забывая о господстве класса капиталистов, они рисуют профессиональные союзы в качестве могущественнейшей организации современного капиталистического мира.

Некоторые авторы, например немецкий буржуазный экономист Штакельберг, пытаются оправдать теорию заработной платы, основанную на представлении о двусторонней монополии, тем, что эта теория оправдывает вмешательство государственных и общественных органов в борьбу вокруг вопроса о заработной плате. Аргументация этих авторов сводится к тому, что в условиях двусторонней монополии цена не является строго определенной. Она может варьироваться в довольно широких пределах. Это дает возможность государственным и общественным органам оказывать давление на борющиеся стороны, с тем чтобы добиться желательного уровня заработной платы.

Эта попытка должна быть признана совершенно неудачной.

Во-первых, неверно, что при двусторонней монополии цена теряет свою определенность и ставится в зависимость только от случайного соотношения сил борющихся сторон. Цена и в случае двусторонней монополии устанавливается согласно закону монопольной цены. Она определяется экономическими факторами и образуется на основе действия закона стоимости.

Во-вторых, для оправдания государственного вмешательства в эту область нет необходимости изобретать фальшивую теорию «рабочих монополий». Заработная плата представляет собой цену

³⁷ P. Einzig. The Economic Consequences of Automation. L., 1957, p. 148.

рабочей силы, которая может отклоняться и, как правило, отклоняется от стоимости последней. Эти отклонения определяются соотношением сил капиталистических предпринимателей и рабочих. Обычно буржуазное государство в этой борьбе поддерживает буржуазию, но иногда оно под давлением организованной борьбы рабочих вынуждено идти им на уступки. Рабочие организации никогда не отказываются от таких уступок.

Старая теория «предельной производительности» не удовлетворяет современных буржуазных апологетов еще по одной причине. Она исходит из предпосылки, что заработная плата изменяется в строгом соответствии с изменением производительности труда. Опираясь на это положение, старые защитники теории «предельной производительности» отрицали влияние изменения заработной платы на движение цен или, во всяком случае, не очень выпячивали это влияние. Между тем в условиях современной инфляции буржуазные апологеты всячески заинтересованы в том, чтобы представить борьбу рабочих за повышение заработной платы в качестве главной причины инфляционных процессов. Поэтому в современных условиях буржуазные экономисты делают основной упор на то, что заработная плата изменяется независимо от изменений в производительности труда. Эта постановка лишней раз иллюстрирует различие между экономистами типа Д. Б. Кларка и современными буржуазными экономистами: в то время как первые старались всячески показать реальность и действительность закона «предельной производительности», последние в первую очередь пытаются показать, что этот закон наталкивается на препятствия и не реализуется в достаточной мере по вине рабочего класса.

Наиболее яркое проявление этой новой тенденции — широко распространенная в послевоенный период в буржуазной экономической литературе теория «инфляционной спирали заработной платы и цен». Согласно этой теории, рост заработной платы вызывает необходимость повышения цен, которое в свою очередь ведет к дальнейшему росту заработной платы. Так все снова и снова повторяется этот порочный круг. Так как с ростом заработной платы повышаются цены, утверждают сторонники этой теории, то этот рост приводит не к увеличению реального дохода рабочих, а к возрастанию бумажно-денежной массы в обращении, т. е. непосредственно к инфляции.

Теория «инфляционной спирали заработной платы и цен» направлена против стачечной борьбы рабочих, добивающихся повышения заработной платы. С. Харрис заявляет, что «инфляционная спираль заработной платы и цен, по-видимому, становится более угрожающей по мере того, как усиливается профсоюзное движение»³⁸.

³⁸ S. E. Harris. The Economics of Mobilisation and Inflation, N. Y., 1951, p. 96—97.

Для того чтобы оправдать обвинение рабочего класса в инфляционной практике, буржуазные экономисты соответственно перестроили само понятие инфляции. Они изобрели особое понятие «инфляции доходов», под которой в первую очередь имеется в виду повышательное движение заработной платы. А некоторые буржуазные экономисты идут так далеко, что самую сущность инфляции усматривают в росте заработной платы. Так, датский буржуазный экономист Педерсен пишет: «Мы можем, для начала, определить инфляцию как рост заработной платы, вызванный увеличением спроса на труд...»³⁹ «Я определяю инфляцию,— пишет он,— как рост заработной платы, чем бы ни был он вызван, при условии, что банковская система готова финансировать его так, что он не ведет к безработице. Я разделяю общую категорию инфляции на два подразделения — одно я называю спонтанной, или производной, инфляцией, имея в виду рост заработной платы, вызванный увеличением денежного спроса, а второе подразделение я называю автономной инфляцией, характеризующейся тем фактом, что она вызвана не ростом спроса, а преднамеренной политикой организаций на рынке труда»⁴⁰.

О том, к каким абсурдным выводам приводит эта теория инфляции, можно судить по следующему высказыванию Д. Хикса. Хикс утверждал, что вместо золотого стандарта сейчас налицо «рабочий стандарт» (т. е. стандарт, определяемый уровнем заработной платы). Стоимость денег, по Хиксу, определяется уровнем заработной платы; количество денег и уровень цен должны приспособляться к уровню заработной платы в такой же мере, в какой они при золотом стандарте приспособлялись к размерам золотых стандартов. Это значит, заключает Хикс, что руководители пред-юнионов полностью ответственны за экономическую стабильность и процветание всего общества, как центральные банки в старое время⁴¹.

В интересах своей кампании, направленной против профессиональных союзов, буржуазные экономисты совершенно запутали столь простой и ясный вопрос, как вопрос об инфляции, которая непосредственно означает обесценение бумажных денег, вызванное переполнением каналов обращения бумажными деньгами по сравнению с потребностью в средствах обращения и средствах платежа. Буржуазные экономисты нарочито дают самые расплывчатые определения инфляции, при которых утрачивается всякая связь между инфляцией и определенным состоянием денежного обращения (на этом вопросе мы подробнее остановимся в гл. 5).

³⁹ J. Pedersen. The Theory of Inflation. «Weltwirtschaftliches Archiv», Bd. 73, 1954, H. 1, S. 13.

⁴⁰ Ibid., S. 15.

⁴¹ Цит. по P. Einzig. The Economic Consequences of Automation, p. 150—151.

В основе теории «инфляционной спирали заработной платы и цен» лежит совершенно неправильная предпосылка о том, что рост заработной платы обязательно вызывает повышение цен. Рост заработной платы при прочих равных условиях означает автоматическое снижение массы и нормы прибыли. Повышение товарных цен может и не иметь места. Оно определяется всей совокупностью условий, воздействующих на процесс воспроизводства общественного капитала, и в первую очередь движением производительности труда. Изменение заработной платы является лишь одним из многочисленных моментов, действующих в этом направлении. Оно оказывает лишь косвенное влияние на движение товарных цен через воздействие на величину общественного спроса и предложения товаров. Повышение заработной платы, с одной стороны, способствуя снижению нормы прибыли, задерживает рост капиталистического производства, а с другой стороны, вызывает увеличение покупательной силы населения. Влияние этого фактора различно в зависимости от того, как развивается производство предметов потребления. Оно различно в зависимости от условий развития внешней торговли. Оно различно в зависимости от динамики роста производительности труда. Оно различно для разных фаз цикла. Оно различно для мирной и военной экономики и т. д.

Влияние роста заработной платы модифицируется в зависимости от того, какие сферы преимущественно охватывает это повышение — производственную или непроизводственную. В производственной сфере заработная плата выплачивается из вновь созданной стоимости. Повышение заработной платы в этих случаях не вызывает напряжения в области денежного обращения. Другое влияние оказывает повышение заработной платы в непроизводственной сфере, которое непосредственно означает рост непроизводительных расходов и в современных условиях предъявляет повышенные требования к государственному бюджету (в том случае, если речь идет о рабочих и служащих, выполняющих правительственные заказы или работающих на государственных предприятиях).

Положение о том, что рост заработной платы неизбежно приводит к повышению товарных цен, было опровергнуто в свое время еще Д. Рикардо. Ф. Энгельс писал, что со времени Рикардо определение стоимости заработной платой «изгнано из научной политической экономии... и в наши дни еще имеет хождение только в вульгарной экономике. Как раз пошлейшие сикофанты существующего капиталистического общественного строя проповедуют определение стоимости заработной платой»⁴². Современная буржуазная политическая экономия выступает с этими давно опровергнутыми положениями вульгарных теорий.

⁴² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., Госполитиздат, 1957, стр. 181.

Анализируя взаимоотношение между ростом заработной платы и повышением товарных цен, буржуазные экономисты ставят вещи на голову. В действительности не рост заработной платы, как правило, вызывает повышение цен, а, наоборот, растущие цены на средства существования вынуждают рабочих бороться за увеличение номинальной заработной платы с тем, чтобы обеспечить элементарные условия для воспроизводства рабочей силы. Повышение заработной платы происходит, как правило, уже после повышения цен и является как бы ответной реакцией на этот процесс. Анализ забастовочного движения в США показывает, что главной причиной большинства забастовок является требование о повышении заработной платы в связи с повышением цен.

Ярким подтверждением того, что повышение цен предшествует повышению заработной платы, является так называемая «система скользящей шкалы» при определении номинальной заработной платы, которой добились некоторые профессиональные союзы. Эта система предусматривает, что номинальная заработная плата должна быть приведена в соответствие с изменениями индекса стоимости жизни. Рабочие борются за эту систему с тем, чтобы обезопасить себя от последствий инфляционных процессов.

История неоднократно и неопровержимо показывала, что рабочие являются первой жертвой инфляции, которая, как правило, вызывает падение реальной заработной платы. В послевоенный период эти последствия инфляции особенно явственно сказались там, где проводилась или проводилась политика «замораживания» заработной платы. Оправдание этой политики и составляет одну из главных задач теории «инфляционной спирали заработной платы и цен».

Это обстоятельство лишь раз демонстрирует лицемерие буржуазной политической экономии, пытающейся свалить на рабочий класс ответственность за инфляцию. Они пытаются всячески замаскировать тот факт, что современная инфляция представляет собой неизбежный результат обостряющихся противоречий капитализма. Они умалчивают и о том, что инфляционный процесс усиливается в результате империалистической политики США, Англии, Франции, ФРГ, гонки вооружений, раздувания военных бюджетов.

Теория «двусторонней монополии», теория «инфляционной спирали заработной платы и цен» — таковы важнейшие поправки, которые современные буржуазные экономисты внесли в старую теорию «предельной производительности». Эти поправки свидетельствуют об усиливающейся реакционности буржуазной политической экономии, которая во все возрастающей степени используется как идеологическое оружие борьбы не только с политическими (в этой роли она давно подвизается), но и с экономическими требованиями рабочего класса.

Глава четвертая

КРИТИКА БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЙ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РОЛИ ГОСУДАРСТВА

Одним из важнейших моментов кризиса буржуазной политической экономии является неверие в действие внутренних сил капитализма и апелляция к буржуазному государству как к силе, способной разрешить противоречия капиталистической экономики. Буржуазные экономисты все больше и все чаще распространяют версию о том, что государство призвано исправлять «недостатки» автоматического действия капиталистического механизма. Так, американский экономист Р. Паттон возлагает на государство следующую задачу: «Правительство должно принять на себя функцию компенсации недостатков частной экономики посредством такой собственной деятельности, как увеличение своего долга при расходовании и инвестировании больших средств, чем может быть получено из его текущего дохода»¹.

Особенно большое внимание буржуазные экономисты уделяют подчеркиванию того, что государство должно компенсировать недостаток совокупного спроса по сравнению с производством увеличением своих расходов. «Если частные расходы недостаточны, — заявляет американский экономист Д. М. Кларк, — то очевидным и простым методом является заполнение недостатка увеличением государственных расходов»².

По замыслу буржуазных идеологов, государство должно взять на себя покрытие убытков, связанных с кризисами и вообще с последствиями анархии капиталистического производства. Американский экономист Д. Стейнер, написавший специальную работу об экономической роли государства, подчеркивает, что важнейшей функцией буржуазного государства является «социализация экономических рисков». Под этим термином он понимает принятие на себя правительством «тех рисков, которые связаны с действием экономической системы»³.

Среди буржуазных экономистов широко распространено мнение, что функции государства в области экономики должны быть

¹ R. Patton. The American Economy, N. Y., 1953, p. 365.

² J. M. Clark. Guideposts in Time of Change. N. Y., 1949, p. 105.

³ G. A. Steiner. Government's Role in Economic Life. N. Y., 1953, p. 137.

выведены из «систематического анализа границ и недостатков рыночной системы»⁴.

Многие современные буржуазные экономисты, в особенности кейнсианского направления, трактуют государственное вмешательство в экономику как фактор, который может подменить действие экономических законов и определить новые пути экономического развития. Некоторые авторы утверждают, что именно государственные расходы играют важнейшую роль в современном экономическом развитии. Так, Хансен пишет: «...экономика сама по себе неспособна производить достаточно энергии, чтобы обеспечить полностью весь возможный рост. Без помощи со стороны мощных финансовых сил федерального правительства мы окажемся неспособными достичь, выражаясь словами «Акта о занятости» 1946 г., «максимума производства, занятости и покупательной способности»»⁵.

Идея о ведущей роли государства в области экономики имеет большое распространение в современной буржуазной экономической литературе. Она получила признание во многих официальных выступлениях буржуазных правительственных деятелей.

Экономическую основу этих идей представляют монополистическая стадия капитализма и общий кризис мировой капиталистической системы. Но особое значение для распространения этих идей имеют процессы развития экономики капиталистических стран, связанные с превращением монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм.

Современные экономические теории представляют собой попытку перестроить буржуазную политическую экономию в соответствии с условиями развития государственно-монополистического капитализма. Они непосредственно отражают факт значительного усиления экономических функций буржуазного государства в период общего кризиса капитализма. Это усиление непосредственно связано со следующими процессами, составляющими основное содержание государственно-монополистического капитализма: 1) многообразными формами государственного регулирования и контроля над экономикой; 2) значительным ростом удельного веса общественного продукта, приобретаемого правительственными органами; 3) расширением государственного сектора как путем строительства новых государственных предприятий, так и через национализацию некоторых отраслей производства. Все эти элементы имели место и в предшествующие периоды развития капитализма, но их роль значительно возросла в условиях современного капитализма.

Особо важное значение имеет то обстоятельство, что значительная часть общественного продукта поступает в распоряжение государства и оплачивается за счет государственного бюджета. Как видно из приводимых ниже данных, в ряде капиталистических стран от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$ общественного продукта поступает в распоряжение государства. Доля правительственных закупок к совокупному национальному продукту по текущим ценам составляла (в %) ⁶:

	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.	Средняя для 1948 — 1954 гг.
Великобритания	38	38	38	36	36	34	33	35
Франция	—	28	20	30	31	32	33	31
Швеция	25	26	29	30	29	31	33	31
Канада	26	25	25	28	27	27	27	27
ФРГ	—	—	25	27	28	28	28	27
США	24	23	25	27	27	27	26	26
Япония	23	31	23	22	21	21	21	22
Италия	—	—	—	19	21	—	—	20

Весьма важным показателем являются значительно выросшие масштабы экономической деятельности правительств капиталистических стран. По исчислению Национального бюро экономических исследований США, за период с 1902 по 1946 г. сумма капитальных активов во владении правительства США возросла с 8,4 млрд. до 50,0 млрд. долл. (в ценах 1929 г.), а их доля во всей сумме национальных активов возросла с 6,6 до 20,6%. С 1900 по 1950 г. число служащих государственного аппарата и рабочих государственных предприятий увеличилось с 1,1 млн. до 7,2 млн. человек, а в отношении ко всему самостоятельному населению поднялось с 4,1 до 12,3%⁷. Ещё больше вырос масштаб экономической деятельности правительства Великобритании, где огосударствен ряд отраслей промышленности. До войны на государственной службе и на государственных предприятиях было занято около 10% всего самостоятельного населения страны, а в 1954 г. было занято уже 26,5%, из них 11,5% — в национализированных отраслях промышленности, 6,5% — в коммунальных учреждениях. В Италии государству принадлежит свыше $\frac{1}{3}$ акционерного капитала крупных монополий, а в некоторых отраслях (воздушный, морской транспорт, горнодобывающая и металлургическая промышленность) — более половины и все крупные банки.

Буржуазные экономисты, исходя из действительного факта значительного усиления экономической роли современного буржуазного государства, дают извращенную трактовку этого факта.

⁶ H. T. Oshima. Share of Government in Gross National Product for Various Countries. «American Economic Review», June 1957, p. 382.
⁷ S. Fabricant. The Trend of Governmental Activity in the U. S. National Bureau of Economic Research, t. 15. N. Y., 1952, p. 168.

⁴ G. Colm. Comments on Samuelson's Theory of Public Finance. «Review of Economics and Statistics», November 1956, p. 411.

⁵ A. Hansen. Growth or Stagnation in American Economy. «Review of Economics and Statistics», November 1954, p. 412.

Извращения буржуазных экономистов по этому вопросу идут по следующим линиям:

1) замалчивается, что вмешательство государства в экономику осуществляется в основном в интересах капиталистических монополий;

2) отрицается классовая природа империалистического государства и мероприятия экономической политики трактуются как мероприятия, проводимые в интересах масс;

3) распространяется версия о том, что государство способно обеспечить пропорциональное развитие капиталистической экономики в целом, и в связи с этим неправильно трактуется проблема народнохозяйственного планирования;

4) восхваляются социальные последствия милитаризации народного хозяйства.

1. БУРЖУАЗНЫЕ АВТОРЫ О ПРИЧИНАХ УСИЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА

В буржуазной литературе приводятся самые разнообразные причины характерного для современной эпохи усиления государственного вмешательства в экономику, но отсутствует коренная и решающая причина — концентрация производства и капитала, установление господства монополий и подчинение ими себе государственного аппарата. В качестве образчика подхода буржуазных экономистов к решению этого вопроса можно указать на упомянутую работу Джорджа Стейнера, специально посвященную этому вопросу. Исходным методологическим пунктом анализа, данного Стейнером, является положение о невозможности «монистического» разрешения поставленной проблемы. «Классификация причин, лежащих в основании расширяющегося контроля (речь идет об экономическом контроле буржуазного государства. — И. Б.)..., — говорит Стейнер, — базируется на той идее, что нет единственной причины, которую можно было бы выделить как вполне ответственную за восходящую кривую государственного контроля. Причины, лежащие в основании расширяющегося контроля, являются экономическими, политическими, социологическими, этическими; фактически расширяющийся государственный контроль имеет свои главные корни (taproots) во всех областях человеческой деятельности и мышления»⁸.

Стейнер насчитывает по меньшей мере восемь причин для объяснения возросшей экономической роли буржуазного государства, это «1) влияние технологических изменений на экономическую жизнь и крушение принципа *laissez faire*; 2) возросшая потребность правительственного координирования в использовании экономических ресурсов; 3) возросшая потребность правительствен-

ного разрешения групповых конфликтов; 4) возросшая потребность индивидов и предпринимателей в социализации правительством экономического риска; 5) национализация экономических проблем (тут речь идет о том, что многие вопросы переходят из ведения местных самоуправлений и штатов в ведение государства. — И. Б.) и растущая вера в то, что их сможет разрешить центральное правительство; 6) влияние кризисов на экономическую ответственность федерального правительства; 7) претензии, которые предъявляют правительству проблемы национальной безопасности; 8) требования к правительству, возникшие в результате той новой роли, которую играют Соединенные Штаты в мировых делах»⁹.

Несомненно, что каждый из факторов, перечисленных Стейнером, оказывает свое воздействие на возросшую экономическую роль буржуазного государства. Но все дело в том, что формы и характер действия этих факторов целиком определяются основным фактом, характеризующим современный капитализм, — господством монополистического капитала. Игнорирование этого решающего факта приводит к неверным выводам, искажающим действительное положение вещей. Это особенно заметно выступает при рассмотрении третьего фактора, который Стейнер формулирует как «потребность правительственного разрешения групповых конфликтов». Стейнер дает совершенно фальшивое представление о современном буржуазном государстве как беспристрастном арбитре, возвышающемся над классами. Он выдвигает явно апологетическое утверждение, что деятельность правительства в «разрешении групповых конфликтов» развивается в четырех направлениях: «Это — 1) действия, направленные на защиту экономически слабых от экономически сильных; 2) усилия, связанные с выравниванием мощи отдельных групп; 3) деятельность, направленная на разрешение групповых конфликтов, угрожающих общественным интересам; 4) действия, устанавливающие, если можно так выразиться, «правила игры» для конкурирующих групп»¹⁰. Картина, нарисованная Стейнером, далека от действительности, как небо от земли. В действительности аппарат насилия буржуазного государства поставлен на службу капиталистам, и в первую очередь их монополистической верхушке, для охраны свободы эксплуатации рабочего класса. В современных условиях государственная власть используется для того, чтобы облегчить монополистическому капиталу наступление на жизненный уровень рабочего класса. В. И. Ленин еще в 1912 г. писал, что «„государственный контроль“... превратится — при сохранении капитала за капиталистами — в средство борьбы со стачками и удушения их»¹¹. Антирабочее

⁹ Ibid., p. 125–126.

¹⁰ Ibid., p. 135.

¹¹ В. И. Ленин. Итоги и значение президентских выборов в Америке. — Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 194.

⁸ G. A. Steiner. Government's Role in Economic Life. N. Y., 1953, p. 125.

законодательство выступает в качестве одного из важнейших моментов регулирования экономики в условиях современного капитализма.

Рабочим в процессе длительной упорной борьбы удалось добиться в некоторых странах уступок со стороны господствующих классов в виде признания свободы союзов и коллективных договоров, законодательного ограничения рабочего дня, известного ограничения применения женского и детского труда, установления некоторых правил охраны труда. Но эти законы нередко нарушаются капиталистами. Рабочим очень часто приходилось и приходится в настоящее время объявлять забастовки, чтобы заставить капиталистов выполнять формально принятые законы о правах рабочих. В эпоху империализма нарушения этих законов особенно учащаются.

Фальшивой является также трактовка Стейнером четвертого фактора, под которым он понимает «социализацию правительства экономического риска». Эту «социализацию» он трактует как заботу правительства об обеспечении всем членам общества минимального дохода. К этой рубрике он относит не только субсидии и предоставление всяких льгот капиталистическим предпринимателям, но и помощь фермерам и даже антитрестовское законодательство¹². Для той путаницы, которая царит во взглядах Стейнера по данному вопросу, характерно то, что он к рубрике «социализация экономического риска» одновременно относит и законы, направленные против картелей и трестов, и законы, поощряющие их образование, например закон Вебба — Поммерна, разрешающий экспортные картели.

В действительности «социализация экономического риска», о которой пишет Стейнер, имеет совершенно определенный смысл. Она выражает тенденцию монополистического капитала переложить свои убытки и возможный риск, связанный с изменением конъюнктуры и другими обстоятельствами, на государственную казну. Такая «социализация экономического риска» широко практикуется во время экономических кризисов, когда за счет правительственных средств осуществляется «санирование» частнокапиталистических предприятий, стоящих на грани банкротства. В частности, в период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. в некоторых капиталистических странах государство скупало акции крупных промышленных и банковских предприятий, оказавшихся под угрозой банкротства. Государство становилось совладельцем, а иногда и владельцем ряда предприятий. Но затем значительное число предприятий было возвращено прежним хозяевам на льготных условиях. В. И. Ленин в свое время указывал, что «государственная монополия в капиталистическом обществе есть лишь

средство повышения и закрепления доходов для близких к банкротству миллионеров той или иной отрасли промышленности»¹³.

Другим примером «социализации экономического риска» является практика американских монополий, отказавшихся во время второй мировой войны переоборудовать свои предприятия для производства военных материалов из опасения обесценения своих капиталов в случае послевоенной реконверсии. Правительство США вынуждено было за свой счет строить предприятия, которые передавались в эксплуатацию монополиям. А после окончания войны большая часть предприятий, построенных за счет правительства, была продана за бесценок крупнейшим монополиям.

На примере третьего и четвертого факторов, упоминаемых Стейнером, видно, что правильное их понимание возможно только с учетом господствующего положения монополий и подчинения им буржуазного государства.

Это же замечание применимо и ко всем остальным факторам, упоминаемым Стейнером. Так, никакие технологические изменения, как бы они ни были велики, не способны сами по себе усилить экономическую роль буржуазного государства. Технологические изменения могут влиять лишь в той мере, в какой они способствуют изменению позиций отдельных монополий, росту концентрации производства, появлению новых экономических проблем, обострению социально-экономических противоречий и т. д. В условиях империализма основной экономический эффект от технического прогресса присваивается монополиями, использующими наряду с экономическими средствами борьбы и внеэкономические методы принуждения. Использование монополиями буржуазного государства в данном случае, как и в ряде других, играет существенную роль в реализации характерных для периода империализма особенностей экономических законов капитализма.

Это использование монополиями буржуазного государства особенно ярко проявляется в области внешней политики. Дипломатия США защищает интересы нефтяных монополий, и в частности крупнейших из них — рокфеллеровской «Стандард ойл» — на Ближнем Востоке, медных монополий — в Чили, «Юнайтед фрут К⁰» — в Центральной Америке и т. д. Дипломатия Англии защищает интересы «Бирма ойл К⁰» в Бирме и многих других странах Азии, «Бритиш петролеум К⁰» — в Иране и ряде других стран Ближнего и Среднего Востока, интересы английских банков и торговых домов во всех странах. Франция расходовала ежегодно сотни миллиардов франков на ведение разбойничьей войны в Индо-Китае в интересах «Банк де л'Эндошин» и других французских монополий.

Империалистические войны и милитаризация народного хозяйства представляют собой один из важнейших методов извлечения

¹² G. A. Steiner. Government's Role in Economic Life, p. 149.

¹³ В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. — Сочинения, изд. 4, т. 22, стр. 205

монополю высокими прибылями. Погоня за высокими прибылями лежит в основе гонки вооружений. С развитием военной техники, с применением новых видов вооружения, с дальнейшим ростом моторизации войны, с небывалым ростом военной авиации и т. д. война становится все дороже, а это делает ее еще более доходной и прибыльной для капиталистических монополий. Ярким примером того, как современное развитие военной техники используется для обогащения монополий, является производство атомного оружия.

Производство вооружения открывает наиболее широкие возможности для казнокрадства, поскольку предметы вооружения не являются коммерческими товарами и цены на них не складываются на свободном рынке. При этих условиях монополии имеют возможность произвольно диктовать свои цены, заключая контракты с правительственными органами, во главе которых стоят те же представители монополий.

Американские монополии во время второй мировой войны дали исключительно яркий пример использования монополистическим капиталом государственных средств в невиданных прежде масштабах. Они отказались строить за свой счет новые военные заводы. Как указывает академик Е. С. Варга, «переложив расходы по постройке военных предприятий на государство, монополистический капитал выиграл на этом четырежды:

- 1) государство выплачивает монополистам проценты по займам, которые оно выпускало для приобретения капиталов на постройку заводов;

- 2) монополистический капитал получил большие барыши на строительстве заводов;

- 3) построенные заводы были бесплатно переданы государством монополистическому капиталу в эксплуатацию на период войны;

- 4) после окончания войны монополисты приобретали по своему желанию эти заводы у государства за минимальную цену (как правило, около 10% той суммы, которую государство затратило на их постройку и оборудование)»¹⁴.

Весьма яркую иллюстрацию использования государственно-капиталистических мероприятий в интересах монополистических организаций представляет система существующих во Франции так называемых парафискальных налогов. Это — специальные налоги на некоторые виды продуктов, выпускаемых преимущественно монополиями. В отличие от косвенных налогов, они не поступают в бюджет, а предназначаются непосредственно для финансирования монополистических объединений. Так, например, налоги на продукцию металлургических компаний поступают в распоряжение «Контуар де приюм сидеруржик» (это — картель, возникший после войны вместо «Комите де форж») для модернизации оборудо-

ования. Аналогичный налог установлен и на алюминий (в размере 12 000 фр. за тонну) и поступает в распоряжение монополистической группы Пешинэ — Южин.

При помощи парафискальных налогов государство помогает монополиям изыскивать дополнительные капиталы путем ограбления потребителей (в той мере, в какой удастся переложить этот налог на потребителя) и более мелких немонополизированных производителей, занятых в той же отрасли (в той мере, в какой налог падает на производителей). Государство выступает в данном случае как непосредственный агент капиталистических монополий.

Стейнер ссылается на потребность в координированном использовании экономических ресурсов как на один из факторов, способствующих усилению экономической роли буржуазного государства. Но в борьбе за экономические ресурсы решающую роль играют монополии. Именно монополии пытаются подчинить себе важнейшие энергетические и сырьевые источники. В этой борьбе монополии широко используют буржуазное государство. Стремление захватить сырьевые источники, как известно, является одним из важнейших мотивов колониальной политики.

Ярким примером того, в чьих интересах проводится «координированное использование экономических ресурсов», является национализация некоторых отраслей, проведенная после второй мировой войны в Англии и Франции. Монополистический капитал этих стран возложил на государство издержки по обеспечению капиталистических предприятий дешевым топливом и электроэнергией. Уголь и электроэнергия национализированных предприятий продаются массовому потребителю по вздутым ценам, а капиталистическим предприятиям — по сильно сниженным и фактически убыточным ценам. Так, во Франции крупные предприятия электрохимии и электрометаллургии снабжаются электроэнергией государственных станций по 1,08 фр. за киловатт-час при себестоимости ее в 2,71 фр.¹⁵ Но зато широкому потребителю и мелким предприятиям энергия отпускается по сильно завышенным ценам.

В США дешевая электроэнергия государственных электростанций служит средством обогащения приобретающих ее монополистических компаний. Государственные электростанции снабжают по более дешевому тарифу в первую очередь предприятия атомной промышленности, цветной металлургии и химические заводы. Все эти заводы эксплуатируются капиталистическими монополиями. Наибольшая доля энергии, вырабатываемой государственными электростанциями, продается по дешевому тарифу частным электрокомпаниям, которые в свою очередь перепродают ее потребителям по более высоким ценам, наживая на этом большие прибыли.

¹⁵ А. И. Шнейерсон. Подчинение буржуазного государства монополиям. М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 222—223.

¹⁴ Е. Варга. Основные вопросы экономики и политики империализма (после второй мировой войны). Госполитиздат, 1957, стр. 78.

По словам Адамса и Грея, «в районе, где преобладают государственные электростанции (долина Теннесси. — И. Б.), ТВА¹⁶ продала во время второй мировой войны большее количество электроэнергии частным электрокомпаниям и промышленным потребителям, чем кооперативам и муниципалитетам... Она не только допустила существование частных электрокомпаний, но, как показывают их балансы прибылей и убытков, обеспечила их процветание»¹⁷.

Мы подробно остановились на рассмотрении высказываний Стейнера потому, что они типичны для буржуазных экономистов. Эти высказывания отражают коренной порок буржуазной методологии по данному вопросу — замалчивание того, что различные формы вмешательства государства в экономику являются элементами государственно-монополистического капитализма, следствием подчинения государства монополиям и использования государства с целью извлечения монополиями высоких прибылей.

Такое замалчивание характерно для подавляющего большинства буржуазных экономистов. Это лишний раз иллюстрирует тот факт, что современная буржуазная политическая экономия превратилась в служанку монополистического капитала. Сознательно извращая действительность, многие буржуазные экономисты утверждают, что государственное регулирование экономики не только осуществляется не в интересах монополий, но преследует своей целью ограничение власти последних.

Лишь немногие экономисты, стоящие на позициях немонополизированной буржуазии, правильно отражают факты, свидетельствующие о росте государственно-монополистического капитализма. Так, например, американские экономисты У. Адамс и Х. Грэй по поводу государственного регулирования экономики замечают, что фактически «под влиянием этих сил государственное регулирование превратилось в инструмент создания, защиты и субсидирования частных монополий»¹⁸. Комиссии по регулированию становятся «мальчиками на побегушках у предпринимателей отраслей, которые они должны регулировать». «Политика государственных расходов, — заявляют Адамс и Грэй, — так же как и налоговая политика, проводится таким образом, что она ведет к уничтожению конкуренции и усилению монополии»¹⁹. Но буржуазные экономисты, дающие правдивую критику хозяйничанья монополий и практики государственно-монополистического капитализма, обычно находятся в плену мелкобуржуазных иллюзий. Отрицая историческую неизбежность развития монополий, они склонны трактовать

монополии как продукт, порожденный порочной политикой правительства. Так, Адамс и Грэй утверждают, что «монополия не является результатом неизбежного непреложного диалектического процесса развития»²⁰. Эта мелкобуржуазная ограниченность закрывает для идеологов немонополизированной буржуазии возможность правильного анализа государственно-монополистического капитализма.

Наряду с отрицанием факта подчинения буржуазного государства капиталистическим монополиям приукрашивание практики государственно-монополистического капитализма осуществляется путем приписывания буржуазному государству не свойственных ему функций. Замалчивая истинные отношения, связанные с государственным вмешательством в экономику на современном этапе, буржуазные экономисты рисуют последнее в совершенно превратном свете. Они изображают дело так, что целью этого вмешательства являются якобы устранение безработицы, осуществление «полной занятости», ослабление имущественного неравенства и борьба с монополиями. Государственное вмешательство в экономику трактуется не как форма проявления государственно-монополистического капитализма, а как выражение мнимого усовершенствования капитализма, устранения его противоречий, «трансформации» его в более справедливый общественный строй. Буржуазные апологеты прежде всего стараются доказать, что государственное вмешательство в экономику подчинено интересам не монополий, а народных масс. Обычно при этом буржуазные экономисты используют ссылки на национальные интересы.

Характерно для современной апологии государственного вмешательства в экономику следующее высказывание К. Боулдинга: «Растущее чувство национального единства и сознание коллективной ответственности за благосостояние всех членов национальной группы находит свое наиболее яркое выражение в росте полномочий исполнительной власти»²¹.

В своей новейшей работе «Принципы экономической политики», изданной в 1958 г., Боулдинг подчеркивает, что только в прошлом государство было инструментом власти господствующего класса, т. е. буржуазии, которая стремилась «сохранить низкий уровень заработной платы, чтобы заставить рабочих работать интенсивнее, производить больше и потреблять меньше... Рабочие рассматривались как машины... для производства товаров»²². Для характеристики прошлого Боулдинг находит довольно верные слова. Но он резко меняет позицию, когда речь заходит о современном положении. Современное государство он без всякой тени доказательства (ибо это положение нельзя доказать) объявляет

¹⁶ TVA (Tennessee Valley Administration) — правительственная организация по строительству электростанций на реке Теннесси.

¹⁷ W. Adams and H. Gray. Monopoly in America. The Government as Promoter. N. Y., 1955, p. 159—160.

¹⁸ Ibid., p. 64.

¹⁹ Ibid., p. 96.

²⁰ W. Adams and H. Gray. Monopoly in America. The Government as Promoter, p. 173.

²¹ K. Baulding. The Organizational Revolution. N. Y., 1953, p. 181.

²² K. Baulding. Principles of Economic Policy. New Jersey, 1958, p. 11.

По словам Адамса и Грея, «в районе, где преобладают государственные электростанции (долина Теннесси.— *И. Б.*), ТВА¹⁶ продавала во время второй мировой войны большее количество электроэнергии частным электрокомпаниям и промышленным потребителям, чем кооперативам и муниципалитетам... Она не только допустила существование частных электрокомпаний, но, как показывают их балансы прибылей и убытков, обеспечила их процветание»¹⁷.

Мы подробно остановились на рассмотрении высказываний Стейнера потому, что они типичны для буржуазных экономистов. Эти высказывания отражают коренной порок буржуазной методологии по данному вопросу — замалчивание того, что различные формы вмешательства государства в экономику являются элементами государственно-монополистического капитализма, следствием подчинения государства монополиям и использования государства с целью извлечения монополиями высоких прибылей.

Такое замалчивание характерно для подавляющего большинства буржуазных экономистов. Это лишний раз иллюстрирует тот факт, что современная буржуазная политическая экономия превратилась в служанку монополистического капитала. Сознательно извращая действительность, многие буржуазные экономисты утверждают, что государственное регулирование экономики не только осуществляется не в интересах монополий, но преследует своей целью ограничение власти последних.

Лишь немногие экономисты, стоящие на позициях немонополизированной буржуазии, правильно отражают факты, свидетельствующие о росте государственно-монополистического капитализма. Так, например, американские экономисты У. Адамс и Х. Грэй по поводу государственного регулирования экономики замечают, что фактически «под влиянием этих сил государственное регулирование превратилось в инструмент создания, защиты и субсидирования частных монополий»¹⁸. Комиссии по регулированию становятся «мальчиками на побегушках у предпринимателей отраслей, которые они должны регулировать». «Политика государственных расходов,— заявляют Адамс и Грэй,— так же как и налоговая политика, проводится таким образом, что она ведет к уничтожению конкуренции и усилению монополии»¹⁹. Но буржуазные экономисты, дающие правдивую критику хозяйничанья монополий и практики государственно-монополистического капитализма, обычно находятся в плену мелкобуржуазных иллюзий. Отрицая историческую неизбежность развития монополий, они склонны трактовать

монополии как продукт, порожденный порочной политикой правительства. Так, Адамс и Грэй утверждают, что «монополия не является результатом неизбежного непреложного диалектического процесса развития»²⁰. Эта мелкобуржуазная ограниченность закрывает для идеологов немонополизированной буржуазии возможность правильного анализа государственно-монополистического капитализма.

Наряду с отрицанием факта подчинения буржуазного государства капиталистическим монополиям приукрашивание практики государственно-монополистического капитализма осуществляется путем приписывания буржуазному государству не свойственных ему функций. Замалчивая истинные отношения, связанные с государственным вмешательством в экономику на современном этапе, буржуазные экономисты рисуют последнее в совершенно превратном свете. Они изображают дело так, что целью этого вмешательства являются якобы устранение безработицы, осуществление «полной занятости», ослабление имущественного неравенства и борьба с монополиями. Государственное вмешательство в экономику трактуется не как форма проявления государственно-монополистического капитализма, а как выражение мнимого усовершенствования капитализма, устранения его противоречий, «трансформации» его в более справедливый общественный строй. Буржуазные апологеты прежде всего стараются доказать, что государственное вмешательство в экономику подчинено интересам не монополий, а народных масс. Обычно при этом буржуазные экономисты используют ссылки на национальные интересы.

Характерно для современной апологии государственного вмешательства в экономику следующее высказывание К. Боулдинга: «Растущее чувство национального единства и сознание коллективной ответственности за благосостояние всех членов национальной группы находит свое наиболее яркое выражение в росте полномочий исполнительной власти»²¹.

В своей новейшей работе «Принципы экономической политики», изданной в 1958 г., Боулдинг подчеркивает, что только в прошлом государство было инструментом власти господствующего класса, т. е. буржуазии, которая стремилась «сохранить низкий уровень заработной платы, чтобы заставить рабочих работать интенсивнее, производить больше и потреблять меньше... Рабочие рассматривались как машины... для производства товаров»²². Для характеристики прошлого Боулдинг находит довольно верные слова. Но он резко меняет позицию, когда речь заходит о современном положении. Современное государство он без всякой тени доказательства (ибо это положение нельзя доказать) объявляет

¹⁶ TVA (Tennessee Valley Administration)—правительственная организация по строительству электростанций на реке Теннесси.

¹⁷ W. Adams and H. Gray. Monopoly in America. The Government as Promoter. N. Y., 1955, p. 159—160.

¹⁸ Ibid., p. 64.

¹⁹ Ibid., p. 96.

²⁰ W. Adams and H. Gray. Monopoly in America. The Government as Promoter, p. 173.

²¹ K. Baulding. The Organizational Revolution. N. Y., 1953, p. 181.

²² K. Baulding. Principles of Economic Policy. New Jersey, 1958, p. 11.

«государством всеобщего благоденствия». Оно, по словам Боулдинга, «существует для того, чтобы обеспечивать общее благосостояние всех его членов»²³. Одной из важнейших целей экономической политики он называет «экономическую справедливость», или «справедливость в распределении».

Боулдинг извращает очевидные факты, объявляя современное империалистическое государство выразителем общественных интересов.

В порядке иллюстрации лицемерия, характерного для трактовки буржуазными экономистами вопроса о вмешательстве государства в экономику, можно привести высказывание американского автора В. Манда, написавшего специальную работу «Правительство и бизнес». Манд отмечает, что Верховный суд США с 1937 г. отказался от прежней точки зрения, что правительственное вмешательство в экономику должно быть сведено к минимуму. Что побудило Верховный суд США встать на новую точку зрения? Автор в своем объяснении этого вопроса ссылается на три причины, которыми якобы руководствовался Верховный суд: «1. Растущая экономическая концентрация, характеризующаяся существованием 200 крупных корпораций, контролирующих 50% богатства всех корпораций... 2. Большое неравенство в личных доходах, благодаря которому 60% американских семей получают недостаточные доходы для обеспечения основных потребностей, а 1% семей получает приблизительно столько же, сколько 42% в начале шкалы. 3. Широко распространенная экономическая неустойчивость и депрессия, обуславливающие определенное число безработных, число которых в 1937 г. достигло в целом 10 983 000»²⁴. Не приходится говорить о том, что государственные органы США, и в частности такой орган, известный своими открыто реакционными решениями и угодничеством перед монополиями, как Верховный суд США, очень далеки от забот об ослаблении имущественного неравенства, а тем паче о каком бы то ни было подрыве господства монополий. Что же касается вопроса о безработице, на который ссылается Манд, то господствующие круги империалистических стран действительно озабочены этим вопросом, но по совершенно другим мотивам, нежели те, на которые ссылается автор. Они меньше всего руководствуются при этом какими-то гуманными соображениями и желанием улучшить материальное положение трудящихся. Их главный мотив — боязнь социального взрыва, который чревата массовая хроническая безработица.

Апология современного буржуазного государства строится на отрицании того, что оно является исполнительным комитетом по делам буржуазии вообще, ее монополистической верхушки в особенности. Эта апология современного буржуазного государства

тесно связана с различными измышлениями буржуазных экономистов о так называемой «трансформации капитализма». Суть этих измышлений сводится к отрицанию господства капиталистов. Американский экономист А. Берли так сформулировал эту «трансформацию»: «Существует капитал, существует капитализм. Исчезающим же фактором является капиталист. Каким-то образом он почти полностью исчез с картины...»²⁵. Эта фантастическая картина капитализма без капиталистов используется для того, чтобы показать, что если исчез или по крайней мере потерял свое влияние класс капиталистов, то и государство не может служить этому классу.

Вслед за откровенно буржуазными и правосоциалистическими авторами теорию о надклассовом характере современного буржуазного государства пропагандируют и некоторые ревизионисты. Они тщетно пытаются доказать ложный тезис о том, что государственный аппарат в стремлении достичь своей самостоятельной функции становится над обществом и проявляет тенденцию к все большему ограничению как роли частного капитала, так и роли рабочего класса. Чем большее равновесие достигнуто в политической борьбе между буржуазией и рабочим классом за влияние и позиции в системе государственного капитализма, говорят ревизионисты, тем и функции бюрократии становятся все более самостоятельными. Нетрудно видеть, что эти утверждения не имеют ничего общего с реальной действительностью.

Буржуазное государство, защищая общие интересы всех групп буржуазии, всегда руководствовалось на практике в первую очередь интересами наиболее влиятельной группы буржуазии. В условиях империализма такой наиболее влиятельной группой является монополистическая буржуазия. Все важнейшие мероприятия буржуазных правительств империалистических стран в области внешней и внутренней экономической политики подчинены интересам финансовой олигархии. Поэтому современное империалистическое государство выступает в первую очередь как государство монополистической буржуазии.

Но, как это правильно замечает Е. С. Варга, «в количественном отношении финансовая олигархия представляет собою ничтожно малую часть населения в империалистических государствах, не больше нескольких тысяч семейств. Она не может вести политику самонезависимости, она не может осуществлять такую экономическую политику, которая полностью оттолкнула бы от нее широкие средние слои буржуазии. При этом необходимо подчеркнуть, что буржуазное государство осуществляет ряд важных функций в интересах всей совокупности буржуазных слоев населения... Это прежде всего защита капиталистического строя внутри данной страны...

²³ K. Baulding. Principles of Economic Policy. New Jersey, 1958, p. 11.

²⁴ V. Mund. Government and Business. N. Y., 1950, p. 18.

²⁵ A. A. Berle. The Twentieth Century Capitalist Revolution. L., 1955, p. 27.

В сохранении капиталистического общественного строя заинтересованы не только монополисты, а все живущие за счет непосредственной эксплуатации наемных рабочих слоев буржуазии, начиная от монополистов и до кулаков, или же косвенным образом участвующие в присвоении прибавочной стоимости — рантье, помещики, сдающие свои земли в аренду, высокооплачиваемые служащие, чиновники (в ряде случаев и профсоюзные). *Современное государство, защищая капиталистический строй со всем его аппаратом насилия и пропаганды, действует в интересах не только монополистов, а всей буржуазии в целом*²⁶.

2. О ГРАНИЦАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ БУРЖУАЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Одним из важнейших приемов приукрашивания государственно-монополистического капитализма является приписывание буржуазному государству способности обеспечить пропорциональное развитие экономики. В наиболее развернутом виде этот прием представлен в работах защитников так называемого планового капитализма. Эта теория была широко распространена в США в 30-х годах, в период осуществления «нового курса» Франклина Рузвельта. Она имела и имеет распространение и в других капиталистических странах. В ее пропаганде большое участие принимают правые социалисты.

Э. Жамс замечает, что «теперь некоторые представители кейнсианства готовы пойти дальше Кейнса (последний не был сторонником планирования. — И. Б.). Идея планирования не пугает больше ни Дж. Робинсон, ни Э. Хансена. Р. Хэррод предлагает создать экономическое управление, а Дж. Минд требует учреждения национального совета по инвестированию. И поскольку экономические колебания носят всемирный характер, постольку оправданными являются пожелания некоторых экономистов доверить контроль за объемом инвестиций различных стран международным органам.

Например, Джекоб Вайнер предложил в своем исследовании о Бреттон-Вудских соглашениях учредить международный фонд стабилизации труда, а профессор Бакман выдвинул пожелание доверить Европейскому платежному союзу контроль за инвестированием в странах Европы»²⁷.

²⁶ Е. Варга. Основные вопросы экономики и политики империализма (после второй мировой войны), стр. 74.

²⁷ Э. Жамс. История экономической мысли XX века. М., ИЛ, 1959, стр. 457—458. Характерна статья видного французского экономиста А. Сави под заголовком «Кейнс недостаточен». Рассматривая кейнсианские предложения, Сави замечает: «Сделанный шаг, очевидно, недостаточен. Нужно идти дальше. В каком направлении? Не претендуя на то, чтобы дать более строгий и узкий смысл этому термину, мы не находим ничего другого, кроме слова «планирование» (A. Sauvy. Keynes ne suffit pas. «Cahiers internationaux», janvier 1958, p. 30).

Не все сторонники теорий «регулируемого капитализма» выступают с открытой защитой необходимости планирования капиталистической экономики. Многие из них выступают против создания специальных плановых органов и разработки годовых и перспективных планов развития народного хозяйства. Как бы ни было велико различие в конкретных программах различных сторонников теорий «регулируемого капитализма», все эти программы объединяет одна общая черта — признание того, что буржуазное государство может обеспечить пропорциональное развитие экономики. Это признание является предпосылкой всех антикризисных программ, выдвигаемых буржуазными авторами. Оно лежит в основе многочисленных проектов «полной занятости». Оно составляет исходный пункт любого предложения государственного регулирования экономики. Оно прямо или открыто защищается любым сторонником теорий «регулируемого капитализма».

Положение о возможности обеспечения при помощи государственного вмешательства пропорционального развития экономики основано на совершенно неправильном представлении о границах экономического воздействия буржуазного государства. Последнее может оказать воздействие по ряду линий.

Оно может, во-первых, стимулировать (или задержать) развитие производительных сил в определенном направлении при помощи использования своих финансов и развертывания своей предпринимательской деятельности. Яркую иллюстрацию такого воздействия буржуазного государства дает железнодорожное строительство. Строительство железных дорог нуждалось в таких гигантских капиталах, которые часто не могли предоставить не только индивидуальные капиталисты, но даже большие акционерные компании. Без государственных средств строительство железных дорог во многих странах не могло бы осуществиться. Так, в России на государственные железнодорожные займы приходилось до половины капитала, вложенного в железные дороги. Кроме того, правительство гарантировало займы железнодорожных компаний. Правительство выкупало особо важные или обремененные долгом железные дороги.

Во Франции государство также щедро субсидировало железнодорожные компании и гарантировало их доходы. Система гарантированных государством прибылей для железнодорожных компаний имела место и в Англии.

В США строительство и эксплуатация железных дорог осуществлялись частными компаниями. Но правительство (как в отдельных штатах, так и федеральное) оказывало им щедрую поддержку. В частности, оно предоставляло в распоряжение этих компаний большие земельные участки. Часто границы этих участков проходили на значительном расстоянии от железных дорог и железнодорожные магнаты сдавали их за высокую плату в аренду

фермерам и горнозаводским компаниям. Железнодорожные компании стали крупнейшими земельными собственниками страны.

В качестве другого примера воздействия буржуазного государства на развитие производительных сил можно указать на влияние милитаризации. Последняя стимулирует рост не только отраслей, производящих вооружение, боеприпасы, боевые самолеты и т. д., но и ряда отраслей, обслуживающих военное производство, например черной и цветной металлургии, машиностроения, химической промышленности и т. д.

Во-вторых, буржуазное государство оказывает значительное влияние на распределение национального дохода. Оно использует для этого многочисленные рычаги — налоговую, валютную, кредитную, таможенную политику. При помощи налогов оно аккумулирует крупные денежные средства, значительная часть которых идет на субсидирование отдельных корпораций, предоставление им льготного кредита и всяких других привилегий. Так происходит обогащение наиболее близких к правительству капиталистических групп за счет средств, изъятых у трудящихся, у мелкой, средней и немонополизированной крупной буржуазии. В таком же направлении действует таможенная политика, позволяющая искусственно повышать цены и прибыли для определенных групп капиталистов за счет ухудшения условий потребления. Мероприятия валютной политики (например, инфляционная политика) могут вызвать или усилить разорение одних групп населения и обогащение некоторой части капиталистов. В общем любое мероприятие экономической политики буржуазного государства оказывает свое влияние на распределение национального дохода — к выгоде одних групп и к ущербу других.

В-третьих, буржуазное государство оказывает влияние не только на динамику производительных сил, но и на развитие рынка, как внутреннего, так и внешнего. В отношении внешнего рынка это воздействие совершенно очевидно. Правительства империалистических стран могут создать благоприятные условия для экспорта товаров и капитала путем навязывания кабальных условий займов зависимым и колониальным странам, заключения неравноправных договоров, втягивания этих стран в агрессивные блоки и навязывания им военных программ и т. д. Но буржуазное правительство может влиять и на расширение внутреннего рынка. Это сказывается весьма заметно на более ранней стадии капитализма, когда осуществляемое с помощью государства железнодорожное строительство способствует разложению натурального хозяйства и распространению товарных отношений. Это сказывается и на империалистической стадии развития капитализма.

Дело в том, что в эпоху империализма существует в больших масштабах избыточный капитал. Избыток капитала проявляется, в частности, в хронической недогрузке производственных мощностей, в накоплении огромных денежных резервов у капиталистиче-

ских предприятий, в усиленном стремлении монополистического капитала увеличить экспорт капитала, в огромных масштабах спекуляции на фондовой бирже и т. д. Этот не находящий производительного применения внутри страны относительно избыточный капитал аккумулируется в государственном бюджете при помощи налогов с прибыли и займов и пускается в оборот. Тем самым государственные расходы в той части, в какой они покрываются за счет использования избыточного капитала, ведут к искусственному расширению совокупного платежеспособного спроса, раздвигая таким образом границы рынка.

В применении к капиталистическому классу увеличение налогов отнюдь не означает сокращения потребления на такую же сумму. Потребление может не сократиться вообще или сократиться на значительно меньшую сумму. Все это дает возможность известного расширения внутреннего рынка за счет правительственных расходов путем оживления и использования бездействовавших раньше капиталов.

При рассмотрении вопроса о влиянии правительственных расходов на внутренний рынок необходимо учитывать, что большая часть этих расходов (например, военные расходы) дает толчок для расширения весьма капиталоемких производств. Расширение военного производства обычно связано с ростом таких капиталоемких отраслей, как черная и цветная металлургия (в частности, выплавка качественных металлов), химическая индустрия, станкостроение и т. д. Развитие военного производства предполагает создание новых производственных мощностей. В течение известного периода времени военные отрасли не дают продукции или дают очень мало и в то же время предъявляют огромный спрос на строительные материалы, оборудование и т. д. В результате правительственных расходов, связанных, например, с милитаризацией экономики, происходит такое изменение структуры общественного производства, которое вызывает не только изменение в структуре совокупного платежеспособного спроса, но и общее возрастание его величины.

Буржуазное государство может оказывать многообразное воздействие на капиталистическую экономику, в частности оно влияет и на условия, складывающиеся на рынке рабочей силы. Так, установление свободы коалиций, легализация коллективных договоров, введение закона о минимуме заработной платы создают более благоприятные условия для продавцов рабочей силы. Напротив, различные антирабочие законы (например, запрещение стачечной борьбы) ухудшают условия продажи рабочей силы.

Но, как ни значительны и многообразны формы экономического воздействия буржуазного государства, существуют все же определенные границы для этого воздействия.

Во-первых, буржуазное государство не может определить общий объем совокупного общественного производства и объем производства отдельных отраслей, за исключением тех, которые находятся

в собственности государства или целиком работают на государственную казну (например, военных отраслей). Несмотря на несомненную тенденцию к усилению экономической роли буржуазного государства, последнее не держит в своих руках командные экономические высоты. И в современных условиях подавляющая часть всех капиталов и всей рабочей силы приходится на долю частных предприятий и уже по одной этой причине буржуазное государство не может руководить народным хозяйством. Оно не в состоянии устранить анархии производства, вытекающей из основного противоречия капиталистического способа производства.

Частная собственность на средства производства предполагает свободу капиталиста распоряжаться принадлежащими ему капиталами по своему усмотрению. Как бы ни вмешивалось буржуазное государство в деятельность капиталистических предприятий, оно не может устранить того, что в коренных вопросах — определение масштабов производства, выбор технических методов, прием и увольнение рабочей силы и т. д. — капиталистическое предприятие или объединение предприятий полностью самостоятельно и не зависит от буржуазного государства. Маркс проронически писал про фабричный кодекс, что в нем «капитал в частнопроводном порядке и самовластно, без разделения властей, вообще столь дорогого буржуазии, и без представительной системы, еще более дорогой для нее, формулирует свое самодержавие над рабочими...»²⁸

Регулирование буржуазным государством отдельных сторон хозяйственной жизни осуществляется в таких формах, при которых оно не задевает и не может задевать суверенных прав крупнейших капиталистических предприятий. Проводя эти регулирующие мероприятия, буржуазное государство не только не может поставить монополии под свой контроль, а, наоборот, само находится под их контролем. Регулирование экономики в этих условиях сводится к осуществлению мероприятий, в которых заинтересован монополистический капитал. Руководитель управления военным производством США во время второй мировой войны Дональд Нельсон откровенно показал, чем был на деле государственный контроль над производством в военные годы: «Да, — говорил он, — мы использовали контроль, причем все его формы, в том числе контроль над снабжением материалами..., но это было не больше, чем помощь государства промышленности в получении всего необходимого для выполнения заказов. Промышленность говорила нам, что и когда ей требуется. Наша же деятельность состояла в установлении правил, при помощи которых можно было вести игру так, как того хотела промышленность... Мы никогда не принимали решений за промышленников»²⁹.

²⁸ К. Маркс. Капитал, т. I. М., Госполитиздат, 1952, стр. 429—430.

²⁹ D. Nelson. Arsenal of Democracy. The Story of American War Production. N. Y., 1946, p. 209.

Многие буржуазные экономисты откровенно признают, что государственное регулирование экономики преследует своей конечной целью укрепление частных предприятий (имеются в виду в первую очередь монополии). Так, например, С. Сличтер категорически заявляет по поводу государственного регулирования экономики, что «этот процесс ограничения сферы свободы, вероятно, усилил институты частного предприятия потому, что он приостановил многие злоупотребления и позволил промышленности достигать результатов, более удовлетворительных с точки зрения общества»³⁰. Д. Аллен, анализируя государственное регулирование в Англии, приходит к следующему выводу: «Я хочу подчеркнуть, — пишет он, — что в то время как экономическое мнение в предвоенные дни было благоприятно в отношении более активного вмешательства государства в экономические дела, такая система не была несовместима с сохранением системы частных предприятий; оно считалось необходимым для усовершенствования работы этой системы»³¹.

Как откровенно указывает американский буржуазный экономист У. Ростоу, «основная задача планирования состоит в том, чтобы оставить максимальное поле для экономической жизни, имеющей своим базисом индивидуалистические решения в соответствии с институтом частной собственности»³².

Такая же точка зрения выражена в известном «Акте о занятости», принятом конгрессом США в 1946 г. В акте подчеркивается, что правительственные планы должны осуществляться так, чтобы они соответствовали интересам частных предприятий. Этот акт возлагает на федеральное правительство США обязанность «координировать и использовать все свои планы, функции и ресурсы в целях... усиления и поощрения свободного конкурирующего предпринимательства и всеобщего благосостояния, в целях создания и поддержания условий, при которых имела бы возможность предоставлять занятость... для всех тех, кто способен, желает и ищет работу, в целях обеспечения максимума занятости, производства и покупательной способности»³³. Создание наиболее благоприятных условий для частных предприятий в этом акте объявляется абсолютно необходимым и неотъемлемым условием любых мероприятий, проводимых государством³⁴.

Буржуазные деятели сталкиваются с проблемой, которая по своей трудности не уступает проблеме квадратуры круга, — как

³⁰ S. Slichter. The American Economy. N. Y., 1948, p. 7.

³¹ G. Allen. Economic Thought and Industrial Policy. N. Y., 1948, p. 8.

³² W. W. Rostow. The Process of Economic Growth. Oxford, 1953, p. 244.

³³ Цит. по R. Vinig. Economics in the United States of America. A Review and Interpretation of Research. UNESCO, 1956, p. 49.

³⁴ Это положение подчеркивается в качестве главного принципа экономической политики в экономическом отчете президента США за 1957 г. («Economic Report of the President. Transmitted to the Congress», January 20, 1958, p. 5).

примирить независимость частных предприятий, неизбежно ведущую к анархии производства с общественным руководством народным хозяйством, возможным только при устранении анархии производства. Известный американский экономист Л. Кэйзерлинг, бывший при Трумэне руководителем экономических советников при президенте США, объявляет эту неразрешимую задачу центральным вопросом нашего времени. Он формулирует этот вопрос следующим образом: «Как сделать так, чтобы наша система частного предпринимательства осталась достаточно свободной, сохранив свои динамические качества, и вместе с тем не была настолько неограниченной, чтобы вызывать традиционные опустошения экономического цикла? Какой вклад может сделать правительство в отношении стабильности и надежности (security), не жертвуя чрезмерно индивидуальной и местной инициативой? Если правительство и бизнес смогут объединить соответственные и взаимные усилия таким способом, который приведет к максимуму эффективность каждого из них путем удовлетворительного разрешения этих вопросов, то мы избежим крайностей абсолютистской свободы и мертвечины (deadliness) абсолютистской надежности»³⁵.

Надежды Кэйзерлинга и других буржуазных экономистов найти рациональное решение этой проблемы представляют собой реакционную утопию, которая отнюдь не блещет оригинальностью. К Кэйзерлингу и другим буржуазным авторам целиком применима та характеристика, которую Маркс давал в письме к Анненкову по поводу тогдашних буржуазных и мелкобуржуазных реформистов: «Все они хотят конкуренции без печальных последствий конкуренции. Все они хотят невозможного, т. е. условий буржуазной жизни без необходимых последствий этих условий»³⁶.

Во-вторых, буржуазное государство не может устранить противоречий, заложенных в капиталистическом производстве. Оно не может устранить противоречий между отдельными группами капиталистов, например между предприятиями, производящими сырье и полуфабрикаты, и предприятиями, выпускающими готовые товары. В тех случаях, когда монополии охватывают на своих предприятиях все стадии переработки сырья и превращения его в конечный продукт, на передний план выступает борьба между монополистическими организациями. Эта борьба охватывает столкновение организаций, господствующих как в одной, так и в разных отраслях. В этих условиях регулирующие мероприятия, складывающиеся под давлением наиболее сильных монополистических группировок, не могут устранить диспропорций между отдельными отраслями капиталистического производства.

Рост производства на государственных предприятиях усиливает противоречия капиталистической экономики, вызывает специфиче-

ские противоречия между государственными и частнокапиталистическими предприятиями.

Так, в США частные электромонополии старых промышленных районов, и в особенности Новой Англии, выступают против строительства государственных электростанций. Последние строятся преимущественно в районах Запада и Юго-Запада. Частные электромонополии требуют если не ликвидации государственных электростанций и передачи их в частную собственность, то по крайней мере того, чтобы государственные электростанции продавали по дешевой цене электроэнергию только частным электромонополиям, которые в свою очередь перепродавали бы эту энергию по высоким ценам всем потребителям.

Некоторые монополии, как, например, «Анаконда коппер майнинг компани», выступали против строительства государственных электростанций по другим соображениям. Этой монополии принадлежат медные рудники в штате Монтана, известные самой низкой заработной платой на подземных работах. «Анаконда», — пишет Гантер, — не хочет иметь конкурентов на рынке труда; она хочет иметь пул дешевого труда только для себя, во главе с собой, как единственным нанимателем рабочих. Она выступает против строительства гидроэлектростанций частично из боязни, что такие компании, как «Алкоа», придут сюда с алюминиевыми заводами»³⁷.

Противоречия между государственными и частными монополиями особенно усиливаются в периоды назревания и развертывания экономических кризисов перепроизводства — именно тогда, когда буржуазные деятели особенно настойчиво требуют увеличения государственных инвестиций в качестве фактора, противодействующего развитию кризиса. Кризисное состояние экономики крайне ограничивает выбор отраслей, в которые могут быть направлены государственные инвестиции. Ясно, что капиталовложения в те отрасли, где орудует частный капитал, способствовали бы обострению там конкуренции. Рост государственных и муниципальных инвестиций в этом случае неизбежно привел бы к росту товарной продукции, к росту общественного предложения. Для перепроизводства товаров в конечном счете безразлично, получается ли оно за счет частных или государственных предприятий. Поэтому лечить перепроизводство в частных предприятиях путем расширения государственных инвестиций в тех же отраслях так же бессмысленно, как лечить болезнь путем усиления тех причин, которые ее вызывают.

Современное буржуазное государство осуществляет инвестиции в те отрасли, куда неохотно идет частный капитал (в связи с низкой рентабельностью или длительным оборотом основного капитала). Вполне естественно, что круг таких отраслей весьма огра-

³⁷ J. Gunther. Inside USA. N. Y., 1947, p. 170. Цит. по С. Далин. Государственная собственность и монополии в США. «Мировая экономика и международные отношения», 1957, № 6, стр. 61.

³⁵ Цит. по G. A. Steiner. Government's Role in Economic Life, p. 252.

³⁶ Маркс — П. В. Анненкову, 28 декабря 1846 г., К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. Госполитиздат, 1955, стр. 430.

ничен, ибо монополистический капитал подчиняет себе подавляющую часть общественного производства. Во всяком случае возможности государственных инвестиций в материальном производстве и в торговле очень ограничены (за исключением, конечно, тех случаев, когда проведена национализация некоторых отраслей).

Государственные инвестиции в капиталистических странах преимущественно направляются в непроизводительные отрасли и особенно охотно в военную сферу, т. е. в отрасли, где не создается новая стоимость. Поддержание таких отраслей становится возможным только за счет перераспределения национального дохода, созданного в сфере материального производства. Государственные расходы при капитализме в своей подавляющей части имеют непроизводительный характер. В связи с этим рост государственных расходов сопровождается специфическими социально-экономическими противоречиями.

Увеличение государственного бюджета ведет прежде всего к усилению налогового пресса. Яркую иллюстрацию этих процессов дает современная действительность почти во всех капиталистических странах, особенно в США. Налоги в США достигли колоссальных размеров. Так, в 1956 г. налоги на заработную плату и жалование составили 25 719 млн., косвенные налоги — 10 279 млн., налоги на корпорации — 22 743 млн. долл.³⁸ По данным, собранным Налоговым фондом в США, в 1954 г. налоги составляли почти $\frac{1}{3}$ доходов семей с низкими доходами³⁹.

Но этот источник финансирования государственных расходов имеет ограниченные пределы. Нельзя бесконечно увеличивать налоги. Они сокращают покупательную способность населения и при известном уровне могут затруднить воспроизводство рабочей силы, не говоря уже о том, что рост налогов может вызвать усиление недовольства масс.

Ограниченные пределы имеет и другой источник финансирования государственных расходов — государственные займы. Вопрос об ограниченности этого источника приобретает особое значение в современных условиях в связи с наличием гигантского государственного долга в важнейших капиталистических странах, образовавшегося после второй мировой войны. Государственный долг тяжелой гирей висит на экономике этих стран. Правительствам этих стран приходится выплачивать громадные суммы в виде процентов по государственному долгу. В связи с повышением нормы процента, имевшим место за последние годы, правительству США, например, приходится выплачивать в виде процентов по государственному долгу громадную сумму — почти 9 млрд. долл.

³⁸ «Экономическое положение капиталистических стран в 1956—57 г. Конъюнктурный обзор». — «Мировая экономика и международные отношения», 1957, № 2, Приложение, стр. 97.

³⁹ «Факты о положении трудящихся в США (1953—1954 гг.)». ИЛ, 1956, стр. 27.

Инфляция остается последним резервом буржуазного правительства в случае увеличения государственных расходов. Не приходится распространяться о том, насколько шаткой является эта основа. Между тем раздувание государственных расходов неизбежно ведет к этому конечному результату.

Таким образом, в силу того, что буржуазное государство имеет возможность осуществлять свои инвестиции в основном в непроизводительной сфере, оно вынуждено покрывать свои расходы за счет извлечения все возрастающей доли национального дохода. Рост государственных расходов в условиях капитализма связан, как правило, с расширением непроизводительного потребления и в конечном счете ведет к расплыванию экономики и к ослаблению источников дальнейшего финансирования государственных расходов. Все это обуславливает ограниченные возможности воздействия буржуазного государства на экономику.

В-третьих, буржуазное государство не в состоянии обеспечить ответственности в движении общественного производства и общественного потребления. Это неразрывно связано с тем, что буржуазное государство не может устранить противоречия между стремлением капиталистического производства к безграничному расширению и ограниченным ростом потребления масс. Погоня капиталистов за монопольно высокой прибылью толкает их, с одной стороны, к расширению производства, а с другой — к урезыванию заработной платы, т. е. тем самым к сокращению потребления рабочих. Любое регулирующее мероприятие буржуазного государства упирается в эту границу, поскольку капиталисты всегда стараются перенести издержки этих мероприятий на трудящихся, т. е. тем самым сократить или во всяком случае ограничить рост потребления трудящихся.

Выше мы показали, что буржуазное государство может в известной мере расширить емкость внутреннего рынка за счет использования бездействующих капиталов. Но всякие мероприятия в этом направлении неизбежно наталкиваются на сопротивление капиталистических кругов, которые встречают в штыки всякое увеличение налогов с прибыли. Бюджетные расходы за счет налогов на прибыли могут способствовать искусственному оживлению производства до тех пор, пока эти налоги не отражаются на деятельности капиталистических предприятий. Дальнейший рост таких налогов может привести к банкротству мелких и средних предприятий, на долю которых перепадает лишь незначительная часть казенных заказов и государственных субсидий. Это в свою очередь привело бы к возрастанию массовой безработицы, сокращению платежеспособного спроса и к кризису перепроизводства.

Займы, как средство искусственного расширения общественного спроса, также имеют временный характер, так как в конечном счете они увеличивают текущий спрос за счет сокращения будущего спроса.

Ограниченные возможности искусственного расширения совокупного спроса за счет государственных расходов обусловлены прежде всего тем, что такое расширение происходит лишь в той мере, в какой оно покрывается за счет изъятия в форме налогов свободных, бездействующих средств капиталистов. Но капиталисты крайне неохотно идут на такие меры. Они всячески стремятся ограничить налогообложение прибылей. Отражая интересы капиталистов, буржуазные экономисты всячески подчеркивают, что усиленное налогообложение предприятий может ослабить стимулы к инвестициям и привести к сокращению капиталовложений. Буржуазное государство, подчиняясь требованиям капиталистов, старается перенести тяжесть налогового обложения на трудящихся. Тем самым оно идет по такому пути покрытия своих расходов, который не может обеспечить расширения совокупного спроса.

Это противоречие между задачей искусственного расширения совокупного спроса и методами ее осуществления совсем не случайное. Оно отражает коренные черты государственного регулирования экономики в капиталистических условиях. Это регулирование осуществляется в интересах обогащения капиталистических монополий. Обязательным условием этого регулирования является сохранение и поддержание монопольно высоких прибылей. Это условие в свою очередь связано с требованием снижения реальной заработной платы или во всяком случае недопущения ее повышения, что не может не отразиться на потребительском спросе основных масс населения. Государственное регулирование экономики в капиталистических условиях осуществляется в таких формах, которые имеют своим непосредственным результатом усиление эксплуатации трудящихся и снижение их жизненного уровня, а следовательно, и обострение противоречий воспроизводства общественного капитала, порождающих экономические кризисы перепроизводства.

Буржуазное государство, осуществляя свои мероприятия в интересах монополий, не только не устраняет противоречия между тенденцией капиталистического производства к безграничному росту и ограниченным ростом платежеспособного спроса трудящихся масс, но приводит к дальнейшему обострению этого противоречия. Регулирующие мероприятия буржуазного государства, как правило, направлены против рабочих. Эти мероприятия в своей значительной части сводятся к перераспределению средств, извлекаемых государством от налогоплательщиков, т. е. в первую очередь от широких масс населения, в пользу капиталистических монополий через выгодные заказы, субсидии, дешевый кредит и т. д. Реализация таких мероприятий ведет в конечном счете к углублению антагонистических противоречий капитализма и к воспроизводству в расширенных масштабах причин и условий, порождающих экономические кризисы.

Эта классовая направленность государственного регулирования экономики в капиталистических условиях непосредственно отражается на распределении инвестиций, которые лишь в очень незначительной степени направляются во второе подразделение. В результате обязательная для капитализма диспропорция между первым и вторым подразделениями осуществляется в еще больших масштабах, нежели это имело бы место при чисто стихийном развитии экономики, без всяких элементов государственного регулирования.

Об отставании производства предметов потребления свидетельствуют следующие данные. Текстильная и кожевенная промышленность США произвели в 1956—1957 гг. только на 4% больше, чем в 1947—1949 гг. Продукция этих отраслей за послевоенный период возросла в 14,7 раза меньше, чем производство предметов длительного пользования, и в 27 раз меньше, чем продукция электромашиностроения. Продукция пищевой промышленности увеличилась за тот же период также крайне незначительно — только на 13%, т. е. в 4,4 раза меньше, чем производство предметов длительного пользования, и в 8 раз меньше, чем электромашиностроение⁴⁰. Еще меньше увеличилось производство одежды. Основная часть небольшого прироста указанных отраслей, по сравнению с довоенным уровнем, произошла в США в годы войны, когда скачкообразно выросли занятость и военное потребление. Дальнейший и более значительный рост производства предметов потребления оказался невозможным вследствие низкого уровня покупательной способности масс.

Это свидетельствует о том, что платежеспособный спрос широких масс трудящихся в современных условиях растет слабыми темпами даже в фазе промышленного подъема. Это создает предпосылки для взрыва глубокого экономического кризиса.

Своеобразие положения заключается в том, что возможности воздействия буржуазного государства на экономику сокращаются во время кризиса. Это прежде всего связано с тем, что во время кризиса сужается финансовая база правительства, поскольку уменьшение доходов населения и предприятий ведет к снижению бюджетных доходов правительств капиталистических стран. Опыт всех кризисов, в том числе и кризиса 1929—1933 гг., показывает, что реализованный доход сокращается не только в сфере материального производства, но и в непродовольственной сфере, хотя с некоторым запозданием во времени.

В то же время преодоление всякого рода экономических трудностей, например диспропорций, в фазе подъема происходит несравненно легче и скорее, нежели во время кризиса. В фазе подъема государственные расходы оказывают значительно более сильное стимулирующее воздействие на производство, нежели во время

⁴⁰ См. «Мировая экономика и международные отношения», 1958, № 5.

кризиса, когда спрос правительственных учреждений может быть покрыт в значительной мере за счет выросших товарных запасов, неиспользованных производственных мощностей, когда заработная плата и потребление рабочих снижаются, и т. д.

Во время кризиса, как мы показали выше, усиливается противоречие между частными и государственными предприятиями.

3. НЕВОЗМОЖНОСТЬ НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

Регулируя отдельные процессы и стороны хозяйственной жизни, буржуазное государство не может оказать решающего воздействия на весь ход общественного производства и воспроизводства в целом, не может осуществлять действительного регулирования всего народного хозяйства, преодолеть экономические кризисы перепроизводства и добиться планомерного развития экономики. Это объясняется господством частной собственности на средства производства.

То, что буржуазные экономисты называют планированием, весьма отличается от подлинного народнохозяйственного планирования. Сторонники теории «планового капитализма» в своих работах неоднократно подчеркивают, что при планировании, которое они предлагают, самостоятельность капиталистических предприятий не ликвидируется, она лишь должна сочетаться с подчинением предприятий государственному контролю. В буржуазной литературе проводится различие между так называемым «всеобъемлющим», или «тоталитарным», и «демократическим» планированием, причем в эти термины вкладывается специфическое содержание. Под «всеобъемлющим» планированием понимается такое положение, когда государство непосредственно руководит народным хозяйством, т. е. осуществляет народнохозяйственное планирование. Под «демократическим» планированием понимаются различные формы вмешательства государства в экономику, связанные с государственно-монополистическим капитализмом. Американский экономист Колм «всеобъемлющему» планированию противопоставляет «плановые интервенции», или «плановые меры», осуществляемые различными средствами экономической политики. «Эти плановые интервенции, если их можно так назвать, — пишет он, — совместимы с более или менее ограниченной сферой частной собственности и частного управления»⁴¹. О том, какое содержание вкладывают буржуазные экономисты в понятие «демократического» планирования, видно из заявления Д. М. Кларка: «То планирование, которое совместимо со свободой, не указывает каждой отрасли,

⁴¹ G. Colm. *Essays in Public Finance and Fiscal Policy*. N. Y., 1955, p. 298.

что должно быть произведено и сколько рабочих должно быть занято. Оно имеет дело с побудительными мотивами, удобствами и условиями, при которых можно влиять на целеустремленные действия индивида, не прибегая к принуждению»⁴². Сущность «планирования», по Д. М. Кларку, сводится к созданию «благоприятного климата, при котором бизнес может осуществлять свою деятельность»⁴³.

На таких же позициях по вопросу о планировании стоят и правые социалисты. Так, виднейший теоретик лейбористов по вопросам планирования Э. Дурбин отмечал, что лейбористы понимают под планированием метод экономического управления, а не всеобъемлющую программу экономической деятельности. Дурбин при этом подчеркивал, что осуществление планового хозяйства вовсе не требует ликвидации частной собственности на средства производства. «Давно прошли те времена, — писал он, — когда было практически возможно или желательно совершенно уничтожить собственность... Мы, как социалисты, будем стараться скорее уравнивать распределение собственности, чем ликвидировать ее как институт. Слишком поздно во всяком случае делать что-либо другое»⁴⁴.

Буржуазные экономисты дают весьма расплывчатую и неопределенную трактовку планирования, отождествляя последнее с любыми формами воздействия государства на экономику. Такая расплывчатая трактовка дает возможность утверждать, что планирование народного хозяйства не зависит от характера общественного строя, от типа производственных отношений и формы собственности на средства производства. Такая трактовка позволила американскому «специалисту» по вопросам планирования Гэллоуэю сделать вывод, что «подобно технологии планирование политически нейтрально» и «может быть осуществлено при любой форме общества»⁴⁵. В таком же духе Карл Ландауэр утверждал, что государственный строй, коллективная собственность и планирование, осуществленные в СССР, ни логически, ни практически не зависят друг от друга⁴⁶. Такая трактовка планирования непосредственно ведет к абсурдному выводу, довольно часто встречающемуся за последнее время в буржуазной литературе, что всякая экономика является плановой.

С этой трактовкой связано представление о том, что планирование народного хозяйства сводится к созданию некоей «админи-

⁴² J. M. Clark. *Guidposts in Time of Change*, p. 199.

⁴³ Ibid., p. 196.

⁴⁴ E. F. M. Durbin. *Problems of Economics and Planning*. Papers on Planning and Economics. L., 1949, p. 21—22.

⁴⁵ G. B. Galloway. *American Planning*. — «Planning for America». N. Y., 1941, p. 7—8.

⁴⁶ K. Landauer. *Theory of National Economic Planning*. Berkeley and Los Angeles, 1947, p. 143.

стративной техники», применимой к любой системе хозяйства. Буржуазные экономисты изображают дело таким образом, что для планирования капиталистического хозяйства достаточно лишь соответствующим образом построить и согласовать между собой различные звенья государственного аппарата с тем, чтобы они могли подчинить своему контролю все сферы народного хозяйства.

То, что буржуазные экономисты называют «планированием народного хозяйства», представляет собой лишь иную вывеску для обычных регулирующих мероприятий, соответствующих государственно-монополистическому капитализму.

Правда, некоторые буржуазные правительства пытались разработать четырехлетние, пятилетние и тому подобные «планы». Но эти «планы» представляют собой систему пожеланий даже в том случае, если они получают законодательную санкцию (например, четырехлетний план на 1948—1951 гг. лейбористского правительства Англии). Эта характеристика также относится ко всем предложениям, разработанным в США Национальным управлением планирования ресурсов, в частности к разработанному этим управлением «шестилетнему плану развития общественных работ» (1943 г.), представляющему собой сводку антикризисных мероприятий в кейнсианском духе, столь обильно предлагаемых в буржуазной экономической литературе.

Хотя этот «план» не предлагал никаких радикальных мероприятий и намечал лишь некоторое смягчение кризиса и безработицы за счет более значительного финансирования общественных работ, он не был утвержден конгрессом. Конгресс не только не утвердил «плана», но даже отказал в ассигнованиях на содержание Национального управления планирования ресурсов, что привело к его ликвидации.

Практическое значение имели некоторые «планы», основное содержание которых составляли милитаризация народного хозяйства и подготовка войны (например, гитлеровские четырехлетки). Но очевидно, что такого рода регулирование, рассчитанное на ряд лет, не может рассматриваться как народнохозяйственное планирование. Это регулирование охватывает ограниченный круг отраслей, связанных с военной подготовкой. Производство в гражданских отраслях обычно выпадает из сферы государственного контроля.

Перспективные «планы», разрабатываемые буржуазными деятелями, не в состоянии устранить действие закона конкуренции и анархии производства. Эти «планы» приукрашивают практику государственно-монополистического капитализма. В них большей частью констатируются стихийные изменения и перечисляются меры экономической политики, продиктованные монополиями: милитаризация народного хозяйства, снижение уровня жизни трудящихся, сокращение социальных расходов и т. д. Такого рода мероприятия весьма способствуют росту прибылей монополий, но они

относительно не в состоянии трансформировать государственно-монополистический капитализм в плановое хозяйство.

В капиталистических странах правительственные «планы» и программы в той части, в какой они касаются работы частных предприятий, не имеют обязательной силы. Правительство может стимулировать работу частных предприятий при помощи предоставления им всяких льгот и субсидий, но оно не может предписать им осуществлять определенный объем производства.

Принцип добровольности мероприятий, связанных с так называемым планированием, подчеркивал, в частности, Ф. Рузвельт. Американский автор Д. Фусфилд, написавший специальное исследование об экономических воззрениях Ф. Рузвельта, так резюмирует взгляды последнего на планирование: «Планирование должно было заключаться в добровольном сотрудничестве через посредство Совета (речь идет о проектировавшемся Рузвельтом Совете США по строительству. — И. Б.), который должен был определять национальную политику в отношении проблем, стоящих перед всей промышленностью, с помощью таких политических методов, которые добровольно бы осуществлялись различными участниками промышленности»⁴⁷.

Но при соблюдении принципа добровольности реализация «плановых» мероприятий буржуазного государства ставится в зависимость от каприза предпринимателей и их объединений. У государства, кроме мер экономического стимулирования, остается лишь... моральное воздействие.

Одним из средств такого морального воздействия является создание консультативных органов, в которые входят представители монополий и правительства. Такие консультативные органы усиленно создавались во время второй мировой войны. Они частично функционируют и в послевоенный период. Как отмечает английский экономист М. Фогарти, «каждая отрасль сейчас находится в ведении какого-либо департамента, который служит в качестве пункта установления контакта с правительством. Цель состоит в том, чтобы путем столкновения правительственных департаментов и деловых (trade) организаций достичь соглашения по вопросам политики...»⁴⁸. Фогарти придает такое большое значение этим консультативным органам, что характеризует нашу эпоху как «век консультаций»⁴⁹. Но он в то же время подчеркивает, что решения таких консультативных органов необязательны для предприятий. Он характеризует политику, проводимую правительством в этом направлении, как политику, основанную на принципе «волюнтаризма», понимаемого в смысле принципа добровольности. Такой «волюнтаризм» на практике означает, что правительствен-

⁴⁷ D. F. F. D. Roosevelt and the Origins of New Deal. N. Y., 1956, p. 103.

⁴⁸ M. P. Fogarty. Economic Control. L., 1955, p. 78.

⁴⁹ Ibid., p. 76.

ные консультации принимаются монополиями лишь в том случае, если они соответствуют их непосредственным интересам. Это обстоятельство достаточно ясно свидетельствует о слабой эффективности такого метода воздействия правительства.

Между тем некоторые авторы рассматривают моральное воздействие в качестве одной из важнейших функций государства в области экономики. Так, Стейнер, перечисляя пять экономических функций буржуазного государства, в качестве пятой функции называет следующую: «Наконец, — пишет он, — правительство влияет на экономическую активность путем убеждения. Замечание, поощрение или убеждение являются важными орудиями контроля»⁵⁰. В качестве иллюстраций Стейнер ссылается на обращения правительства США к предпринимателям о снижении цен (в 1937, 1940 и 1950 гг.), поддержании объема занятости, о выплате дивидендов, об осуществлении проектов увеличения производства (1930, 1948 и 1950 гг.).

Буржуазные авторы сами отдают себе отчет в неэффективности такого рода моральных призывов и увещеваний в тех случаях, когда они не соответствуют экономическим интересам предпринимателей. Яркую иллюстрацию бесплодности такой моральной «обработки» предпринимателей дает практика монополий США во время второй мировой войны, о чем говорилось выше.

Временная национальная экономическая комиссия, изучившая вопрос о концентрации экономической мощи в США, следующим образом охарактеризовала положение: «Нужно прямо сказать, что, когда во время войны или в иной критической обстановке правительству и общественным кругам приходится иметь дело с крупным капиталом, создается невозможное положение. Капиталисты отказываются делать что-либо иначе, как на условиях, которые они же сами диктуют. Они держат в своих руках природные ресурсы страны, ликвидные капиталы, командные позиции во всей экономике страны, техническое оборудование промышленности и производственный опыт. Уроки первой мировой войны — а они теперь, видимо, повторяются — говорят, что капиталисты согласятся пустить все это в ход только за «соответствующую плату». А по существу это шантаж...»⁵¹

Невозможность планирования народного хозяйства в условиях капитализма вынуждены признать и некоторые буржуазные авторы, например американские экономисты М. Аншен и Ф. Уормут. В своей книге «Частное предпринимательство и государственная политика», указывая на попытки буржуазного государства «регулировать экономический климат» и отмечая усиление его воздействия на экономику, они все же приходят в конечном счете к следующему выводу: «Как бы велико ни было распространение госу-

⁵⁰ G. A. Steiner. Government's Role in Economic Life, p. 18.

⁵¹ Цит. по А. Кан. Измена родине. Заговор против народа. М., ИЛ, 1950, стр. 295—296.

дарственной деятельности на сферы, которые прежде были всецело в частном владении, мы не имеем «планового хозяйства». Хозяйство глубоко проникнуто правительственным вмешательством..., но вмешательство является обычно частичным и несистематическим. Часто оно носит противоречивый характер и непригодно для достижения поставленных целей. Экономике иногда называют «смешанной», но некоторые полагают, что лучше было бы назвать ее «спутанной»»⁵².

Перспективные «планы», разрабатываемые буржуазными деятелями, нередко служат ширмой, за которой скрываются милитаризация народного хозяйства и подготовка войны.

4. АПОЛОГИЯ МИЛИТАРИЗМА ПОД ФЛАГОМ «ПЛАНИРОВАНИЯ»

Милитаристская направленность составляет одну из важнейших черт, характерных для большинства работ, проповедующих усиление государственного вмешательства в экономику. За исключением некоторых реформистских авторов, выступающих за повышение реальной заработной платы в качестве средства увеличения емкости внутреннего рынка, большинство защитников теорий «регулируемого капитализма», отстаивая интересы монополистического капитала, возражает против такого метода расширения рынка. Монополии лучше всего устраивает гонка вооружений в качестве средства искусственного взбадривания экономической конъюнктуры. В эпоху империализма и общего кризиса капитализма военные расходы являются наиболее предпочитаемой монополиями формой государственных затрат. Форсированный рост производства вооружения находится в полном соответствии с империалистическими целями, которые ставит перед собой монополистический капитал. Усиленная гонка вооружений облегчает финансовой олигархии осуществление общей программы реакции, укрепление власти монополистического капитала и его милитаристской агентуры. Особо важное значение имеет то, что в обстановке усиливающейся военной истерии создаются чрезвычайно благоприятные условия для обирания монополиями казны: военные заказы приносят монополиям баснословные прибыли.

Капиталистическая практика, правда, знает попытки организации антикризисных мероприятий за счет государственного бюджета при отсутствии милитаризации экономики. Наиболее известную попытку такого рода представляет «новый курс» Ф. Рузвельта. О том, какой масштаб приняли расходы федерального правитель-

⁵² M. Anshen, F. Wormuth. Private Enterprise and Public Policy. N. Y., 1954, p. 728. Такую же точку зрения защищает немецкий буржуазный экономист Г. Зассенхаус (G. Zassenhaus. International Economic Papers. «Translations Prepared for the International Economic Association», 1956. N 6, p. 89).

ства, видно из приведенной здесь таблицы о доходах, общих расходах и специальных расходах по «программе помощи и восстановления» (Relief and Recovery expenditures) за 1933—1939 бюджетные годы ⁵³.

Бюджетные поступления и расходы США в 1933—1939 гг. (в млн. долл.)

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.	Общая сумма
Совокупные чистые доходы . .	2080	3416	3800	4116	5029	5855	5165	29 161
Совокупные чистые расходы . .	3864	6011	7010	8666	8177	7239	9027	49 994
Чистый дефицит	1784	2895	3210	4550	3148	1384	3862	20 833
Государственный долг	22 539	27 053	28 701	33 779	36 425	37 165	40 440	226 102
Расходы на «помощь и восстановление» . . .	1013	3649	4265	3890	4305	3342	4801	25 266
В том числе:								
общественные работы . . .	472	625	766	914	1102	880	1111	5870
пособия по безработице . .	351	716	1916	588	184	154	104	4013
администрация общественных строительных работ (WPA) .	—	805	11	1298	1957	1516	2283	7870
гражданский корпус молодежи (CCC) . . .	9	332	436	486	386	326	290	2265
помощь фермерам (AAA) . . .	—	289	712	533	527	362	782	3205
кредиты, списывание долгов	181	882	424	71	150	104	31	2043

Средний годовой расход федерального правительства за 1933—1939 гг. составил 7 млрд. долл. Между тем средний годовой расход за 1925—1933 гг. был всего 3,4 млрд. долл. Общая сумма расходов по программе восстановления составила за 1933—1939 гг. внушительную цифру в 25 млрд. долл. Официальное назначение этих государственных расходов состояло в том, чтобы путем организации общественных работ ликвидировать или свести до минимума безработицу и содействовать рассасыванию перепроизводства путем повышения покупательной способности населения.

⁵³ G. A. Steiner. Government's Role in Economic Life, p. 181.

Как известно, эти мероприятия не смогли ни предупредить наступление экономического кризиса в 1937—1938 гг., ни ликвидировать массовую хроническую безработицу. Правда, организованные правительством Рузвельта администрации (в 1933—1935 гг. — Федеральная администрация общественных работ, а в 1935—1939 гг. — Администрация общественных строительных работ) сумели предоставить работу 1—2 млн. человек, а в 1936 г. — даже 3 млн., но при этом сохранялась в несколько раз большая армия безработных, которых не удавалось устроить на работу. Так, в 1936 г. имело работу от Администрации общественных строительных работ 3 млн. безработных, а оставалось безработными 10 млн., в 1937 г. соответственно — 1 млн. и 8,2 млн., в 1938 г. — 3 млн. и 10,9 млн., в 1939 г. — 2 млн. и 10,2 млн.

Значительное сокращение безработицы в США, как и в других капиталистических странах, наступило только во время второй мировой войны. Война вызвала невиданный рост государственных военных расходов. Так, военные расходы США увеличились с 1,1 млрд. в 1939 г. до 26,5 млрд. долл. в 1942 г., 70,3 млрд. в 1943 г., 83,8 млрд. в 1944 г., 84,6 млрд. в 1945 г. Военные расходы вызвали громадное увеличение государственных заказов. О доле государственных заказов и закупок в промышленном производстве США в годы войны можно судить по следующим данным (в млрд. долл.) ⁵⁴:

Год	Валовой национальный продукт	Военные заказы и закупки	Отношение стоимости военных заказов и закупок к стоимости валового продукта (в %)
1939	91,3	1,3	1,4
1940	101,4	2,2	2,2
1941	126,4	13,8	10,6
1942	161,6	49,6	34,0
1943	194,3	80,4	41,4
1944	213,7	88,6	41,0
1945	215,2	75,9	30,5

В конце второй мировой войны военные заказы и закупки правительства США в течение одного года равнялись почти всей предвоенной продукции народного хозяйства (gross national product) США.

Провал мероприятий Рузвельта в борьбе с кризисами и значительное сокращение безработицы во время второй мировой войны используются идеологами империализма для восхваления милитаризации. В послевоенный период получили широкое распространение в буржуазной литературе теории, восхваляющие военную экономику и милитаризацию народного хозяйства. Эта точка зре-

⁵⁴ «National Income 1951», Supplement to «Survey of Current Business». Wash., 1951, p. 150.

ния получила официальное признание. Так, руководитель экономических советников при президенте США Солне заявил весной 1958 г.: «Увеличение затрат на оборону будет полезно также для экономики. Экономика нуждается в толчке. Толчок, который ожидали от сокращения налогов, будет получен в результате увеличения военных расходов»⁵⁵. Основу этого восхваления военной экономики составляет утверждение, будто в условиях войны и милитаризации народного хозяйства перестают действовать экономические законы капитализма. Военная экономика рисуется буржуазными апологетами как экономика, якобы свободная от антагонистических противоречий, как плановая экономика. С этими утверждениями связано распространенное в буржуазной литературе измышление о том, что военная экономика представляет якобы средство борьбы с безработицей.

Уже в период первой мировой войны в буржуазной литературе стала пропагандироваться версия, особенно охотно подхваченная правыми социалистами, будто военная экономика представляет собой выражение «военного социализма». Эта идея получила большое распространение в буржуазной литературе и во время второй мировой войны, и в послевоенный период. Основной смысл этой теории сводится к тому, чтобы затушевать подчинение экономики капиталистических стран интересам монополистического капитала. С этой целью буржуазные экономисты распространяют легенду, что капиталистическая экономика во время войны якобы коренным образом меняет свой характер и свои закономерности.

Вопреки утверждениям буржуазных апологетов милитаризация экономики в условиях капитализма имеет своим непосредственным результатом усиление абсолютного и относительного обнищания трудящихся. Важнейшей чертой военной экономики капиталистических стран является повышение степени эксплуатации трудящихся на основе милитаризации труда, установления каторжного режима на предприятиях, увеличения продолжительности рабочего дня и интенсификации труда. Монополии используют военный режим для запрещения стачек, замораживания заработной платы, лишения рабочих их элементарных прав. Наряду с усилением эксплуатации рабочих в самом производственном процессе милитаризация экономики сопровождается налоговым и инфляционным ограблением трудящихся. Монополистический капитал взваливает на трудящихся бремя финансирования войн и милитаризации экономики.

В своем восхвалении милитаризации народного хозяйства буржуазные экономисты особое значение приписывают тому, что милитаризация якобы выступает в качестве противоядия от экономических кризисов перепроизводства. В действительности

⁵⁵ Цит. по С. Murphy. The White House and the Recession. «Fortune», May 1958, p. 242.

милитаризация оказывает деформирующее влияние на течение капиталистического цикла, но она не в состоянии отменить его основных закономерностей. Деформирующее влияние милитаризации проявляется в трех направлениях.

Во-первых, милитаризация резко усиливает неравномерность развития отдельных отраслей капиталистического производства, создавая исключительно большие диспропорции между отдельными отраслями. Милитаризация способствует развитию военных отраслей и сокращению мирных отраслей промышленности (в первую очередь производства предметов потребления) и сельского хозяйства.

Во-вторых, в условиях милитаризации народного хозяйства экономический кризис сочетается с сохранением высокого инфляционного уровня цен в связи с большими военными расходами и ростом государственного долга. Инфляция оказывает противоречивое влияние на ход воспроизводства. С одной стороны, она стимулирует увеличение капиталовложений, образование спекулятивных запасов товаров. С другой стороны, будучи средством дополнительной эксплуатации и ограбления трудящихся, она приводит к сокращению реального объема спроса на предметы потребления.

В-третьих, милитаризация народного хозяйства имеет тенденцию отсрочивать наступление экономического кризиса за счет развития военного производства, но в то же время она способствует усилению обнищания трудящихся, углублению противоречий между производственными возможностями капитализма и потребительной способностью общества, возрастанию анархии производства и диспропорций между различными отраслями народного хозяйства и в конечном счете — обострению экономических кризисов перепроизводства.

Буржуазные экономисты подчеркивают только одну сторону влияния милитаризации на воспроизводство (отсрочку экономических кризисов). В то же время они всячески замалчивают другую сторону — то, что милитаризация способствует дальнейшему углублению противоречий капиталистического воспроизводства.

Опыт США во время второй мировой войны и в послевоенный период показал, что хотя милитаризация и способствует временному расширению производства, но это стимулирующее воздействие ее имеет ограниченные пределы. Чем продолжительнее происходит милитаризация экономики, тем более ослабевает ее стимулирующее воздействие на рост производства и тем более усиливается вызываемое ею обострение противоречий процесса воспроизводства.

Прежде всего следует отметить, что в США уже в 1943 г., т. е. в самый разгар военных действий, объем промышленного производства перерос объем военного потребления. После 1943 г. в США начинается сокращение промышленного производства. Так, индекс промышленного производства (1935—1939 гг. = 100)

составил: в 1943 г. — 219, в 1944 г. — 216, в 1945 г. — 186. Этим самым было продемонстрировано, что даже в условиях мировой войны общественное предложение товаров может превысить общественный платежеспособный спрос.

Послевоенный период также дает достаточно материала для показа того, что милитаризация экономики отнюдь не является всеисцеляющим средством от экономических кризисов. Усиленная милитаризация экономики США не смогла предотвратить ни кризис 1953—1954, ни кризис 1957—1958 гг.

С какой стороны ни подходить к милитаризации народного хозяйства, ее ни в коем случае нельзя рассматривать как средство преодоления антагонистических противоречий, присущих капитализму.

Ленинская характеристика военной экономики — «военная каторга для рабочих, военная охрана прибылей капиталистов»⁵⁶ — сохраняет свою силу для современного капитализма.

Ревностная защита буржуазными экономистами милитаризации отражает тот факт, что буржуазия для решения своей главной задачи — спасения и укрепления капитализма — готова пойти на любые авантюры и на любые непроизводительные расходы.

Для выявления глубокого падения современных буржуазных экономистов любопытно сопоставить идеи, господствовавшие в буржуазной литературе в середине прошлого века и в настоящее время. Маркс в следующих словах охарактеризовал сущность экономических воззрений манчестерской школы, господствовавшей в середине прошлого столетия: «Суть борьбы этой партии против старых английских учреждений — этого продукта устаревшей, быстро приближающейся к своей гибели стадии общественного развития, — выражается лозунгом: *Производить как можно дешевле и устранить все faux frais производства* (т. е. все излишние, не являющиеся необходимыми издержки производства)... Разве королевская власть со своей «варварской пышностью», со своим двором, своим цивильным листом и свитой лакеев не принадлежит к числу *faux frais* производства?... А большая постоянная армия? *Faux frais* производства. А колонии? *Faux frais* производства... Войны между нациями? *Faux frais* производства. Англия сможет с меньшими затратами эксплуатировать чужие нации, если она будет жить с ними в мире»⁵⁷.

В отличие от представителей манчестерской школы современные буржуазные экономисты делают основной упор на возрастание государственных расходов, увеличение армии и вооружений, территориальную экспансию и поддержание колониальных империй, подготовку новых войн, несущих с собой угрозу чудовищных

разрушений. Все это не может не означать небывалого роста *faux frais*, покрытие которых падает в своей подавляющей части на трудящихся. Защита мира как экономически наиболее выгодного для нации состояния сменилась восхвалением напряженности в международных отношениях, рекламируемой в качестве условия обеспечения высокой деловой активности экономического процветания.

Буржуазные теории о решающей роли государства в экономической жизни не только воспроизводят в извращенном виде факт усиливающегося государственно-монополистического капитализма. Эти теории вместе с тем представляют реакцию на успехи социалистического общества, поскольку они пытаются приписать буржуазному государству хозяйственно-организаторскую функцию. В действительности эта функция может быть реализована только в социалистических условиях, она предопределяется самой природой социалистического общества. Во-первых, социалистическое государство является собственником и полновластным распорядителем основных и решающих средств производства; во-вторых, социалистическая экономика не может развиваться иначе, как по плану, в соответствии с законом планомерного развития хозяйства; в-третьих, социализм предполагает строжайший учет и контроль над мерой труда и мерой потребления каждого члена общества, что может быть организовано только социалистическим обществом.

⁵⁶ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 25, стр. 332.

⁵⁷ К. Маркс. Чартисты. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8. М., Госполитиздат, 1957, стр. 360.

ЭВОЛЮЦИЯ БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЙ КРИЗИСОВ

Крупнейшее влияние на эволюцию современных буржуазных теорий кризисов оказал мировой экономический кризис 1929—1933 гг., вызвавший небывалое сокращение производства во всех капиталистических странах (объем промышленного производства в 1932 г. по отношению к уровню 1929 г. составил в США — 53,8%, Германии — 59,8, Франции — 69,1, Англии — 83,8%). Этот кризис вызвал потрясение многих традиционных буржуазных представлений. Он не мог не породить у буржуазии тревоги за судьбы капитализма.

Влияние мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. на буржуазную экономическую мысль неоднократно отмечалось в литературе. Ограничимся двумя иллюстрациями. Э. Хансен писал: «Великая депрессия (так буржуазные экономисты именуют кризис 1929—1933 гг. — И. Б.), начавшаяся в 1929 г..., может быть отмечена как одно из самых потрясающих событий во всей мировой истории. Она самыми различными путями, тысячами разнообразных способов распатала старые шаблоны человеческого мышления, особенно в отношении экономических институтов и экономической политики»¹. «Великая депрессия», — пишут У. Боумол и Л. Чендлер, — оставила большое наследство, которое все еще оказывает сильное влияние на общественное мышление и общественную политику. Это выражается, в частности, в следующем:

1. Глубокая боязнь кризисов...²

2. Необходимость значительного государственного вмешательства для того, чтобы предупредить безработицу и обеспечить экономическую безопасность миллионам людей. Эта потребность так

¹ A. Hansen. Stability and Expansion. — «Financing American Prosperity». N. Y., 1945, p. 200.

² О боязни кризисов ярко свидетельствует следующее высказывание американского буржуазного экономиста: «В прошлом полагали, что экономические кризисы хотя и неприятны, но неизбежны как периодические всеобщие чистки. Сегодня мы знаем из горького опыта, что наша хозяйственная и общественная структура не переживет таких генеральных чисток» (S. H. Christians. Technological Advance and National Policy. NPA, Special Report No 3. Wash., December 1954, p. 4. Цит. по F. Pollack. Automation. Frankfurt am Main. 1956. S. 288).

велика, что теперь невозможно для какой-либо политической партии добиться и удержать власть, если она не обещает использовать великую мощь государства для того, чтобы предупредить безработицу и дефляцию и ослабить (ameliorate) их бедствия, если они возникнут...

3. Переход функций от штатов и местных самоуправлений к федеральному правительству»³.

1. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЙ КРИЗИСОВ

Под непосредственным влиянием экономического кризиса 1929—1933 гг. в буржуазной литературе, посвященной проблеме кризисов, на первый план были выдвинуты вопросы антикризисной политики. До 30-х годов эти вопросы занимали подчиненное положение и даже не ставились большинством буржуазных экономистов. Это было вполне естественно и соответствовало господствовавшей тогда точке зрения о необходимости сведения к минимуму государственного вмешательства в экономику. Отрицание необходимости антикризисной политики соответствовало и господствовавшей тогда в буржуазной литературе «теории реализации» Сэя, отрицавшей общее перепроизводство товаров и сводящей кризис к случайному и местному нарушению равновесия. Для буржуазных экономистов рассматриваемого периода было характерно стремление всячески умалить значение кризисов, а при такой постановке сводилось на нет и значение антикризисных мероприятий.

Наиболее известной попыткой оказать помощь предпринимателям в борьбе с кризисами до 30-х годов была разработка так называемых экономических барометров, получившая широкое распространение в различных капиталистических странах в 20-х годах по инициативе гарвардской школы. С помощью этих «экономических барометров» конъюнктурные учреждения пытались предсказать сроки наступления кризисов. Но эти учреждения не шли дальше организации прогнозов — непосредственная борьба с кризисами и ликвидация тяжелых кризисных последствий возлагались на самые предприятия.

Из других попыток организовать борьбу с кризисами большой известностью пользуется банковский акт 1913 г. в США, по которому была создана федеральная резервная система. По идее, положенной в основу банковского акта 1913 г., резервные банки в периоды подъемов должны тормозить слишком быстрое расширение производства и рост цен путем повышения учетной ставки и вздорожания кредита. В периоды кризисов и депрессий на

³ W. J. Baumol and L. V. Chandler. Economic Processes and Policies. N. Y., 1954, p. 149.

федеральную резервную систему возлагается задача приостановить сокращение производства с помощью снижения учетной ставки и удешевления кредита. Регулирование учетной ставки банковский акт связывал с воздействием резервных банков на массу денежного обращения. Как видим, антикризисные мероприятия ограничивались только воздействием на кредитную систему и денежное обращение Соединенных Штатов Америки.

Кризис 1929—1933 гг. вызвал значительную активизацию буржуазных экономистов в отношении разработки антикризисных проектов. В буржуазной литературе было выдвинуто множество самых разнообразных проектов подобного рода. Но большинство антикризисных предложений буржуазных авторов и деятелей совпадает одно с другим. Известная сводка таких предложений дана в программе антикризисных мероприятий экспертов при Генеральном секретаре Организации Объединенных Наций⁴. Эксперты предложили следующие меры:

1) Ежегодный пересмотр бюджетных программ в части как государственных расходов, так и налогов, с тем чтобы добиваться более равномерного распределения национального дохода.

2) Использование «автоматических стабилизаторов», под которыми имеются в виду факторы, противодействующие кризисам и осуществляемые без специальных правительственных актов, в силу действующего законодательства. К числу таких «автоматических стабилизаторов» авторы программы относят прогрессивный подоходный налог, при котором снижение доходов отдельных лиц компенсируется в некоторой степени снижением налога, выплачиваемого по более низкой ставке; пособия по социальному страхованию и безработице, компенсирующие в некоторой степени снижение покупательной способности определенных групп населения; пособия фермерам и т. д.

3) Стимулирование частных инвестиций при помощи кредитных и налоговых льгот.

4) Планирование общественных инвестиций; в основу этого планирования должен быть положен принцип, что общественные инвестиции устанавливаются в отдельные фазы цикла в таком объеме, который компенсировал бы колебания частных инвестиций.

5) Стабилизация сельскохозяйственного дохода путем поддержания цен на должном уровне.

6) Поддержание системы противочиклических мер, которые, в отличие от «автоматических стабилизаторов», требуют каждый раз специального решения правительства. К таким мерам программа экспертов относит изменение ставок подоходного налога на раз-

личных фазах цикла, изменение величины и структуры государственных расходов и т. д.

В антикризисных программах, выдвигаемых буржуазными деятелями и авторами, отражается борьба различных классов.

Монополистический капитал пытается преодолеть или ослабить кризисы путем форсирования гонки вооружений и милитаризации экономики; усиления внешней экономической экспансии, позволяющей экспортировать кризис в другие страны; всяческого стимулирования частных инвестиций путем предоставления кредитных и налоговых льгот; развертывания государственных инвестиций в формах, наиболее выгодных для монополий; осуществления курса на снижение реальной заработной платы и вытеснение мелких предприятий при помощи предоставления государственных заказов крупнейшим корпорациям; дискриминации в кредите и т. д.

Представители монополистического капитала весьма неохотно соглашались на такого рода антикризисные мероприятия, которые связаны с расширением покупательной способности трудящихся путем повышения реальной заработной платы, снижения налогов, развертывания программы общественных работ и т. д. О позиции руководящих кругов монополистического капитала США по вопросам антикризисной политики можно судить по бюллетеню «Ферст нэшнел сити бэнк» за апрель 1958 г. Авторы бюллетеня категорически выступают против повышения реальной заработной платы, утверждая, что такое повышение может вызвать инфляцию.

В бюллетене сочувственно излагается выступление Эйзенхауэра от 18 марта 1958 г., который отверг программу общественных работ как средство борьбы с безработицей. Основной аргумент Эйзенхауэра состоял в том, что реализация такой программы может создать какие-то трудности для частных предприятий. Ключом к успешному решению проблем антикризисной политики, по мнению авторов бюллетеня, является создание наиболее благоприятных условий для частных предприятий. «Реальное решение проблемы безработицы заключается в поощрении, а не в замещении частного предприятия»⁵. Под этим углом зрения рассматриваются в бюллетене вопросы налоговой политики. Авторы выступают против снижения налогов с частных лиц, но зато они ратуют за создание «наиболее благоприятного налогового климата» для предприятий⁶. Надо стимулировать расходы предприятий, а не потребителей, заявляют они.

В этом бюллетене весьма откровенно отражены позиции монополий по вопросам антикризисной политики.

⁵ «Business and Economic Conditions». — «First National City Bank. Monthly Letter», April 1958, p. 42.

⁶ Ibid., p. 45.

⁴ «National and International Measures for Full Employment. Report of a Group of Experts, Appointed by the Secretary General». United Nations, N. Y., 1949, p. 77.

Для того чтобы сделать антикризисные мероприятия более привлекательными для трудящихся, буржуазные экономисты, с одной стороны, маскируют наиболее одиозные пункты этих программ, например требование раздувания военных расходов, а с другой стороны, включают в эти программы ни к чему не обязывающие фразы о повышении личного потребления, смягчении имущественных различий, а иногда — даже о борьбе с монополиями ценами.

Не приходится доказывать, что монополистический капитал меньше всего проявляет склонности к осуществлению подобных предложений. Он соглашается на некоторые уступки лишь под очень сильным давлением классовой борьбы пролетариата. При этом он старается всячески ограничить эти уступки, с тем чтобы они не затрагивали монополиями высоких прибылей.

Задача буржуазных экономистов в современных условиях состоит в том, чтобы, с одной стороны, обосновать такие антикризисные мероприятия, которые были бы наиболее выгодны для монополистического капитала, а с другой стороны, представить эти мероприятия как мероприятия, соответствующие интересам трудящихся.

Между теориями кризисов и антикризисными программами существует тесная взаимозависимость. Выбор тех или иных мероприятий для предупреждения и преодоления кризисов перепроизводства предопределяется тем, как буржуазные экономисты объясняют причины кризисов. С точки зрения логической последовательности такая связь вполне понятна и естественна. Однако после кризиса 1929—1933 гг. мы наблюдаем в буржуазной литературе и обратную зависимость. В отношении современных буржуазных экономистов можно сказать, что рекомендуемые ими программы антикризисной политики не столько вытекают из соответствующих теорий кризисов, сколько сами определяют содержание этих теорий. Последние специально подгоняются для оправдания антикризисных программ.

Это одна из важнейших черт, характеризующих современные буржуазные теории кризисов, отражающая новую постановку вопроса. Она является непосредственным результатом того, что все предлагавшиеся ранее мероприятия антикризисной политики обанкротились, в особенности в ходе экономического кризиса 1929—1933 гг. Отсюда усиленные поиски новых антикризисных мероприятий.

Разработка антикризисных рецептов приобрела чрезвычайно большое значение. Она потеряла даже ту скромную видимость научности, которую она имела раньше, превратившись в настоящее знахарство.

Эта важнейшая черта современных теорий кризисов непосредственно связана с кризисом современной буржуазной политической экономии. Эта черта отражает неверие в действие внутренних

сил капитализма и ориентацию на экономическую политику как на важнейшее средство борьбы с кризисами.

С этой чертой тесно связана другая особенность современных работ, посвященных проблеме кризисов, выражающаяся в эклектическом сочетании разных теорий кризисов. Потребность в таком эклектизме порождена особенностями антикризисных программ. Буржуазные деятели полагают, что лучшим условием обеспечения этих программ является многообразие средств, предлагаемых для борьбы с кризисами. Тут, очевидно, действует простой расчет: лучше одновременно использовать несколько средств борьбы с кризисами, — авось, какое-либо из них окажется действенным. Возможно, что тут подспудно выступает и другая мысль: если каждое из предлагаемых антикризисных мероприятий дает небольшой эффект, то, возможно, совокупность разных антикризисных мероприятий даст существенный эффект. Во всяком случае, независимо от психологических оснований, большинство антикризисных программ включают в себе ряд практических предложений. Для оправдания такого рода многообразных программ весьма подходящей оказывается «теория множества причин».

Эта теория не всеми открыто защищается, но она лежит в основе большинства современных работ по проблеме кризисов. В наиболее отчетливом виде ее сформулировал известный американский буржуазный экономист Г. Моултон, категорически заявивший: «Нет никаких действительных оснований считать, что существует какая-либо единая основная причина»⁷. (Речь идет о причине кризисов. — *И. Б.*) Моултон идет так далеко в отрицании основной причины кризисов, что для разных экономических кризисов допускает самостоятельные причины, не совпадающие друг с другом. Некоторые буржуазные авторы даже утверждают, что различные экономические кризисы объясняются диаметрально противоположными причинами. Так, например, шведский экономист Э. Лундберг выдвигает положение, что одни кризисы порождены слишком сильной тенденцией к сбережениям и недостаточным спросом на предметы потребления, а другие кризисы — недостатком сбережений по сравнению с потребностями капитала в новых инвестициях. «Может быть, правильно утверждать, — пишет Лундберг, — что расширение (производства) не может продолжаться, потому что объем сбережений одновременно слишком велик и слишком мал»⁸.

Другой известный шведский экономист Акерман подчеркивает, что объяснение кризисов должно строиться на сочетании четырех вариантов буржуазных теорий:

⁷ H. G. Moulton. Controlling Factors in Economic Development. Wash., 1949, p. 54.

⁸ E. Lundberg. Studies in the Theory of Economic Development. N. Y., 1955, p. 155.

- 1) кредитно-денежных теорий;
- 2) теорий диспропорций в образовании капитала (между объемом сбережений и инвестиций; между предполагаемой и фактической рентабельностью; между намечаемыми и реализуемыми ценами);
- 3) теорий, выводящих кризисы из роста производственно-технических трудностей;
- 4) теорий недопотребления.

«Эти четыре теории,— заключает Акерман,— все оправдались. Они имеют большее или меньшее значение по отношению к разным кризисам. Речь идет о том, чтобы на их основе построить общую теорию, а не о том, чтобы выбирать между ними»⁹.

К этому списку теорий кризисов, которые в разной форме комбинируются большинством буржуазных экономистов, следует отнести еще психологическую теорию, выводящую кризисы из смены оптимистических настроений предпринимателей пессимистическими настроениями, а также получившие за последнее время большое распространение теории мультипликатора и акселератора¹⁰.

Как ни велико различие между отдельными вариантами буржуазных теорий кризисов, их всех объединяет один общий методологический порок — основу экономических кризисов они ищут не в самом капиталистическом способе производства со всей совокупностью его противоречий, а в технико-производственных и психологических факторах, рассматриваемых независимо от всей системы буржуазных производственных отношений и капиталистических противоречий.

Это методологическое единство различных буржуазных теорий кризисов находит свое выражение и в области практических предложений. Их объединяет одна общая черта — иллюзия о возможности устранения кризисов или сведения их к безопасным сдвигам в рамках капитализма. Буржуазные экономисты придумывают такие причины кризисов, которые можно было бы изобразить как поддающиеся воздействию буржуазного государства.

Неудивительно, что буржуазные экономисты, тщательно «увязывающие» одни с другими самые разнообразные теории кризисов, единым фронтом выступают против единственно правильной

и научной марксистской теории кризисов. Эта теория совершенно неприемлема для апологетов монополий, ибо она полностью отвергает самую возможность как устранения экономических кризисов в условиях капитализма, так и «контроля» над кризисами со стороны буржуазного государства. Марксизм-ленинизм с исчерывающей полнотой и ясностью раскрыл, что основа экономических кризисов перепроизводства лежит в самой системе капиталистического хозяйства, что их главная причина лежит в противоречии между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения результатов производства. Выражением этого основного противоречия капитализма является противоречие между колоссальным ростом производственных возможностей капитализма и относительным сокращением платежеспособного спроса миллионов масс трудящихся. Это противоречие так же неразрешимо в условиях капиталистического строя, как и основное противоречие капитализма, непосредственно обусловленное самим характером капиталистических производственных отношений.

В условиях общего кризиса капитализма, в связи с обострением капиталистических противоречий, ростом государственно-монополистического капитализма и выдвижением на передний план задач антикризисной политики произошло изменение роли отдельных буржуазных теорий кризисов. Основные изменения в буржуазной литературе, посвященной проблеме кризисов, можно свести к следующим моментам:

- 1) ослабление влияния кредитно-денежных теорий,
- 2) усиление влияния психологической теории,
- 3) распространение теорий мультипликатора и акселератора,
- 4) распространение теории недопотребления,
- 5) трактовка проблемы экономических кризисов в тесной связи с вопросом об инфляции,
- 6) выдвижение теории стабилизаторов конъюнктуры.

Характерным для современной буржуазной литературы является ослабление влияния кредитно-денежных теорий, которые в прошлом имели очень большое распространение. Сторонников чистой кредитно-денежной теории (типа Хоутри), сводящей кризисы к монетарному феномену, становится все меньше. Это связано с тем, что буржуазные экономисты убедились в явной недостаточности мероприятий в кредитно-денежной сфере для борьбы с серьезными экономическими кризисами. Особенно поучительным в этом отношении был опыт кризиса 1929—1933 гг. В отличие от предшествующих кризисов официальная учетная ставка во время этого кризиса продолжала оставаться на низком уровне в связи с громадным избытком бездействующих денежных капиталов. Это был исключительно благоприятный случай для проверки кредитно-денежных теорий кризисов. Что же показала эта проверка? Несмотря на небывало низкую для кризиса норму процента,

⁹ J. Akerman. Structures et cycles économiques, t. 1. P., 1955, p. 218.

¹⁰ Широкое распространение эклектических объяснений кризисов затрудняет классификацию современных буржуазных теорий кризисов. Во всяком случае, имеющиеся схемы, например классификация Г. Хаберлера, приводимая в его известной книге «Продветание и депрессия» (М., ИЛ, 1960), устарели (он различал чисто денежные теории, теории перекапитализации в двух вариантах — денежном, неденежном, — теорию акселератора, теорию объясняющую кризисы изменениями в издержках производства, теорию недопотребления, психологическую теорию). Так, один и тот же автор, например, Кейнс, использует и теорию недопотребления, и психологическую теорию, и теорию мультипликатора.

кризис 1929—1933 гг. оказался исключительным по своей силе, глубине и продолжительности. Низкая норма процента не облегчила положения капиталистической промышленности.

Даже Хоутри, наиболее крайний последователь кредитно-денежных теорий, в своей книжке «Капитал и занятость» выдвинул положение о «кредитном тунике» (credit deadlock), когда в результате глубочайшего кризиса снижение процента не оказывает стимулирующего воздействия на производство¹¹.

Кейнс также вынужден был признать неэффективность одной только кредитной политики для борьбы с кризисами. «...Борьба с кризисами,— жаловался он,— так сложна. На более поздней стадии снижение нормы процента может послужить большим подспорьем в деле хозяйственного восстановления и, вероятно, является даже необходимым его условием. Но на данный момент крах предельной эффективности капитала может оказаться настолько полным, что никакое мыслимое на практике снижение нормы процента не будет достаточно»¹².

Следует отметить, что в новейших вариантах теорий кризисов — Хансена, Хикса, Хэррода и других — кредитно-денежному фактору отводится подчиненное значение. Эконометрик Я. Тинберген в своей работе «Статистическая проверка теорий экономических циклов» заявляет, что кредитно-денежный фактор оказывает сравнительно незначительное влияние на объем инвестиций и что он не может рассматриваться как основная причина цикла.

После кризиса 1929—1933 гг. в буржуазной литературе стала господствовать идея, что для борьбы с кризисами недостаточно одних мероприятий денежной и кредитной политики, что необходимо поставить весь государственный бюджет на службу монополиям, которым угрожает банкротство. Современные теории кризисов выдвигают на передний план бюджетную политику. Последняя, с точки зрения этих теорий, должна быть использована как рычаг перераспределения средств, взимаемых с помощью налогов с трудящихся в пользу монополий. Под флагом антикризисных мероприятий современные буржуазные теории кризисов проповедуют политику обогащения монополий, гарантирования им высоких прибылей, перенесения всех убытков и риска на государственную казну, т. е. в конечном счете на трудящихся.

2. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КРИЗИСОВ

Для оправдания этой политики финансирования монополий за счет государственного бюджета оказывается весьма пригодной психологическая теория кризисов. Суть этой теории сводится к тому, что ключ к объяснению кризисов следует искать в психоло-

гии предпринимателя, в его обостренной реакции ко всяким изменениям экономической конъюнктуры. Смена фаз капиталистического цикла, согласно этой теории, объясняется сменой настроений предпринимателя, сменой его оптимистических или пессимистических иллюзий. Кризис, с этой точки зрения, есть прежде всего «кризис доверия», означающий потерю предпринимателем веры в свое экономическое положение.

Настроения чрезмерного оптимизма сменяются настроениями чрезмерного пессимизма. Корни таких резких колебаний следует искать, по Кейнсу, в особенностях человеческого характера, в присущей ему неустойчивости и склонности к увеличениям в ту или другую сторону. «Даже,— пишет он,— оставляя в стороне неустойчивость, возникающую в результате спекуляции, приходится считаться еще с неустойчивостью, протекающей из определенной черты человеческой природы, выражающейся в том, что наша положительная деятельность в большей степени зависит от самопроизвольного оптимизма, чем от математического расчета, основанного будь то на моральных, гедонистических или экономических принципах»¹³. Итак, в конце концов все сводится к особенностям психической организации человека; если бы человек имел другую психическую организацию, то процесс воспроизводства получил бы совершенно иную форму.

На самом деле причина экономических кризисов кроется вовсе не в склонностях и характере людей. Если встать на кейнсианскую точку зрения, то становится совершенно непонятным, почему капиталистический цикл возникает лишь в XIX в., почему с развитием капитализма происходит обострение экономических кризисов. Ведь человеческая природа, к которой апеллирует Кейнс, не подвергается столь быстрым изменениям. Кейнсианская теория уводит от подлинного изучения экономических кризисов, которые вызываются основным противоречием капиталистического производства между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения продуктов производства.

Сторонники психологической теории кризисов игнорируют то обстоятельство, что сама смена оптимистических и пессимистических настроений предпринимателя определяется изменением объективного положения вещей, изменением конъюнктуры, а не наоборот. Конечно, паника, охватывающая капиталистический мир в фазе кризиса, способствует дальнейшему обострению кризиса. Но сама эта паника — производный фактор, обусловленный кризисом. Она только отражает реальные процессы, происходящие в капиталистической экономике. Влияние этого фактора ограничено общими условиями воспроизводства капитала.

Пожалуй, ни одна теория кризисов не показывает в такой наглядной и осязательной форме, как психологическая теория кри-

¹¹ R. G. Hawtrey. Capital and Employment. L., 1937, p. 86.

¹² Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег. М., ИЛ, 1949, стр. 306.

¹³ Там же, стр. 153.

зисов, порочность буржуазной методологии. Часто производный фактор, обусловленный изменением конъюнктуры, рассматривается в качестве первопричины ее изменений.

Несостоятельность этой теории настолько очевидна, что ее вынуждены были констатировать и некоторые буржуазные авторы. Так, например, американский экономист Исти писал: «В своей основе... психологические причины порождаются ошибками или неправильными суждениями. Мы держались неправильного взгляда на факты. Мы заблуждались... Поэтому мы можем альтернативно говорить о психологических теориях как о теориях, основанных на действии ошибок»¹⁴. Но если исходить из влияния ошибок, ставит резонно вопрос Исти, то почему ошибки должны развиваться только в одном направлении? «В конце концов законы вероятности, по-видимому, доказывают, — заключает он, — что количество ошибок должно сокращаться... Если производитель *A* переоценивает спрос, то почему производитель *B* не должен недооценивать последний? Один род оценки может также иметь место с таким же успехом, как и другой; а если это так, то почему мы должны ожидать, что ошибки (имеются в виду ошибки в одном направлении. — *И. Б.*) будут накапливаться и что одно это уже может привести к буму (или к депрессии)»¹⁵.

Психологическая теория кризисов распространяет иллюзию, что, если вовремя преодолеть волну пессимистических настроений, то остальное все приложится. Для этого достаточно при помощи сравнительно небольших закупок избыточной продукции, организованных правительством, создать видимость перелома конъюнктуры и вызвать тем самым уверенное, бодрое настроение у предпринимателей. Такого рода иллюзии были широко распространены во время кризиса 1929—1933 гг. Тогда в ходу были такие призывы: «Покупай независимо от того — нужно это тебе или нет»; «Пусть ваша фабрика работает независимо от того, имеете вы заказы или нет»; «Тратьте на пять долларов больше в неделю»; «Структура здоровая, зло заключается только в головах»¹⁶. При помощи таких призывов прожектеры пытались увеличить потребительский спрос, стимулировать инвестиции и тем самым оживить конъюнктуру. Как известно, подобного рода призывы не нашли отклика в условиях жесточайшего кризиса и оказались безрезультатными.

Эта идеалистическая теория создала базу для самых фантастических рецептов лечения капитализма от экономических кризисов. Так, например, Г. Моултон придает особое значение внушению капиталистам во время кризиса веры в то, что уже достигнута

нижняя граница кризиса, что дальнейшего падения производства не последует. При этом Моултон выдвигает такой «аргумент»: «Почему мы должны ожидать естественного экономического предела (bottom), когда такой предел нельзя выявить и он может быть установлен и признан только ретроспективно»¹⁷. Моултон не высказывает до конца свои соображения, но ход его мыслей совершенно очевиден: раз никто не может в данный момент с полной очевидностью доказать, что нижняя граница кризиса уже достигнута, то отчего не пустить ложный слух, что эта нижняя граница уже достигнута? Пусть это будет ложь во спасение, лишь бы она исцелила капиталистов от их пессимистических настроений и побудила предпринимателей увеличить капиталовложения.

Психологическая теория кризисов воспроизводит в экономической области пресловутую медицинскую теорию Куэ, суть которой заключается в том, что больного нужно лечить путем внушения ему, что он здоров¹⁸.

Джоан Робинсон иронически писала по адресу подобного рода теорий: «Мне кажется, что самой подходящей теорией восстановления является теория одного из диккенсовских героев: дайте срок, что-нибудь изменится. Т. е. депрессия не будет длиться бесконечно потому, что рано или поздно должна появиться какая-то новая возможность для инвестиций. А если этого не случится, государственная политика вступит в дело»¹⁹.

Психологическая теория кризисов — специфический продукт общего кризиса капитализма. Хотя сторонники этой теории говорят о смене оптимистических иллюзий пессимистическими, но основное ударение они делают на последних. Они изображают в качестве важнейшего источника экономических трудностей современного капитализма недостаток у предпринимателей «самопроизвольного оптимизма», недостаточную веру в успешное развитие дел, пониженную оценку перспектив экономического развития. Кейнс употребляет специальный термин «медвежье настроение»

¹⁷ H. G. Moulton. Controlling Factors in Economic Development, p. 334.

¹⁸ Некоторые буржуазные деятели идут так далеко в этом направлении, что предлагают запретить употребление термина «спад». Так, торговая палата города Сан Леандро (штат Калифорния) приняла следующее решение в начале 1958 г.: «Правление торговой палаты города Сан Леандро настоятельно и безоговорочно рекомендует работникам печати, телевидения и радио, а также всем членам местных и федеральных законодательных органов, представляющих район залива Сан Франциско, равно как и всем гражданам, немедленно занять позитивную позицию по отношению к нынешнему экономическому положению; ...постоянное и излишнее употребление слова «спад» должно быть прекращено, слово должно быть изъято, вырублено топором, забыто, выкорчевано, искоренено, изгнано, выброшено за борт, выброшено на свалку, исключено, утоплено, сожжено, прах его развеян по ветру, и должен быть наложен запрет на употребление его во всех формах печатной и устной информации» (Цит. по ст. Г. Генри. Экономическая деонтология. «Новое время», 1958, № 23, стр. 30).

¹⁹ J. Robinson. The Rate of Interest and Other Essays. L., 1953. p. 142.

¹⁴ J. A. Estey. Business Cycles. Their Nature, Cause and Control. Englewood Cliffs, 1941, p. 197.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Цит. по W. A. Jöhr. Die Konjunkturschwankungen. Tübingen — Zürich, 1952, S. 654.

(bearishness), имея в виду биржевой термин «медведи», под которыми понимаются спекулянты, играющие на понижение. Подчеркивая широкое распространение «медвежьего настроения» среди предпринимателей, психологическая теория кризисов отражает, хотя в весьма иррациональной форме, растущие противоречия и экономические трудности современного капитализма.

Вместе с тем эта теория оказывается очень удобной для оправдания основного направления антикризисных мероприятий — максимального покровительства капиталистическим предпринимателям, создания для них наиболее благоприятных условий за счет государственного бюджета. Психологическая теория, в частности, служит для обоснования политики государственных субсидий. Выдвигая в качестве первоисточника циклических колебаний смену настроений предпринимателя, эта теория призывает к тому, чтобы в интересах преодоления кризисов добиться перелома пессимистических настроений у предпринимателя. А наилучшим средством добиться такого перелома является искусственное повышение капиталистических прибылей за счет государственного бюджета.

3. ТЕОРИИ МУЛЬТИПЛИКАТОРА И АКСЕЛЕРАТОРА

Для доказательства эффективности антикризисных мероприятий и возможности ограничиться не очень значительными бюджетными расходами используются широко распространенные в современной буржуазной литературе, посвященной проблеме кризисов, теории мультипликатора и акселератора. Общность между мультипликатором и акселератором состоит в том, что тот и другой выражают образование производного спроса и дополнительного расширения производства, вызванных первоначальными инвестициями, которые обычно буржуазными авторами обозначаются как автономные.

Мультипликатор показывает отношение между ростом объема капиталовложений и ростом доходов, потребления и занятости. Иными словами, мультипликатор показывает количественную зависимость потребления от изменения объема производства²⁰.

Ход рассуждений Д. М. Кейнса в этой связи, например, таков: если бы весь общественный доход целиком расходовался на личное потребление, то вовлечение в производство дополнительных рабочих могло бы вызвать бесконечный рост общественного спроса. Для обслуживания дополнительных рабочих с заработной платой в 1 млн. долл. и капиталистов, использующих этих рабочих, потребуется столько же дополнительных рабочих с заработной платой опять-таки в 1 млн. долл. Для обслуживания второй группы

дополнительных рабочих потребуется такая же третья группа и т. д. Но поскольку, рассуждает Кейнс, получатели дохода потребляют только часть дохода, постольку каждая последующая группа дополнительных рабочих должна быть меньше предыдущей, в итоге получается ряд убывающей прогрессии. Применяя формулу суммы членов убывающей прогрессии, Кейнс подсчитывает коэффициент возрастания производного спроса, связанного с вовлечением дополнительных рабочих.

По расчетам Кейнса, мультипликатор, например, в Соединенных Штатах равен приблизительно $2\frac{1}{2}$. Это значит на его языке, что, если вовлечь в производство определенное число рабочих, получающих 1 млн. долл., то это дает возможность вовлечь в производство дополнительно еще большее число рабочих в результате роста общественного спроса со стороны дополнительных рабочих.

Теория мультипликатора дополняется в буржуазной литературе теорией акселератора. Акселератор выражает отношение между изменениями производства конечных продуктов (т. е. предметов потребления) и средств производства, необходимых для их производства. Расширение второго подразделения дает толчок для еще большего расширения первого подразделения, поскольку возрастает спрос на оборудование, сырье и вспомогательные материалы, потребляемые во втором подразделении.

Многие современные теории кризисов (Хансена, Хикса, Сэмюэлсона и др.) базируются на сочетании теорий мультипликатора и акселератора. Буржуазные экономисты так представляют взаимосвязь этих двух принципов. Рост первичных капиталовложений вызывает кратное увеличение совокупной занятости и дохода и, следовательно, кратное увеличение спроса на предметы личного потребления (мультипликатор). Это в свою очередь вновь ведет к росту капиталовложений, ибо требуются дополнительные средства производства для удовлетворения возросшего спроса на предметы потребления (акселератор). Эти «производные» капиталовложения вновь приводят в действие механизм мультипликатора и вызывают кратное возрастание занятости и доходов, что приводит к новой волне «производных» капиталовложений и т. д.

Не приходится отрицать, что, в силу цепной зависимости между отдельными отраслями, рост производства в одних отраслях дает толчок для расширения других отраслей. Расширение производства всегда имеет производные результаты, связанные, в частности, с необходимостью обслуживания дополнительных рабочих. Положение, лежащее в основании теории акселератора, что расширение производства предметов потребления дает толчок для еще большего расширения производства оборудования, потребляемого во втором подразделении, правильно. Это связано со специфическими особенностями воспроизводства основного капитала. Последний требует одновременных крупных затрат, которые воз-

²⁰ Впервые теория мультипликатора изложена в статье: R. F. Kahn. The Relation of Investment to Unemployment. «Economic Journal», June 1931.

мещаются постепенно в течение длительного периода. Поэтому в случае необходимости расширения существующих или строительства новых предприятий затраты на создание нового основного капитала превосходят стоимость выпускаемой продукции.

Эти особенности воспроизводства давно были отмечены и изучены в марксистской политической экономии.

Суть извращения буржуазных экономистов по этому вопросу состоит не в том, что они учитывают эти производные результаты, а в том, что они дают произвольную характеристику последних, крайне преувеличивая их значимость.

Крупнейший порок теорий мультипликатора и акселератора состоит в том, что они рисуют непрерывный рост капиталистического производства в результате взаимного стимулирующего воздействия одних отраслей производства на другие, отвлекаясь от границ, которые ставят расширению производства антагонистические противоречия. Эти теории показывают только одну сторону связей между инвестициями и потреблением, выражающуюся в том, что рост инвестиций означает вовлечение в производство дополнительных рабочих, приводя тем самым к увеличению занятости, народного дохода, потребления и стимулируя одновременно расширение производства средств производства. Но эти теории обходят другую сторону этих связей, выражающуюся в том, что новые инвестиции в конечном счете способствуют такому расширению производства предметов потребления, которое выводит последнее за рамки платежеспособного спроса, ограниченного в силу абсолютного и относительного обнищания рабочего класса.

Теории мультипликатора и акселератора замалчивают также противоречия, которые обнаруживаются в развитии отдельных отраслей производства. Эти теории игнорируют то, что рост одних отраслей может не только стимулировать, но и задерживать рост других отраслей, например в случае производства заменителей.

Иными словами, коренной порок этих теорий состоит в том, что они рисуют безграничный и беспрепятственный процесс расширения производства, отвлекаясь от противоречий, в которых осуществляется это расширение производства.

С этим коренным пороком теорий мультипликатора и акселератора тесно связан другой порок этих теорий — они сильно переоценивают значение вторичного эффекта от новых инвестиций, что приводит к чрезмерной переоценке возможных темпов расширения производства. При такой трактовке получается, что дальнейший рост производства столь значительными темпами должен прежде всего натолкнуться на ограниченность производственных ресурсов, на недостаток рабочей силы и сырьевых материалов. Таким образом, теории мультипликатора и акселератора переводят рассмотрение кризисов из плоскости социально-экономических противоречий в плоскость производственно-технических трудностей.

Теории мультипликатора и акселератора отвлекаются от ряда существенных моментов, ограничивающих масштабы вторичного эффекта, связанного с новыми инвестициями.

Так, теория мультипликатора отвлекается от возможности некоего расширения производства путем использования наличной рабочей силы без вовлечения дополнительных рабочих за счет удлинения рабочего дня и интенсификации труда. В этих случаях расширение производства не сопровождается увеличением фонда заработной платы.

Теории мультипликатора и акселератора отвлекаются и от такого существенного фактора, как наличие товарных запасов предметов потребления и средств производства, которое дает возможность удовлетворить возросшую потребность в этих товарах без расширения производства и привлечения дополнительных рабочих.

Точно так же эти теории отвлекаются от наличия незагруженных производственных мощностей. Совершенно неверно предположение, лежащее в основе теории акселератора, будто возникший спрос может быть удовлетворен только при помощи вновь установленного оборудования, вновь построенных фабричных зданий и т. п. Это не соответствует действительности даже для общества, где производственный аппарат, как правило, используется полностью. Опыт показывает, что современная техника таит большие возможности повышения эффективности наличного оборудования путем усовершенствования технологических процессов, применения разнообразных методов рационализации труда. К тому же следует добавить, что в капиталистических странах существует большая недогрузка производственных мощностей.

Только при значительных темпах расширения производства может временно обнаружиться дефицит в некоторых видах сырья и оборудования. Это дает толчок для расширения соответствующих отраслей производства.

Очевидно, что мультипликатор зависит не только от «склонности к потреблению», как утверждает Кейнс. Под «склонностью к потреблению» он понимает отношение потребляемой части дохода ко всему доходу. На коэффициент производного роста занятости влияет ряд моментов, в первую очередь изменение органического состава капитала.

Развитие таких процессов, как механизация и автоматизация производства, позволяет осуществлять расширение производства с меньшим числом рабочих, чем это имело место при старом уровне техники.

Очевидно и то, что Кейнс чрезмерно преувеличивает размеры мультипликатора. Он утверждает, что «если потребительская психология общества такова, что оно потребляет, например, $\frac{9}{10}$ приращения дохода, то мультипликатор k будет равен 10 и вся занятость, вызванная, например, увеличением общественных работ,

будет в 10 раз больше первичной занятости, вытекающей непосредственно из самих общественных работ»²¹. У Кейнса получился такой громадный показатель мультипликатора потому, что он все затраты предпринимателей сводит в конечном счете к затратам на переменный капитал.

Совершенно несостоятельно также предположение, что существует какой-то постоянный коэффициент зависимости между изменениями инвестиций и занятости. Количественные связи между изменениями производства и занятости определяются рядом моментов. Этот коэффициент меняется в зависимости от изменения конкретной обстановки. В частности, огромное влияние на этот коэффициент оказывает изменение органического строения капитала. Новые капиталовложения обычно осуществляются на новой и более высокой технической базе. Отношение между изменениями объема капиталовложений и занятости можно вычислить статистически для данной массы капиталовложений за тот или иной прошедший период, но это отношение меняется всякий раз, когда начинает складываться новый капитал.

Точно так же несостоятельно предположение о наличии какого-то постоянного коэффициента между изменением производства во втором подразделении и производством средств производства. Этот коэффициент может получить разное количественное выражение в зависимости от ряда моментов — наличия неиспользованных производственных мощностей и запасов сырьевых и вспомогательных материалов, возможности расширения производства при том же производственном аппарате, необходимости введения при расширении производства нового, более совершенного оборудования, возможности экономии на сырье и вспомогательных материалах.

Схема мультипликатора, предложенная Кейнсом, основана на столь многих нереалистических предположениях, что вызвала недовольство со стороны некоторых буржуазных экономистов, учитывающих, что такого рода искусственная схема не может иметь большого пропагандистского эффекта. В кейнсовскую теорию мультипликатора был внесен ряд коррективов (наиболее известная формула исчисления мультипликатора и акселератора принадлежит американскому буржуазному экономисту П. Самуэлсону), но все эти поправки идут по линии второстепенных вопросов, не имеющих большого принципиального значения. Так, некоторые буржуазные экономисты (Робертсон, Самуэлсон, Хикс, Д. М. Кларк и др.) отмечают, что необходимо учитывать отставание во времени (так называемый лаг) между первичным и вторичным приращением дохода. Это отставание во времени зависит от ряда причин: а) от числа лиц, через руки которых проходит денежная сум-

ма, прежде чем она выступит как вторая волна дохода; б) от того, насколько быстро каждая из отмеченных групп расходует полученный доход; в) от того, насколько быстро будут реагировать на прирост спроса розничные торговцы, оптовые торговцы и промышленники.

Подобного рода коррективы не устраняют, однако, коренного порока теории мультипликатора и акселератора, выражающегося в игнорировании противоречий расширенного воспроизводства общественного капитала. Теории мультипликатора и акселератора используются для обоснования политики стимулирования инвестиций и в особенности форсирования правительственных расходов. С помощью этих теорий «доказывается», что относительно небольшие капиталовложения могут вызвать весьма значительный рост занятости. На основании этих теорий буржуазные экономисты пытаются доказать, что вопрос о том, на что идут правительственные расходы — на производительные или непроизводительные цели, — не имеет существенного значения. Эта аргументация строится на том, что всякое увеличение инвестиций, в какой бы отрасли оно ни осуществлялось, дает толчок для новых инвестиций в отраслях, производящих средства производства и предметы потребления, необходимые для исходной отрасли. Иными словами, эти теории подчеркивают, что дополнительные инвестиции, имеющие производный характер, значительно превышают первоначальные инвестиции и в том случае, когда последние являются непроизводительными. Исходя из этих соображений, Кейнс писал, что «бросовые» расходы, покрываемые займами, могут тем не менее в итоге обогатить общество»²².

Подобный фальсификаторский прием оправдывает любую форму непроизводительных расходов, и прежде всего военных расходов, и используется для восхваления милитаризации как фактора, стимулирующего рост материального производства. Вся эта аргументация строится на раздувании производных моментов, связанных с обслуживанием дополнительных рабочих, которые должны заслонить первоначальные непроизводительные расходы.

Теория мультипликатора используется и для того, чтобы оправдать методы финансирования экономических программ буржуазных правительств. С помощью этой теории доказывается, что, хотя правительственные программы финансируются за счет налогов или займов, но, поскольку реализация программ приводит к росту занятости и доходов, некоторое сокращение доходов, связанное с налогами или с ростом государственного долга, компенсируется и перекрывается общим ростом дохода в результате новых инвестиций, вызванных действием мультипликатора или акселератора.

²¹ Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег, стр. 141.

²² Там же, стр. 123—124.

4. СОВРЕМЕННЫЕ ВАРИАНТЫ ТЕОРИИ НЕДОПОТРЕБЛЕНИЯ

Характерной особенностью современной буржуазной экономической литературы, посвященной проблеме кризисов, является распространение теории недопотребления. В прошлом эта теория защищалась преимущественно мелкобуржуазными критиками капитализма. Виднейшим представителем этой теории является основатель мелкобуржуазной политической экономии С. Сисмонди. Защитники старой теории недопотребления допускали ряд серьезных методологических ошибок — они отрывали отношения в сфере распределения от отношений, складывающихся в производстве, они не могли вскрыть главную причину кризисов, поскольку они не видели основного противоречия капиталистического производства. Но они все же констатировали некоторые противоречия капитализма, в частности противоречие между производством и потреблением. Это обстоятельство делало в прошлом теорию недопотребления неприемлемой для большинства буржуазных экономистов.

В свете этих фактов весьма знаменательно, что современная буржуазная политическая экономия частично использует теорию недопотребления. Это является непосредственным результатом обострения экономических противоречий капитализма и углубления кризисов перепроизводства. Подобно тому как для буржуазных экономистов стало невозможным отрицать общее перепроизводство товаров, точно так же стало трудным полностью игнорировать противоречие между производством и потреблением. Распространение в буржуазной литературе теории недопотребления связано с вынужденным признанием, хотя бы в частичной форме, противоречия между производством и потреблением и является одним из выражений кризиса современной буржуазной политической экономии.

Но современная буржуазная теория недопотребления (или, как ее называет Джоан Робинсон, «либеральный вариант теории недопотребления») весьма значительно отличается от старой мелкобуржуазной теории недопотребления. Последняя давала критику отношений распределения в буржуазном обществе и обосновывала необходимость социальных реформ, в частности смягчения имущественного неравенства. Одним из важнейших выводов старого варианта этой теории служило требование о повышении реальной заработной платы в качестве важнейшего средства борьбы с кризисами.

Современный буржуазный вариант теории недопотребления свободен от этой критики отношений распределения в буржуазном обществе. Он делает основное ударение на том, что с ростом национального дохода в целом и дохода каждого члена общества в отдельности снижается доля дохода, идущего на личное потребление, и возрастает доля сберегаемого дохода. Основным источник

экономических трудностей эта теория ищет не в неравномерном распределении национального дохода, не в снижении доли заработной платы по отношению к национальному доходу, а в высоком уровне дохода отдельных членов общества, независимо от их классовой принадлежности, который делает возможной высокую долю сбережения. Как отмечает Джоан Робинсон, либеральный вариант теории недопотребления, разработанный Д. М. Кейнсом, А. Хансеном и Р. Харродом, «базируется на той точке зрения, что отношение сбережений к доходу растет вместе с доходом, совершенно независимо от изменения в распределении между заработной платой и прибылью»²³.

Из либерального варианта теории недопотребления вытекают совершенно другие выводы, нежели из мелкобуржуазного варианта этой теории. Основной вывод сводится к целесообразности форсирования непроизводительного потребления. В этом отношении либеральный вариант теории недопотребления напоминает теорию кризисов Мальтуса, с той особенностью, что последняя делала главное ударение на необходимости форсирования потребления паразитических классов — крупных землевладельцев и чиновничества; между тем либеральный вариант особенно подчеркивает целесообразность усиления непроизводительного потребления государства.

Либеральный вариант теории недопотребления носит на себе печать растущего паразитизма буржуазного общества. В основе этого варианта лежит положение о том, что для борьбы с кризисами можно использовать рост потребления в любой форме, что в этом отношении нет принципиального различия между производительным и непроизводительным потреблением. Такая трактовка оказывается очень удобной для оправдания милитаризации экономики как средства предупреждения и преодоления экономических кризисов перепроизводства.

Характерная особенность современных буржуазных теорий кризисов состоит не только в том, что они дают другую интерпретацию недопотреблению, но и в том, что теория недопотребления у современных буржуазных экономистов сочетается с другими объяснениями кризисов, которые нередко противоречат этой теории.

Такие противоречия не случайны. Они имеют место при трактовке самых различных проблем. Возьмем, например, проблему безработицы. С одной стороны, буржуазные экономисты подчеркивают социальную опасность слишком большой безработицы; с другой стороны, они распространяются о вредных последствиях так называемой «сверхполной занятости», под которой имеется в виду «слишком низкий» уровень безработицы, не устраивающий монополистический капитал. Такое же противоречие имеется при

²³ J. Robinson. The Accumulation of Capital, p. 160.

оценке инфляции. Осуждение слишком сильной, разрушительной инфляции сочетается у одних и тех же экономистов с восхвалением положительных результатов «умеренной», «регулируемой» инфляции. Противоречивую оценку в работах современных буржуазных экономистов получают и вопросы, связанные с потреблением. С одной стороны, буржуазные экономисты не могут полностью отрицать того влияния, которое оказывает недостаточный рост потребления народных масс на развитие экономического кризиса. Отсюда — известная дань теории недопотребления. С другой стороны, как буржуазные идеологи, они не могут защищать и рост потребления народных масс, который предполагает в качестве необходимого условия повышение реальной заработной платы. Отсюда — использование и других теорий кризисов, объясняющих кризисы усилением производственно-технических трудностей, ограниченностью рабочей силы и сырьевых ресурсов и т. д. В этом отношении сторонники либерального варианта отличаются от защитников мелкобуржуазного варианта теории недопотребления, которые отрицательно относились к остальным буржуазным теориям кризисов.

В качестве иллюстрации сочетания теории недопотребления с теорией, объясняющей кризисы ростом производственно-технических трудностей, можно привести теорию кризисов Хансена. Последняя базируется на трех положениях: а) о снижении предельной эффективности капиталовложений по сравнению с более устойчивой нормой процента; б) о воздействии изменений дохода на уровень инвестиций (так называемый принцип акселерации); в) о воздействии дополнительных инвестиций на рост дохода (так называемый мультипликатор). Воздействие инвестиций на рост дохода, по Хансену, который в этом вопросе следует за Кейнсом, зависит от соотношения между потребляемой и сберегаемой частями дохода — чем выше это соотношение, тем сильнее растет доход. В этой форме Хансен отдает дань теории недопотребления. Но главную роль в образовании кризисов Хансен приписывает первому фактору — снижению предельной эффективности капиталовложений. По Хансену, снижение предельной эффективности капиталовложений до уровня нормы процента делает невыгодными дополнительные инвестиции, а прекращение последних приводит к экономическому кризису. Как же Хансен объясняет снижение эффективности капиталовложений? Оказывается, все дело в росте производственно-технических трудностей. Все дело в том, что инвестиции растут более быстрыми темпами, нежели это оправдывается темпами технического прогресса. Сущность теории кризисов Хансена сводится к тому, что «факторами развития», определяющими размеры рынка, выступают технический прогресс и рост населения. Источник кризисов, по Хансену, в том, что темпы роста инвестиций превышают пределы, обусловленные развитием технологии и ростом народонаселения. Таким образом, перед

нами выступает старая теория, объясняющая кризисы ростом производственно-технических трудностей, в весьма сложной и завуалированной форме, с элементами теории недопотребления.

В еще менее прикрытом виде эта доминирующая идея большинства буржуазных теорий кризисов выступает в теории Хикса, которая также опирается на учение о мультипликаторе. В теории Хикса фигурирует понятие «потолка», под которым подразумевается состояние полной занятости, или использование всех производственных возможностей буржуазного общества.

«...В каждый данный момент, — пишет Хикс, — продукция не может бесконечно расширяться в соответствии с возрастанием эффективного спроса. Имеется потолок, который Кейнс называет полной занятостью»²⁴. Учет влияния такого «потолка» на ход воспроизводства Хикс рассматривает как одну из важнейших предпосылок теории цикла. Когда производство важнейших отраслей упирается в этот потолок, утверждает он, то не только приостанавливается дальнейший рост производства, но начинается его сокращение, сопровождаемое кризисными явлениями. Трудности реализации Хикс, как и другие буржуазные экономисты, пытается вывести из того, что капиталистическое производство в своем росте наталкивается якобы на узкие границы в виде недостатка рабочей силы, сырья и оборудования.

Совершенно ясно, что картина, нарисованная буржуазными экономистами, очень далека от капиталистической действительности.

Пределы производства прибавочной стоимости очень эластичны. Даже при полном использовании рабочей силы увеличение массы прибавочной стоимости происходит за счет повышения нормы эксплуатации. В действительности буржуазное общество всегда располагает резервной армией труда. Особенно крупные размеры этот резерв приобретает в период общего кризиса капитализма, когда миллионные армии безработных превращаются из резервных в постоянные.

Производственно-технические трудности не могут служить основанием экономических кризисов хотя бы потому, что техника в своем развитии создает ряд средств, позволяющих преодолеть эти трудности. Это обстоятельство отметил еще Маркс, который показал, что технические условия самого процесса производства, машины, средства транспорта и т. д. делают возможным в величайшем масштабе самое быстрое превращение прибавочного продукта в добавочные средства производства. Маркс писал, что «наука и техника сообщают функционирующему капиталу способность к расширению, не зависящую от его данной величины»²⁵.

²⁴ J. K. Hicks. A Contribution to the Theory of the Trade Cycle. Oxford, 1950, p. 83.

²⁵ К. Маркс. Капитал, т. 1. М., Госполитиздат, 1952, стр. 611.

Игнорирование связи между социально-классовой структурой общества и кризисами перепроизводства облегчает буржуазным экономистам примирение теорий недопотребления и теории, объясняющей кризисы ростом производственно-технических трудностей. Но это противоречие полностью не устраняется. Оно характерно для современных буржуазных теорий кризисов. С одной стороны, буржуазные экономисты вынуждены признать, что возможности расширения производства ограничены недостаточным ростом личного потребления. Тем самым они вынуждены расписаться в том, что имеются какие-то социальные границы для расширения производства, что, в силу этих границ, производство приостанавливается там, где наличные производственные ресурсы и современная техника позволяют дальше расширять производство. Это есть вынужденное, в замаскированной форме, признание того, что капиталистическая экономика тормозит развитие производительных сил. Буржуазные экономисты не могут полностью уйти от этого вывода. Это — отражение страха буржуазии перед кризисом и постепенно распространяющегося в буржуазных кругах представления, что экономический кризис нельзя трактовать как нечто случайное. Но, с другой стороны, буржуазные экономисты пытаются всячески ограничить эти неприятные для буржуазии выводы. Они стараются показать, что если сильное отставание роста потребления от роста производства является источником трудностей, то не меньшим источником трудностей является слишком сильный рост потребления.

Эклектизм, столь характерный для современных буржуазных теорий кризисов, есть не только продукт традиционной черты буржуазной методологии, но и отражение растущих социально-экономических противоречий капитализма на современном этапе. Он отражает и вынужденное признание растущих трудностей капиталистической экономики и стремление свести на нет эти трудности.

На примере английского буржуазного экономиста Харрода можно показать, как он в своей практической программе использует разные объяснения кризисов. Он указывает, что во время кризисов или при наличии сильной безработицы нужно стимулировать рост личного потребления. «До тех пор, пока производство на душу населения падает, — пишет он, — было бы неестественным полагать, что необходимо непрерывное сокращение денежной заработной платы. Наоборот, непрерывное сокращение денежной заработной платы может только усилить трудности»²⁶.

Здесь он рассматривает снижение личного потребления и рост сбережений как факторы, обостряющие кризисы. Но вместе с тем он отмечает, что не всегда сокращение личного потребления и рост сбережений оказывают отрицательное влияние на ход вос-

производства. Он оговаривается, что в случае подъема положение меняется коренным образом и что темпы роста могут превысить имеющиеся производственно-технические возможности. Тогда кризис может развиться в результате исчерпания этих возможностей и в частности превышения инвестиций над сбережениями. «По мере продвижения вперед к полной занятости, — пишет он, — капитальные расходы могут и должны превысить нормальный уровень, соответствующий основным условиям нашей устойчиво развивающейся экономики, потому что в этой повышательной фазе развитие идет гораздо быстрее, чем при нормальном устойчивом уровне. Следовательно, если мы осуществляем нашу политику и приближаемся к полной занятости, может случиться так, что начнется падение капитальных расходов, связанное с ненормально быстрым темпом прогресса»²⁷. В этих условиях рост личного потребления, по Харроду, может иметь отрицательные последствия.

Таков типичный для буржуазных экономистов метод сочетания отдельных теорий кризисов — для разных ситуаций применимы разные теории. Этот метод основан на отрицании единства причин, определяющих движение капиталистического цикла в целом.

5. ПРОБЛЕМА КРИЗИСОВ И ИНФЛЯЦИИ

Одна из характерных черт современных буржуазных теорий кризисов состоит в том, что проблема кризисов перепроизводства ставится в непосредственную связь с проблемой инфляции. В современной буржуазной литературе широко распространено представление, что кризисы и инфляция представляют собой две фазы капиталистического цикла. В основе этих двух фаз, по мнению большинства буржуазных экономистов, лежат якобы общие причины — несоответствие между совокупной суммой расходов (включая частные и правительственные расходы) и размерами производства: в случае кризиса общая сумма расходов слишком мала, в случае инфляции — она слишком велика. В связи с этой схемой буржуазные авторы предлагают общие методы борьбы с кризисами и инфляцией, отличающиеся одни от других только разным направлением мероприятий. Так, в случае угрозы кризиса рекомендуется стимулировать расходы на личное потребление и частные инвестиции, увеличивать правительственные расходы, в частности на общественные работы, с тем чтобы компенсировать недостаток спроса частных лиц. В случае назревания инфляции рекомендуются противоположные мероприятия — сдерживание личного потребления и частных инвестиций при помощи налоговой, кредитной политики и т. д., сокращение правительственных расходов и т. д.

²⁷ Ibid., p. 74.

²⁶ R. F. Harrod. *Towards a Dynamic Economics*. L., 1948, p. 93.

Одновременная борьба с кризисами и инфляцией объявляется многими современными государственными деятелями важнейшей задачей экономической политики. А. Бэрнс писал: «Наши усилия должны концентрироваться одновременно на том, чтобы избежать и инфляции и депрессии»²⁸.

В основе такой постановки проблем периодических кризисов перепроизводства и инфляции лежит совершенно неправильное отождествление общих причин, порождающих кризисы перепроизводства и инфляционные процессы. В наиболее категорической форме это положение сформулировано Альбертом Ханом. «Деловой цикл,— заявляет он,— есть смена инфляции и дефляции... Инфляционная фаза процветания и дефляционная фаза депрессии происходят от одних и тех же изменений»²⁹.

В действительности экономические кризисы и инфляционные процессы — явления разного порядка. Циклические кризисы перепроизводства представляют собой взрыв всех противоречий капитализма; они периодически повторяются через определенные промежутки времени. Начиная с 1825 г. они стали неизбежным спутником капитализма. Между тем инфляция представляет собой специфическое явление в области денежного обращения, непосредственно вызванное излишним выпуском бумажных денег. Общее углубление экономических противоречий в период общего кризиса капитализма создает благоприятную почву для назревания инфляционных процессов, но непосредственная их причина все же коренится в сфере денежного обращения.

Не всякий рост товарных цен означает инфляцию. Последняя имеет место в тех случаях, когда причина повышения товарных цен вызвана обесценением бумажных денег. Но повышение цен может быть вызвано причинами, связанными с изменением условий производства товаров. Так, например, рост цен в фазе промышленного подъема имеет специфические причины, не связанные с состоянием денежного обращения. Фаза промышленного подъема только формально имеет некоторые общие черты с состоянием инфляции. В действительности имеется глубокое различие между этими обоими случаями.

Рост товарных цен может быть также вызван удешевлением стоимости золота вследствие технического прогресса в золотодобывающей промышленности.

Отождествление инфляции со всяким повышением товарных цен или с любым избытком спроса делает это понятие настолько универсальным, что оно лишается всякого определенного содержания. При таком расширительном толковании этого термина утрачивается всякая связь между инфляцией и определенным состоянием денежного обращения. Не случайно буржуазные эконо-

мисты употребляют этот термин в самых различных сочетаниях. Так, Кейнс в «Трактате о деньгах» писал об «инфляции доходов» и «инфляции прибылей», а последнюю подразделял на «инфляцию товаров» и «инфляцию капиталов». С. Харрис в своей книге «Инфляция и американская экономика» устанавливает «инфляцию заработной платы», «инфляцию цен» и другие типы инфляции. А английский буржуазный экономист П. Эйнциг в своей книге «Инфляция» (Лондон, 1952) устанавливает 12 видов инфляции: 1) инфляцию денежного обращения; 2) кредитную инфляцию; 3) инфляцию покупательной силы; 4) бюджетную инфляцию; 5) инфляцию цен вследствие роста налогов; 6) инфляцию, вызванную чрезмерными сбережениями; 7) инфляцию недопроизводства; 8) инфляцию вследствие расходования сбережений; 9) инфляцию вследствие девальвации; 10) инфляцию импорта; 11) инфляцию товарных цен; 12) инфляцию цен, вызванную ограничением внешней торговли. Нет почти ни одного существенного экономического фактора, который не фигурировал бы в схеме Эйнцига в качестве источника инфляции. При таком широком толковании этого понятия нет ничего удивительного в том, что инфляция превратилась у Эйнцига во всеобщий экономический закон.

Совершенно очевидно, что такая слишком широкая трактовка инфляции закрывает путь к познанию действительной инфляции, которая всегда связана с обесценением бумажных денег вследствие переполнения ими каналов денежного обращения.

То обстоятельство, что буржуазные экономисты дают такие широкие определения инфляции, облегчает им маскировку фактической защиты реальной инфляции под флагом критики надуманных ее видов. Лишь немногие буржуазные экономисты в послевоенный период выступают с открытой защитой инфляции. «Умеренная доза инфляции,— заявляет без обиняков Шоу,— была бы превосходным средством доведения до максимума военных усилий на внутреннем фронте»³⁰. «Рискуя быть названным безответственным и опасным мыслителем,— заявляет откровенно С. Слехтер,— позвольте мне все же сказать, что в условиях той экономики, которая присуща США, медленный рост цен лучше, чем устойчивый уровень цен. Причина этого вывода заключается в том, что поддержание устойчивого уровня цен пришлось бы в столкновение с другими важными интересами страны. Например, поддержание устойчивого уровня цен в течение длительного периода потребовало бы ослабления усилий, направленных на то, чтобы по возможности смягчить экономические рецессии (имеются в виду кризисы.— И. Б.). Больше того, поддержание устойчивого уровня цен потребовало бы признания хронической безработицы или резкого вмешательства правительства в отношения между нанима-

²⁸ A. Burns. Looking at the Economy and Problem of Inflation. «Commercial and Financial Chronicle», May 24, 1956, p. 159.

²⁹ A. Hahn. Common Sense Economics. L.— N. Y., 1956, p. 159.

³⁰ E. S. Show. Money, Income and Monetary Policy, p. 451.

телями и рабочими»³¹. Кроме того, по мнению Сликтера, политика, необходимая для поддержания устойчивых цен, сильно мешала бы Соединенным Штатам Америки в проведении антикоммунистической политики.

Сликтер сформулировал все мотивы, которые толкают буржуазию на поддержку инфляционных мероприятий. Помимо боязни экономических кризисов перепроизводства и усиления безработицы, у него особую роль играют соображения, обусловленные борьбой с лагерем социализма, демократии и мира.

Наряду с этими мотивами, действуют и другие, и прежде всего боязнь социальных последствий инфляции. В сборнике статей, изданном в США в 1951 г. под названием «Экономическая мобилизация и стабилизация», подчеркивается, что по мере усиления классовой борьбы пролетариата использование инфляции становится все более опасным и что «она может привести к массовым экономическим и социальным волнениям, даже к революции»³².

Борьба этих двух тенденций определяет борьбу, которая ведется вокруг инфляции в буржуазной литературе. В отдельные периоды в зависимости от конъюнктуры усиливается то открытая защита инфляции, то критика ее. Так, кризис 1929—1933 гг., депрессия особого рода, кризис 1937—1938 гг. сделали идею «регулируемой инфляции» популярной в буржуазных кругах. Это нашло свое наиболее яркое отражение в «Общей теории занятости, процента и денег» Кейнса. После второй мировой войны, в обстановке военно-инфляционного бума, когда стали явственно сказываться отрицательные последствия инфляции, усилилась критика инфляции.

Эта критика в некоторой степени отражает интересы отдельных групп буржуазии, которые затрагивает инфляция, но в основном она имеет демагогический характер. Большинство буржуазных экономистов, подчеркивающих на каждом шагу свое неприимое отношение к инфляции, под шумок своих антиинфляционных заклинаний отстаивают предоставление капиталистам субсидий за счет государственного бюджета. Они забывают о своих предостережениях против опасности инфляции всякий раз, когда речь заходит о военных расходах, играющих крупнейшую роль в образовании послевоенной инфляции. Они не менее рьяно, чем прямые апологеты государственного долга, раздувают военную историю, проповедуют гонку вооружений.

Французский экономист А. Сови метко заметил: «В политических рассуждениях инфляция выступает как злой гений, тогда как производительность всегда восхваляется и является предметом обожания как благодетельная богиня. Однако с экономиче-

³¹ S. H. Slichter. How Bad is Inflation? «Harper's Magazine», August 1952, No 6, p. 53—54.

³² «Economic Mobilization and Stabilization», ed. by L. U. Chandler and D. Wallace. N. Y., 1951, p. 180.

ской моралью дело обстоит так же, как с обычной моралью: добродетель восхваляется, она становится предметом замечательных рассуждений, но на практике человек не поднимается выше обычного человеческого уровня; точно так же производительность восхваляется в официальных рассуждениях, но каждый в своем секторе остерегается ее практиковать. Напротив, инфляция проклинается, но каждый признает ее в своей области»³³.

Антиинфляционные предложения буржуазных авторов и соответствующие мероприятия буржуазных правительств имеют весьма ограниченный характер. Эти предложения и мероприятия не задевают основного источника инфляции — громадного роста правительственных расходов, непосредственно связанного с милитаризацией и гонкой вооружений. Опасность инфляции возрастает в связи с наличием колоссального государственного долга, который также является непосредственным результатом громадного роста правительственных расходов. Любое международное потрясение и возникновение паники среди населения может вызвать вспышку инфляции даже при отсутствии бюджетного дефицита — за счет массовых продаж облигаций государственных займов и превращения их в деньги, а последних — в товары.

Ограниченный характер антиинфляционных программ и мероприятий определяется также и тем, что руководящие круги монополистической буржуазии заинтересованы не в устранении инфляции, а лишь в некотором ее ограничении. Энергичные меры против инфляции могли бы привести к снижению цен, но это вызвало бы снижение прибылей. Кроме того, буржуазия усматривает в инфляции некоторое противоядие от экономических кризисов перепроизводства. Эта одна из важнейших кейнсовских идей не оставлена современной буржуазией и ее учеными слугами, она только дополняется положениями, отражающими страх перед разрушительной инфляцией. Этот страх усилился в послевоенный период в связи с обострением инфляционных процессов. Буржуазные деятели мечутся между двух огней, употребляя выражение Хансена, — между Сциллой кризиса и Харибдой инфляции.

Тут вырисовывается характерное противоречие буржуазных антикризисных программ, основным и важнейшим элементом которых является возрастание государственных расходов в таких масштабах, которые позволили бы компенсировать недостаток спроса частных лиц. Если правительственные расходы осуществляются в незначительных масштабах, то они вообще не могут оказать сколько-нибудь заметного влияния на экономическую конъюнктуру. Если же эти расходы осуществляются в крупных размерах, то они угрожают вызвать инфляцию или усилить последнюю, когда она уже имеет место, т. е. угрожают заменить одно бедствие другим, не менее тяжелым и опасным. В разные моменты

³³ A. Souvy. L'évolution économique: les faits et les opinions, P., 1951, p. 530—531.

в зависимости от экономического положения на передний план выдвигается то антикризисная, то антиинфляционная программа. Это метание между двух опасностей красноречиво говорит о напряженности положения современного капитализма.

6. КРИТИКА ТЕОРИИ «СТАБИЛИЗАТОРОВ КОНЬЮНКТУРЫ»

Буржуазные экономисты ищут выход из обострившихся капиталистических противоречий в усилении государственного вмешательства в экономику.

Отражая широко распространенную в буржуазных кругах точку зрения, А. Бэрнс писал: «Ввиду наших возросших знаний относительно промышленных циклов и всеобщего согласия по вопросу о том, что правительство обязано помогать в достижении устойчивого процветания, вполне обоснованно ожидать, что мы окажемся в состоянии избежать глубоких и продолжительных кризисов в будущем»³⁴. Бэрнс характеризует известный «Акт о занятости» 1946 г., который возлагает на президента США обязанность следить за конъюнктурой и намечать мероприятия по борьбе с кризисами и инфляцией, как закон, отражающий «революционное изменение нашего отношения к циклу»³⁵.

Буржуазные экономисты утверждают, что в современных условиях в разных капиталистических странах, в частности в США, действует целая система мероприятий, позволяющих предупредить или во всяком случае смягчить экономические кризисы. В буржуазной литературе под влиянием распространения кейнсианских идей возникло учение о так называемых стабилизаторах конъюнктуры — автоматических, кредитных, бюджетных, внешне-торговых и т. д. Под «стабилизаторами» понимаются мероприятия экономической политики, позволяющие компенсировать сокращение личных доходов населения и снижение производства. Большие надежды буржуазные деятели возлагают на так называемые автоматические стабилизаторы, которые не требуют новых правительственных актов и обеспечиваются существующим законодательством. Напомним, что к ним буржуазные экономисты относят: прогрессивный подоходный налог, при котором налоговые поступления снижаются в большей мере, нежели снижаются размеры дохода, что дает известный выигрыш налогоплательщикам; выплату пособий по социальному страхованию и безработице; выплату пособий фермерам и т. д. Эти мероприятия в некоторой мере компенсируют сокращение личных доходов населения. В одном из экономических докладов президента США конгрессу говорится: «В нашей стране налоговая система имеет тенденцию смягчать или возмещать сокращение доходов частных лиц. Когда занятость

³⁴ A. F. Burns. We Can Avoid Severe Business Depressions. «Commercial and Financial Chronicle», June 23, 1955, p. 62.

³⁵ Ibid., p. 7.

и доходы снижаются, сокращаются и налоговые поступления, а такие расходы, как выплата пособий по безработице, автоматически возрастают». Компенсирующий характер пособий по безработице и личного подоходного налога, отмечается в докладе, усиливается действием системы поддержания цен на фермерские продукты³⁶.

Следует, однако, отметить, что все эти «автоматические стабилизаторы» оказывают весьма ограниченное влияние на ход воспроизводства. Так, снижение налоговых ставок в результате сокращения личных доходов лишь в весьма незначительной степени компенсирует снижение доходов для налогоплательщиков.

Не случайно многие буржуазные экономисты предлагают не ограничиваться действием «автоматического стабилизатора», а проводить во время кризисов снижение налоговых ставок. Но и подобное мероприятие может играть лишь роль паллиатива. Оно может лишь несколько смягчить падение платежеспособного спроса населения, но ни в коей мере не приостановит это падение.

К тому же следует учесть, что возможности снижения налогов весьма ограничены в условиях милитаризованной экономики, опирающейся на громадные раздутые военные бюджеты, и при наличии громадного государственного долга. В этих условиях налоги являются решающим источником покрытия огромных непроизводительных государственных расходов.

Наша общая характеристика крайне ограниченного действия «автоматических стабилизаторов» применима и к такому фактору, как пособия по безработице. В некоторых капиталистических странах, например в Англии, такие пособия существовали в 20-х и 30-х годах, но они не только не смогли предупредить наступления кризисов 1929—1933 и 1937—1938 гг., но вообще не оказали сколько-нибудь существенного влияния на ход этих кризисов. Это и понятно. Пособия по безработице несколько смягчают снижение потребительского спроса трудящихся масс, но не в состоянии приостановить падение этого спроса. Следует также учесть, что пособие по безработице составляет только часть заработной платы, прежде получаемой рабочим, и выдается на ограниченный срок: к тому же далеко не все безработные получают это пособие.

В США нет общегосударственной помощи безработным, там пособия по безработице выдаются отдельными штатами. Максимальные сроки, на которые предоставляются эти пособия, варьируют для отдельных категорий рабочих в зависимости от их стажа работы; они ограничиваются для некоторых рабочих пятью неделями. В 1948 г. 1 млн. безработных лишился пособий еще до того, как они получили работу, в 1949 г. число таких безработных составило 1,9 млн., в 1950 г. — 1,8 млн.³⁷ Как видим, весьма зна-

³⁶ «Economic Report of the President». Wash., January 1955, p. 18.

³⁷ «Policies to Combat Depression». Princeton, 1956, p. 208.

чительное число безработных не обеспечивается пособием на весь период своего пребывания в качестве безработных.

Кроме того, не все полностью безработные имеют право на получение пособий по безработице. Прежде всего существует так называемая система дисквалификации, т. е. лишение права на пособие. Почти во всех штатах рабочие, уволенные за «плохое поведение» (этой квалификации придается очень широкое толкование), не могут получать пособий по безработице. Далее, системой страхования по безработице охвачено далеко не все самодеятельное население страны. Во всех штатах для получения права на пособие рабочий должен отвечать ряду требований. Так, чтобы получить право на минимальное пособие по безработице, рабочий прежде должен заработать определенную сумму денег, как правило, в течение одного года до подачи заявления о получении пособия. Во всех штатах требуется, чтобы получающий пособие безработный был в состоянии работать.

Само пособие по безработице не превышает трети заработной платы, которую раньше получал рабочий. Это лишний раз показывает всю ограниченность данного фактора в качестве средства воздействия на ход экономического кризиса.

Что касается помощи, оказываемой фермерам, то нужно отметить следующее. Эта помощь выражается в виде доплаты правительством США фермерам разности между ценой, по которой они продают свои товары, и гарантированной ценой. Для того чтобы избежать роста запасов сельскохозяйственной продукции, правительство потребовало от фермеров сокращения посевных площадей. Эта система высоких сельскохозяйственных цен при уменьшении посевных площадей выгодна только крупным капиталистическим фермерам. Компенсируя уменьшение посевных площадей увеличением урожайности, они получают большие суммы от правительства в форме доплаты к цене. Но мелкие фермеры не в состоянии повысить урожайность, они не могут обеспечить себя всеми продовольственными продуктами и вынуждены покупать их по искусственно повышенным ценам.

Политика, проводимая правительством США, усиливает процесс социальной дифференциации в сельском хозяйстве и перехода все большей доли посевных площадей в руки крупнейших фермеров-капиталистов. Очевидно, что этот процесс усиленной концентрации в сельском хозяйстве должен способствовать обострению противоречий капиталистического производства и уже во всяком случае не может рассматриваться как фактор, который в какой-то мере может приостановить или смягчить действие сил, вызывающих капиталистический цикл.

Слабая эффективность «автоматических стабилизаторов» настолько очевидна, что эти факты вынуждены отметить многие буржуазные авторы. Так, эксперты Организации Объединенных Наций в цитированном выше документе признают: «Необходимо

помнить, однако, что такие (автоматические.— И. Б.) стабилизаторы по самой своей природе могут только смягчать степень экономических колебаний. Они могут уменьшить падение потребительского спроса, которое произошло в ответ на падение инвестиционного спроса; но они не могут вызвать действительного роста потребительского спроса, который необходим для возмещения упавшего инвестиционного спроса»³⁸.

Конференция Национальной плановой ассоциации США в 1949 г., давая высокую оценку «автоматическим стабилизаторам», все же должна была признать, что для серьезной борьбы с кризисами они совершенно недостаточны и что требуется нечто большее. «Мы решительно признаем,— читаем мы в материалах этой конференции,— что существующее автоматическое приспособление делает значительный вклад в экономическую стабильность... Но мы не верим, что эта политика может рассматриваться как нечто большее, чем первая линия обороны. Должно быть сделано больше, чтобы справиться с серьезными экономическими колебаниями»³⁹.

Буржуазные экономисты возлагают большие надежды на так называемый кредитный стабилизатор. Они подчеркивают, что в результате правительственных мероприятий якобы удалось добиться большей устойчивости кредитно-денежной системы. При этом они ссылаются на страхование депозитов, регулирование нормы процента и операции на рынке государственных ценных бумаг.

В отношении страхования депозитов следует отметить, что оно переносит потери отдельных банков на государственную казну. Эта мера проходит относительно безболезненно, когда кризис охватывает только небольшую часть банков. Тогда она не вызывает большого напряжения в государственных финансах и сглаживает резкие колебания, обычно вызываемые банкротствами отдельных крупных банков. Но положение существенно меняется, когда банкротство охватывает большое число банков. В результате сокращения производства, закрытия предприятий, банкротства многих корпораций, падения курсов ценных бумаг значительная часть капитала, поглотившая средства из кредитной системы, обесценивается. В этих условиях сумма потерь может значительно превысить ресурсы государственной казны, и массовое банкротство банков станет неизбежным.

По аналогичным причинам дают осечку регулирование нормы процента и операции на рынке государственных ценных бумаг, которые также могут иметь эффект лишь при незначительном сокращении производства. Кризис же может вызвать массовую про-

³⁸ «National and International Measures for Full Employment». N. Y., 1949, p. 37—38.

³⁹ «National Planning Association Conference of University Economists». «Federal Expenditure and Revenue Policy for Economic Stability». Wash., 1949, p. 9.

дажу государственных ценных бумаг промышленными корпорациями, коммерческими банками и другими держателями, и это в огромной мере усилит напряжение финансовой системы.

Главные надежды в борьбе с кризисами буржуазные экономисты возлагают на так называемый бюджетный стабилизатор, т. е. на значительное увеличение правительственных расходов при первых сигналах о начавшемся экономическом кризисе. Оно должно, по их мнению, осуществляться в таких масштабах, чтобы компенсировать недостаток частного спроса. Государственный бюджет трактуется в буржуазной экономической литературе как важнейший регулятор конъюнктуры и основной фактор ее стабилизации. Эта идея, известная обычно под именем «компенсационной» бюджетной и фискальной политики, получила признание не только в академических изданиях, но и в официальных документах. В одном из экономических отчетов президента США признается, что «федеральный бюджет... является ключом к правительственному планированию экономического развития»⁴⁰.

В главе четвертой была дана критика этой точки зрения. Государство путем увеличения своих расходов может искусственно расширять рынок, но только в известной мере — в той мере, в какой ему удастся мобилизовать бездействовавший раньше капитал, привлекаемый путем обложения прибыли капиталистов. Но этот источник весьма ограниченный, поскольку налоговое обложение прибыли встречает сильное сопротивление буржуазии. Рост налогового обложения ухудшает положение мелкой и средней буржуазии. Буржуазия старается переложить налоговое бремя на трудящихся, но это ведет к снижению их потребления и к сокращению их платежеспособного спроса, что сводит на нет значение роста правительственного спроса. Правительство может финансировать свои расходы и за счет займов, которые также являются средством искусственного расширения спроса. Но и этот источник имеет ограниченный и временный характер. Займы увеличивают текущий спрос за счет будущего спроса. Всякому понятно, что невозможно бесконечно переносить спрос из будущего в настоящее. Рост займов сопровождается ростом государственного долга со всеми его последствиями, в частности инфляционного характера.

Наиболее «радикальное» предложение по борьбе с кризисами, выдвинутое буржуазными экономистами, состоит в организации государством оптовой закупки товаров и продажи их по устойчивым ценам. Суть этого предложения сводится к тому, что государство во время кризисов должно покупать в больших количествах избыточные товары по устойчивым ценам, с тем чтобы реализовать эти запасы в фазе подъема по таким же устойчивым ценам (с учетом изменения издержек производства). Иными словами, на государство возлагается задача стабилизации конъюнктуры

и цен путем восполнения недостатка спроса (во время кризиса) или предложения (во время подъема).

Р. Харрод, давший наиболее детальное обоснование этого проекта, в качестве важнейшего момента последнего выдвигает требование, чтобы соответствующие государственные органы, ведающие образованием и реализацией товарных фондов, покупали товары в неограниченном количестве. «Чтобы выполнить свою задачу поддержания устойчивых цен, не прибегая к рестрикционным мероприятиям, ...эти органы должны быть готовы покупать в неограниченном количестве. В этом отношении они должны быть в таком же положении, как центральный банк, действующий при системе золотого стандарта»⁴¹. «Неограниченная покупка по установленной цене, — подчеркивает он, — существенна для эффективного антициклического действия»⁴².

Сравнение Харродом государственных товарных фондов с центральным банком выявляет ахиллесову пяту всего этого проекта. Центральный банк покупает золото и валюты, свободно размещающиеся на золото, в любом количестве по определенной цене потому, что на золото существует неограниченный спрос. А это связано с тем, что золото является всеобщим эквивалентом и обладает способностью непосредственно обмениваться на все остальные товары. «Так как деньги есть образ всех других товаров, отделившийся от них, или продукт их всеобщего отчуждения, то они представляют собой абсолютно отчуждаемый товар. Они читают все цены в обратном направлении и отражаются таким образом во всех товарных телах как в покорном материале для своего собственного превращения в товар»⁴³. Харрод лелеет мечту о превращении всех товаров в абсолютно отчуждаемые товары. Это — воспроизведение на новый лад старой мелкобуржуазной утопии об уравнении обывденных товаров, которые Маркс образно называл «товарной чернью», с деньгами. Своеобразие проекта Харрода состоит в том, что осуществление чуда превращения всех товаров в абсолютно отчуждаемые товары он возлагает на государство.

Не приходится спорить с тем, что если бы государство смогло осуществить такое чудо, то экономические кризисы можно было бы ликвидировать. Но остается непонятной одна «мелочь»: откуда государство возьмет средства для закупки такой гигантской массы товаров? Если государство будет черпать средства за счет налогов, то это вызовет такое давление налогового пресса, которое приведет к еще большему обострению экономического кризиса. Если государство прибегнет к печатному станку, то это ввергнет народное хозяйство в разрушительную инфляцию. Если даже допустить, что государство, закупив огромную массу товаров, справилось бы с этими функциями в фазе кризиса, то при массовой про-

⁴¹ R. E. Harrod. *Towards a Dynamic Economics*, p. 126.

⁴² *Ibid.*, p. 127.

⁴³ К. Маркс. *Капитал*, т. 1, стр. 116—117.

⁴⁰ «The Economic Report of the President». Wash., January 1954, p. 56.

даже накопленных товарных масс в фазе оживления и подъема возник бы новый экономический кризис. Иными словами, этот рецепт даже в лучшем случае привел бы лишь к отсрочке экономического кризиса.

Практика США и других стран показывает, что распродажа государственных товарных запасов создает большие трудности на соответствующих товарных рынках. Так, в последнее время во многих капиталистических странах наблюдается падение цен на разные виды сырья, особенно на цветные металлы. В период подъема цены на эти товары росли под влиянием усиленных закупок со стороны не только промышленников и торговцев, но и правительств. Теперь, когда закупки сократились, а запасы выросли, продажи со стороны правительств способствуют дальнейшему падению цен и сокращению производства. В таком же направлении влияет распродажа правительством США запасов сельскохозяйственных продуктов.

Буржуазные деятели надеются при помощи государственных закупок товаров задержать падение цен. Но при этом следует учесть, что приостановка или замедленное падение товарных цен затрудняет выход из кризиса, ибо снижение цен дает возможность расширить реализацию соответствующих товаров. Богатый материал в отношении влияния на ход кризиса искусственной задержки падения цен дает практика монополий, пытающихся решить эту задачу путем ограничения производства. Искусственно сохраняя цены на высоком уровне, монополии затягивают ликвидацию перепроизводства товаров и тем самым — выход из кризиса.

Все расчеты прожектеров подобного рода строятся на том, что в самом начале кризиса при помощи сравнительно небольших покупок удастся якобы преодолеть панику и создать уверенное, бодрое настроение у предпринимателей. Все расчеты, таким образом, строятся на том, что, если вовремя преодолеть волну пессимистических настроений, то все остальное приложится. Такой рецепт может иметь какое-то значение для преодоления небольших зампов на рынке или случайных кризисов, но он оказывается совершенно несостоятельным при наступлении циклического кризиса перепроизводства.

В последнее время в буржуазной литературе стали появляться (пока отрывочные) высказывания о том, что автоматизация производства, являющаяся важнейшим моментом современной технической революции, выступает в качестве фактора стабилизации конъюнктуры. Так, американский экономист П. Друкер выступил со статьей⁴⁴, в которой развивается мысль о том, что автоматизация вызывает серьезные изменения в самом механизме выравнивания спроса и предложения. Обычно это выравнивание осуществ-

ляется путем изменения как товарных цен, так и объема продукции. Так, в случае понижения спроса происходит, с одной стороны, падение цен, стимулирующее рост спроса, а с другой стороны, имеет место сокращение выпуска продукции; благодаря этому двойному воздействию устанавливается через некоторое время соответствие между совокупным спросом и предложением товаров. Друкер подчеркивает, что для автоматизированного производства крайне важно сохранение непрерывности производственного процесса и что при этих условиях частичное сокращение выпуска продукции сопряжено со значительным повышением издержек производства. Поэтому при автоматическом производстве, заключает Друкер, сохраняется лишь один метод уравнивания спроса и предложения — путем соответствующего изменения цен. Друкер отсюда делает вывод, что при автоматическом производстве не будет происходить сокращение производства в случае понижения спроса. Это, по его мнению, обеспечит устойчивую занятость, что в свою очередь окажет стабилизирующее влияние на уровень дохода и на объем совокупного спроса.

Из подобного рода рассуждений Друкер делает вывод, что в ближайшие двадцать лет США не будут знать ни безработицы, ни инфляции и что там будет даже ощущаться недостаток в рабочей силе⁴⁵.

В таком же духе высказался один из главных американских специалистов по вопросам автоматизации Дибольд.

Эта точка зрения по вопросу о влиянии автоматизации на процесс воспроизводства совершенно несостоятельна. Друкер отмечает более слабую маневренность автоматизированного производства — последнее не может так быстро приспособиться к изменившейся конъюнктуре, как неавтоматизированное производство. Но из этого правильно констатированного факта вытекают совершенно другие выводы, нежели те, которые делает Друкер. Более слабая маневренность автоматизированного производства должна обострить экономический кризис перепроизводства, поскольку в фазе кризиса будет продолжаться усиленный выпуск продукции. Тем самым будет возрастать напряженность на товарном рынке.

Дибольд, Друкер и другие апологеты капиталистической автоматизации ссылаются на стабилизирующее влияние последней на объем занятости. Но с такой оценкой никак нельзя согласиться. Ведь автоматизация — крупнейший фактор, способствующий вытеснению живого труда из производства. При всех условиях (с учетом дополнительной рабочей силы в отраслях, производящих оборудование для автоматизированных отраслей) автоматизация сокращает потребность в рабочей силе. Это влияние автоматизации может не сразу сказаться. В частности, оно может не сразу сказаться.

⁴⁴ P. F. Drucker. The Promise of Automation. «Harper's Magazine», April 1955.

⁴⁵ P. F. Drucker. America's Next Twenty. The Coming Labor Shortage. «Harper's Magazine», May 1955.

ся при слабых темпах ее осуществления и при наличии общего промышленного подъема. Но это влияние неизбежно должно сказаться и в весьма чувствительной форме при назревании экономического кризиса. Некоторые буржуазные авторы не без оснований предсказывают, что безработица, вызванная автоматизацией, превзойдет по своим масштабам безработицу, имевшую место в США в 30-х годах. Опасения профсоюзных деятелей на этот счет весьма серьезны и обоснованы. Апологеты капиталистической автоматизации исходят из такой ситуации, когда автоматизация охватывает лишь небольшую часть производства и когда ее воздействие в сторону сокращения рабочей силы перекрывается ростом применяемой рабочей силы в других отраслях. Но дальнейший рост автоматизации неизбежно выявит заложенные в ней тенденции к вытеснению рабочей силы из производства.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что с подтверждением этих опасений выступил Норман Винер, один из основателей кибернетики, который первый выдвинул версию о «второй промышленной революции». В своей известной книге «Человеческое использование человеческих существ. I. Кибернетика и общество» (1-е изд. — 1950 г.; 2-е изд. — 1954 г.) он не отрицает, что автоматизация может вызвать массовую безработицу и отмирание ряда квалифицированных профессий. Он писал, что при победе автоматизации «у рядового человека со средними способностями или со способностями ниже средних не будет ничего, что он мог бы продавать и за что ему стоило бы что-либо платить»⁴⁶. Он открыто выражает свое неверие в то, что можно парализовать вредные последствия автоматизации (имеется в виду в рамках капиталистического строя).

Апологеты капиталистической автоматизации используют затасканный аргумент в духе «теории компенсации», с которой выступали буржуазные экономисты в первой половине XIX в. Так, К. Дибольд в докладе, представленном конгрессу США, утверждал, что «добавочный спрос тех фирм, которые создают автоматическую аппаратуру, до сих пор давал занятие тем, чьи прежние работы были переняты машинами, и нет оснований считать, что процесс компенсации прекратился»⁴⁷. Вся аргументация в защиту «принципа компенсации» строится на том, что автоматизация пока охватывает лишь незначительную часть производственных процессов, при этом количество безработных является весьма ограниченным. Так, по подсчетам того же Дибольда, в отраслях, охваченных автоматизацией, занято не более $\frac{1}{12}$ всех трудоспособных. Число безработных в результате автоматизации на ближайшие 20 лет, по его подсчетам, не превысит 125 000 ежегодно⁴⁸.

⁴⁶ Цит. по F. Pollock. Automation. Frankfurt a. M., 1957, S. 101

⁴⁷ Ibid., S. 72.

⁴⁸ Ibid., S. 171.

Буржуазные экономисты применяют двойную бухгалтерию: когда им нужно расписать положительные последствия автоматизации, они всячески преувеличивают масштабы последней; когда же речь заходит об отрицательных результатах автоматизации, они стараются ограничить эти масштабы. При помощи такого приема снимается проблема массовой безработицы. Но всякому добросовестному исследователю очевидно, что при помощи такого приема можно обойти проблему безработицы, но отнюдь не решить ее и тем паче не ликвидировать. По мере распространения автоматизации на все большее число предприятий и отраслей будет ослабевать значение «принципа компенсации» и возрастать масштаб безработицы.

Неверно решает вопрос о влиянии автоматизации на занятость и Эйнциг, утверждающий, что необходимо различать два периода в развертывании автоматизации — переходный период, когда она постепенно вводится на разных предприятиях и в разных отраслях, и период полного ее господства. Эйнциг соглашается с тем, что в переходный период происходит вытеснение рабочей силы из производства и рост безработицы. Но вместе с тем он полагает, что после полного внедрения автоматизации она сможет оказать то стабилизирующее влияние на общий объем занятости, которое ей приписывает Друкер⁴⁹. Эйнциг исходит из предположения, что, когда автоматизация полностью установится, прекратится дальнейшее вытеснение рабочей силы из производственного процесса. Но это предположение основано на игнорировании дальнейшего технического прогресса и углубления процесса автоматизации, которые будут продолжаться и после того, как она охватит большинство отраслей производства. С углублением автоматизации будет происходить дальнейшее вытеснение рабочей силы из производства, хотя, возможно, и не в таких масштабах, как на начальных стадиях этого процесса. Автоматизация на любой стадии своего осуществления не может выступать в роли фактора, стабилизирующего конъюнктуру.

Выводы современных апологетов капиталистической автоматизации о ее стабилизирующем воздействии на конъюнктуру противоречат общим законам капиталистической экономики. Любое осуществление технического прогресса в капиталистических условиях углубляет противоречие между производственными возможностями и узким потребительским базисом, ограниченным в силу антагонистических условий распределения и пролетарского состояния масс. Автоматизация не может составлять исключения в этой области. Напротив, она должна обострить это противоречие, поскольку ее реализация сопровождается значительным вытеснением рабочей силы из производственного процесса. Вместе с тем

⁴⁹ P. Einzиг. The Economic Consequences of Automation. L., 1957, p. 28.

капиталистическая автоматизация означает ускорение процесса поглощения мелких фирм крупными. Автоматизация не разрешает ни одной из проблем капитализма, а лишь усугубляет их.

Буржуазные деятели не изобрели и не смогут изобрести средства спасения от кризисов, порожденных основным противоречием капитализма.

Неустойчивость, присущую капиталистической экономике, особенно ярко продемонстрировали США после второй мировой войны. В этот период в США имели место циклический кризис 1948—1949 гг., частичный кризис в текстильной, кожевенной, швейной промышленности в 1951—1952 гг., кризис 1953—1954 гг., резкое падение в 1956 г. автомобильного производства (на 27%) и жилищного строительства (на 16%). Наконец, в августе 1957 г. в США начался новый кризис, в результате которого индекс промышленного производства снизился с 147 (1947—1949 гг. = 100) в декабре 1956 г. до 126 в апреле 1958 г. (или на 14,3%). Если даже предположить, что апрель 1958 г. означал низшую точку последнего экономического кризиса, то максимальный размер падения производства оказался большим, чем в 1948—1949 гг., когда между высшей и низшей точками снижение производства составляло 10,5%, и чем в 1953—1954 гг., когда оно составляло 10,2%⁵⁰.

Экономический кризис, начавшийся в США в 1957 г., распространился и на другие капиталистические страны. Глубокие потрясения испытывала в 1958 г. экономика Канады, Англии, Японии, Бельгии, Голландии, Норвегии. Кризис в угольной промышленности, черной металлургии и текстильной промышленности охватил в той или иной мере все капиталистические страны. Серьезный кризис разразился в области морского судоходства и в производстве ряда сырьевых материалов. Особенно значительно упали мировые цены на медь, свинец, цинк, олово, вольфрам, каучук, шерсть, кофе, сахар и др. Кризис весьма болезненно отразился на экономике слаборазвитых стран. Сокращение физического объема экспорта вместе со снижением цен на сырье и продовольствие привело к резкому снижению валютной выручки этих стран, к росту пассивного внешнеторгового сальдо, к непрерывной утечке валюты. Промышленное производство почти всех слаборазвитых стран сократилось в 1958 г. Кризис 1957—1958 гг. развеял утверждения буржуазных теоретиков о «бескризисном развитии» современного капитализма.

Как было отмечено в докладе Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС, «постоянное чередование кризисных падений и лихорадочных подъёмов свидетельствует о неустойчивости экономики капитализма. Ни гонка вооружений, ни прочие меры не смогут изба-

вить экономику США и других капиталистических государств от кризисов перепроизводства. Что бы ни делали капиталистические государства, они не могут уничтожить причину кризисов. Капитализм не в силах избавиться от мертвой хватки собственных противоречий, они продолжают накапливаться и углубляться, грозя новыми экономическими потрясениями»⁵¹.

⁵¹ Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. Доклад на внеочередном XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза 27 января 1959 г. М., Госполитиздат, 1959, стр. 73.

⁵⁰ А. Манукян. Экономика капиталистических стран в 1958 году (Некоторые итоги). «Мировая экономика и международные отношения», 1959, № 1, стр. 20.

ПРОБЛЕМА МОНОПОЛИИ И КОНКУРЕНЦИИ

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЙ МОНОПОЛИИ

Одной из важнейших черт, характеризующих эволюцию современной буржуазной политической экономии, является вынужденный отказ от рассмотрения свободной конкуренции в качестве нормального и типического явления. Прежде, не только в эпоху домонополистического капитализма, но и в XX в. до 30-х годов, восхваление свободной конкуренции составляло основную ось буржуазной апологетики. В подавляющем большинстве работ буржуазных авторов свободная конкуренция трактовалась как идеальная ситуация, обеспечивающая наилучшее использование производственных ресурсов общества и наиболее полное удовлетворение потребностей его членов (получение так называемого максимума полезности). Многие авторы пытались представить свободную конкуренцию как надежную гарантию против эксплуатации рабочих капиталистами, против несправедливых методов обогащения. В важнейших капиталистических странах уже давно установилось господство монополий, а буржуазные экономисты продолжали трактовать монополии как какую-то аномалию, находящуюся в противоречии с общими принципами экономики.

Такая тактика замалчивания монополии в теории могла продолжаться лишь до определенного времени. В конце концов нельзя было замолчать тот очевидный факт, что свободная конкуренция ушла в прошлое. Сама буржуазная литература в многочисленных описательных работах давала богатый материал о монополиях и их огромной роли в экономике¹. Получался слишком

¹ Американский историк экономических учений Л. Хени отмечает, что интерес к теории монополий в США был усилен в связи с мероприятиями Ф. Рузвельта в 30-х годах по созданию Администрации нового курса (NRA), принудительному картелированию, изданию «кодексов честной конкуренции», которые ограничивали возможность конкуренции и произвольного снижения цен и т. д. (L. H. Haney. History of Economic Thought. N. Y., 1949, p. 70).

большой разрыв между описательной и теоретической литературой, между действительностью и теорией². Такой разрыв угрожал буржуазным экономистам потерей всякого доверия к себе в мелкобуржуазных кругах, которые особенно сильно ощущают гнет монополий.

Весьма симптоматично появление в буржуазной литературе ряда работ, откровенным методологическим принципом которых является положение о том, что в действительности имеет место сочетание элементов монополии и конкуренции. Одной из первых работ в этом направлении была нашедшая статью английского экономиста П. Сраффы³. Наиболее известные работы по этим вопросам принадлежат перу английской экономистки Джоан Робинсон⁴ и американского экономиста Эдварда Чемберлина⁵. Из других экономистов, писавших по этим вопросам, можно отметить Г. Штакельберга⁶, У. Фэллнера⁷, Р. Триффина⁸ и т. д. Многие современные авторы подчеркивают, что так называемая «чистая» или «совершенная» конкуренция представляет собой предельный случай и что обычно конкуренция переплетается с элементами монополии. Э. Чемберлин писал, что теория монополистической конкуренции «означает... уничтожение стены между конкуренцией (полной или неполной) и монополией, соединение их друг с другом, создание теории, которая содержит то и другое, не уничтожая, однако, различия между ними»⁹. Известный американский буржуазный экономист Голбрейс характеризует теорию монополистической конкуренции как крупнейшее «достижение» современной буржуазной политической экономии. «Старая биполярная классификация рынка — конкуренция или монополия, — пишет

² Лишь немногие буржуазные экономисты отрицают связь между возросшим интересом к проблеме монополии, монополийных цен и конкуренции в условиях монополий и усиливающейся ролью последних. Такую позицию, противоречащую элементарным общезвестным фактам, защищает Хикс. «Особое внимание (preoccupation) современных теоретиков к проблемам монополии, — утверждает он, — по-видимому, не связано, как это можно было бы ожидать, с пониманием огромной важности этих проблем для современного мира» (J. R. Hicks. Annual Survey of Economic Theory: The Theory of Monopoly. «Econometrica», 1935. Цит. по «Readings in Price Theory, Selected by the American Economic Association». L., 1953, p. 361). Хикс ссылается на то, что проблема монополистической конкуренции не является новой проблемой. Конечно, монополии существовали и раньше. Но их природа изменилась. Неизмеримо выросла их значимость. В связи с этим возникли новые задачи перед буржуазной политической экономией.

³ P. Sraffa. The Laws of Return under Competitive Conditions. «Economic Journal», December, 1926.

⁴ J. Robinson. The Economics of Imperfect Competition. L., 1955.

⁵ E. H. Chamberlin. The Theory of Monopolistic Competition. Harvard University Press, 1949.

⁶ H. von Stakelberg. Marktform und Gleichgewicht. B., 1934.

⁷ W. Fellner. Competition Among the Few. N. Y., 1949.

⁸ R. Triffin. Monopolistic Competition and General Equilibrium. Harvard University Press, 1949.

⁹ E. H. Chamberlin. Op. cit., p. IX.

он,— была отброшена. Было признано, что между ними существуют новые категории рынков,— не чисто конкурентные и не полностью монополистические. В этой промежуточной зоне имеются отрасли, рынок которых характеризуется как конкуренцией, так и монополией. Они носят характер монополии либо неполной конкуренции. Установление более сложной, вместо двойной, классификации рынка является наиболее важным вкладом новой теории»¹⁰.

На первый взгляд может создаться представление, что такого рода теория представляет собой какой-то шаг вперед буржуазной политической экономии, что эта теория в какой-то форме отражает вынужденное признание смены свободной конкуренции господством монополий. Это представление является обманчивым.

Правильный анализ проблемы монополии и конкуренции может быть дан лишь на основе научных представлений об империалистической стадии капитализма. Но такого рода научные представления отсутствуют даже у буржуазных экономистов, считающих себя «левыми». Так, Джоан Робинсон отрицает даже теоретическую возможность свободной конкуренции. Она выдвинула положение, что при наличии свободной конкуренции вообще не может быть обеспечена «нормальная» прибыль, что более высокая норма прибыли, получаемая отраслями, находящимися в более благоприятных условиях, не может перекрыть отставание от «нормальной» прибыли в отраслях с худшими условиями производства¹¹. Под «нормальной» прибылью имеется в виду средняя прибыль. Из этого положения вытекает вывод, что монополистические тенденции заложены в капиталистической экономике уже на самых ранних стадиях и что с первых шагов конкуренция в буржуазном обществе выступает как «монополистическая конкуренция».

Это положение противоречит реальным историческим фактам. Капитализм свободной конкуренции не является какой-то надуманной теоретической схемой. Это был совершенно реальный этап в истории капиталистического развития. Лишь в конце прошлого столетия концентрация производства и капитала достигла такого высокого уровня, который создал предпосылки для господства монополии. Лишь к этому моменту сложился механизм монопольных цен и конкуренция приняла формы, характерные для империалистической стадии. Распространять теорию монопольных цен на всю историю капитализма — значит грешить против требования историзма.

¹⁰ J. K. Galbraith. *American Capitalism. The Concept of Countervailing Power*. Boston, 1952, p. 44.

¹¹ J. Robinson. *The Impossibility of Competition*. — «Monopoly and Competition and Their Regulation. Papers and Proceedings of a Conference Held by the International Economic Association», ed. by E. Chamberlin. L., 1954, p. 254.

Большинство же буржуазных экономистов далеки не только от историзма, но и от элементарной объективности в освещении современной капиталистической действительности. Многие из них используют новые теории монополии и конкуренции для прикрытия господства монополий и приукрашивания их деятельности. Именно поэтому в современной буржуазной экономической литературе приобрело особое значение извращение понятия монополии, позволяющее скрыть хищническую практику монополистического капитала и представить в положительном свете результаты его хозяйничанья. За последнее время участились появления работ, написанных в духе прямой апологии монополий. Очевидно, эти работы выполняют социальный заказ кругов монополистического капитала. На это намекает автор одной из последних работ, написанных в этом духе, А. Каплан из Брукингского института. «За последние годы,— пишет он,— отмечались все новые признаки недовольства заинтересованных кругов «нереалистическим подходом», который обычно существует при изучении конкуренции в области крупного предпринимательства»¹². Под «нереалистическим подходом» американские бизнесмены, очевидно, понимают недостаточно восторженную оценку их деятельности.

Один из видных апологетов современных монополий, бывший руководитель Администрации по управлению долины Теннесси и председатель комиссии по атомной энергии Д. Лилиенталь, подчеркивает, что нельзя оправдать современный капитализм, не защищая монополий. Он пишет: «Страх, подозрение, эмоциональное недоверие к крупному бизнесу неизбежно породили некоторую степень циничного недоверия к бизнесу в целом и обусловили недооценку роли бизнесменов в обществе»¹³.

Лилиенталь пытается всячески приукрасить деятельность «большого бизнеса», т. е. монополий. «Мое мнение о большом бизнесе, выраженное в этой книге,— безапелляционно заявляет он,— состоит в том, что большой бизнес представляет собой великодушное и полезное достижение американского народа в целом, что большой бизнес — это не только эффективный способ производить и распределять основные товары и укреплять безопасность страны; это — особый институт, содействующий свободе человека и индивидуализму»¹⁴.

Как опытный политический делец, Лилиенталь понимает, что эти громкие слова о свободе человека не могут удовлетворять рядового читателя, не принадлежащего к касте монополистов, который на своей спине чувствует растущий гнет монополистического капитала. Лилиенталь пытается успокоить рядового американца и внушить ему, что магнаты финансового капитала не так уж плохи.

¹² A. Kaplan. *A Big Enterprise in a Competitive System*. Wash., 1954, p. 1.

¹³ D. Lilientahl. *Big Business. A New Era*. N. Y., 1952, p. 4.

¹⁴ Ibid., p. IX.

¹⁴ И. Г. Блюмин, том III

Руководитель современной корпорации, живописует Лилиенталь, обладает «сильным и реальным чувством ответственности перед обществом и пониманием этики современной деловой конкуренции»¹⁵. Наконец, в качестве самого сильного «аргумента» он выдвигает апелляцию к буржуазному государству. Возрастающая роль государства в экономических делах, пишет Лилиенталь, сократила до вполне приемлемых размеров опасность злоупотреблений большого бизнеса. «Именно тот факт, что роль правительства в экономической жизни с 1933 г. расширилась и изменилась, сводит, по моему мнению, опасность злоупотреблений большого бизнеса до размеров, поддающихся регулированию»¹⁶.

Однако буржуазные идеологи отдают себе отчет в том, что такое славословие по адресу монополий неубедительно для масс. Слишком велика среди народа ненависть к монополиям. Слишком много имеется фактов, демонстрирующих хищническую практику монополистического капитала. Оппозиция против монополий сильна не только среди пролетариата, но и среди мелкой и средней буржуазии.

Учитывая эту оппозицию, буржуазные авторы сосредоточивают свои основные усилия на том, чтобы показать отсутствие господства монополий. Таков важнейший метод апологии монополий. Буржуазные экономисты много пишут о «трансформации» капитализма в XX в., но они тщательно обходят коренную черту этой «трансформации», выражающуюся в смене свободной конкуренции господством монополий.

Для большинства буржуазных экономистов типичным является заявление Арнольда Хабергера из Чикагского университета. «Наша экономика, — пишет он, — определенно не является монополистическим капитализмом... Мы можем игнорировать элементы монополий и все же получить хорошее представление о том, как действуют экономические процессы и как распределяются наши ресурсы»¹⁷.

Такие утверждения встречаются довольно часто не только в американской, но и в западноевропейской экономической литературе, в особенности в Западной Германии. Так, немецкий буржуазный экономист В. Репке, преподающий в Швейцарии, выступает с таким категорическим утверждением: «Вопреки широко распространенному сейчас мнению о том, что наша хозяйственная система безудержно эксплуатируется монополиями, следует особенно подчеркнуть, что здесь не может быть речи о какой-то обязательной тенденции развития... Капитализм, основанный на кон-

куренции, вовсе не переходит в силу своих внутренних тенденций развития в монополистический капитализм»¹⁸.

Американские буржуазные экономисты объявляют даже национальной особенностью американской экономики минимое отсутствие господства монополий. Некоторые буржуазные экономисты в США выдвигают фальшивую теорию о том, что главную роль в американской экономике играют якобы мелкие и средние предприятия, а отнюдь не монополии.

Следуя им, то же самое утверждают применительно к европейским капиталистическим странам и некоторые западноевропейские буржуазные экономисты, в частности западногерманские.

Классовый смысл подобного рода утверждений очевиден. Этот смысл выболтал американский буржуазный экономист Р. Робертсон. Он показывает, что буржуазные экономисты очутились в затруднительном положении, столкнувшись со следующим противоречием. С одной стороны, в буржуазной литературе утверждается, что последние полвека происходит прогрессирующее улучшение положения потребителей. Но, с другой стороны, как резонно замечает автор, в «экономике, стиснутой монополистическими ограничениями, этого не может быть»¹⁹. Как выйти из этого затруднения? Автор не находит другого выхода, кроме отрицания факта господствующего положения монополий. Такое отрицание необходимо для выполнения апологетических задач, стоящих перед современной буржуазной политической экономией.

Задаче сокрытия засилия монополий служат следующие идеологические средства.

1) Учение о «монополистической конкуренции», отрицающее важнейшее условие образования монополий — концентрацию производства и сводящее сущность монополий к «дифференциации» продукта. С этой теорией тесно связано отождествление монополий со всякими элементами новаторства в производстве.

2) Попытка противопоставить монополии «олигополию» и изобразить последнюю в качестве оптимального сочетания преимуществ конкуренции и крупного производства, сосредоточенного в немногих фирмах.

3) Теория «уравновешивающих сил», утверждающая, что экономическое развитие создает силы, способные автоматически парализовать или «уравновесить» власть монополий.

4) Теория «деконцентрации экономической мощи» предприятий, пытающаяся показать, что удельный вес монополий в общественном производстве автоматически снижается.

¹⁸ W. Röpke. Die Lehre von der Wirtschaft, Aufl. 4. Zürich, 1946, S. 197—198.

¹⁹ R. Robertson. On the Changing Apparatus of Competition. «American Economic Review», May 1954, p. 52.

¹⁵ D. Lilientahl. Big Business. A New Era, p. 27.

¹⁶ Ibid., p. X—XI.

¹⁷ A. Haberger. Monopoly and Resource Allocation. «American Economic Review», May, 1954, p. 87.

5) Положение о нейтральности монополий, об организации контроля над ними и о возможности использования их в интересах общества.

6) Рассмотрение монополий в полном отрыве от проблем современного империализма.

2. ТЕОРИЯ «МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ» ЧЕМБЕРЛИНА

Ярким примером извращения монополий является «теория монополистической конкуренции» Чемберлина. Достаточно сказать, что автор этой теории абстрагируется от рассмотрения картелей, синдикатов, трестов и других форм монополистических объединений. Он прямо заявляет, что эти формы не составляют предмета исследования его основной книги. Чемберлин отвергает решающее условие образования монополии — концентрацию производства, объявляя, будто величина предприятия не имеет никакого значения для процесса образования монополий, что монополистическая конкуренция якобы может иметь место там, где преобладают мелкие предприятия.

Вместо рассмотрения подлинных монополий, господствующих в экономике США, как и в экономике других капиталистических стран, Чемберлин оперирует надуманными схемами монополий. Монополии он определяет на основе положения о «дифференциации продукта», составляющей якобы существо монополий. С этой точки зрения любое предприятие, хотя бы и карликовое, производящее какие-то новые продукты или новые сорта обычных товаров, представляет собой монополию, поскольку оно, мол, обладает какими-то преимуществами по сравнению с другими предприятиями.

По Чемберлину, дифференциация продукта, достаточная для образования элементов монополии, может быть обусловлена очень незначительными различиями в качестве продукта. «Его (продукта. — И. Б.) «вариации», — пишет Чемберлин, — относятся к изменению качества самого продукта (технические изменения, новая форма или лучшие материалы); они могут означать новую упаковку; они могут выражаться в более быстром и вежливом обслуживании, в другом способе ведения предприятия, а может быть и в изменении местоположения. В некоторых случаях изменение является специфическим и определенным — например, принятие новой формы. В других случаях, как в случае изменения качества обслуживания, оно может быть постепенным, возможно неосознанным»²⁰. Чемберлин идет так далеко, что в любой фабричной или торговой марке (trade mark) усматривает элементы монополии. Он сравнивает торговые марки с патентами. «Каждый из них

(т. е. и патент и торговая марка) создает продукт единичный в определенных отношениях, — пишет Чемберлин, — это — монополистический аспект. Каждый оставляет место для других товаров, почти, но не полностью, похожих на него; это — аспект конкуренции»²¹. Неудивительно, что при таком широком толковании монополии розничная торговля рассматривается Чемберлином как сфера всеобщего распространения монополистической конкуренции. «В розничной торговле, — пишет он, — каждый «продукт» становится единичным благодаря индивидуальности заведения, в котором он продается, включая местоположение (так же, как торговые марки, качественные различия и т. д.); это есть монополистический аспект»²².

Буржуазный экономист К. Ротшильд правильно отмечает, что «у читателя классических работ по монополистической конкуренции создается впечатление, что проблема монополии, перед которой стоит наше общество, создана скорее мелкими уличными бакалейщиками, чем большими стальными фирмами»²³.

Современная капиталистическая действительность полностью опровергает утверждения Чемберлина о том, что для образования монополий безразличны размеры предприятий, что монополия может, мол, установиться при господстве мелких предприятий. Даже в тех случаях, когда монополистические предприятия работают на заказ и производят сравнительно уникальные товары, на которые отсутствует массовый спрос, например, оборудование для крупных гидроэлектростанций, металлургических заводов и т. д., такие предприятия имеют, как правило, крупный характер. Только гигантские размеры производства таких предприятий могут обеспечить за ними монопольное положение в данной отрасли. В условиях современного капитализма, когда процесс разорения мелкой буржуазии зашел так далеко, когда техническое развитие находится под контролем монополистического капитала, когда в руках последнего сосредоточены важнейшие сырьевые источники, транспортные средства, кредитная система, торговая сеть и другие условия производства, совершенно немыслимо, чтобы мелкое предприятие могло занимать монопольное положение даже и в том случае, если оно обладает каким-либо секретом производства.

Определение монополий, предложенное Чемберлином, совершенно несостоятельно. Зато оно дает возможность приукрасить монополии и представить их в качестве необходимого условия «более полного и разностороннего удовлетворения потребностей». Прием, к которому прибегает Чемберлин, сводится к следующему: основой монополий он объявляет «дифференциацию продукта», а последняя, мол, необходима для удовлетворения разнообразных

²¹ Ibid., p. 62.

²² Ibid., p. 63.

²³ Цит. по «Readings in Price Theory, Selected by a Committee of the American Economic Association». L., 1953, p. 444.

²⁰ E. Chamberlin. The Theory of Monopolistic Competition, p. 71—72.

потребностей. Без монополий-де не может быть обеспечено полное удовлетворение индивидуальных потребностей. Не приходится доказывать, что реальные капиталистические монополии, которые Чемберлин тщательно обходит, имеют своей целью не потребление, а извлечение монопольно высоких прибылей за счет дальнейшего усиления обнищания основной массы населения — трудящихся. Вопреки измышлениям буржуазных экономистов господство монополистического капитала выступает в качестве фактора снижения материального благосостояния трудящихся.

Отождествляя монополии со всякими элементами новшества в производстве, позволяющими выпускать новые продукты, Чемберлин делает вывод, что всякий новатор производства, до тех пор, пока его новшество не получило всеобщего распространения, пользуется монополией и что всякая сверхприбыль новатора является монопольной прибылью. Этот апологетический вывод повторяет А. Каплан, утверждающий, что изобретение каждого подлинно нового продукта создает нового монополиста. Такой софизм дает возможность квалифицировать всякое покушение на монопольные прибыли как покушение на технический прогресс. Чемберлин в этом вопросе следует за Шумпетером, воспевавшим монополии как мнимое условие технического прогресса. Шумпетер выдает монопольную прибыль за сверхприбыль, получаемую отдельными капиталистами в результате технических нововведений (избыточная прибавочная стоимость). Такое отождествление не выдерживает никакой критики. Избыточная прибавочная стоимость получается и в условиях господства свободной конкуренции, между тем как наличие монополий неизбежно связано с ограничением свободной конкуренции. Избыточная прибавочная стоимость имеет временный характер — она связана с временными расхождениями между индивидуальной и общественной стоимостью. Между тем монопольная прибыль имеет длительный и устойчивый характер, она сохраняется, пока сохраняются монополии. Монопольная прибыль значительно превышает избыточную прибавочную стоимость. Она имеет своим источником не только эксплуатацию рабочих, но и ограбление всех трудящихся своей страны и народов зависимых стран.

Расширительное толкование монополии дает основание для трактовки любого, даже мелкого, предприятия как монополистического. Так, американский буржуазный экономист Найт замечает, что «практически каждое предприятие есть частичная монополия». Эта же идея вслед за американскими авторами повторяется и в английской литературе. Так, Э. Робинсон пишет, что «монополист только по степени отличается от другого производителя, потому что всякий производитель есть монополист своих собственных продуктов»²⁴.

²⁴ E. G. Robinson. Monopoly. L., 1945, p. 168.

Теория монополистической конкуренции используется Чемберлином не только для приукрашивания монополий, но и для замазывания эксплуатации рабочих. Э. Чемберлин в этом вопросе идет значительно дальше старых защитников теории «предельной производительности», например Д. Б. Кларка. Последний утверждал, что эксплуатация рабочих отсутствует в тех случаях, когда заработная плата равна предельному продукту труда. Это положение, конечно, неверно и имеет апологетический характер. Предположим (если взять пример, приводимый Д. Б. Кларком), что первый рабочий производит на 10 долл., второй — 8, третий — 6, четвертый — 4, пятый — на 2 долл. Стоимость предельного продукта в этом случае равна 2 долл. Она определит заработную плату по Д. Б. Кларку. Пять рабочих получают по 2 долл., или вместе — 10 долл. Между тем новая стоимость, созданная ими, составляет 30 долл., т. е. $10+8+6+4+2$. Норма эксплуатации в этом случае составит 200%.

Чемберлина, однако, не удовлетворяет апология Д. Б. Кларка. Он берется доказать, что эксплуатация рабочих отсутствует и в том случае, когда заработная плата ниже стоимости предельного продукта. Суть аргументации Чемберлина сводится к следующему. Если данное предприятие имеет монополистический характер, то изменение объема его производства оказывает влияние на уровень цен. Привлечение дополнительных рабочих, рассуждает Чемберлин, должно привести к расширению продукции и соответственно — к снижению цен. Отсюда он делает вывод, что валовой доход предприятия должен увеличиться на меньшую сумму, нежели стоимость предельного продукта, ибо снижение цены одной единицы производственного товара распространяется не только на предельный продукт, но и на всю продукцию данного предприятия. На изменение дохода предприятия действуют два противоположных фактора: с одной стороны, расширение производства ведет к росту дохода; с другой стороны, удешевление продукции снижает доход. В результате валовой доход предприятия возрастает, но на меньшую сумму, нежели стоимость предельного продукта. Общий вывод Чемберлина сводится к тому, что если в условиях монополистической конкуренции рабочие будут получать в виде заработной платы всю стоимость предельного продукта, то предприниматели не только ничего не выиграют, но будут терпеть убыток. «Нельзя избежать вывода, — пишет Чемберлин, — что даже слабый элемент монополии снижает вознаграждение всех факторов, применяемых данной фирмой, ниже стоимости предельного продукта»²⁵.

Чемберлин утверждает, что в условиях монополистической конкуренции изменяется само понятие эксплуатации. По его словам, определение эксплуатации английским экономистом Пигу как

²⁵ E. Chamberlin. The Theory of Monopolistic Competition, p. 181.

случая, когда заработная плата ниже стоимости предельного продукта рабочих, применимо только к случаю «чистой конкуренции»²⁶. При наличии же элементов монополии эксплуатация, по Чемберлину, отсутствует и тогда, когда рабочие получают меньше стоимости предельного продукта.

Аргументация Чемберлина представляет собой типичный пример измышлений буржуазных экономистов, пытающихся обосновать необходимость снижения заработной платы. Критика Чемберлином теории «предельной производительности» отражает рост требований капиталистов в отношении присвоения прибавочного труда рабочих. Чемберлин полагает, что традиционная теория «предельной производительности» не дает достаточного обоснования снижения заработной платы. Хотя авторы теории «монополистической конкуренции» критикуют несостоятельную и апологетическую теорию «предельной производительности», но они критикуют ее с еще более реакционных позиций.

Эта критика основана на ряде софизмов.

Во-первых, неверно, что всякое расширение производства монополистом неизбежно вызывает снижение цены данного товара. Такой вывод обязателен только в том случае, если спрос на данный товар остается неизменным. Но это не всегда имеет место. Во многих случаях спрос возрастает параллельно росту предложения. Тогда не произойдет снижения цен. Для того чтобы произошло снижение цен, требуется значительное расширение производства данных товаров. При незначительном расширении снижение цен может не иметь места.

Во-вторых, Чемберлин абстрагируется от роста производительности труда, который обычно сопровождает расширение производства. Снижение издержек производства делает возможным увеличение дохода предприятий и в случае понижения товарных цен.

В-третьих, Чемберлин рисует в неправильном свете практику монополистических предприятий. По Чемберлину получается, что при наличии монополий расширение производства приводит к такому удешевлению продукции, при котором рентабельность предприятия может быть поддержана только за счет снижения заработной платы. В действительности распространение монополий сопровождается повышением цен. Рентабельность монополизированных предприятий выше, нежели рентабельность предприятий в условиях свободной конкуренции.

Чемберлин исходит из того, что расширение производства на отдельном немонополистическом предприятии не оказывает непосредственного влияния на общий уровень цен в данной отрасли. Это верно в отношении отдельного предприятия, взятого изолированно от массы однородных предприятий. Но все дело в том, что

отдельные предприятия в условиях конкуренции действуют единообразно, подчиняясь общему движению цикла. Расширение производства на отдельном предприятии, как правило, не является изолированным от действия других предприятий той же отрасли. Если же расширение производства в данной отрасли принимает всеобщий характер, то оно должно вызвать снижение цен, притом в больших масштабах, нежели при наличии монополий.

3. ТЕОРИЯ ОЛИГОПОЛИИ

Для того чтобы запутать проблему монополий, буржуазные экономисты применяют разнообразные приемы. Пытаясь обнаружить монополии там, где их нет (среди мелких и средних предприятий), буржуазные апологеты в то же время отрицают наличие монополий там, где они бесспорно имеют место. Если одни чрезмерно расширяют понятие монополий, включая в эту категорию любое предприятие, даже небольшое, выпускающее уникальные продукты, то другие чрезмерно суживают это понятие. Примером такого сужения является учение о «чистой монополии», противопоставляемой «чистой конкуренции». Под «чистой монополией» понимается тот случай, когда какая-либо фирма подчиняет себе целиком, на сто процентов, данную отрасль, устраняя всякую конкуренцию внутри последней. Такие случаи весьма редко встречаются в капиталистической практике (в качестве примера можно привести алюминиевую промышленность США, все производство которой до второй мировой войны контролировалось одним трестом). Как правило, в отдельных отраслях господствуют несколько крупных объединений (например, «Дженерал моторз», «Форд» и «Крайслер» в автомобильной промышленности США). Следует отметить, что и в тех случаях, когда в какой-либо отрасли данной страны устанавливается контроль одной фирмы, конкуренция не устраняется полностью. Во-первых, имеет место конкуренция с иностранными фирмами, производящими аналогичные товары. Во-вторых, весьма важную роль играет конкуренция субститутов, заменителей, которая усиливается по мере технического развития. Для того чтобы гарантировать себя от всякого вторжения конкурентов, монополия должна была бы подчинить себе все совокупное производство, притом не только в национальном, но и в международном масштабе, что, как известно, невозможно. Чемберлин так и определяет «чистую монополию». «Если,—пишет он,—мы рассматриваем монополию как антипод конкуренции, то своего крайнего предела она достигает в случае контроля одного лица над производством всех товаров. Этот случай может быть назван случаем чистой монополии»²⁷. Ссылаясь на то, что почти любому производству может

²⁶ E. Chamberlin. The Theory of Monopolistic Competition, p. 183.

²⁷ Ibid., p. 63.

угрожать конкуренция заменителей, Чемберлин делает отсюда вывод: «...Монополия, вместо того чтобы быть абсолютной, фактически почти отсутствует»²⁸. «Чистая монополия» представляет собой надуманную схему, она не может существовать в реальной действительности.

Но эта надуманная схема выполняет определенное служебное назначение в буржуазной апологетике. Она дает повод трактовать подлинную, «чистую» монополию как редчайший случай. Тем самым типичные монополии (когда несколько корпораций контролируют производство отдельных отраслей) изображаются как немонаполистические формы. Так при помощи терминологических ухищрений отрицается господство монополий. Ярким примером таких терминологических ухищрений является «теория олигополии» (буквально — господство немногих), противопоставляющая случай, когда в отдельной отрасли имеется несколько крупных фирм, и монополии и свободной конкуренции.

Американский буржуазный экономист А. Каплан дает такое определение олигополии: «Промышленная олигополия — это малое количество больших фирм в противоположность их большой доле в ресурсах и продукции той отрасли, к которой они принадлежат»²⁹. Буржуазные экономисты стараются всячески затушевать монополистический характер предприятий, входящих в состав олигополий. Фактически монополистическая практика последних изображается как своеобразная «самозащита» от разрушительных последствий свободной конкуренции. Вместе с тем буржуазные экономисты восхваляют производственно-технические преимущества крупнейших фирм, осуществляющих олигополию.

В апологетическом изображении Д. М. Кларка олигополия является оптимальным хозяйственным строем, сочетающим наилучшие стороны конкуренции, без особо разрушительных последствий последней, и концентрации производства на немногих крупнейших предприятиях, без монополистического гнета.

«Некоторые виды «монополистической конкуренции», — писал Д. М. Кларк, — вероятно, стоят ближе к теоретическому идеалу, т. е. к «совершенной конкуренции», нежели «чистая» и неограниченная конкуренция...»³⁰

Д. М. Кларк использует эту апологию олигополии, которая у него фигурирует под названием «эффективной конкуренции» или «монополистической конкуренции» для возражений даже против такой паллиативной меры борьбы с монополиями, как антитрестовское законодательство. «Если монополистические органы, — писал он, — упорствуют в проведении политики рестрикций и эксплуатации, то, может быть, необходимо атаковать их официально

(formally)». Но тут он спешит добавить, что «такие случаи должны быть исключительными». Желательных результатов, пишет он, можно добиться «без официального публичного вмешательства»³¹.

Буржуазные экономисты подчеркивают, что в условиях олигополии якобы отсутствуют монополярная цена и монополярная прибыль. Отсутствие этих моментов трактуется как основной признак, отличающий олигополию от монополии. Монополярная цена и прибыль с этой точки зрения могут существовать только в случае «чистой монополии». А так как «чистой монополии» вообще не существует, то монополярная цена и прибыль превращаются в категории, которые могут иметь место только в теории, а не в реальной действительности.

В основе этих выводов лежит совершенно неправильное представление о том, что ценообразование в случае олигополии подчиняется иным законам, нежели в том случае, когда в какой-либо отрасли господствует одна фирма. Это положение пытался обосновать еще родоначальник буржуазной теории монополярной цены Антуан Курно. Он различал три теоретических случая — монополии, дуополии и олигополии. Он объединял два последних случая. Принципиальное различие между монополией, с одной стороны, дуополией и олигополией, с другой стороны, Курно видел в том, что в первом случае монополист полностью господствует над какой-либо отраслью производства и имеет возможность установить такой объем предложения товаров, который обеспечил бы ему наивысшую прибыль. Между тем в случае дуополии и олигополии отдельные фирмы должны учитывать предложение товаров со стороны своих конкурентов. В этом случае они лишены возможности осуществлять контроль над общественным предложением товаров. Рассматривая случай дуополии и олигополии, Курно исходил из следующего предположения. Каждая фирма предполагает, что предложение другой или других фирм остается неизменным. Каждая пытается опередить других и использовать благоприятную рыночную конъюнктуру. Благодаря такой тактике в конечном счете проигрывают обе или несколько конкурирующих фирм. Предложение устанавливается в больших размерах, чем это соответствовало бы наивысшей прибыли при согласованном действии обоих владельцев. Отсюда Курно делал вывод, что при дуополии или олигополии устанавливается другой уровень цен, нежели при монополии.

Некоторые буржуазные экономисты пытались сформулировать различие в ценообразовании при монополии и олигополии следующим образом: при монополии цена имеет определенный и устойчивый характер; в условиях же олигополии она теряет свою определенность и относительную устойчивость. Так, английский буржуазный экономист Боули исходил из следующего предположе-

²⁸ E. Chamberlin. The Theory of Monopolistic Competition, p. 68.

²⁹ A. D. Kaplan. Big Enterprise in Competitive System, p. 60.

³⁰ J. M. Clark. Financing High-Level Employment. — «Financing American Prosperity. A Symposium of Economists». N. Y., 1945, p. 122.

³¹ Ibid., p. 125.

ния: каждая из конкурирующих фирм в случае дуополии или олигополии игнорирует реакцию других фирм, действуя так, как если бы она одна существовала в данной отрасли. В результате образуется избыток предложения, цена понижается, каждая из конкурирующих фирм несет некоторые потери вплоть до того момента, когда, либо в силу соглашения, либо в силу устранения конкурентов на рынке, не устанавливается монополия. Иными словами, Боули рассматривает дуополию и олигополию как весьма неустойчивое состояние.

Все эти попытки установить принципиальное различие между монополией и олигополией несостоятельны.

С одной стороны, как уже отмечалось, даже в случае наличия в какой-либо отрасли лишь одной фирмы, нет полного контроля над этой отраслью. Наличие многообразных форм конкуренции (со стороны других отраслей, производящих субституты данных товаров, иностранная конкуренция, необходимость учитывать возможность появления аутсайдеров в данной отрасли и т. д.), стихийный характер общественного производства в целом, наличие антагонистических противоречий, которые порождают экономические кризисы, — все это, вместе взятое, исключает возможность планирования даже в рамках отдельных отраслей. Все расчеты монополистов являются сугубо ориентировочными, и цены в этом случае также подвержены колебаниям в зависимости от складывающихся на рынке условий.

С другой стороны, и в случае олигополии имеется возможность некоторого ограниченного (а иногда не может быть при капитализме) контроля над предложением товаров данной отрасли.

Теория олигополии, акцентируя внимание на наличии нескольких самостоятельных, независимых друг от друга крупнейших корпораций, господствующих в данной отрасли хозяйства, отвлекается от того, что эти корпорации не только конкурируют друг с другом, но во многих случаях координируют свои действия и выступают единым фронтом. Ограниченное число крупнейших фирм в отдельных отраслях облегчает возможность сговора между ними. И в этом отношении нет коренных различий между олигополией и «чистой» монополией.

В частности, одной из форм господства монополий выступает так называемое лидирование в ценах. Цитируя материалы одного из антитрестовских исследований, Ф. Махлуп замечает: «Одной из наиболее опасных форм монополии является лидирование в ценах. Этот тип монополии часто недостижим для существующего закона, потому что вы не можете обнаружить здесь тайный сговор или соглашение»³². Мелкие предприятия вынуждены продавать товары по ценам, установленным господствующими в данной

отрасли крупнейшими фирмами. Мелкие предприятия, конечно, не имеют возможности продавать свои товары по более высоким ценам, нежели те, которые установлены монополиями, ибо в этом случае они рискуют потерять покупателей. Но мелкие предприятия практически не имеют возможности продавать товары и по более низким ценам, нежели монопольные цены. Во-первых, у мелких фирм имеют место более высокие издержки производства, и снижение цен может привести к разорению этих фирм. Во-вторых, на всякое снижение цен мелкой фирмой господствующие в данной отрасли корпорации могут ответить еще большим понижением цен и тем самым ускорить разорение мелких фирм. Эпоха империализма знает не мало случаев так называемой войны цен, которая вызывала массовое разорение мелких и средних предприятий. Как показывает практика, наличие в той или иной отрасли большого числа мелких и средних фирм отнюдь не препятствует осуществлению монополистического господства над этой отраслью крупнейших фирм. Для осуществления монополистического господства необязательно, чтобы все производство в данной отрасли было сосредоточено в руках одной фирмы.

В конечном счете буржуазные экономисты вынуждены признать, что и при олигополии получается добавочная прибыль по сравнению с состоянием «чистой конкуренции». Эта добавочная прибыль и есть по своей природе монопольная прибыль. Различие между уровнем прибыли в условиях олигополии и «чистой монополии» только количественное; качественная природа этих категорий однородна.

Весь смысл теоретических упражнений буржуазных экономистов по вопросам монополии и олигополии сводится к тому, чтобы подчеркнуть ограниченность экономической мощи реальных монополий, фигурирующих под названием олигополий. Как пишет американский автор Д. Бэйн, каждый продавец, как бы ни была велика его экономическая мощь, «обладает лишь до известной степени монопольной властью»³³.

Теория олигополии представляет собой яркий образчик приема, при помощи которого буржуазные экономисты извращают и рисуют в неверном свете совершенно бесспорный факт сочетания в современной капиталистической экономике элементов монополии и конкуренции. Буржуазные экономисты отбрасывают главное, а именно — положение о решающей роли монополий в экономике современного капитализма. Они замазывают то, что монополия проявляется в многообразных формах, что в силу разных причин, в частности для обхода антитрестовского законодательства, монополия нередко осуществляется в скрытой форме. Они игнорируют и то, что в условиях господства монополий конкуренция принимает ряд новых форм, причем становится еще более ожесточенной и разрушительной по своим последствиям.

³² F. Machlup. The Political Economy of Monopoly. Baltimore, 1952, p. 127—128.

³³ J. Bain. The Price Theory. N. Y., 1952, p. 267.

Многие буржуазные экономисты стараются истолковать бесспорный факт обострения и усиления конкуренции в совершенно неправильном свете, как показатель мнимого ослабления роли монополий.

Такой вывод, в частности, делает «теория уравнивающих сил», согласно которой экономическое развитие якобы создает силы, способные автоматически парализовать или «уравновесить» власть монополий. Автор этой теории, американский буржуазный экономист Д. Голбрейс³⁴, к «уравнивающим силам» прежде всего причисляет организации, существующие в других отраслях промышленности, снабжающих данную отрасль средствами производства или потребляющих ее продукцию, а также торговые организации. Но эти организации имеют, как правило, монополистический характер.

Образование таких новых монополий может в отдельных случаях ослабить позиции некоторых старых, но это ни в коем случае не означает ослабления монополистического капитала в целом. Очевидно, что нельзя «уравновесить» монополии за счет создания новых монополий. Возникновение новых монополий способствует обострению борьбы между ними, но это отнюдь не означает, что монополистические объединения превращаются в немонаполистические или что конкуренция между монополиями автоматически переходит в свободную конкуренцию, господствовавшую при домонополистическом капитализме.

История капиталистического развития дает многочисленные примеры того, как образование новых монополий в данной отрасли, хотя и ослабляло позиции старых в той же отрасли, в целом не подрывало, а усиливало власть монополистического капитала. Возьмем, например, американскую автомобильную промышленность.

До первой мировой войны компания Форда производила большую часть автомобилей в США. С образованием «Дженерал моторз», «Крайслер» и других автомобильных компаний доля Форда в автомобильном производстве систематически снижалась, доля «Дженерал моторз» росла. Так, заводы Форда производили в 1925 г. 42,8% всего количества автомобилей, в 1930 г. — 40,3, в 1935 г. — 30,2, в 1938 г. — 20,5%. На долю же «Дженерал моторз» за те же годы соответственно приходилось 20,0; 34,5; 38,4 и 44,8%. Вместе с тем, наряду с обострением конкуренции между отдельными автомобильными монополиями, происходил процесс

³⁴ А. Хансен в своей работе «Американская экономика» отмечает, что взгляды, родственные Голбрейсу, высказал за пятьдесят лет до него президент США Теодор Рузвельт (см. А. Hansen. The American Economy. N. Y., 1957).

увеличения доли трех крупнейших монополий в общем объеме автомобильного производства: эта доля возросла с 71,3% в 1920 г. до 90,3% в 1938 г. Этот процесс продолжается и в послевоенный период. В американской сталеплавильной промышленности доля «Юнайтед Стейтс стил», т. е. крупнейшей монополии в этой отрасли, снизилась с 40,1% в 1920 г. до 35,5% в 1938 г. Но доля четырех крупнейших компаний (включая и «Юнайтед Стейтс стил») в этой отрасли выросла за эти годы с 54,5 до 64%.

На базе концентрации производства и роста монополий происходит образование всякого рода «вертикальных» объединений, сочетающих различные дополняющие и обслуживающие друг друга смежные предприятия. В ряде случаев наиболее мощные монополии подчиняют себе предприятия, снабжающие их сырьем, полуфабрикатами, вспомогательными материалами и т. д., или отрасли, потребляющие их продукцию. В этих случаях не только не происходит какого-то «уравнивания» монополий, но, наоборот, имеет место образование еще более мощных многоотраслевых монополий. Сам Голбрейс вынужден признать, что в таких случаях «уравнивающая сила» перестает действовать. Но эти случаи как раз являются типическими. Монополии, как правило, не ограничиваются подчинением себе отдельной отрасли, они стремятся подчинить своему контролю — и это им обычно удается — различные отрасли.

К «уравнивающим силам» Голбрейс также относит... профессиональные союзы и различного рода кооперативные организации, в частности фермерские объединения. Такое смешение самых различных по своей социально-классовой природе организаций запутывает проблему монополий и дает искаженную картину современного капитализма. Голбрейс использует этот прием для подведения «базы» под явно апологетические рассуждения о том, что «уравнивающая сила» способствует якобы улучшению положения наиболее многочисленных и находящихся в худших условиях групп населения. За последние полвека, утверждает Голбрейс, рабочие и фермеры, опираясь на «уравнивающую силу» своих организаций, улучшили свое положение. Это высказывание Голбрейса отчетливо выявляет лживость и апологетическую направленность теории «уравнивающих сил».

Голбрейс возлагает большие надежды в отношении содействия эффективности результатов «уравнивающих сил на государство». «В течение последних двух десятилетий поддержка уравнивающих сил, — заявляет он, — стала, по-видимому, главной мирной функцией правительства»³⁵.

Не приходится доказывать, что современное империалистическое государство, находящееся в подчинении у монополий, совер-

³⁵ J. R. Galbraith. American Capitalism. The Concept of Countervailing Power, p. 142.

шенно неспособно выполнить эту задачу. На иллюзорность надежд Голбрейса в этом вопросе указали и некоторые буржуазные авторы, защищающие позиции мелкой и средней буржуазии. Так, У. Адамс и Х. Грей показали, что монополии обычно легко преодолевают эти «уравновешивающие силы», применяя комбинирование производства, тайный сговор и финансовый контроль. «...Предположение, что эти органические изъяны могут быть исправлены вмешательством правительства на стороне более слабой партии, как следует из теории Голбрейса, совершенно нереалистично... Опыт показывает, что влиятельные экономические группы ныне являются значительной политической силой и достигают своих целей через правительственные органы»³⁶.

Следует отметить, что сам Голбрейс выступает даже против такой паллиативной меры в борьбе с монополиями, как антитрестовское законодательство, оправдывая требование об отмене последнего. «Антитрестовские законы, — пишет он, — без разбора использовались против фирм, которые добивались создания уравновешивающих сил на рынке»³⁷.

Выступление Голбрейса за отмену антитрестовских законов лишний раз демонстрирует, что он не помышляет ни о какой, даже самой умеренной борьбе с монополиями. Его теория «уравновешивающих сил» ставит своей целью отвлечь внимание от факта засилья монополий и внушить иллюзии о возможности преодоления этого засилья в рамках капитализма.

С теорией «уравновешивающих сил» имеют родство попытки некоторых буржуазных авторов показать, что при широком распространении монополий устанавливаются те же экономические результаты, — в частности в области ценообразования, — что и при свободной конкуренции. Типичский пример такого рода попыток дает книга Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия».

Стремясь всячески обелить монополии, буржуазные авторы стараются показать, что собственные интересы монополий якобы диктуют им умеренную политику цен. При этом имеет место ссылка на двоякого рода моменты. Во-первых, буржуазные авторы ссылаются на то, что повышение цен вызывает снижение спроса. Отсюда делается вывод, что монополист заинтересован в установлении такой цены, при которой цена всей реализованной продукции (с учетом как цены единицы изделий, так и количества проданных товаров) является наиболее высокой. При этом подчеркивается, что чрезмерно высокий уровень цен может вызвать такое сокращение общественного спроса на данный товар и количество проданных товаров, при котором цена всей реализованной продук-

³⁶ W. Adams and H. Gray. Monopoly in America. The Government as Promoter, p. 21.

³⁷ J. R. Galbraith. Op. cit., p. 147.

ции снизится, несмотря на повышение цены единицы товара. Во-вторых, буржуазные экономисты ссылаются на то, что сокращение спроса в результате высоких цен должно вызвать сокращение производства, что в свою очередь приведет к росту издержек производства на единицу продукции.

В этих рассуждениях верно только то, что существуют границы для взвинчивания цен монополиями. Чрезмерное взвинчивание цен вызывает появление аутсайдеров, стимулирует рост производства конкурирующих с данным товаром субституттов, сокращение спроса на продукцию монополий и т. д. Буржуазные экономисты стараются всячески преувеличить эти границы для того, чтобы свести на нет различия между средней прибылью и монопольной сверхприбылью. Аргументация их основана на простом софизме: раз монополия не устраняет конкуренции, то практически, мол, ничего не меняется с ростом монополий и их всеобщим распространением. При этом игнорируется элементарный факт, что конкуренция на монополистической стадии капитализма приобретает новые качества. Мощные монополии имеют возможность поддерживать высокий уровень цен за счет подавления более слабых предприятий и осуществления таким путем перераспределения прибавочной стоимости. Более мощные монополии стараются переложить издержки, связанные с сокращением внутреннего рынка, на своих конкурентов. Так, они продают по бросовым ценам на внешних рынках ту часть продукции, которую не удастся реализовать на внутреннем рынке в силу чрезмерно высокого уровня цен.

Если монополистическим организациям удастся достаточно укрепиться в данной отрасли, если они могут использовать в борьбе с аутсайдерами и конкурирующими субститутами свои связи с железными дорогами, со сбытовой сетью, с государственным аппаратом, то они могут сохранять высокие цены, хотя бы аутсайдеры продавали такие же товары по более низким ценам. В этих условиях аутсайдеры могут реализовать только незначительную часть продукции данной отрасли — широкий рынок для них закрыт в силу господства на нем монополий, располагающих рядом отмеченных выше преимуществ.

Очень важным рычагом в руках монополий является обладание патентами на новые изобретения. Это позволяет монополиям во многих случаях поддерживать высокий уровень цен, несмотря на рост производительности труда и снижение стоимости соответствующих товаров. Степень этого монополистического вздутия цен различна для разных товаров и монополий. В некоторых случаях монополии вынуждены снижать цены, но далеко не в такой степени, в какой растет производительность труда и снижается стоимость товаров.

Основной порок буржуазных схем по вопросу о монопольной цене состоит в том, что они пытаются свести на нет процесс перераспределения прибавочной стоимости в пользу монополий, кото-

рый совершается в крупных масштабах, несмотря на наличие известных границ.

Что касается опасений монополий, что взвинчивание цен отражается на общественном спросе, то по этому вопросу следует сказать следующее. Если бы какая-нибудь монополия и захотела следовать рецептам установления «оптимальной цены», то осуществление такого рецепта оказалось бы совершенно невозможным в условиях анархического производства. Как можно предвидеть все капризные изменения спроса, зависящие от тысячи многообразных условий? Неудивительно, что капиталистические хищники предпочитают непосредственно ощутимые выгоды от взвинчивания цен проблематичным выгодам «умеренных» цен.

5. ТЕОРИЯ «ДЕКОНЦЕНТРАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОЩИ»

Ту же задачу — показать ослабление роли монополий в экономической жизни, которую пыталась решить теория «уравновешивающих сил», — преследует и теория «деконцентрации экономической мощи» наиболее крупных предприятий и объединений.

Некоторые буржуазные авторы (Д. Наттер, Д. Стиглер) пытались при помощи статистических выкладок показать, что в XX в. произошло ослабление удельного веса монополизированных отраслей. Эти выкладки основаны на ряде методологических ошибок. Во-первых, авторы таких подсчетов выдвигают искусственные критерии для определения монополизированных отраслей. Так, например, Наттер выдвигает следующий критерий: если не более четырех крупнейших компаний производят по крайней мере половину продукции данной отрасли, то лишь в этом случае данная отрасль считается монополизированной. Между тем капиталистическая практика знает многочисленные случаи, когда весьма эффективный монополистический контроль над данной отраслью осуществляют пять, семь и более компаний при наличии известного контакта друг с другом. Необходимо учесть многочисленные переплетения между отдельными компаниями, а также и то, что при определении монопольных цен они фактически действуют сообща.

Во-вторых, крупнейший порок этих статистических построений состоит в том, что они не принимают во внимание косвенного влияния монополий. Оно выражается в том, что при помощи разных методов экономического воздействия монополии подчиняют себе многочисленные компании, формально независимые и самостоятельные. Особенно велика зависимость от монополий массы мелких и средних предприятий, которые в основном заняты обслуживанием монополистических гигантов. Последние во многих случаях считают для себя более выгодным получать детали и материалы от мелких и средних поставщиков, нежели производить их на собственном предприятии. Такие поставщики попадают в полную зависимость от гигантских корпораций, они вынуждены продавать

последним свою продукцию по монопольно низким ценам. Самостоятельность таких поставщиков имеет лишь формальный характер.

В-третьих, в этих подсчетах не учитывается монополистический характер государственных предприятий. Между тем государственная собственность в буржуазных странах представляет собой разновидность капиталистической собственности с той особенностью, что владельцами предприятий выступают не отдельные капиталисты, а буржуазное государство, находящееся в подчинении у горстки крупнейших монополистов.

Теория «деконцентрации экономической мощи», лежащая в основе вымыслов об ослаблении роли монополий, получила особое распространение во время промышленного оживления, наступившего после второй мировой войны. Рост общественного спроса, снижение трудностей реализации создают благоприятные условия для временного оживления мелких и средних предприятий. Повышенный спрос делает возможным функционирование предприятий с более высокими издержками производства. Этим объясняется, что в послевоенный период в США имел место некоторый рост числа мелких и средних предприятий. Но этот рост не дает никаких оснований для выводов относительно деконцентрации.

Во-первых, рост мелких предприятий имеет временный характер, экономический кризис перепроизводства приводит к массовым банкротствам и ликвидациям. Во-вторых, рост мелких фирм ни в коей мере не ослабляет господства монополий, ибо значительное число мелких предприятий находится в экономической зависимости от последних. В-третьих, наряду с созданием новых мелких предприятий происходил одновременно процесс разорения других таких же предприятий. Так, за период 1947—1950 гг. во всех отраслях хозяйства США возникло 1 637 100 мелких предприятий, а погибло за тот же период 1 414 300. Приводя эти данные, американский журналист Г. Стейн отмечает: «Три из каждого десятка новых мелких предприятий обычно существуют менее года, два из десяти живут не более двух лет, а одному или двум удается протянуть четыре года. Лишь четверть из них умудряется просуществовать шесть лет или более... Эта огромная смертность, которая не прекращается даже в периоды бумов, имеет прямое отношение к существованию гигантских корпораций»³⁸.

Официальная статистика дает богатый материал для опровержения вымысла о «деконцентрации экономической мощи», об ослаблении роли монополий. Достаточно сослаться на отчет федеральной торговой комиссии США, опубликованный в 1954 г. под названием «Изменения в концентрации в обрабатывающей промышленности 1935—1947, 1950 гг.». В нем приводятся следующие данные о возрастании удельного веса крупнейших компаний обра-

³⁸ Г. Стейн. Мир, построенный на долларе. ИЛ, 1954, стр. 58.

батывающей промышленности в стоимости всей промышленной продукции. Этот удельный вес составлял (в %) ³⁹:

	1935 г.	1950 г.
5 крупнейших компаний	10,6	11,4
50 » »	26,2	26,6
100 » »	32,4	33,3
200 » »	37,7	40,5

Значительно вырос удельный вес крупнейших корпораций обрабатывающей промышленности во владении активами. Компании с активами в 50 млн. долл. и более, например, обладали в 1939 г. 42% всех активов обрабатывающей промышленности США, а в 1951 г.—54,7%. Одновременно происходило снижение удельного веса мелких, средних и даже крупных корпораций, владеющих активами менее 50 млн. долл. Так, удельный вес корпораций с активами менее 50 тыс. долл. снизился за эти годы с 1,3 до 0,5%, с активами 50—99 тыс.—с 1,5 до 0,8%, 100—249 тыс.—с 3,6 до 2,3%, 250—499 тыс.—с 4 до 2,8%, 500—999 тыс.—с 5,1 до 3,7%, 1000—4999 тыс.—с 15,5 до 11,9%, 5000—9999 тыс.—с 7,4 до 6,2%, 10 000—49 999 тыс.—с 19,6 до 17%.

У самых мелких корпораций, имеющих активы менее 50 тыс. долл. каждая, общая сумма активов за эти годы номинально почти не возросла, а фактически значительно упала (757 млн. долл. в 1939 г. и 866 млн. долл. в 1951 г.—и это в обстановке значительного обесценения доллара), тогда как у самых крупных корпораций с активами не менее 50 млн. долл. каждая активы увеличились с 23,7 млрд. до 88 млрд. долл., или в 3,7 раза ⁴⁰.

Вымысел о «деконцентрации экономической мощи» предприятий опровергается данными о гигантском процессе слияний, происходящем после второй мировой войны. Журнал «Форчун» писал в ноябре 1954 г., что слияния крупных американских корпораций происходят поразительными темпами и буквально ежедневно поглощается множество мелких компаний. Как правило, в случае слияния имеет место не добровольное объединение корпораций, а поглощение крупными корпорациями более мелких. Процесс слияния охватил не только мелкие и средние, но и крупные корпорации, располагающие монополистической мощью.

Буржуазные экономисты, защищающие теорию «деконцентрации экономической мощи» предприятий, пытаются затуманить

³⁹ «Report of the FTC on Changes in Concentration in Manufacturing 1935 to 1947 and 1950». Wash., 1954, p. 17.

⁴⁰ См. В. Суценок. Усиление концентрации производства и капитала в промышленности США. «Вопросы экономики», 1957, № 1, стр. 107. Таблица, приводимая В. Суценок, составлена на основе: «Economic Almanac 1953—1954», p. 281, 314; «Statistical Abstract of the United States», 1955, p. 493.

не только противоречия между буржуазией и пролетариатом, но также противоречия между монополистической верхушкой буржуазии и средней и мелкой буржуазией. А в условиях современного капитализма эти противоречия принимают весьма острый характер и имеют существенное значение для расстановки социальных сил.

6. ТРАКТОВКА МОНОПОЛИЙ В КАЧЕСТВЕ НЕЙТРАЛЬНОГО ФАКТОРА

Одним из приемов, при помощи которых буржуазные авторы приукрашивают и обеляют хищническую практику монополий, является утверждение, что монополия сама по себе нейтральна, что в зависимости от конкретных условий она может быть орудием «добра» и «зла». Так, Тинберген жалуется на то, что «в современной политической дискуссии имеется тенденция или выступать против, или поддерживать монополии без проведения различия между случаями, когда монополия может быть полезной, или случаями, когда она причиняет вред». Тинберген предлагает оценивать деятельность монополий, в частности их политику монопольных цен, с точки зрения «стандартов благосостояния». Он использует эти «стандарты» для оправдания взвинчивания цен монополиями. «Повышение цен, — пишет он, — может быть правильным, если цены были слишком низки. Вот почему оценка создания монополий или их роспуска не должна быть неизменной во всех случаях, но должна зависеть от более точного (closer) анализа» ⁴¹. Этот «более точный» анализ используется буржуазными экономистами для того, чтобы доказать, что и «дурные» монополии могут быть «исправлены» и обращены на путь добродетели и общественного блага. С таким призывом обращается, например, Хансен, уверяющий, что «монополистические организации и корпорации должны стать слугами хорошо функционирующего экономического и политического общества вместо того, чтобы быть его господами» ⁴².

Некоторые буржуазные авторы в качестве последнего аргумента в защиту монополий ссылаются на то, что среди монополистов встречаются мудрые и порядочные в моральном отношении люди, которые не захотят злоупотреблять своим положением и, в частности, откажутся от практики взвинчивания цен. С такого рода аргументацией выступает, например, Р. Харрод. «Мудрый монополист, однако, — пишет он, — учитывая неопределенность будущего и желательность своего укрепления на возможно более обширном рынке, может установить цену, которая будет ниже, чем максимум, соответствующий выше приведенным соображениям (т. е. тре-

⁴¹ J. Tinbergen. Economic Policy: Principles and Design. Amsterdam, 1956, p. 166.

⁴² A. Hansen. America's Role in the World Economy. N. Y., 1945, p. 176.

бованиям максимальной прибыли.— И. Б.)». «Возможно также, — добавляет он, — что имеются «совестливые» монополисты, которые установят более низкую цену, потому что считают это более справедливым»⁴³. Сам Харрод отдает себе отчет в том, насколько слабы подобного рода моральные факторы, сдерживающие хищническую практику монополий. Тем не менее он считает нужным подчеркнуть решающее значение этого морального фактора. «Я рассматриваю, — пишет он, — существование этого морального чувства, каким бы оно ни было слабым, в качестве вполне решающего фактора»⁴⁴. Здесь применима известная поговорка — «утопающий хватается за соломинку». Надежды на моральное сознание монополистов представляют в данном случае не больше чем соломинку, при помощи которой Харрод пытается спасти их моральный авторитет.

Буржуазные авторы пытаются убаюкать массы иллюзиями о том, что можно обуздать хищническую практику монополий при помощи организации государственного контроля над их деятельностью. Нередко призывы к такому контролю сопровождаются словесной, ни к чему не обязывающей критикой «недостатков» монополий, которая заканчивается общим выводом, что «недостатки» монополий не вытекают органически из природы, что они легко могут быть устранены прежде всего путем морального внушения, а также организации контроля над монополиями.

Эти критические замечания по адресу монополий иногда звучат очень громко, но, когда речь доходит до практики, то буржуазные экономисты обычно ограничиваются предложениями незначительных поправок к существующему законодательству об уставе контрольных обществ, о патентном праве, организации лучшей информации об экономическом положении монополий для тех, кто намеревается делать инвестиции, и т. д. Реализация подобного рода предложений не в состоянии изменить что-либо в господствующем положении капиталистических монополий.

Защитники интересов финансовой олигархии мыслят себе контроль над монополиями в форме организации консультативных органов с обязательным участием представителей промышленных и банковских объединений, которые (органы) занимались бы дискуссиями по разным вопросам, связанным с деятельностью монополий. Весьма откровенно выбалтывает тот смысл, который бизнесмены вкладывают в понятие контроля над монополиями, американский экономист У. Ортон в книге «Экономическая роль государства». Ортон выступает в защиту монополистических объединений. «Никким образом не следует, например, — заверяет он, — что все индустриальные соглашения, ограничивающие конкуренцию, национальные или международные, должны быть сразу

осуждены, даже и в том случае, если в результате их деятельности цены поднимутся выше уровня, который установился бы в случае их отсутствия»⁴⁵. Контроль над монополиями Ортон сводит к борьбе с отдельными их злоупотреблениями. Эту борьбу он предлагает поручить... представительным (т. е. монополистическим) организациям промышленности совместно с правительственными чиновниками. «С практикой, которая явно направлена против добрых нравов, — пишет он, — можно и нужно бороться на моральных основаниях путем сотрудничества заинтересованных отраслей торговли или промышленности. В этом отношении американский бизнес и правительство достигли поразительных успехов за последние тридцать лет. Что касается вопросов экономической политики, которые являются предметом спора с точки зрения общественных интересов, то большие результаты могут быть достигнуты путем расширения базиса споров, чем путем увеличения силы принуждения. Вряд ли дебаты будут свободными и объективными, если их ведут юристы и тайная полиция, стремящиеся найти основания для уголовного обвинения»⁴⁶. Контроль над монополиями Ортон сводит к ни к чему не обязывающим дебатам между монополистами, чиновниками и представителями общественных организаций. Он принципиально выступает против каких-либо мер принуждения по отношению к монополиям.

Лучшим опровержением домыслов о возможности контроля со стороны империалистического государства над монополиями являются результаты «антитрестовского» законодательства в США. Как известно, это законодательство имеет продолжительную историю. Еще в 1890 г. был принят закон Шермана, запрещающий создание объединений или соглашения фирм в какой-либо отрасли, преследующих своей целью регулирование цен, сбыта и производства. С этого времени был издан ряд других «антитрестовских» законов, например закон Клейтона 1914 г., запрещающий дискриминацию в ценах, покупку одной компанией всех акций другой компании, закон Робинсона — Патмэна (1936 г.), запрещающий дискриминационную политику в области цен, проводимую крупными оптовыми торговцами. Эти антитрестовские законы, принятые под давлением трудящихся и некоторых групп буржуазии, испытывающих на себе гнет монополистического капитала, представляют собой яркую иллюстрацию бесплодности осуществления законов, направленных против монополий, в государстве, где монополии держат в своих руках командные высоты.

Наличие этих законов не помешало дальнейшему усилению монополий. Бизнесмены выработали ряд приемов, позволяющих легко обходить самые «суровые» статьи антитрестовских законов. Так, например, закон Клейтона объявил незаконными поглощения

⁴³ R. F. Harrod. Economic Essays. L., 1952, p. 186—187.

⁴⁴ Ibid., p. 210.

⁴⁵ W. A. Orton. The Economic Role of the State. Chi., 1950, p. 175.

⁴⁶ Ibidem.

других предприятий в тех случаях, когда эти поглощения приводят к «значительному ослаблению конкуренции» между компаниями или «ведут к образованию монополий в какой-либо отрасли коммерческой деятельности». Однако этот закон позволяет одной компании скупать все активы другой компании, без приобретения акций последней. В одном из своих первых решений, связанных с практикой осуществления закона Клейтона, Верховный суд США подтвердил, что ограничения и запрещения, установленные этим законом, не распространяются на покупку заводов, оборудования и всякого имущества, принадлежащих другим предприятиям. Такое «либеральное» толкование закона Клейтона позволяет крупным корпорациям скупать имущество своих конкурентов.

Следует отметить, что и в тех случаях, когда «антитрестовская» администрация добивалась роспуска некоторых монополистических объединений (например, «Стандард ойл» в 1911 г.), эти решения имели формальный характер и вызывали только некоторую организационную перестройку монополий. Объединение формально объявлялось распущенным, но все прежние связи между предприятиями, входившими в объединение, сохраняли свою силу.

«Репрессии», которые иногда проводит «антитрестовская» администрация, представляют собой поистине булавочные уколы для монополий. Санкции за монополистическую практику являются смехотворно низкими — всего лишь 5 тыс. долл. или до года тюремного заключения. За все время действия «антитрестовских» законов ни один из руководителей корпораций не был заключен в тюрьму за нарушение этих законов.

Многие американские экономисты на основе «антитрестовского» законодательства пытаются сделать вывод об отсутствии господства монополистического капитала в США. В действительности результаты или, вернее, полное отсутствие результатов этого законодательства являются яркой демонстрацией всевластия американских монополий.

Призыв буржуазных экономистов к контролю над монополиями преследует двоякого рода цели.

Во-первых, при помощи этого приема защитники монополий пытаются укрепить иллюзию о том, что капиталистические монополии не всесильны, что над ними господствует высшая, контролирующая их сила в лице государства.

Во-вторых, буржуазные деятели нередко вкладывают совершенно определенное, конкретное содержание в свой призыв к осуществлению контроля над монополиями — этот контроль они сводят к борьбе с... профессиональными союзами. Для того чтобы подвести читателя к такому совершенно неожиданному выводу, буржуазные экономисты распространяют версию о том, что профессиональные союзы якобы представляют собой разновидность монополий. Когда речь заходит о пролетарских организациях, буржуазные экономисты поистине достигают рекордов в части из-

мышлений: начав с утверждений о том, что профессиональные союзы представляют собой одну из форм монополий, некоторые буржуазные экономисты доходят до фантастических заявлений, будто профессиональные союзы являются самой мощной и наиболее агрессивной монополией.

С этой реакционной демагогией выступают многие американские и английские буржуазные экономисты. Эту демагогию продолжают французские и немецкие неолибералы. Так, известный французский неолиберал Луи Ружье проповедует создание позитивного правового порядка, «который сделал бы невозможным образование трестов, холдинг-компаний и т. д., равно как и возникновение тирании профсоюзов, устанавливающих условия найма и продажи труда, которые противоречат равновесию на рынке труда»⁴⁷.

В наиболее резкой форме демагогический тезис о «засилии» профсоюзов защищают немецкие неолибералы. Ойкен подчеркивает, что рабочие организации якобы заинтересованы в усилении капиталистических монополий. Он использует эти аргументы для критики предложений о рабочем контроле над монополиями. «Участие рабочих функционеров в управлении монополиями, — пишет он, — придает монополиям более широкое основание. Тем самым рабочая группа объединяется с предпринимательской в одну монополистическую группу. И было бы иллюзией надеяться, что при помощи такого объединения будут обеспечены общие интересы»⁴⁸.

Отожествление рабочих с монополистами не является у Ойкена случайной оговоркой. Основной огонь своей критики неолибералы направляют против рабочих организаций, т. е. профсоюзов, обычно представляемых в виде организаций монополистического типа. Эта низкопробная демагогия преследует своей целью показать, что капиталистические, т. е. единственно реальные, подлинные монополии являются самыми слабыми и самыми безобидными монополиями, нуждающимися в защите от атак со стороны рабочих организаций. Так, Ренке следующим образом характеризует современный капитализм: «Не определяется ли социальная действительность современных индустриальных государств в возрастающей степени очень сложным сосуществованием квазимонополий отдельных, все более лишающихся власти работодателей и очень реальных, очень массивных монополий многочисленных и становящихся все более могущественными профсоюзов?»⁴⁹ А Бем при помощи этой демагогии пытается убедить читателя

⁴⁷ Цит. по M. Bouvier-Agam. *Traité d'économie politique et d'histoire des doctrines économiques*, t. 1. P., 1952, p. 190.

⁴⁸ W. Eucken. *Die Wettbewerbsordnung und ihre Verwirklichung. «Ordo»*, Düsseldorf — München, 1949, S. 67.

⁴⁹ W. Röpke. *Zwischen Sozialisierung und Liberalismus. «Ordo»*, 1950, S. 270.

в том, что если уж нельзя устранить монополии, то лучше оставить наиболее слабые и безопасные монополии, к которым он, конечно, причисляет предпринимательские объединения. «Период, когда «капиталисты» (характерно, что это слово заключено в кавычки. — И. Б.) были господствующим классом и имели в своем распоряжении государство, в то время как широкие массы и рабочие ничего или почти ничего не могли сказать, навсегда ушел в прошлое... Дальнейшее развитие приведет к еще большему уменьшению власти частных лиц и крупных предпринимателей. Частный монополист при господствующих в настоящее время и ожидаемых в будущем обстоятельствах есть самый безвредный из всех когда-либо существовавших представителей монополии»⁵⁰. Комментарии, как говорится, излишни.

«Контроль над монополиями» в трактовке буржуазных экономистов оказывается ширмой, за которой скрывается борьба против боевых профессиональных организаций рабочего класса.

Один из важнейших приемов приукрашивания монополий состоит в том, что последние рассматриваются в полном отрыве от проблем современного империализма.

Для того чтобы обелить капиталистические монополии, доказать их мнимое миролюбие и непричастность к войнам, адвокаты монополий пытаются свалить всю ответственность за империалистические войны исключительно на военные круги, противопоставляя эти последние финансовой олигархии, в войнах якобы не заинтересованной. Такая точка зрения последовательно проводится в статьях Шумпетера, посвященных проблеме империализма (эти статьи были изданы в США отдельным сборником). Шумпетер на все лады расписывает мнимое миролюбие капитализма, природе которого, по его мнению, чужды империалистические тенденции. Вдохновителями войн, по Шумпетеру, выступают только военные круги, которые изображаются им как остатки докапиталистических времен. «Касту военных», которых он относит к «мертвым силам», он противопоставляет капиталистам и капиталистическим монополиям, именуемым им «живыми силами». Шумпетер замазывает тот факт, что монополистические союзы подчиняют себе и направляют деятельность военных кругов капиталистических стран.

Апологетический тезис о непричастности финансового капитала к империалистическим войнам защищается многими буржуазными экономистами. Он последовательно проводится в книге Л. Роббинса «Об экономических причинах войны»⁵¹. Для того чтобы доказать свое основное утверждение, будто возникновение современных войн нельзя объяснить интересами финансового капитала, Роббинс прибегает к различным извращениям. Он извра-

щает, во-первых, самое понятие о финансовом капитале, отождествляя его исключительно с банковским капиталом. Во-вторых, Роббинс голословно, не пытаясь прибегнуть даже к намеку на какие-либо доказательства за полным отсутствием таковых, утверждает, будто английские банкиры всегда стояли за мир. Наконец, Роббинс противопоставляет банки буржуазному государству, уверяя, будто банки являются лишь «послушными инструментами» государства и что в тех случаях, когда банки поддерживают милитаризм, они действуют исключительно под давлением государства. Так Роббинс замалчивает тот факт, что современное империалистическое государство находится в подчинении у финансовой олигархии.

Противопоставлением монополий государству и военным кругам буржуазные экономисты стремятся выгородить финансовых магнатов, обелить монополистический капитал и тем самым скрыть от масс главных виновников империалистических войн.

Буржуазные экономисты вообще оперируют не с действительными, а с созданными их фантазией монополиями, стоящими в стороне от вопросов классовой борьбы современности, от эксплуатации колониальных и зависимых стран, от противоречий между империалистическими странами, от развертывания милитаризма и подготовки войн и т. д. Эти сугубо абстрактные схемы монополий сконструированы для того, чтобы показать, что монополии не имеют никакого отношения к политике современных реакционных правительств, к империалистической агрессии и т. д.

В своем стремлении всячески замазать господство монополистического капитала и свести на нет самую проблему монополий буржуазные экономисты прибегают к самым экстравагантным приемам. Так, некоторые буржуазные авторы доходят до утверждений, что проблема монополий есть скорее проблема семантики, а не экономической теории. Д. М. Кларк, например, признает оптимальной такую форму, в которой элементы монополии сочетаются с элементами конкуренции. Но он тут же добавляет: «Но признание этого наталкивается на тяжелое семантическое препятствие, если оно принимает форму утверждения, что идеал включает «элементы монополии». Это поднимает вопросы, которые относятся не к фактам, а к терминологическим удобствам. Кажется неудобным, если экономист, защищающий реалистические формы конкуренции, излагает их так, что он выступает как защитник монополий»⁵². Кларк предлагает употреблять термин «монополия» лишь в тех случаях, когда объединения предпринимателей враждебные, насильственные действия по отношению к своим конкурентам.

Такую же терминологическую «революцию» предлагает датский экономист Ф. Цейтен, причем он откровенно раскрывает мотивы

⁵⁰ F. Böhm. Die Aufgaben der freien Marktwirtschaft. München, 1951, S. 60.

⁵¹ L. Robbins. The Economic Causes of War. L., 1939.

⁵² J. M. Clark. Competitive Static Models and Dynamic Aspects. «American Economic Review», May 1955, p. 452.

своего предложения. «Не отказываясь от теоретической концепции монополии, — пишет он, — может быть, целесообразно в дискуссиях с лицами, которые не являются теоретиками-экономистами (весьма характерная оговорка. — И. Б.), говорить о политике цен вместо того, чтобы говорить о монополии, поскольку по историческим причинам идея «монополии» означает нечто в высшей степени экстраординарное и чудовищное»⁵³.

Американский экономист Уэндзел предлагает заменить термин «монополистическая мощь» термином «несбалансированная конкурентная мощь»⁵⁴.

Однако буржуазные экономисты отдают себе отчет в том, что отказ от употребления термина «монополия» или замена его каким-нибудь другим термином, например термином «олигополия», ничего не меняет в реальном положении и что никакие семантические «революции» не могут сделать монополии более привлекательными в глазах масс. Буржуазные экономисты предпочитают извращать само понятие монополии. Характерна в этом отношении позиция Ф. Махлупа, автора большой работы с претенциозным названием «Политическая экономия монополии». Ссылаясь на то, что нет точных количественных критериев, которые позволяли бы разграничивать монополистические и немонополистические предприятия, Махлуп в этой книге объявляет само понятие монополии крайне неопределенным. Он делает вывод, что нет вообще таких показателей, которые позволили бы установить в том или ином случае наличие монополии. Махлуп отвергает даже такой совершенно бесспорный критерий, как наличие монопольной прибыли. Вся аргументация Махлупа сводится к тому, что нет точных количественных граней между обычной и монопольной прибылью⁵⁵. По тем же мотивам Махлуп отказывается квалифицировать процесс слияния предприятий как процесс, ведущий к образованию монополий, так как нельзя-де точно исчислять, насколько возрастает монополистическая сила в результате такого слияния⁵⁶.

Ссылка на неопределенность понятия монополии не нова. Она использовалась и используется не только в теоретических трактатах, но и в законодательной практике США. Верховный суд США в 1920 г. отменил постановление о роспуске такой крупнейшей монополистической корпорации, как «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», объявив, что суду не ясно, является ли данная корпорация монополией. Гигантские размеры данной корпорации, как разъяснил Верховный суд, не есть проступок (offense) с точки зрения

⁵³ F. Zeuthen. *Economic Theory and Method*. L.—N. Y., 1954, p. 228—229.

⁵⁴ J. T. Wendzel. *The Dynamics of Capitalism. Correctives Towards Continuous Growth*. N. Y., 1956, p. 164.

⁵⁵ F. Machlup. *The Political Economy of Monopoly. Business, Labor and Government Policies*, p. 11.

⁵⁶ Ibid.

закона. Верховный суд США в 1927 г. отказался также распустить крупнейшее объединение сельскохозяйственного машиностроения «Интернэшнел харверстер корпорейшн», указывая, что «наличие мощи, не прибегающей к давлению» (unexerted power), — не «проступок».

Некоторые буржуазные экономисты отрицают монополистический характер даже «Алюминум компани оф Америка» (АЛКОА), которая является классическим примером осуществления монополистического контроля над целой отраслью промышленности (эта компания сосредоточивает в своих руках до 90% первичного производства алюминия). Профессор Висконсинского университета Э. Мэзон пытался поставить под сомнение монополистический характер АЛКОА, ссылаясь на то, что рынок алюминия зависит также от конкуренции заменителей и от производства вторичного алюминия. По подсчетам Мэзона, если в рынок алюминия включить заменители этого металла и вторичный алюминий, то доля рынка, контролируемая АЛКОА, сократится до 60—64%, «когда существование монополии становится сомнительным»⁵⁷. Этот же аргумент повторил судья Хэнд на антитрестовском процессе против АЛКОА в 1945 г. Эта софистическая аргументация оказала свое воздействие — суд не принял решения о расформировании АЛКОА.

Некоторые авторы, ссылаясь на «неопределенность» понятия монополии, развивают своеобразный агностицизм. Они утверждают, что, например, невозможно дать определенный ответ по вопросу о влиянии монополий на цены. Так, американские экономисты У. Боумол и Л. Чендлер, рассматривая монополистическую практику, выражающуюся в искусственном ограничении производства в интересах взвинчивания цен, отмечают, что эта практика может иметь как отрицательные, так и положительные последствия. Они приходят к мнению, что нельзя сделать обобщающий вывод по этому вопросу. Все зависит от конкретных условий. «Поэтому мы считаем, что делать какие-либо выводы относительно уровня цен, производства и использования ресурсов у монополий по сравнению с тем, какими они были бы в условиях чистой конкуренции, очень трудно»⁵⁸.

Сами авторы раскрывают практический смысл этого агностицизма в столь кардинальном для современного капитализма вопросе. «Мы видим, — пишут они, — что не так-то просто доказать, что монополист обирает публику путем чрезмерного ограничения размеров своего производства. Имеются всякого рода тонкие соображения, которые должны быть приняты во внимание, прежде чем можно будет сделать солидные правильные выводы. Неудивитель-

⁵⁷ E. S. Mason. *The Current Status of the Monopoly Problem in the United States*. «Harvard Law Review», June, 1949, p. 1274.

⁵⁸ W. J. Baumol and L. V. Chandler. *Economic Process and Policies*, p. 438.

но, что правосудие полагает, что их правила не дают простых безотносительных ответов»⁵⁹.

Методы, при помощи которых буржуазные экономисты приукрашивают монополии и их практику, весьма многообразны. Но при всем разнообразии их объединяет одна общая черта — стремление скрыть растущий гнет монополий. И теория «чистой монополии», и теория «монополистической конкуренции», и теория олигополии, и отождествление современных монополий с полуфеодалскими монополиями, существовавшими на заре капитализма, и выдумка о том, что главную роль в экономике высокоразвитых капиталистических стран играют мелкие и средние предприятия, и другие увертки буржуазной апологетики направлены на то, чтобы замазать факт удушения монополистами тех, кто не подчиняется монополии, ее гнету, ее произволу. Все это необходимо буржуазным апологетам для того, чтобы разрекламировать современный капитализм как якобы капитализм «прогрессивный», «демократический», «неагрессивный».

⁵⁹ W. J. Baumol and L. V. Chandler. Economic Process and Policies, p. 439.

Глава седьмая

ТЕОРИИ «РЕГУЛИРУЕМОГО КАПИТАЛИЗМА»

1. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ТЕОРИЙ «РЕГУЛИРУЕМОГО КАПИТАЛИЗМА»

Кризис буржуазной политической экономии, охарактеризованный в первой главе, получил свое наиболее яркое выражение в теориях «регулируемого капитализма». В буржуазной литературе употребляется много терминов для характеристики этого направления — дирижизм, стейтизм, этатизм, интервенционизм, теория регулируемой или управляемой или контролируемой экономики и т. д. Мы употребляем термин «регулируемый капитализм», поскольку этот термин отражает основное существо этой теории — попытку обосновать необходимость государственного регулирования капиталистической экономики в целях устранения присущих ей пороков. Мы предпочитаем говорить не о теории, а о теориях «регулируемого капитализма», поскольку имеется много вариантов этого направления. Обычно последние ассоциируются с кейнсианством. Но последнее, как мы покажем ниже, представляет собой наиболее яркий и наиболее известный вариант этого направления, но отнюдь не единственный. Разграничение между «регулируемым капитализмом» как суммарным направлением и кейнсианством как частным его проявлением имеет существенное значение для понимания общей эволюции современной буржуазной политической экономии. Так теории «регулируемого капитализма» имеют всеобщее распространение в капиталистическом мире в отличие от кейнсианства, которое не во всех буржуазных странах имеет многочисленных сторонников. Например, в Италии в период между двумя мировыми войнами кейнсианство получило слабое распространение. Между тем теории «регулируемого капитализма» имели тогда сильное влияние в виде другого варианта — теории корпоративной экономики. Это же положение применимо к Швеции, где, независимо от Кейнса и до появления его основного труда, возникло еще в начале 30-х годов особое направление, получившее название стокгольмской школы, защищающее необходимость осуществления ряда регулирующих мероприятий. В некоторых странах, в послевоенный период, в связи с промышленным подъемом произошло известное ослабление влияния кейнсианства, но отсюда не

следует, что имело место и ослабление направления «регулируемого капитализма» в целом — последнее продолжает оставаться основным направлением в современной буржуазной политической экономии, проявляясь в многообразных формах.

Из разных вариантов этого направления можно прежде всего сослаться на теорию «смешанной экономики», в которой применяется другая, кейнсианская аргументация. Особую разновидность теории «регулируемого капитализма» представляют теории, выдвинутые различными фашистскими или фашиствующими авторами, например В. Зомбартом в последний период его деятельности (в книге «Немецкий социализм», 1934 г.), О. Шпанном (теория универсализма), итальянскими фашистами (теория корпоративной экономики). К этой разновидности теории «регулируемого капитализма» примыкают различные варианты корпоративизма, развиваемые, в частности, в Испании, Португалии, Аргентине. Особую разновидность теории «регулируемого капитализма» представляют теории «планового капитализма», отстаивающие возможность осуществления народнохозяйственного планирования в рамках капитализма. Наряду с откровенно буржуазными авторами глашатаями этой теории выступают правые социалисты, теоретические высказывания которых имеют ряд особенностей, обусловленных специфической аудиторией, на которую рассчитаны эти высказывания. Одним из наиболее старых вариантов теории «регулируемого капитализма» является пресловутая теория «организованного капитализма». За последнее время появилось много защитников теории «бескризисного капитализма», которые также применяют аргументацию, родственную высказываниям многих пропагандистов теории «регулируемого капитализма».

При таком многообразии вариантов нельзя, конечно, говорить о каком-то монолитном течении, выступающем с едиными воззрениями по всем важнейшим вопросам политической экономии. Между представителями различных вариантов теории «регулируемого капитализма» имеются нередко весьма значительные разногласия и по общим политэкономическим вопросам и по конкретным вопросам экономической политики. Весьма значительные расхождения имеют место и в области теоретической аргументации, привлекаемой для обоснования необходимости государственного регулирования экономики. Но при всех различиях, имеющихся между отдельными вариантами, их объединяют некоторые общие тенденции, характерные для эволюции современной буржуазной политической экономии.

Важнейшая общая черта, объединяющая различных сторонников этой теории, сводится к вынужденному признанию серьезных недостатков в работе капиталистического механизма при условии невмешательства государства в его работу.

Защитники теории «регулируемого капитализма» сохраняют верность основной линии буржуазной апологетики. Они отстаива-

ют священность и неприкосновенность частной собственности. Они проповедуют буржуазную догму, что капиталистический строй является якобы гарантией личной свободы и независимости. Но при всем том защитники этой теории вынуждены признать, что не все идет гладко в капиталистической экономике. Они вынуждены признать, что автоматический ход развития капитализма не приводит к наилучшим результатам, и делают вывод о необходимости действия внеэкономических факторов. Государственное вмешательство в экономику трактуется как необходимое условие нормального функционирования капиталистической экономики. Это положение у разных авторов получает различные формулировки и обосновывается при помощи разнообразной аргументации. Но оно красной нитью проходит через все работы защитников теории «регулируемого капитализма». Оно составляет важнейшую основу этой теории.

С этим положением тесно связана и защита новых функций буржуазного государства. Сторонники теории «регулируемого капитализма» отстаивают, что государство должно выполнять те функции, которые оно выполняло на всем протяжении капиталистического развития, — обеспечение наиболее благоприятных условий для частных предприятий. Но наряду с этими старыми функциями на государство возлагается ответственность за борьбу с кризисами и безработицей. Программа «полной занятости» в той или иной формулировке, с теми или иными практическими предложениями, с теми или иными оговорками, характерными для буржуазных деятелей, фигурирует почти во всех вариантах теории «регулируемого капитализма». Одна из важнейших идей, определяющих содержание этой теории, состоит в том, что государство при помощи различных регулирующих мероприятий должно воздействовать на общий объем потребления, включая потребление частных лиц и правительственные расходы. Этой задаче, по замыслу сторонников данной теории, должна отвечать бюджетная, налоговая, кредитная политика и т. д.

Общие черты, объединяющие различные варианты теорий «регулируемого капитализма», сводятся к следующим моментам:

1. Открытая защита усиления государственного вмешательства в экономику.

2. Отрицание того, что экономические мероприятия империалистического государства подчинены интересам монополистического капитала.

3. Распространение иллюзий о том, что буржуазное государство способно руководить народным хозяйством и обеспечить пропорциональное развитие капиталистической экономики.

4. Признание того, что внутренние силы капитализма не могут обеспечить достаточный объем производства и «полную занятость».

В различных вариантах «регулируемого капитализма» проявляется в большей или меньшей степени сомнение в традиционных

буржуазных теориях, основное содержание которых составляет восхваление внутренних сил капитализма и принципа *laissez faire*. Эти сомнения не всегда выражены достаточно отчетливо, поскольку не все защитники «регулируемого капитализма» уделяли внимание вопросам теоретической экономики. В наибольшей мере эту потребность в перестройке теоретического аппарата в связи с новыми практическими потребностями пытался удовлетворить Кейнс. Это обстоятельство и выдвинуло его на первый план среди защитников «регулируемого капитализма». Но Кейнсу это направление обязано лишь попыткой наиболее развернутого теоретического оформления. Основные же идеи «регулируемого капитализма» отнюдь не являются результатом оригинального творчества Кейнса. Эти идеи носились в воздухе. Они высказывались экономистами многих стран независимо от Кейнса и часто до него.

Так, в 30-х годах в Германии подвизались свои доморожденные кейнсианцы, теории которых возникли независимо от Кейнса, например В. Лаутенбах, которого некоторые современные писатели пытаются представить в качестве «немецкого Кейнса». Лаутенбах в своих статьях, большая часть которых была написана во время кризиса 1929—1933 гг., отстаивал положение, что экономическое равновесие не может быть восстановлено автоматическим путем. Он пропагандировал необходимость увеличения государственных расходов как меры, которая должна способствовать установлению соответствия между общественным производством и совокупным спросом. Он, в частности, отстаивал кредитную экспансию, осуществляемую правительством в качестве одного из важнейших антикризисных мероприятий. У Лаутенбаха встречаются некоторые элементы теории мультипликатора — он пытался подсчитать, насколько увеличивается занятость при росте общих размеров инвестиций на разные суммы (причем в своих расчетах он опирался на статью английского экономиста Кэна о мультипликаторе, на которую опирался и Кейнс). Лаутенбах в начале 1932 г. предлагал увеличить инвестиции на сумму 1,5—3 млрд. марок, с тем чтобы занять дополнительно до 1 млн. рабочих. Он был сторонником большого развития общественных работ. Таким образом, в работах Лаутенбаха был высказан ряд практических предложений, родственных кейнсианским, хотя попытки современных немецких комментаторов открыть в этих работах общую теорию занятости, аналогичную кейнсианской, должны быть признаны неудачными и основанными на натяжках.

Ряд родственных кейнсианству идей был высказан в 30-х годах известным немецким конъюнктуроведом Вагеманом¹. Как и Лаутенбах, Вагеман отрицал автоматическое восстановление равнове-

сия, поддерживал рост правительственных расходов и кредитную экспансию в качестве антикризисных мероприятий.

Возникновение в разных странах, независимо друг от друга, родственных экономических теорий свидетельствует о том, что эти новые теории отвечали широко распространенной в капиталистическом мире потребности в оправдании практики государственно-монополистического капитализма в условиях обострения экономических кризисов перепроизводства.

Хотя эта потребность была широко распространена, но она проявлялась с неодинаковой силой в разных странах. Не случайное кейнсианство возникло в Англии. Англия была той страной, где загнивание и упадок капитализма на первом этапе общего кризиса капитализма проявлялись в наиболее обнаженной и резко выраженной форме. За весь период, отделяющий окончание первой мировой войны от начала второй, Англия не знала промышленного подъема. За этот период уровень английской промышленности лишь в редкие годы поднимался выше уровня 1913 г., а в большинстве случаев был значительно ниже. Глубокий упадок на протяжении всего этого периода переживали такие важнейшие и старейшие отрасли, как угольная промышленность, текстильная, судостроение. Характерным фактом английской экономики этого периода явилось наличие так называемых «районов депрессии», или «пораженных районов», очагов хронической депрессии. В таком положении оказались старейшие промышленные районы Англии: Южный Уэльс, Мидленд, северо-восток Великобритании — важнейшие центры угольной и металлургической промышленности; Западная Шотландия, в особенности Клайд — крупный центр судостроения и металлургии; Ланкашир — родина и основной центр хлопчатобумажной промышленности.

Уже тогда сказалось заметное ослабление британского империализма. Уже в 30-х годах Англия оказалась неспособной покрыть за счет текущих доходов от экспорта свой непомерно выросший импорт, связанный с паразитической структурой английского народного хозяйства. Еще до второй мировой войны Англия начала проедать свои заграничные инвестиции.

В связи со всеми этими процессами обострились социальные противоречия внутри страны, обострились центробежные тенденции в Британской империи.

В этих условиях государственная машина все шире используется капиталистическими монополиями для угнетения рабочего класса в самой Англии и подавления освободительного движения в колониях, для борьбы с иностранными конкурентами и проталкивания английских товаров на внешние рынки, для финансирования монополистических предприятий и предоставления им государственных заказов. Среди монополистов становятся популярными лозунги «сильного государства» и «вмешательства государства в экономику». Старые фритредерские теории, господствовавшие в

¹ Этот вопрос рассматривается в книге G. Grotkopp. Die große Krise. Lehren auf der Überwindung der Wirtschaftskrise 1929/32. Düsseldorf, 1954. S. 22 ff.

английской литературе еще в начале XX в., потеряли под собой почву. На смену им пришли теории «регулируемого капитализма» в лице кейнсианства.

Несколько позже кейнсианство получило распространение в США, где оно быстро упрочилось. В послевоенный период можно с полным основанием утверждать, что США являются не менее важной ареной распространения кейнсианства, нежели родина этого направления — Англия. С. Харрис в специальном, изданном под его редакцией, сборнике о влиянии Кейнса на экономическую теорию и политику писал, что «медицина», разработанная Кейнсом, лучше всего пригодна для США². Такого рода высказывания часто встречаются в литературе США и других стран³. Широкое распространение кейнсианства в США нашло свое отражение в усиленной пропаганде в послевоенный период всякого рода программ, возлагающих на буржуазное государство основную ответственность за борьбу с экономическими кризисами. В частности, эти идеи заметно сказались в «Акте о занятости» 1946 г. По этому закону президент должен ежегодно представлять конгрессу доклад с обзором существующего экономического положения и с рекомендацией практических мер, рассчитанных на то, чтобы выправить конъюнктуру. Так, в случае бума президент может рекомендовать сокращение государственных расходов и увеличение налогов в целях понижения покупательной способности населения. В случае кризиса рекомендуются мероприятия, рассчитанные на увеличение государственных расходов в целях повышения спроса. Иными словами, указанный «Акт о занятости» возлагает на государство задачу установления соответствия между совокупным спросом и предложением путем мероприятий налоговой и бюджетной политики.

Широкое распространение кейнсианства в США в послевоенный период объясняется особой чувствительностью чрезмерно раздутого производственного аппарата США к кризисным потрясениям. Американская экономика после войны пережила такие потрясения в 1948—1949, 1953—1954 и в 1957—1958 гг.

Дамоклов меч экономического кризиса перепроизводства всегда угрожает американской экономике, и это вызывает усиленную фабрикации антикризисных программ.

Специфические условия для распространения идей «регулируемого капитализма» создались в послевоенный период в Западной Германии. Этот вопрос специально рассматривается в последующей главе.

Из крупных европейских стран идеи «регулируемого капитализма» получили более позднее и более слабое распространение во

² «The New Economics. Keynes' Influence on Theory and Public Policy», ed. with introduction by S. E. Harris. N. Y., 1947, p. 40.

³ Такого рода вывод делает, в частности, известный историк экономических учений Э. Ролл. (E. Roll. A History of Economic Thought. L., 1956, p. 502).

Франции. До второй мировой войны старые буржуазные теории еще безраздельно господствовали во французской экономической литературе. Более широкое распространение идей «регулируемого капитализма» (во Франции он обычно фигурирует под названием дирижизма) начинается уже после второй мировой войны. Но и в настоящее время в университетском преподавании все еще преобладают старые традиционные буржуазные теории, родившиеся в конце XIX — начале текущего столетия. Профессор Кембриджского университета Ф. Неймарк так характеризовал в 1946 г. французскую буржуазную экономическую мысль: «В то время как политическая экономия и наука государственных финансов претерпели глубокую трансформацию в период между двумя мировыми войнами в англосаксонских, германских и скандинавских странах, большинство французских изданий сохраняло более консервативный характер. Действительно, кроме нескольких исключений, французские экономисты оставались более или менее верными классическим и неоклассическим теориям и доктринам в том виде, в каком они господствовали в экономической мысли до 1914 г. Показательно, например, что труды Кейнса и его учеников ни в одной стране не встретили такого слабого приема, как во Франции»⁴.

Причины этого явления следует искать в том, что в период между двумя мировыми войнами французская экономика претерпела менее глубокие потрясения, нежели экономика многих капиталистических стран. Франция, в отличие от США, не получила в наследство от первой мировой войны огромной недогрузки производственного аппарата. Ее промышленность в северных, экономически наиболее развитых районах была сильно разрушена. В течение ряда лет велись большие восстановительные работы, поглощавшие много рабочей силы, металла, оборудования, строительных материалов, а в дальнейшем важную роль в этом отношении играло строительство укреплений (линия Мажино). Вместе с тем экономика Франции была свободна от тех специфических трудностей и потрясений, которые были характерны для послеверсальской Германии в связи с ее поражением в первой мировой войне.

Экономические кризисы на первом этапе общего кризиса капитализма протекали во Франции с меньшей интенсивностью, нежели в других ведущих капиталистических странах. Так, во время кризиса 1921 г. промышленная продукция Франции упала на 11% по сравнению с 1920 г., в то время как в США она упала на 23%, а в Англии — на 28%.

Экономический кризис 1929—1933 гг. начался во Франции с некоторым опозданием (с 1930 г.) и протекал в менее разрушительной форме, что видно из следующих данных о падении производст-

⁴ F. Neimark. R. S. Suvla. Vorlesungen über allgemeine Nationalökonomie «Revue de la faculté des sciences économiques de l'Université d'Istanbul», Bd. I. Istanbul, octobre 1945 — juillet 1946, № 1—4, p. 174.

ва от высшей точки перед кризисом 1929—1933 гг. до низшей точки кризиса (в %) ⁵:

	Франция	Англия	Германия	США
Уголь	36	36	54	65
Чугун	50	64	74	86
Сталь	48	62	69	84

Правда, кризис 1929—1933 гг. сравнительно слабо задел и Англию, но при этом нужно учесть, что экономика Англии в 20-х годах топталась на месте и в 1929 г. едва достигла уровня 1913 г. Между тем экономика Франции в 20-х годах развивалась довольно быстро и в 1929 г. промышленная продукция ее выросла на 39% по сравнению с уровнем 1913 г.

Кризис 1937—1938 гг. во Франции также был менее острым, нежели в США и Англии.

Особое значение имело то обстоятельство, что безработица во Франции была слабее, чем в других ведущих капиталистических странах. Тут сыграли свою роль большие людские потери, которые она понесла во время первой мировой войны. Население Франции в старых границах (т. е. без учета Эльзас-Лотарингии) сократилось с 39,6 млн. в 1911 г. до 37,1 млн. в 1921 г. В первые годы после окончания первой мировой войны французское народное хозяйство ощущало недостаток в рабочей силе, который покрывался за счет иммиграции преимущественно из стран с очень низкой заработной платой — Польши, Италии и стран Ближнего Востока. С 1922 по 1931 г. в страну прибыло 1750 тыс. иностранных рабочих (не считая нелегальных иммигрантов и сезонных рабочих). После наступления мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. многие из них должны были выехать обратно.

В связи со всеми отмеченными обстоятельствами вопросы искусственного форсирования спроса и вообще так называемой антикризисной политики, ограничения безработицы и всех мероприятий, связанных с программами «регулируемого капитализма», «полной занятости» и т. д., не стояли перед французской буржуазией с такой же остротой, как перед английской и американской. Французские буржуазные экономисты считали, что они могут позволить себе роскошь абстрагироваться от острых вопросов кризисов и безработицы. Они предпочитали не упоминать о «недостатках» капиталистического механизма и о мероприятиях, намечаемых кейнсианцами для устранения таких «недостатков».

При объяснении того факта, что традиционные буржуазные теории оказались во Франции более устойчивыми, нежели в других капиталистических странах, следует учесть и относительно более позднее формирование государственно-монополистического капи-

тализма во Франции по сравнению с Германией, Англией, США. Это, в частности, объясняется сравнительной отсталостью французской экономики, большой ролью, которую играет в последней мелкобуржуазный уклад.

Большой удельный вес рантье в общественной жизни Франции объясняет особый страх французской буржуазии перед инфляцией. Между тем теории «регулируемого капитализма», как правило, связаны с призывом усиления использования государственного бюджета в интересах укрепления капиталистических монополий, увеличения государственных расходов, не считаясь с требованиями соблюдения бюджетного равновесия. Кейнсианская программа рассчитана на преодоление экономических кризисов путем создания инфляционной конъюнктуры.

Между тем во Франции в 20-х и 30-х годах существовала весьма неблагоприятная обстановка для восприятия программ, связанных прямо или косвенно с развязыванием инфляционных процессов. Франция пережила в 20-х годах весьма значительное обесценение франка, начавшееся еще во время первой мировой войны. В июле 1926 г. индекс оптовых цен достиг 854 (за 100 принимается уровень цен в июле 1914 г.). Внешний валютный курс франка упал к тому времени в 9,7 раза, т. е. обесценился еще более значительно по сравнению с падением его покупательной силы внутри страны. От инфляции больше всего пострадали рабочие, служащие, пенсионеры, мелкая буржуазия, в особенности рантье. По имеющимся подсчетам, мелкие и средние рантье потеряли в результате инфляции свыше 100 млрд. зол. фр.⁶ Инфляция тяжело отразилась на французской экономике.

После стабилизации франка в 1926 г. Франция дольше других капиталистических стран сохраняла золотое обращение. В 1931—1936 гг., когда Англия, США и другие капиталистические страны отказались от размена на золото, Франция возглавила так называемый золотой блок (в который входили еще Бельгия, Нидерланды и Швейцария). Только с октября 1936 г. во Франции был прекращен размен бумажных денег на золото.

Упорство, с которым французская буржуазия удерживала твердую золотую валюту в годы экономического кризиса 1929—1933 гг., когда большинство капиталистических стран пыталось смягчить кризис путем валютного демпинга, объясняется также большим удельным весом, который имеют во Франции банкиры и капиталисты-рантье. Сохранение во Франции в указанные годы твердой золотой валюты в условиях общего валютного хаоса способствовало повышению роли Парижа в качестве мирового финансового центра. Французские банкиры предоставляли иностранным капиталистам займы на выгодных условиях, обеспечивающих высокие прибыли.

⁶ А. И. Шнейерсон. Финансовый капитал во Франции. Соцэкгиз, 1937, стр. 51.

⁵ «Мировое хозяйство. Ежегодник, 1938, 1939». Соцэкгиз, 1939, стр. XXXIV XXXV, 264.

Правда, от высокого курса французской валюты страдал французский экспорт, но здесь проявлялось характерное в прошлом для французской буржуазии преобладание финансовых интересов над промышленными и торговыми.

В силу отмеченных причин идея бюджетного равновесия, против которой упорно боролся Кейнс и его последователи, во Франции оказалась весьма живучей и популярной.

Как отмечалось выше, после второй мировой войны во Франции наблюдается распространение идей «регулируемого капитализма», в частности кейнсианства. Перестройка буржуазной политической экономики переживает там еще начальный этап. Дирижизм не выдвинул во Франции крупных экономистов. Сторонники этого направления — Б. де Жувенель, А. Нуайель и др. — мало известные экономисты и не имеют большого влияния на общественное мнение. Распространение кейнсианства происходит там медленнее, чем в Англии и США. Франция еще не выдвинула своих толкователей кейнсианства типа, например, А. Хансена, которые попытались бы применить общие принципы кейнсианства к специфическим особенностям своей страны.

Следует отметить, что французские авторы, признающие заслуги Кейнса и опирающиеся на его высказывания, нередко расходятся с ним по ряду вопросов. В этом отношении представляет интерес книга бывшего премьер-министра Франции П. Мендес-Франса и Г. Ардана «Экономическая наука и действие», изданная ЮНЕСКО в 1954 г. Признав большое значение для судеб капитализма мер по предупреждению и ослаблению массовой хронической безработицы, авторы возлагают свои надежды на буржуазное государство. Последнее, по утверждению Мендес-Франса и Ардана, призвано решить две кардинальные проблемы: во-первых, обеспечить равновесие между совокупным спросом и совокупным производством, т. е. предупредить возможность появления общего перепроизводства товаров; во-вторых, обеспечить наилучшее использование производительных сил, наилучшее распределение производственных ресурсов между отдельными отраслями народного хозяйства. Однако взгляды Мендес-Франса и Ардана, высказанные в данной работе, имеют некоторые особенности по сравнению с положениями, развитыми самим Кейнсом.

Во-первых, они уделяют значительно больше внимания вопросам инфляции. Тут сказались различия обстановки 30-х годов, когда писалась «Общая теория занятости, процента и денег» Д. М. Кейнса, и 50-х годов. Мендес-Франс и Ардан сопровождают свою программу «полной занятости» различными оговорками и контрмерами на тот случай, если так называемая сверхполная занятость вызовет инфляцию. Реакционные круги используют созданную буржуазными экономистами легенду о том, что повышение заработной платы является источником инфляции, чтобы встретить в штыки всякие предложения, направленные к смяг-

чению безработицы и к улучшению экономического положения рабочих. Мендес-Франс и Ардан делают в этом вопросе уступку реакционным элементам.

Во-вторых, Мендес-Франс и Ардан идут дальше Кейнса в отношении масштабов государственного вмешательства в экономику. Оба французских автора возлагают на буржуазное государство задачу обеспечения рациональных пропорций между отдельными отраслями общественного производства. Они выступают за «сознательный механизм» регулирования экономики, за «планирование» капиталистического хозяйства, пытаясь подвести теоретическую базу под французские государственные планы (первый план Монне, план 1953—1957 гг.).

Кейнсианство оказало влияние на некоторых защитников старых экономических теорий, которые встретили в 30-х годах «Общую теорию занятости, процента и денег» Кейнса развернутой критикой, но затем встали на позиции «регулируемого капитализма», применяя, однако, при этом несколько иную аргументацию, нежели сам автор. К числу такого рода французских буржуазных экономистов можно отнести Франсуа Перру. Он и в своих позднейших работах не приемлет кейнсианства в целом, заявляя, что «она (модель Кейнса. — И. Б.) не может быть применена во всякой экономике, что она оказалась совершенно неприемлемой для экономики послевоенной Франции»⁷. Перру в своих работах подвергает критике ряд положений кейнсианской теории, в частности теорию процента и особые надежды, которые Кейнс возлагал на возможности воздействия низкой нормы процента на ход капиталистического воспроизводства. Перру подвергает критике и некоторые положения кейнсианской теории занятости. Но вместе с тем Перру подчеркивает большое значение основного практического вывода кейнсианства — усиленное вмешательство государства в экономику должно восполнить недостаточную эффективность стихийного механизма регулирования экономики. «Джон Мейнард Кейнс, — писал Перру, — оказал нам большую услугу и открыл путь в будущее. Услугой является его критика рыночного автоматизма и стихийности. Путь, который он открыл, — это политика государственного вмешательства в экономику»⁸.

Характерной особенностью современной французской экономической литературы, свидетельствующей о том, что перестройка буржуазной политической экономики переживает еще свой начальный этап, является то обстоятельство, что теории «регулируемого капитализма» там не столько вытесняют, сколько дополняют теории либерализма. Имея в виду прежде всего Францию, Э. Жамс писал: «...Развитие кейнсианского мышления придало либерализму

⁷ Э. Жамс. История экономической мысли XX века. М., ИЛ, 1959, стр. 280.

⁸ F. Perroux. La généralisation de la «General Theory». Istanbul, 1950, p. 79.

нашего времени новый вид»⁹. Это — весьма характерная черта французской буржуазной экономической литературы. В ней нет такого четкого разграничения направлений «регулируемого капитализма» и «свободного предпринимательства», как в английской и американской литературе. Как правило, во французской литературе преобладает идеология «свободного предпринимательства», однако защитники этой идеологии вынуждены делать все учащающиеся уступки требованиям усиления государственного вмешательства в экономику, противоречащие традиционным буржуазным теориям, на которых покоится эта идеология. Кризис буржуазной политической экономии во Франции получает, в частности, специфическое выражение в усиливающемся эклектизме французских буржуазных экономических работ.

Характерный для французских экономистов эклектизм отмечался в литературе неоднократно. Так, Д. М. Кейнс в предисловии к французскому изданию своей книги «Общая теория занятости, процента и денег» писал: «В настоящее время французские экономисты являются эклектиками: их доктрины... недостаточно опираются на систематическую концепцию»¹⁰. Андре Маршал, автор специальной работы о современной французской политической экономии, пытается представить эклектизм как характерную черту не только современных буржуазных экономистов Франции, но и как имманентную особенность, которая всегда была присуща французской общественной мысли¹¹. Он ссылается, в частности, на книгу некоего Бешо «Французская экономическая школа», изданную еще в 1902 г. В ней устанавливается существование особой французской экономической школы, одной из характерных особенностей которой является эклектическое сочетание конкурирующих между собой теорий.

При рассмотрении данного вопроса нужно разграничить общую тенденцию к эклектизму, характерную для современной буржуазной идеологии в целом, и специфические проявления эклектизма, порожденные особыми условиями, в которых капитализм развивается в отдельных странах в отдельные периоды. Постановка А. Маршала страдает смешением этих двух сторон данной проблемы. Недостаточно ограничиться констатацией эклектизма вообще, который имел место и в начале XX в. и который не чужд буржуазным писаниям в Англии, США и других капиталистических странах. Необходимо выяснить, в чем своеобразие эклектизма современных французских буржуазных экономистов, отличного от эклектизма, характерного для начала текущего столетия.

Особенность современного эклектизма французских экономистов непосредственно связана с тем, что перестройка буржуазной

⁹ Э. Жамс. История экономической мысли XX века, стр. 232.

¹⁰ Цит. по А. Marchal. La pensée économique en France depuis 1945. P., 1953, p. 8.

¹¹ Ibidem.

политической экономии применительно к условиям общего кризиса капитализма происходит во Франции медленнее, чем в других ведущих капиталистических странах. Современный эклектизм, присущий большинству французских экономистов, отражает новые тенденции в буржуазной политической экономии, которые прокладывают себе путь в литературе, где формально еще господствуют традиционные экономические теории в силу указанных выше особенностей экономического развития этой страны.

2. СТОКГОЛЬМСКАЯ ШКОЛА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Хотя Швеция небольшая страна, но ее влияние на современную мировую буржуазную экономическую литературу весьма значительно. Шведские буржуазные экономисты претендуют на то, что им, а не Кейнсу, принадлежит пальма первенства в создании так называемой новой экономической науки (new economics).

С 30-х годов в Швеции сформировалось особое направление в политической экономии, получившее название «шведской», или «стокгольмской школы»¹². Она получила последнее название потому, что ее виднейшие представители — Гуннар Мюрдаль (бывший исполнительный секретарь Экономической комиссии ООН для Европы), Эрик Линдаль и Бертиль Олин — являются профессорами Стокгольмского университета. Нескольким особняком от этой группы стоит проф. Эрик Лундберг, директор созданного в 1937 г. Шведского конъюнктурного института. В статье Гарольда Дикинсона, посвященной рассмотрению шведских экономических теорий, Лундберг характеризуется как представитель особой ветви стокгольмской школы. Мюрдаль же, Линдаль и Олин, по словам Дикинсона, образуют стокгольмскую школу в узком смысле¹³.

На формирование стокгольмской школы некоторое влияние оказали представители старшего поколения шведских буржуазных экономистов — Давид Давидсон, Кнут Виксель и Густав Кассель. Из них наибольшей известностью пользовался в мировой литературе Кассель, в особенности после опубликования в 1918 г. на немецком языке его основного труда «Theoretische Sozialökonomie». Но на шведскую буржуазную экономическую мысль наибольшее влияние оказал Виксель; в Швеции за последние два десятилетия создан своеобразный культ Викселя.

С 30-х годов в буржуазной экономической литературе значительно усилился интерес к Викселю, основные работы которого вышли в свет еще в конце прошлого и в самом начале текущего

¹² Последний термин получил право гражданства в буржуазной экономической литературе после опубликования статьи Б. Олина (B. Ohlin. Some Notes on the Stockholm Theory of Savings and Investment, I and II. «Economic Journal», L., June and September, 1937).

¹³ H. Dickinson. Grundzüge der schwedischen Wirtschaftstheorie. «Weltwirtschaftliches Archiv», Bd. 68, 1952, H. 1, S 54.

столетия¹⁴. Некоторые буржуазные экономисты пытаются представить Викселя в качестве родоначальника современных направлений в буржуазной политической экономии, которые получили свое наиболее развитое и распространенное выражение в кейнсианстве. Так, в предисловии к английскому переводу книги Викселя «О стоимости, капитале и ренте», принадлежащему перу проф. Шекла, отмечается, что от работ Викселя начинается линия, ведущая к лорду Кейнсу и проф. Хайеку, и что Виксель может рассматриваться как основоположник «объединенной теории денег, занятости и хозяйственного цикла»¹⁵.

Особенно усердствуют в популяризации Викселя шведские буржуазные экономисты. Они стараются отстоять не только приоритет Викселя в отношении некоторых положений, которые обычно связываются с именем Кейнса, но и подчеркнуть превосходство Викселя по сравнению с Кейнсом. Так, например, Э. Лундберг пишет: «Кейнс не поднялся над анализом Викселя, поскольку это касается теоретической области. Во многих отношениях он менее глубок, хотя его трактовка, конечно, значительно более конкретна, значительно более эклектична»¹⁶ (последнее, очевидно, рассматривается как положительная черта).

На примере споров вокруг Викселя наглядно выступает характерная для буржуазной литературы борьба между экономистами разных стран вокруг вопроса о приоритете в части наиболее модных буржуазных экономических теорий.

Вместе с тем усилившийся интерес к Викселю иллюстрирует положение, не раз оправдавшее себя в истории политической экономии, о том, что теории, оказавшиеся незамеченными в момент своего появления, вновь оживают через много лет, когда условия для их распространения становятся более благоприятными.

Какие же теоретические положения в работах Викселя вызвали к себе интерес со стороны современных буржуазных экономистов? Виксель подверг сомнению общепризнанную тогда в буржуазной литературе теорию реализации Ж.-Б. Сэя. Он высказал положение о возможности превышения общественного предложения над общественным спросом, о возможности несоответствия общего объема инвестиций и сбережений. Он отметил, что в известных условиях кризисные явления, выражающиеся в превышении общественного предложения над общественным спросом, не только не преодолеваются в силу возникновения противодействующих тенденций, но, напротив, продолжают усиливаться и обостряться. В этих утверждениях не было ничего оригинального.

¹⁴ См. K. Wicksell. Über Wert, Kapital und Rente. 1893; Finanz-theoretische Untersuchungen. Jena, 1896; Geldzins und Geldpreise. 1898; Vorlesungen über Nationalökonomie, T. 1, 1904; T. 2, 1906.

¹⁵ K. Wicksell. Value, Capital and Rent. L., 1954, p. 9.

¹⁶ E. Lundberg. Studies in the Theory of Economic Expansion. N. Y., 1955, p. 178.

Сисмонди еще в начале прошлого столетия показал неизбежность экономических кризисов перепроизводства. К. Маркс с исчерпывающей полнотой вскрыл несостоятельность вздорной и апологетической теории реализации Сэя. Но твердолобые защитники буржуазных доктрин продолжали хранить верность теории Сэя, давно опровергнутой наукой и фактами. Только мощные удары мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. поколебали этот твердый буржуазный оптимизм, отрицавший самую возможность общего перепроизводства товаров. В обстановке резко обострившихся кризисов перепроизводства привлекли к себе внимание буржуазной литературы некоторые положения Викселя, которые в свое время прошли незамеченными.

Если выступление Викселя против теории реализации Сэя является положительным фактом и свидетельствует о том, что он не потерял окончательно чувства действительности, то его собственная попытка дать теорию капиталистического цикла не выдерживает никакой критики. Он целиком стоял на позициях кредитно-денежной теории кризисов, приписывая решающую роль в движении капиталистического цикла изменениям нормы процента.

Суть теории кризисов Викселя сводится к следующему. Он проводил различие между естественной и фактической нормой процента. Под естественной нормой процента он по существу понимал норму прибыли, которую в духе вульгарных теорий сводил к предельной производительности капитала. Наличие более низкой фактической нормы процента по сравнению с естественной нормой процента, по Викселю, делает выгодным расширение инвестиций. Спрос на ссудный капитал непрерывно растет. Общий объем инвестиций начинает превышать размеры сбережений. В связи с увеличением спроса на средства производства и предметы потребления происходит рост товарных цен. Рост цен, способствуя повышению прибылей, толкает к дальнейшему росту инвестиций, что влечет за собой усиление всех симптомов, характеризующих фазу промышленного подъема.

Диаметриально противоположные процессы разворачиваются, по Викселю, в условиях, когда фактическая норма процента превосходит естественную норму. Рост инвестиций становится невыгодным: напротив, тогда начинается сокращение инвестиций. Спрос на ссудный капитал падает. Размеры сбережений начинают превосходить общий объем инвестиций. Параллельно сокращению инвестиций происходит снижение общественного спроса и падение цен на товары, которое в свою очередь, вызывая снижение прибылей, приводит к дальнейшему сокращению инвестиций и к новому снижению цен. Так происходит постепенное нарастание симптомов, характеризующих фазу экономического кризиса.

Из своей теории Виксель делал вывод об особой ответственности, которую несут банки за поддержание устойчивой экономической конъюнктуры. Центр тяжести антикризисной политики

он усматривал в таком регулировании нормы процента, при котором поддерживалось бы соответствие между фактическим уровнем процента и предельной производительностью капитала, между общим объемом инвестиций и размерами сбережений и устанавливался бы устойчивый уровень цен.

Виксель упрекал банки в том, что они недостаточно быстро реагируют на изменения естественной нормы процента. Все дело в том, писал он, что «ссудный процент (имеется в виду фактическая норма процента.— И. Б.) недостаточно быстро приспосабливается к этим изменениям (естественной нормы процента.— И. Б.), так что влияние банков на товарные цены в действительности является следствием их пассивности, а не их активности на рынке ссудных капиталов. Одним словом, возникающее различие между действительным ссудным процентом и нормальным процентом, которое мы выше отметили как главную причину изменения товарных цен, очень часто происходит не потому, что ссудный процент непрерывно изменяется, в то время как нормальный, или реальный, процент остается неизменным, но значительно чаще потому, что нормальный процент повышается или понижается, в то время как ссудный процент остается на том же уровне или медленно следует за ним»¹⁷.

Для Вискеля характерно — и это сделало его теорию весьма привлекательной для современных буржуазных экономистов, — что он отрицал возможность автоматического восстановления равновесия после того, как обнаруживается несоответствие между объемом инвестиций и сбережений. Он подчеркивал, что неравновесие имеет тенденцию к дальнейшему обострению до тех пор, пока банки, распределяющие кредит, не примут необходимых мер. По Вискелю, для установления равновесия необходимы три условия: а) равенство между фактической и естественной нормой процента; б) равенство между инвестициями и сбережениями; в) стабильность цен.

Положение о решающей роли изменений нормы процента в движении капиталистического цикла, составляющее существо теории Вискеля, совершенно несостоятельно. Это положение базируется на ряде порочных предпосылок, широко распространенных в буржуазной литературе. Одной из таких предпосылок является изображение предпринимателей как особого класса, существующего якобы обособленно от собственников капитала и применяющего в своих предприятиях исключительно чужие капиталы. Только при этом предположении, из которого исходит Висксель, соотношение между нормой прибыли и нормой процента имело бы решающее значение для судьбы капиталистических предприятий. Но нет сомнения в том, что подобная картина, в которой руковод-

ство капиталистическими предприятиями не находится в руках капиталистов, является фантастической и находится в полном противоречии с действительностью.

Другой предпосылкой теории Вискеля является пресловутая «теория воздержания» Сеннора, трактующая так называемое воздержание капиталиста от немедленного потребления имеющихся у него богатств как источник накопления и предложения ссудных капиталов. В действительности важнейшим источником образования свободных капиталов, предлагаемых в ссуду функционирующим капиталистам, является само промышленное производство, в котором периодически происходит высвобождение отдельных частей капитала. Типической формой таких временно высвобождаемых частей капитала являются амортизационные отчисления, которые в течение ряда лет, до того, как наступает необходимость обновления основного капитала, остаются свободными. Временно высвобождаются и средства возмещения отдельных частей оборотного капитала, имеющих длительные периоды оборота. Временно свободны для отдельных предприятий и части капитализируемой прибавочной стоимости до наступления момента, когда начинается расширение данного предприятия.

Третьей предпосылкой теории Вискеля является положение о том, что кризис происходит в результате исчерпания свободного денежного капитала.

Известно, что острая потребность в денежном капитале во время кризиса является не причиной, а следствием расстройства всего процесса общественного воспроизводства. Нарушение процесса реализации и проявляется в том, что капиталисты не имеют возможности превращать имеющийся у них избыток товаров в наличные деньги. Высокий уровень процента во время кризиса является непосредственным показателем остроты экономических противоречий. «Наибольшей высоты ставка процента достигает во время кризисов, когда, чего бы это ни стоило, приходится брать займы для производства платежей»¹⁸.

Следует к тому же добавить, что, после того, как проходит наиболее острая фаза кризиса и капиталистам удается ликвидировать свои платежные обязательства, устанавливается обилие свободного денежного капитала как непосредственное следствие сжатия процесса воспроизводства. Но, несмотря на обилие денежного капитала, производство остается на низком уровне. Никакое обилие денежного капитала не может само по себе вызвать промышленного подъема, если нет соответствующих предпосылок в общих условиях воспроизводства и накопления. Это лишний раз подтверждает несостоятельность теории, приписывающей решающую роль в переходе от одной фазы цикла к другой, обилию или недостатку свободного денежного капитала.

¹⁷ K. Wicksell. Vorlesungen über Nationalökonomie auf Grundlage des Marginalprinzips, Bd. 2. Jena, 1928, S. 233.

¹⁸ К. Маркс. Капитал, т. III. М., Госполитиздат, 1955, стр. 374.

Основная эволюция современных шведских экономистов по сравнению с Викселем состоит в том, что если Вискель вопросам антикризисной политики почти не уделял большого внимания, то в современной шведской литературе, начиная с 30-х годов, эти вопросы приобрели особое значение и стали в центре внимания экономистов. Тут сказались влияние углубления социально-экономических противоречий в период общего кризиса капитализма.

Стокгольмская школа сформировалась в конце 20-х — начале 30-х годов. Автор новейшей работы, посвященной политической экономии в Швеции, К. Лундгрэн, считает началом формирования этой школы появление в 1927 г. докторской диссертации Г. Мюрдаля «Ценообразование и фактор изменения» (на шведском языке)¹⁹. В начале 30-х годов появились статьи и книги Мюрдаля, Олина и Линдаля, в которых изложены важнейшие положения этой школы. По словам того же автора, Лундгрэна, после 1938 г. ведущие шведские экономисты не выдвинули каких-либо новых идей и продолжали повторять старые положения, сформулированные в 30-х годах²⁰.

На формирование стокгольмской школы в политической экономии большое влияние оказал рост массовой безработицы в 20-х и 30-х годах. Установить подлинные размеры безработицы в Швеции на основании официальной статистики очень трудно, так как в этой стране нет обязательного государственного страхования по безработице. Публикуемые данные о числе безработных охватывают лишь часть общего числа безработных, а именно тех, кто имеет возможность обращаться за пособиями в кассы страхования по безработице, состоящие при профсоюзах. Многие из безработных не состоят членами профсоюзов, не участвуют в профсоюзных кассах страхования по безработице и ни где не регистрируются. В качестве одного из показателей размеров безработицы, хотя тоже дающего далеко не полное представление о ней, может служить сопоставление числа лиц, обратившихся в поисках работы на бирже труда, с числом людей, получивших работу через эти биржи. Такое сопоставление дается в таблице, составленной на основе средних годовых данных по пятилетиям с 1906 по 1940 г.²¹

Как видно из этих данных, в 20-х годах и особенно в первой половине 30-х годов значительно снизился удельный вес лиц, которым удалось получить работу. В первой половине 30-х годов примерно лишь 1/6 ищущих работы получила возможность наняться на работу. Уже одно то обстоятельство, что в течение 30-х годов свыше миллиона рабочих и служащих (в стране, насчитывавшей тогда около 6 млн. населения) ежегодно обращалось на

Годы	Число лиц, обратившихся на биржи труда в поисках работы, тыс.	Число лиц, получивших работу	
		тыс.	% к числу искавших работу
1906—1910	97,5	45,3	46,5
1911—1915	223,4	122,0	54,6
1916—1920	303,7	180,2	59,3
1921—1925	603,4	216,5	35,9
1926—1930	511,3	219,8	43,0
1931—1935	1314,9	243,1	18,5
1936—1940	999,0	392,4	39,3

биржи труда в поисках работы, свидетельствует об огромных размерах безработицы в стране.

Рост безработицы вызвал серьезную тревогу среди буржуазии и некоторых деятелей из числа социал-демократов, входивших с 1917 г. в состав правительства. В 1927 г. в Швеции была создана Комиссия по изучению причин безработицы и мер борьбы с ней. К работе этой комиссии были привлечены многие видные буржуазные экономисты. В процессе разработки практических предложений комиссии наметились некоторые теоретические положения, послужившие исходными позициями стокгольмской школы. Эрик Линдаль, один из главных представителей этой школы, так оценивает результаты работы указанной выше комиссии: «Экономические эксперты играли столь значительную роль в исследовании, что доклад (речь идет о докладе комиссии.— И. Б.) может не без основания рассматриваться как существенное (principal) достижение шведского исследования по проблемам торгово-промышленного цикла в последние годы»²².

Значительное влияние на формирование стокгольмской школы оказал мировой экономический кризис 1929—1933 гг., вызвавший глубокие потрясения и в экономике Швеции. Правда, падение общего объема промышленного производства в этой стране не было столь катастрофическим, как в США или в Германии, но оно все же было весьма значительным. Стоимость продукции обрабатывающей промышленности в Швеции в 1932 г. составила примерно 78% по сравнению с уровнем 1929 г. (в 1929 г. стоимость продукции обрабатывающей промышленности составила 4838,2 млн. крон, в 1932 г.—3770,1 млн.)²³. Кризис очень тяжело отразился на некоторых отраслях, работающих на экспорт, например на добыче железной руды, играющей столь крупную роль в экономике Швеции. В 1931—1935 гг. добыча железной руды упала вдвое — с 11,5 млн. т в 1929 г. до 5,2 млн. т в среднем ежегодно.

Особо тяжелые последствия для шведской экономики вызвал

²² E. Lindahl. Studies in the Theory of Money and Capital, p. 351.

²³ Я. Е. Сегал. Экономика и политика современной Швеции, стр. 16.

¹⁹ K. G. Lundgren. Economics in Modern Sweden. Wash., 1957, p. 24.

²⁰ Ibid., p. 33.

²¹ Таблица, составленная на основании данных официальной статистики Швеции, приводится в кн. Я. Е. Сегал. Экономика и политика современной Швеции. Изд-во АН СССР, 1952, стр. 14.

крах гигантского концерна Крейгера. Он вызвал волну банкротств и массовое разорение многочисленных мелких держателей акций и облигаций. Многие крупные предприятия закрылись или сократили свое производство до минимума, выбросив на улицу десятки тысяч рабочих. Обострение экономического положения сопровождалось активизацией рабочего движения. Возмущение трудящихся масс мошенническими операциями Крейгера и всей финансовой олигархии принимало форму активных выступлений — демонстраций, стачек протеста и т. д. Напуганная буржуазия призвала на помощь социал-демократических лидеров. В конце 1932 г. было сформировано социал-демократическое правительство П. А. Ханссона. С тех пор социал-демократы находятся во главе всех правительственных кабинетов, действовавших в Швеции.

Кризис 1929—1933 гг. вызвал среди шведских буржуазных экономистов поиски антикризисных мероприятий. Так, в 1930 г. Э. Линдаль выпустил на шведском языке работу о средствах денежной политики в связи с вопросами борьбы с кризисами. В 1931 г. появилась работа Гуннара Мюрдала «Монетарное равновесие» (в 1933 г. она была издана в немецком переводе, в 1939 г. — в английском), в которой разбирается тот же круг вопросов. Мюрдаль написал приложение к финансовому биллю 1933 г., в котором в сжатой форме дано обоснование антикризисной программы. Особое внимание в этом приложении уделяется тому, какую роль играет увеличение государственных расходов, в частности в форме расходов на общественные работы, в деле преодоления тенденции к падению цен, прибылей, занятости²⁴.

О направлении, в котором шведские буржуазные экономисты пытались разобрать проблемы антикризисной политики, свидетельствует заглавие статьи Бертиля Олина, опубликованной на шведском языке в 1934 г.: «Денежная политика, общественные работы, субвенции и таможенные пошлины в качестве средства преодоления безработицы»²⁵.

В наиболее систематизированном виде программа антикризисных мероприятий штокгольмской школы выражена в работе Э. Линдаля «Исследования по теории денег и капитала», опубликованной в Англии в 1939 г. (в Швеции она была опубликована в виде статей на протяжении 30-х годов), а также в его книге «Проблема стабилизации занятости», опубликованной в 1949 г.

Исходным пунктом этой программы является положение, подчеркнутое в докладе Комиссии по изучению причин безработицы 1927 г. и в высказываниях ряда виднейших ее деятелей, в частности Мюрдала, что она никоим образом не должна задевать ин-

²⁴ Содержание этого приложения вкратце изложено в кн. E. Lundberg. Business Cycles and Economic Policy. L., 1957, p. 117.

²⁵ Цит. по H. Dickinson. Grundzüge der schwedischen Wirtschaftstheorie vor allem. Der Stockholmer Schule während der letzten 25 Jahre. «Weltwirtschaftliches Archiv», Bd. 68, 1952, H. 1, S. 66.

тересов частных предпринимателей и ограничивать, затруднять деятельность их предприятий. «На ее отчет (т. е. отчет Комиссии по изучению причин безработицы.— И. Б.),— пишет Линдаль,— большое влияние оказала та точка зрения, согласно которой правительственная деятельность не должна расширяться за счет частного предпринимательства. Однако такое расширение вполне допустимо, если оно не вызывает сокращения частнохозяйственных ресурсов, которые в противном случае оставались бы (полностью или частично) бездейственными»²⁶.

Яснее трудно выразиться. Шведские буржуазные экономисты расписались в том, что их антикризисные программы полностью подчинены интересам укрепления капиталистических предприятий и обеспечения капиталистической прибыли. Линдаль нисколько не скрывает того, что единственным оправданием расширения экономической деятельности буржуазного государства является помощь капиталистам.

Центральное место в антикризисных проектах шведских буржуазных экономистов занимают мероприятия по регулированию нормы процента. Тут сказывается влияние Викселя, который, как мы видели, объяснял переход от одной фазы капиталистического цикла к другой колебаниями нормы процента. В связи с этим в шведской буржуазной экономической литературе на первый план выдвигаются вопросы кредитно-денежной политики. «...По моему мнению,— пишет Линдаль,— не может быть сомнения в том, что сглаживание циклических колебаний, поскольку оно желательно, должно быть достигнуто главным образом при помощи кредитно-денежных мероприятий. Основная ответственность за политику в отношении к торгово-промышленному циклу должна соответственно лежать на центральном банке, поскольку это тесно связано с заботой о поддержании кредитно-денежной системы»²⁷. Линдаль отмечает, что бюджетная политика правительства и форсирование государственных расходов во время кризисов должны играть вспомогательную роль и дополнять мероприятия кредитно-денежной политики.

Хотя шведские буржуазные экономисты и до настоящего времени продолжают особенно акцентировать внимание на мероприятиях так называемой монетарной политики, они вынуждены были под влиянием мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. уделить много внимания вопросам налоговой и бюджетной политики, как методам борьбы с экономическими кризисами. Линдаль подчеркивает необходимость использования этого метода в тех случаях, когда снижение нормы процента не дает эффекта в борьбе с экономическим кризисом.

²⁶ E. Lindahl. Studies in the Theory of Money and Employment, p. 356.

²⁷ Ibid., p. 357.

инвестиций в Швеции создан Совет по инвестициям (Investment council). Председателем совета является член правительства, членами совета выступают представители следующих организаций: специального управления (board) по общественным инвестициям, обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства, союза предпринимателей, тред-юнионов, кооперации, оптовой и розничной торговли. Этот совет выполняет только консультативные функции. Его решения не имеют обязательной силы, да и вообще он предпочитает не принимать никаких решений. Профессор Олин так характеризует функции этого совета: «Совет является форумом для дискуссий в целях выработки основных задач политики, необходимых на каждой стадии развития. Его задача — оказывать влияние на частные инвестиции и осуществлять координирование частных и общественных инвестиций. По очевидным соображениям никаких решений на основании большинства не принимается. Совет стремится к достижению добровольных соглашений, и каждая группа должна стремиться реализовать эти соглашения в своей собственной сфере. Совет может также публично выражать свое мнение, для того чтобы оказывать влияние на политику различных групп общества»³¹.

Совершенно очевидно, что такой чисто совещательный орган не располагает средствами для воздействия на общий объем инвестиций. Он может только убеждать и просить предпринимателей не сокращать своих инвестиций во время кризиса, но какое значение могут иметь такие увещевания, когда экономические интересы предпринимателей в обстановке резкого сокращения рынка и ухудшения условий реализации настоятельно требуют сокращения производства? Что могут дать попытки координирования работы разных отраслей и предприятий в момент, когда вся деятельность капиталистов подчинена одному принципу — спасайся, кто может? Создание подобного Совета по инвестициям — одна из бесчисленных безуспешных организационных попыток буржуазии каким-то путем обойти и преодолеть действие капиталистического закона анархии производства и конкуренции.

Шведская экономика находится в тесной зависимости от мирового рынка. Экономическая политика Швеции направлена на то, чтобы избежать резкого сокращения экспорта и импорта.

Линдаль в дополнение к регулированию нормы процента предлагает тройного рода антикризисные мероприятия. Во-первых, как он пишет, «нормальная общественная деятельность» (имеются в виду расходы правительства и местных самоуправлений на выполнение своих обычных функций) должна происходить регулярно, не подвергаясь воздействию капиталистического цикла. Это значит, что во время кризисов правительство и местные самоуправления не должны снижать своих обычных расходов. Во-вторых, общественные строительные работы должны преимущественно осуществляться во время кризиса и депрессии, когда налицо более низкие издержки производства. В-третьих, налоговое бремя должно быть облегчено во время кризиса и усилено при наступлении подъема. Это значит, делает вывод Линдаль, что бюджет должен быть дефицитным в первом случае и заключать излишек («сверхсбалансирован») — во втором²⁸.

Как видим, в этой программе в более осторожной форме выражены те же практические предложения, которые фигурируют в работах английских и американских экономистов кейнсианского направления. Антикризисная программа шведских буржуазных экономистов отходит от одного из важных принципов традиционных буржуазных теорий — принципа соблюдения бюджетного равновесия в любых условиях. Эта программа выдвигает целесообразность балансирования бюджета в течение более длительного времени и возможность временного допущения бюджетного дефицита для финансирования антикризисных мероприятий. В этой программе фигурируют такие популярные среди буржуазных экономистов антикризисные мероприятия, как сосредоточение общественных работ во время кризиса и варьирование налогов в разные фазы капиталистического цикла.

В Швеции кое-что применялось из этой антикризисной программы на практике, в особенности в 30-х годах. Так, шведское правительство в начале 30-х годов заключило займы для смягчения безработицы. Как писал шведский министр финансов в ту эпоху Эрнст Вегфорс, эти займы в 1938 г. были погашены²⁹. В Швеции был применен опыт создания так называемого двойного бюджета (например, 1938/39 г.), который состоит из двух частей: обычной части, в которой расходы соответствуют государственным доходам, и дополнительной части, рассчитанной в случае взрыва кризиса в течение бюджетного периода, когда должны быть предприняты специальные мероприятия и произведены дополнительные расходы. Линдаль дает такую характеристику двойного бюджета: «В то время как регулярный бюджет имеет характер минимального бюджета, приспособленного к потребностям бума, специальный бюджет (вместе с регулярным бюджетом)

²⁸ E. Lindahl. *Studies in the Theory of Money and Employment*, p. 365.
²⁹ E. Wegforss. *The Financial Policy during Depression and Boom*, «The Annals of the American Academy», May, 1938.

представляет собой максимальный бюджет, приспособленный к потребностям депрессии» (имеется в виду кризис. — П. Б.)³⁰.

Шведские буржуазные экономисты отдают себе отчет в том, что возможность воздействия публичных (т. е. правительственных и коммунальных) расходов на конъюнктуру весьма ограничена. Они в связи с этим выступают с предложениями в отношении воздействия на частные инвестиции. С целью регулирования инвестиций в Швеции создан Совет по инвестициям (Investment council). Председателем совета является член правительства, членами совета выступают представители следующих организаций: специального управления (board) по общественным инвестициям, обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства, союза предпринимателей, тред-юнионов, кооперации, оптовой и розничной торговли. Этот совет выполняет только консультативные функции. Его решения не имеют обязательной силы, да и вообще он предпочитает не принимать никаких решений. Профессор Олин так характеризует функции этого совета: «Совет является форумом для дискуссий в целях выработки основных задач политики, необходимых на каждой стадии развития. Его задача — оказывать влияние на частные инвестиции и осуществлять координирование частных и общественных инвестиций. По очевидным соображениям никаких решений на основании большинства не принимается. Совет стремится к достижению добровольных соглашений, и каждая группа должна стремиться реализовать эти соглашения в своей собственной сфере. Совет может также публично выражать свое мнение, для того чтобы оказывать влияние на политику различных групп общества»³¹.

Совершенно очевидно, что такой чисто совещательный орган не располагает средствами для воздействия на общий объем инвестиций. Он может только убеждать и просить предпринимателей не сокращать своих инвестиций во время кризиса, но какое значение могут иметь такие увещания, когда экономические интересы предпринимателей в обстановке резкого сокращения рынка и ухудшения условий реализации настоятельно требуют сокращения производства? Что могут дать попытки координирования работы разных отраслей и предприятий в момент, когда вся деятельность капиталистов подчинена одному принципу — спасайся, кто может? Создание подобного Совета по инвестициям — одна из бесчисленных безуспешных организационных попыток буржуазии каким-то путем обойти и преодолеть действие капиталистического закона анархии производства и конкуренции.

Шведская экономика находится в тесной зависимости от мирового рынка, значительная доля ее промышленной продукции

³⁰ E. Lindahl. *Studies in the Theory of Money and Capital*, p. 384.

³¹ Эта цитата взята из лекции Олина, прочитанной в 1947 г. и изданной в Швеции. «Шведская антикризисная программа». Цит. по Н. Grayson. *Economic Planning under Free Enterprise*. Wash., 1954, p. 101.

экспортируется в другие страны. В среднем только 40—45% промышленной продукции Швеции реализуется на внутреннем рынке, а 55—60% экспортируется³². О значении внешней торговли в экономике страны свидетельствует тот факт, что по стоимости экспорта и импорта, приходящегося на одного жителя, Швеция стоит впереди Англии и США. В связи с этим в шведских антикризисных программах большое место занимают предложения по регулированию экспорта товаров. В частности, шведские буржуазные экономисты предлагают создавать за счет правительства запасы экспортных товаров в моменты ухудшения положения на мировом рынке, с тем чтобы реализовать эти запасы при улучшении экспортной конъюнктуры. Это — разновидность буржуазных проектов по борьбе с кризисами при помощи организации скупики правительством избыточных товаров по устойчивым ценам, с тем чтобы реализовать их в фазе подъема по тем же ценам (критика подобного рода утопических проектов была дана в гл. 5).

Одинаковые причины порождают одинаковые следствия. Неудивительно, что глубокие потрясения экономики, связанные с обострением кризисов перепроизводства в период общего кризиса капитализма, вызвали самостоятельные попытки в отдельных капиталистических странах к преодолению экономических кризисов, причем эти попытки неизбежно должны были разворачиваться в одном и том же направлении. Существуют весьма ограниченные приемы искусственного форсирования потребительского и производственного спроса, и буржуазные деятели разных стран неизбежно копируют друг друга. Этими общими причинами объясняется то, что в Швеции могла возникнуть своя «оригинальная» антикризисная программа, в практической своей части весьма близкая к предложениям кейнсианцев.

Эта практическая программа потребовала некоторой перестройки в области экономической теории. Стокгольмская школа в отличие от кейнсианства не сделала попытки дать развернутый анализ факторов, определяющих общие размеры занятости, т. е. масштабы общественного производства и величину национального дохода. Шведские буржуазные экономисты в большей мере сохранили верность старым традиционным вульгарным теориям, нежели кейнсианцы. Но все же, поскольку они ходом событий вынуждены были поставить вопрос об обострении экономических трудностей капитализма, о необходимости усиления государственного вмешательства в хозяйственную жизнь и разработки программы мероприятий по укреплению капиталистической экономики, они должны были внести некоторые коррективы в старые теории, созданные еще тогда, когда господствовала доктрина *laissez faire*.

Перед лицом возросших экономических противоречий буржуазная политическая экономия должна была признать ряд не-

³² Е. Н. Зайцев. Швеция. Экономика и внешняя торговля. М., Внешторгиздат, 1955, стр. 61.

приятных истин. Она уже не могла просто замалчивать неприятные для оценки капитализма факты, ибо эти факты приняли слишком грозный характер. Она вынуждена была признать в качестве бесспорного факта общее перепроизводство товаров. Но из этого вынужденного признания вытекал ряд выводов. Пока буржуазные экономисты допускали возможность только частичного перепроизводства и местной, ограниченной безработицы, они могли ограничиться рассмотрением условий производства и реализации отдельных товаров, отдельных отраслей. Но когда они признали, что существуют общее перепроизводство и общая безработица, они уже больше не могли уйти от вопроса — как определяются условия производства и реализации для всего общественного капитала. Выражаясь языком буржуазной политической экономии, они должны были от вопросов микроэкономики перейти к вопросам макроэкономики. Необходимость такой перестройки выражена у Кейнса. Об этой необходимости писали и шведские буржуазные экономисты.

В обстановке возросших экономических противоречий буржуазные экономисты должны были сделать и такое неприятное признание, что для современной капиталистической экономики характерно не наличие, а отсутствие равновесия. Наряду с теорией реализации Сэя оказалась поколебленной и потрясенной и столь популярная в буржуазной политической экономии «теория равновесия». В частности, критические высказывания по адресу последней были высказаны и в шведской литературе (как мы отмечали в гл. 2).

Суровая действительность вынудила буржуазных экономистов признать некоторые тяжелые факты, но они изменили бы своей классовой природе, если бы дали правдивое изображение капиталистической действительности. Выполняя свою основную функцию, они попытались дать несколько видоизмененную, подправленную апологию капиталистического строя. Изучение объективных экономических законов капиталистического развития они подменили составлением искусственных теоретических конструкций, в которых решающую роль играют надуманные психологические факторы.

К. Лундгрен формулирует содержание экономического учения стокгольмской школы в виде четырех положений³³.

1. Попытка дать «макроэкономическую теорию, рассматривающую общественный продукт в целом». Это означает отрицание теории реализации Сэя.

2. Разработка теорий «ожиданий» или антиципаций и их классификация на ожидание *ex ante* и *ex post* (изложение этих понятий будет дано ниже). Эти ожидания играют решающую роль в определении действий предпринимателей.

³³ K. G. Lundgren. Economics in Modern Sweden, p. 27—28.

3. Попытка дать так называемый периодический анализ, или «модель последовательности» (model of sequence). Под этими мудреными названиями скрывается попытка перейти от статике к динамике.

4. Антикризисные предложения, разработанные еще Комиссией по изучению причин безработицы.

Из этих четырех пунктов последний представляет сводку практических предложений, рассмотренных выше. Первый и третий пункты выражают весьма беспомощные попытки подняться над частнохозяйственным и статическим подходом, несостоятельность которого стала очевидной для многих современных буржуазных экономистов. Центр тяжести экономической теории стокгольмской школы состоит во втором положении.

Экономисты стокгольмской школы идут по стопам австрийской школы. Стоя целиком на идеалистических позициях, они выдвигают на передний план субъективные моменты, подчеркивают их решающую роль в определении экономических процессов и категорий. «Новое», что внесли шведские буржуазные экономисты в эту чисто идеалистическую трактовку, состоит в том, что они особое значение приписывают антиципациям капиталистов, их оценкам будущих цен, доходов, возможности реализации, ожидаемого риска отдельных операций и вообще перспектив экономического развития. Антиципации капиталистов шведские буржуазные экономисты трактуют чуть ли не как главный фактор, определяющий общий ход воспроизводства общественного капитала и изменения конъюнктуры. Так, Линдаль следующим образом характеризует основную позицию стокгольмской школы: «Уровень цен на потребительские блага определяется главным образом отношением между потреблением и сбережением, с одной стороны, и отношением между объемом потребительских благ и произведенных капитальных благ — с другой. Эти отношения в свою очередь определяются уровнем процентной ставки и ожиданиями, касающимися будущего»³⁴. Теория, подчеркивающая особое значение антиципаций, распространилась в буржуазной литературе других стран. В частности эту теорию рекламировал Кейнс, но ее зачинателями выступают шведские буржуазные экономисты, в частности Г. Мюрдаль.

Именно от стокгольмской школы ведет свое начало весьма распространенная в современной буржуазной экономической литературе идея о необходимости разграничения двоякого рода рассмотрения: *ex ante* и *ex post*³⁵. Под *ex ante* понимается рассмотрение с точки зрения перспективных расчетов капиталистов на бу-

дущее, определяемых предполагаемыми изменениями конъюнктуры, цен, доходов. Рассмотрение же явлений *ex post* означает рассмотрение их с точки зрения фактического положения вещей. Шведские буржуазные экономисты отмечают, что эти обе точки зрения могут не совпадать. Так общая сумма инвестиций и сбережений *ex ante* (если сложить перспективные расчеты отдельных предпринимателей в части инвестиций и отдельных лиц в части сбережений) могут не совпадать между собой. Но в конечном счете *ex post* эти суммы должны совпасть, поскольку, например, в случае наличия превышения сбережений над инвестициями избыточные сбережения не смогут быть реализованы, фактическая величина национального дохода снизится и в конце концов общая сумма сбережений не будет превышать масштабов инвестиций.

В реальной действительности точка зрения *ex post* (если пользоваться терминологией стокгольмской школы) является определяющей. Это вытекает из того, что расчеты капиталиста, его ожидания и надежды, его представления о риске и т. д. всецело определяются объективным положением дел, состоянием конъюнктуры. Между тем стокгольмская школа, вопреки этим непреложным фактам, выдвигает на передний план точку зрения *ex ante*, усматривая в ней решающее средство к познанию экономических процессов. Как отмечает шведский буржуазный экономист Т. Паландер, «специальный анализ *ex ante*, вероятно, есть самая типическая особенность так называемой стокгольмской школы»³⁶.

Экономисты стокгольмской школы просто обходят вопрос о факторах, определяющих антиципации предпринимателя. Это облегчает им замазывание решающей роли объективных факторов. Как правильно заметил Лундгрен, «эта школа только наметила программу исследований путем этого подразделения на *ex ante* и *ex post*. Нигде в их писаниях мы не найдем детального отчета о том, как прошлые сделки воздействуют на ожидания. Если кто-либо, как это часто случается, ссылается в качестве аргумента на антиципации или их изменения, редко объясняет, почему антиципации приняли установленную форму или почему они изменяются. Несомненно, такое объяснение изобилует трудностями, но его опущение часто придает вид бесплодности (lent an air of sterility) анализу стокгольмской школы»³⁷.

Эта теория антиципаций основана на идеалистическом представлении о том, что экономические законы являются выражением и результатом субъективных процессов, порожденных сознанием людей. Марксизм давно опроверг это идеалистическое представление, доказав, что законы науки — все равно, идет ли речь о законах естествознания или о законах политической экономии —

³⁴ E. Lindahl. Studies in the Theory of Money and Capital, p. 11.

³⁵ Эта теория подробно изложена в ст. B. Ohlin. Some Notes on the Stockholm Theory of Savings and Investment, I and II. «Economic Journal», L., June and September, 1937.

³⁶ T. Polander. On the Concepts and Methods of the Stockholm School. «International Economic Papers», 1953, No 3, p. 34.

³⁷ K. G. Lundgren. Economics in Modern Sweden, p. 23.

отражают объективные процессы, происходящие независимо от воли людей.

В капиталистической практике перспективные расчеты капиталиста нередко опрокидываются последующим развитием событий. Особенно учащаются эти случаи во время кризисов, когда лопаются, подобно мыльным пузырям, расчеты капиталистов на высокие прибыли и устойчивые цены. Расхождение между оценками *ex ante* и *ex post* давно известно в марксистской политической экономии, хотя последние не применяла специальной терминологии. В период, непосредственно предшествующий кризису, капиталисты, рассчитывающие на длительную высокую конъюнктуру, продолжают расширять производство, несмотря на наличие уже перепроизводства товаров. Это приводит к обострению кризиса перепроизводства. Марксистская теория не отрицает значения этого фактора, но она раскрывает, во-первых, подчиненную роль последнего; во-вторых, — его производный характер от развития противоречий капиталистического производства.

Маркс подчеркивал, какое большое значение в обострении экономических противоречий имеет нарушение «предположительных отношений цен». «...Определенные предположительные отношения цен, — писал К. Маркс, — обуславливают процесс воспроизводства, а потому последнее вследствие общего понижения цен приостанавливается и приходит в расстройство. Это расстройство и приостановка процесса воспроизводства парализует функцию денег как средства платежа, развивающуюся с развитием капитала и основывающуюся на упомянутых предположительных отношениях цен, разрывает в сотне мест цепь платежных обязательств на определенные сроки, еще более обостряется возникающим отсюда потрясением кредитной системы, разбившейся вместе с капиталом, и таким образом приводит к сильным и острым кризисам, к внезапным насильственным обесценениям, к действительной приостановке и срыву процесса воспроизводства и вместе с тем к действительному сокращению воспроизводства»³⁸.

Сама неизбежность нарушения перспективных расчетов капиталистов порождена объективными экономическими законами капитализма, действующими слепо, стихийно, насильственно, «подобно закону тяготения, когда на голову обрушивается дом»³⁹. В стихийно развивающемся обществе, где отсутствуют сознательный контроль и планомерное руководство общественным производством, экономическая необходимость прокладывает себе путь через непрерывные нарушения пропорциональности и отклонения цен от стоимости и цен производства, как слепо действующий закон средних чисел. Неизбежное несоответствие между перспективными расчетами капиталистов и фактическими результатами

их деятельности заложено в самой природе анархического капиталистического способа производства.

Шведские буржуазные экономисты, претендующие на особую «оригинальность» в этом вопросе, пустили в оборот вздорную идею о том, что антиципации капиталистов оказывают якобы решающее воздействие на величину национального дохода. Так, Линдаль пишет: «Следует особо подчеркнуть, что изменения в доходах могут произойти исключительно благодаря изменению идей индивидов относительно будущей производительности и уровня цен. Изменившаяся оценка риска и другие изменения могут сами по себе повлиять на капитальные ценности, а тем самым и на размер национального дохода»⁴⁰. Согласно этой теории, расчеты капиталиста на будущее, его оценка перспектив развития, его надежды, страхи и ожидания и т. д. превращаются в самостоятельную силу, определяющую изменение прибылей предприятия.

Эта вздорная теория противоречит общеизвестным фактам действительности. Капиталистическая прибыль представляет собой превращенную форму прибавочной стоимости. Она может создаваться только в процессе производства на основе эксплуатации наемных рабочих или присвоения прибавочного труда некапиталистических производителей, например крестьянства, как в самой метрополии, так и в особенности в колониях. Расчеты капиталистов на близкое или отдаленное будущее не могут создавать ни одного атома дополнительной прибыли. Эти расчеты не могут изменить и распределения прибавочной стоимости между отдельными капиталистами, поскольку это распределение зависит от соотношения экономической силы отдельных капиталистов, от специфических условий производства в отдельных странах и отраслях, а не от субъективных настроений капиталистов. Расчеты капиталистов на будущее не могут оказать сколько-нибудь существенного влияния на условия реализации прибавочной стоимости, определяемые общими условиями реализации общественно-го продукта и зависящие в конечном счете от покупательной способности широких масс населения.

Авторы теории о решающей роли антиципаций опираются на опыт фондовых бирж, где курсы ценных бумаг испытывают колебания в зависимости от самых разнообразных событий не только в экономической, но и в политической области. Биржевые спекулянты, играющие на повышение или понижение, стараются учесть предстоящие изменения конъюнктуры. Расчеты спекулянтов на будущее оказывают влияние на спрос и предложение отдельных ценных бумаг и тем самым на их курс. Но биржевая спекуляция не связана непосредственно с производством капиталистической прибыли. На бирже не создается ни одного атома дополнительной прибыли. Там имеет место лишь перераспределение прибылей и

³⁸ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 264—265.

³⁹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 81.

⁴⁰ E. Lindahl. Studies in the Theory of Money and Capital, p. 154.

убытков между отдельными группами спекулянтов. Обогащению одних соответствует разорение других. По существу биржевая спекуляция — это игра, которая не затрагивает непосредственно процессов производства и распределения прибавочной стоимости.

Следует к тому же добавить, что колебания биржевых курсов определяются объективными причинами. Эти колебания в конечном счете отражают реальные процессы, происходящие в капиталистической экономике. И на бирже антиципации спекулянтов имеют чисто производный характер. Не случайно побеждают в этой игре на повышение или понижение те спекулянты, которые лучше знают объективное положение дел и на этой базе умеют лучше предугадать дальнейшее развитие событий⁴¹.

Теория о решающей роли антиципаций капиталистов явно ставит проблему реализации на голову. Но, несмотря на свою вздорность, она оказалась широко распространена. Это объясняется тем, что она оказалась весьма выгодной для монополистического капитала. Она дает возможность оправдать всякие формы кровительства и финансовой помощи в отношении монополий со стороны буржуазных правительств и благовидный предлог для предоставления щедрых субсидий монополиям, налоговых льгот, дешевого кредита и финансирования за счет государственного бюджета. Предлогом тут является ссылка на то, что хозяйственная активность зависит от антиципаций капиталистов и что для стимулирования этой активности нужно всячески поощрять капиталистов, т. е. в первую очередь ведущие монополии, наиболее тесно связанные с буржуазным государством. Так под флагом этой теории проводится оправдание осуществляемого в империалистических странах перераспределения национального дохода через государственный бюджет в пользу монополий.

Стокгольмская школа, как и другие направления современной буржуазной политической экономии, хотя и вынуждена была отказаться от некоторых явно обанкротившихся догм, например от теории реализации Сэя, все же оказалась совершенно несостоятельной для объяснения экономических процессов, характерных для современного капитализма. Это не удивительно, поскольку она отвлекается от коренных противоречий капиталистического производства и сосредоточивает свое основное внимание на явлениях в кредитно-денежной и биржевой сфере.

При объяснении специфических исторических условий формирования стокгольмской школы следует учесть, что со второй

⁴¹ Несостоятельность теории *ex ante* и *ex post* отмечается некоторыми буржуазными экономистами. Например, А. Амонн пишет, что оценки *ex ante* и *ex post* отличаются друг от друга не только в количественном, но и в качественном отношении. Оценки *ex ante* выражают индивидуальные расчеты, оценки *ex post* — народнохозяйственные результаты (А. Амонн. Die Probleme der dynamischen Gleichgewichtstheorie. «Schweizerische Zeitschrift für Volkswirtschaft und Statistik», Juni, 1956, Nr 2, S. 206).

половины 30-х годов экономическая конъюнктура в Швеции складывается более благоприятно, чем во многих других капиталистических странах. Это видно из данных об индексе выпуска промышленной продукции в капиталистических странах (1929 г. = 100)⁴²:

Год	США	Англия	Франция	Италия	Швеция
1939	99	123	80	108	166
1946	155	112	63	72	207
1947	170	121	74	93	214
1948	175	135	85	97	227
1949	160	144	92	103	236
1950	182	157	92	118	247
1951	200	160	104	134	255
1952	208	156	109	137	250
1953	226	165	105	150	251
1954	210	174	115	162	261

Как видно из этих данных, Швеция обнаружила более высокие темпы роста промышленной продукции по сравнению с США, Англией, Францией и Италией. В 1939 г., когда в некоторых капиталистических странах еще не был достигнут уровень 1929 г., объем промышленной продукции Швеции превысил уровень 1929 г. на 66%. После второй мировой войны, в 1946 г., Швеция более чем удвоила объем своей промышленной продукции по сравнению с 1929 г. Она дает наиболее высокий прирост промышленной продукции по сравнению с указанными странами и в 1954 г.

Шведские буржуазные и социал-демократические деятели любят козырять такого рода цифрами для того, чтобы продемонстрировать особые преимущества шведского развития, и в частности эффективность антикризисных мероприятий, предпринятых правительством этой страны.

В действительности более высокие темпы роста промышленной продукции в Швеции по сравнению со многими капиталистическими странами объясняются специфическими благоприятными историческими условиями, сложившимися для этой страны. Швеция сама не участвовала во второй мировой войне, но ее монополии широко использовали военную подготовку в других странах и самую войну. Во второй половине 30-х годов для Швеции сложились благоприятные условия в связи со значительным спросом гитлеровской Германии, осуществлявшей тогда усиленную милитаризацию, на ряд промышленных продуктов. В связи с этим кризис 1937—1938 гг. весьма слабо отразился на экономике Швеции.

⁴² Данные приведены в кн.: Е. Н. Зайцев. Швеция. Экономика и внешняя торговля, стр. 8.

Во время второй мировой войны хозяйство Швеции было поставлено на службу фашистской Германии, которой она продолжала поставлять во все более увеличивающихся масштабах железную руду, подшипники, электроприборы, целлюлозу для производства взрывчатых веществ, суда, а также продовольствие. Шведские монополии, баснословно наживаясь на поставках вооружения и других материалов Германии и ее сателлитам, продолжали расширять и обновлять предприятия военной промышленности и смежных с ней отраслей, а именно — машиностроительные, механические, судостроительные, электротехнические заводы. Так, индекс производства машиностроения (за 100 принимается 1935 г.) в 1942 г. был равен 157, в 1944 г. — 164⁴³. Одновременно, правда, происходило сокращение мирных отраслей шведской промышленности, в частности деревообрабатывающей, бумажной, а также жилищного строительства. Но в целом объем промышленной продукции в Швеции за эти годы вырос.

Экономическое положение Швеции продолжало улучшаться и в первые годы после второй мировой войны опять-таки на основе использования благоприятных экспортных условий. В связи с тем, что в разоренных странах Европы непосредственно после войны резко вырос спрос на различные товары, в особенности на строительные материалы, оборудование и товары широкого потребления, создалась возможность для значительного расширения шведского экспорта как по стоимости, так и по ассортименту. В первые послевоенные годы шведские монополии широко использовали выпадение Германии из международного торгового обмена и временное сокращение экспортных возможностей Англии.

В отличие от большинства европейских стран перед Швецией в послевоенные годы не стояли такие проблемы, как восстановление разрушенной войной промышленности и сельского хозяйства, массовое строительство разоренного жилого фонда, проблема военных и других иностранных долгов. В результате больших экспортных операций во время второй мировой войны Швеции удалось накопить крупные суммы золота и иностранной валюты (в основном в долларах). К концу 1946 г. Государственный банк Швеции располагал резервами валюты на сумму около 3 млрд. шведских крон⁴⁴.

В силу отмеченных выше благоприятных условий развертывания экономической конъюнктуры в Швеции, кризис буржуазной политической экономики принял там менее резкие формы по сравнению с Англией и США. Более трезвые шведские буржуазные экономисты отдают себе отчет в том, что столь сильно выраженная зависимость промышленности Швеции от мирового капиталистического рынка делает ее весьма уязвимой в случае наступления

серьезного мирового экономического кризиса. В шведской литературе не пользуется особым кредитом буржуазная теория о том, что капитализму якобы удалось создать механизм, способный ликвидировать экономические кризисы. Но шведские буржуазные экономисты рассчитывают, что при помощи антикризисных мероприятий удастся ограничить разрушительную силу экономических кризисов. Они принимают большинство практических предложений кейнсianцев в части антикризисной политики, но отвергают их общую постановку о смертельной опасности, угрожающей капитализму. Они отвергают положения в духе теории стагнации и полагают, что нет экономических причин, вызывающих необходимость углубления кризисов перепроизводства.

Для характеристики некоторых разногласий между кейнсianцами и экономистами стокгольмской школы можно привести следующее высказывание одного из виднейших ее представителей Б. Олина: «Я не согласен с Кейнсом и Хансеном в одном существенном пункте современных теорий: я думаю, что они преувеличивают объем сбережений при полной занятости. Когда доходы возрастают, сбережения обнаруживают тенденцию к росту в течение первого года, но это не значит, что они растут бесконечно. Публика скорее стремится жить в соответствии со своими доходами... Если вы будете иметь полную занятость перманентно, то у вас не получится таких больших сбережений, как это предполагают Кейнс и Хансен. Отсюда вытекает, что я не считаю необходимым такой большой объем строительных работ, как это думает Хансен»⁴⁵.

Шведские экономисты, как и кейнсianцы, подчеркивают особое значение всякого рода мероприятий, направленных на смягчение циклических колебаний, на ослабление разрушительной силы кризисов. Они считают, что мероприятия по укреплению экономики капитализма должны проводиться не систематически, как предлагает Хансен, а эпизодически, в моменты, когда нарастает угроза кризиса. Эти разногласия отчетливо выразил Олин в своей лекции «Шведская антикризисная программа». Он говорил: «...Идея, лежащая в основе шведских предложений, не есть кейнсianская идея о том, что существует опасность перманентной неполной занятости (underemployment) и что нужна перманентная политика для поддержания инвестиций на достаточно высоком уровне. В этом отношении мы в Швеции мыслим по-старому (old-fashioned). Предлагаемая политика основывается на предпосылке, согласно которой экономическое развитие осуществляется циклически, но, вероятно, в определенные периоды будет наблюдаться тенденция к слишком большой занятости»⁴⁶.

⁴⁵ B. Ohlin. Swedish Economists Favor Planned Expenditure. «Commercial and Financial Chronicle», 25 October, 1945.

⁴⁶ Цит. по H. Grayson. Economic Planning under Free Enterprise, Wash., 1954, p. 100.

⁴³ Я. Е. Сегал. Экономика и политика современной Швеции, стр. 72.
⁴⁴ Э. Д. Жибницкая. Швеция. Очерк экономической географии. Географиз, 1954, стр. 5.

Такую же оценку разногласий между кейнсианцами и шведскими экономистами дал Э. Лундберг. «Наконец, — пишет он, — должно быть подчеркнуто, что в Швеции в 30-х годах не было разговора о длительной экономической стагнации. Ситуация в США, где экономическая активность была на чрезвычайно низком уровне в 30-х годах, нашла отражение, как хорошо известно, во взглядах Кейнса и Хансена на задачи экономической политики в стагнирующей экономике. Но Кейнс и его последователи придали их объяснениям специфических условий 30-х годов характер теории, имеющей универсальную значимость для перестоявшего (ageing) капиталистического общества. Такая идея вековой стагнации не выступала в экономических дискуссиях в Швеции»⁴⁷.

Подоплеку этих разногласий между кейнсианцами типа Хансена и стокгольмской школой составляет то, что в Швеции установилась со второй половины 30-х годов более благоприятная экономическая конъюнктура, несколько ослабившая тревогу буржуазии и расчистившая почву для более оптимистических ожиданий.

Эта в целом более оптимистическая оценка стокгольмской школой по сравнению с кейнсианцами перспектив развития современного капитализма наложила отпечаток на трактовку ряда теоретических проблем. Так, например, для Кейнса характерно наличие элементов теории недопотребления и в связи с этим отрицательная оценка народнохозяйственной роли сбережений. Кейнс видел величайшую опасность для судеб капитализма в том, что слишком сильно растет доля национального дохода, идущая не на потребление, а на сбережение. Он рекомендовал стимулировать расточительное потребление для того, чтобы парализовать опасные результаты, связанные с тенденцией к образованию слишком больших сбережений. В отличие от Кейнса экономисты стокгольмской школы подчеркивают, что сбережения могут играть не только отрицательную, но и положительную роль, что при известных условиях рост сбережений может стимулировать расширение инвестиций.

Нет нужды в данной главе давать критический анализ внутренних споров в буржуазной экономической литературе между кейнсианством и стокгольмской школой. Мы привели это разногласие в порядке иллюстрации того, что кейнсианство родилось в условиях, где экономические противоречия, и в особенности противоречия реализации, выступают в более острой форме, чем в Швеции. Более слабое проявление этих противоречий в Швеции привело к тому, что стокгольмская школа оказалась более близкой, по сравнению с кейнсианством, к традиционным вульгарным экономическим теориям. В связи с этим характерные особенности эволюции буржуазной политической экономии в период общего

⁴⁷ E. Lundberg. Business Cycles and Economic Policy, p. 122.

кризиса капитализма не получили в Швеции столь развернутого выражения, как в Англии и США.

Указанный выше фактор наложил отпечаток и на трактовку практических проблем. В тех странах, где разрушительная сила мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. сказалась в особенно крупных масштабах, буржуазные экономисты настойчиво подчеркивали и подчеркивают недостаточность кредитно-денежных мероприятий для борьбы с кризисами и необходимость широкого использования для этой цели государственного бюджета. Шведская буржуазная экономическая литература также отразила эту тенденцию, но в более слабо выраженной, в менее подчеркнутой форме. В этом отношении симптоматично то, что знаменем стокгольмской школы остается Виксель, который, как мы видим, решающую роль приписывал движению нормы процента в определении изменений экономической конъюнктуры. Шведские буржуазные экономисты предпочитают преподносить различные антикризисные мероприятия кейнсианского типа в качестве коррективов к основной доктрине, разработанной Викселем еще в конце прошлого столетия. Это — внешняя иллюстрация того факта, что кризис буржуазной политической экономии развернулся в Швеции в более слабой форме, нежели в других капиталистических странах.

3. ЗНАЧЕНИЕ КЕЙНСИАНАСТВА

Важнейшим вариантом теорий «регулируемого капитализма» является кейнсианство. Оно наиболее типично для эволюции буржуазной политической экономии в период общего кризиса капитализма. Оно оказало значительное влияние на буржуазную экономическую мысль и на экономическую политику капиталистических государств⁴⁸. После опубликования основного труда Д. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» (1936 г.) возникла огромная литература, посвященная кейнсианству.

Буржуазные экономисты создали настоящий культ Кейнса. Они пустили в ход версию о «кейнсианской революции», о «новой экономической науке» (new economics)⁴⁹. В порядке иллюстрации восторженных оценок Кейнса, которые даются в буржуазной литературе, приведем следующие высказывания. Американский бур-

⁴⁸ В последнем издании «Американской энциклопедии» дается такая оценка влияния идей Кейнса: «Возможно, ни одна экономическая доктрина еще не получила такого всеобщего признания ее политической линии в такой короткий срок. За десятилетие после опубликования «Общей теории» Кейнса заявления, сделанные правительствами Австралии, Канады, Великобритании и США об общественной политике, отразили влияние новой экономической науки» («Economics».— «American Encyclopaedia», v. 9. N. Y.— Chi.— Wash., 1956).

⁴⁹ Морис Копленд писал о «кейнсианской реформации» в политической экономии (M. A. Copeland. The Keynesian Reformation. Delhi, pp. 5—6).

жуазный экономист К. Айрес заявил на съезде Американской экономической ассоциации в 1946 г., что кейнсианская теория — это «революция в экономическом мышлении, сравнимая лишь с дарвиновской революцией, или, может быть, даже с коперниковской революцией»⁵⁰. А бывший французский премьер-министр П. Мендес-Франс в упоминавшейся уже книге, написанной совместно с Г. Арданом, отмечает, что «кейнсианская теория представляет собой подлинную интеллектуальную революцию, аналогичную открытию неевклидовой геометрии и ее использованию в современной физике»⁵¹.

Вся эта шумная реклама не имеет ничего общего с действительностью. Кейнсианство, как и вульгарные экономические теории в прошлом, в основном подчинено задаче оправдания и приукрашивания современного капитализма, замазывания его антагонистических противоречий, притупления классовой борьбы.

Кейнс — ученик вульгарного экономиста А. Маршалла, главы так называемой кембриджской школы, и по основным теоретическим проблемам — стоимости, капитала, источника прибыли, заработной платы, ренты и т. д. — он разделяет воззрения своего учителя. Кейнс защищает руководящие идеи кембриджской школы, в частности признание примата психологических факторов, отрицание теории трудовой стоимости и теории прибавочной стоимости, определение заработной платы производительностью труда, попытку вывести прибыль из редкости капитала. Кейнс всегда враждебно относился к единственно научной политической экономии — марксистско-ленинской. Он совершенно откровенно изложил классовый смысл этой вражды к марксизму. Он писал: «Как я могу принять веру (марксизм под пером Кейнса превратился в религию. — И. Б.), которая восхваляет нудный пролетариат, ставит его выше буржуазии и интеллигенции? Каковы бы ни были недостатки последних, разве не они являются солью земли, разве не они несут с собой семена всеобщего человеческого прогресса?»⁵²

Главной целью теоретических работ Кейнса была борьба с революционным марксизмом. Весьма откровенно этот мотив Кейнса выражен в его письме к Бернарду Шоу от 1 января 1935 г., написанном в тот период, когда он готовил свою книгу «Общая теория занятости, процента и денег»⁵³. Кейнс хвастался в этом письме, что с помощью своей новой теории ему удастся «опрокинуть теорию Рикардо—Маркса».

⁵⁰ C. Ayres. The Impact of the Great Depression on Economic Thinking. «American Economic Review», May, 1946, p. 112.

⁵¹ P. Mendès-France et G. Ardant. La science économique et l'action, p. 37.

⁵² J. M. Keynes. Essays in Persuasion. L., 1931, p. 300.

⁵³ Это письмо приводится в книге: R. F. Harrod. The Life of John Maynard Keynes. L., 1951, p. 462.

Шум, созданный за последние два десятилетия вокруг теории Кейнса, объясняется тем, что буржуазия пытается использовать ее в качестве важнейшей преграды против растущего влияния идей марксизма-ленинизма. Как откровенно пишет видный американский кейнсианец С. Харрис, «тот, кто верит, что видоизмененный капитализм — основанный на разумном и ограниченном вмешательстве общественной власти — может обеспечить большую степень политической свободы и экономической безопасности, приветствует Кейнса, как оплот против коммунизма и спасителя нашей системы»⁵⁴.

Корни успеха, выпавшего на долю Кейнса, заключаются в том, что он сделал теоретическую попытку обосновать возможность укрепления капитализма путем некоторых мероприятий, не посягающих на буржуазную частную собственность и на господство монополий. Тот же Харрис пишет, что Кейнс «даровал демократическому капитализму новый срок жизни; поступая так, он укрепил это общество в эпоху, когда ему угрожает смертельная опасность»⁵⁵.

Шумиха, поднятая вокруг Кейнса, отражает, конечно, не подлинное значение его работ, а острую потребность буржуазии найти какие-то методы укрепления позиций капитализма, отсрочить час его неизбежной гибели. Буржуазии понадобились «спасители». Уильям Фостер остроумно охарактеризовал Кейнса как «врача скорой помощи при смертельно больном капитализме». Некоторые буржуазные авторы прямо объявляют Кейнса «спасителем капитализма». Такая оценка роли Кейнса дается в недавно вышедшем сборнике «Послекейнсианская экономическая наука». Один из авторов этого сборника, проф. М. Бронфенбреннер, пишет: «Без особых преувеличений можно считать, что кейнсианская политика полной занятости, осуществленная до и во время мировой войны, спасла капитализм 30-х годов»⁵⁶.

Очень высоко оценивает заслугу Кейнса в этом направлении и лейборист Дж. Стрэчи, который писал, что Кейнс помог «найти путь постепенной модификации системы, вопреки оппозиции капиталистических интересов. Кейнс сделал величайший вклад в области техники демократического перехода... Этим он помог указать народам Запада путь вперед, который не проходил через поток общей классовой войны, поток, от которого трудящиеся Запада теперь отпрянули, увидев его бушующие волны»⁵⁷.

⁵⁴ S. Harris. John Maynard Keynes — Economist and Policymaker. N. Y., 1955, p. IX—X.

⁵⁵ Ibid. p. 216.

⁵⁶ M. Bronfenbrenner. Some Neglected Implications of Secular Inflation. — «Post-Keynesian Economics», ed. by K. K. Kurihara. L., 1955, p. 49.

⁵⁷ J. Strachey. Contemporary Capitalism, p. 253.

Совершенно очевидно, что ни Кейнс, ни кто-либо иной из буржуазных деятелей не в состоянии спасти обреченный историей капиталистический строй. Когда буржуазные авторы расписывают роль Кейнса в качестве спасителя капитализма, то они имеют в виду прежде всего влияние, которое он оказал на разработку антикризисных мероприятий.

В буржуазной литературе неоднократно отмечалось, что, несмотря на большую полемику, которая ведется с кейнсианством, и несмотря на появление многих книг и статей, опровергающих это направление, большинство практических предложений Кейнса получило широкое признание. Это обстоятельство, в частности, отмечалось в специальном докладе В. Фэллнера, посвященном двадцатилетию со дня опубликования «Общей теории занятости, процента и денег», а годичной конференции Американской экономической ассоциации в декабре 1956 г.

Рассматривая различные элементы и варианты кейнсианства, Фэллнер выделяет особо «циклическое кейнсианство», под которым он имеет в виду учение Кейнса о кризисах и антикризисных мероприятиях, и отмечает, что этот вариант кейнсианства «выжил в течение двадцати лет и будет оставаться влиятельной доктриной в течение обозримого будущего»⁵⁸.

Бывший руководитель экономических советников при президенте США А. Бэрнс неоднократно подчеркивал, что в вопросе о мерах борьбы с кризисами нет разногласий между республиканцами и демократами. Д. Голбрейс пишет по этому вопросу следующее: «Существует широко распространенное представление о том, что один из главных идеологических вопросов — это вопрос о том, будет ли правительство кейнсианским или нет. В действительности, столкнувшись с реальной возможностью кризиса (depression), этот вопрос становится ни более ни менее как вопросом о том, стать или не стать политическим самоубийцей. Побуждаемый строгой традиционной точкой зрения относительно государственных финансов, — глубоким преклонением перед доктриной о здоровых финансах, — такой сильный президент, как Гувер, оказался способным сделать выбор в пользу самоубийства. По-видимому, он был последний, кому предоставилась такая возможность. Ни одна существующая или будущая администрация в действительности не имеет некейнсианского выбора; если наступит серьезный кризис, она не сможет балансировать бюджет и позволять природе, безработице, сельскохозяйственным ценам и демократам идти своим путем»⁵⁹.

В пятой главе мы подробно показали, что различные антикризисные мероприятия, осуществляемые буржуазными правительствами, фигурирующие обычно под названием «стабилиза-

⁵⁸ W. Fellner. What is Surviving? An Appraisal of Keynesian Economics on Its Anniversary. «American Economic Review», May, 1957, p. 67.
⁵⁹ J. K. Galbraith. Economics and the Art of Controversy, p. 100—101.

торов конъюнктуры», могут только отсрочить наступление кризисов, но в то же время углубляют противоречия, ведущие к кризисам.

Буржуазные деятели усматривают заслугу Кейнса в том, что он подвел теоретический базис под многочисленные проекты спасения и укрепления капитализма, выдвинутые за последние десятилетия. В большинстве случаев авторы таких проектов не ограничиваются только практическими предложениями, а делают также попытки дать теоретическое обоснование своих рекомендаций. Большая популярность Кейнса в буржуазных кругах объясняется не тем, что он предложил какую-то совершенно новую практическую программу по борьбе с кризисами и безработицей. Он отнюдь не был оригинален в своих практических предложениях. В большинстве случаев он защищал предложения, высказанные задолго до него. Заслуги Кейнса перед буржуазией выражаются в том, что он не только старался непосредственно обосновать те или иные практические предложения, но сделал попытку пересмотреть всю политическую экономию под углом зрения новых практических требований и отбросить некоторые старые теории, которые стали препятствием для оправдания программ спасения и укрепления капитализма.

Традиционные буржуазные теории, господствовавшие на протяжении XIX и начала XX в., опирались на теорию реализации Сэя. Они исходили из предпосылки, что совокупное предложение товаров равно совокупному спросу. Соответственно предполагалось, что в нормальных условиях имеет место полное использование всех производственных ресурсов, а безработица трактовалась как случайное и местное явление. Традиционные буржуазные теории на первый план выдвигали не избыток или перепроизводство товаров, а ограниченность или редкость имеющихся производственных ресурсов. Эти теории подчеркивали, что самый предмет экономической науки конституируется в силу ограниченности имеющихся ресурсов, несоответствия их потребностям людей и необходимости их экономного использования. Ограниченность, редкость производственных ресурсов, согласно этим теориям, конституирует стоимость, прибыль и все экономические категории. Задачу экономической теории защитники традиционных взглядов сводили к определению оптимальных условий использования наличных производственных ресурсов.

В наиболее законченном виде эта система взглядов выражена у шведского буржуазного экономиста Г. Касселя, который положил принцип ограниченности, или редкости (Prinzip der Knappheit), в основу всей своей теории и прежде всего — теории цены. Если бы цена на данный товар равнялась нулю, рассуждал Кассель, то спрос на этот товар мог бы возрасти в огромных размерах, значительно превышающих наличные запасы последнего. Задача процесса ценообразования, по Касселю, и состоит в том, чтобы

ограничить этот огромный спрос, свести потребление до уровня возможности, т. е. до фактических размеров наличных товарных запасов. Кассель отдавал себе отчет в том, что количество свободно воспроизводимых товаров можно увеличить по желанию. Он не мог не признать, что и количество разных видов средств производства поддается увеличению. Он пытался спасти свою теорию ссылкой на то, что в каждый данный момент существуют ограниченные запасы так называемых элементарных или первичных средств производства, к которым он относил природные и трудовые ресурсы. Особое ударение он делал на том, что общество располагает только ограниченным количеством рабочей силы в зависимости от численности населения, возрастной структуры, установившейся длины рабочего дня и т. д. «Производство, — писал Кассель, — не устраняет ограниченности в удовлетворении человеческих потребностей, а лишь сводит ее к ограниченности средств производства»⁶⁰.

При такой постановке на первый план выдвигалась проблема недостатка товаров и рабочей силы. Тем самым снимался вопрос о перепроизводстве товаров и избытке рабочей силы. Такая постановка никак не могла быть совмещена с проблемой хронической безработицы и экономических кризисов перепроизводства. Самое большее, что можно было допустить при такой постановке, это признать кризисы и безработицу случайным явлением. Ясно, что на базе подобного рода теорий нельзя было строить программу борьбы с кризисами и безработицей.

Кейнс в обстановке огромного обострения экономических противоречий, характерного для периода общего кризиса капитализма, вынужден был внести некоторые поправки в традиционные буржуазные экономические теории. Он вынужден был отказаться от наиболее обанкротившихся старых теорий. Так, он должен был признать, что совокупный спрос отнюдь не всегда обязательно совпадает с совокупным предложением товаров, что недостаток совокупного спроса является реальным фактом. Признав эту очевидную и элементарную истину, Кейнс должен был признать, что нельзя исходить из предпосылки о полном использовании всех производственных ресурсов. Кейнс должен был, наконец, расширяться в том, что старые теории обходят актуальный и грозный вопрос — чем определяется общий объем занятости. А ему было ясно, что без ответа на этот вопрос нельзя строить какие-либо программы по борьбе с кризисами и безработицей. Иными словами, Кейнс сделал попытку органически связать эти программы с политической экономией, соответственно переработав последнюю.

Буржуазные экономисты, создавшие культ Кейнса, вменяют ему в качестве крупнейшей заслуги то, что он наконец развязался с господствовавшей прежде в буржуазной литературе теорией ре-

ализации Сэя⁶¹. Конечно, не приходится говорить о каких-либо заслугах Кейнса в этой области. Мы уже касались этого вопроса во втором разделе настоящей главы при рассмотрении взглядов Виксея, которому приписывается такая же заслуга. Различие между Викселем и Кейнсом в этом вопросе лишь в том, что если выступление первого в свое время прошло почти незамеченным, то выступление второго оказало значительное влияние на буржуазную литературу. Выступление Кейнса по этому вопросу представляет интерес лишь в одном отношении — оно показывает, что для буржуазных экономистов стало просто неудобным отрицать столь очевидные и бьющие в глаза факты, как общее перепроизводство товаров, проявляющееся во время кризисов.

Вынужденный признать, что массовая безработица и экономические кризисы не представляют собой случайного явления, Кейнс сделал попытку ответить на более общий вопрос — чем определяется общий объем занятости. По существу это вопрос об условиях расширенного воспроизводства общественного капитала, о факторах, лимитирующих возможности роста общественного производства и объема занятости. Основное «новшество», которое Кейнс внес в буржуазную политическую экономию, состоит в постановке вопроса о воспроизводстве в народнохозяйственном аспекте. Хотя в действительности никакого новшества тут нет — достаточно вспомнить, что Франсуа Кенэ еще в 1758 г. выпустил свою «Экономическую таблицу», в которой сделана генеральная попытка показать воспроизводство общественного капитала. Но буржуазные экономисты настолько основательно позабыли теорию воспроизводства общественного капитала, что в постановке Кейнсом этого вопроса они увидели какое-то откровение.

Такая постановка вопроса Кейнсом порождена углублением экономических противоречий капитализма, которое вызвало потребность в каких-то практических мероприятиях для их ослабления. Старые вульгарные теории, полностью игнорировавшие эти противоречия, не годились для решения таких практических задач.

На первый взгляд представляется, что постановку Кейнсом проблемы об условиях, определяющих общий объем занятости, можно оценивать как некоторый положительный симптом. Но все дело в том, что Кейнс с самого начала ставит проблему на неправильные рельсы.

Для него суть проблемы сводится к следующему: как избежать массовой безработицы и экономических кризисов перепроизводства

⁶¹ В теории реализации Сэя разочаровались многие буржуазные деятели. Так, американский автор специальной работы об экономических воззрениях Франклина Рузвельта Д. Фусфилд отмечает, что Рузвельт не верил в «закон Сэя». Вместо этого он всегда подчеркивал, что любая попытка вызвать процветание должна основываться на «стимулировании потребления» (D. Fusfield, *The Economic Thought of F. D. Roosevelt and the Origins of New Deal*. N. Y., 1950, p. 206).

⁶⁰ G. Cassel. *Theoretische Sozialökonomie*, Aufl. III. Leipzig, 1923, S. 15.

при обязательном сохранении капиталистического строя. Он так формулирует свой важнейший социально-экономический вывод: «Ясно, что мир больше не потерпит безработицы, которая, за исключением коротких периодов ажиотажа, сопутствует... современному капиталистическому индивидуализму. Однако можно с помощью правильного анализа проблемы излечить болезнь (имеется в виду безработица.— И. Б.) и сохранить в то же время эффективность и свободу (имеется в виду капитализм.— И. Б.)»⁶². Тем самым заранее исключается единственно правильный и научный путь исследования, который сводится к раскрытию внутренней зависимости между безработицей и кризисами, с одной стороны, экономической структурой капитализма — с другой. Если бы Кейнс пошел по этому пути, то он неизбежно должен был прийти к выводу, что ответственность за безработицу и кризисы несет капитализм и что без устранения последнего нельзя добиться ликвидации кризисов и безработицы. Но совершенно очевидно, что такой вывод неприемлем для Кейнса, ибо его основная задача состоит в спасении капитализма.

Как правильно отмечает голландский историк экономических учений Л. Циммерман, и Маркс и Кейнс рассматривают вопрос о крахе капитализма. Но, по его мнению, между этими двумя авторами имеется очень существенное различие. «Маркс доказывает, что должен наступить конец. Кейнс показывает, при каких условиях этого не произойдет»⁶³. Это же различие подчеркивает американский буржуазный экономист Л. Клейн, выпустивший книгу под кричащим заглавием «Кейнсианская революция»: «Кейнс хотел восхвалять и защищать (капитализм.— И. Б.), Маркс — критиковать и разрушать (последний.— И. Б.)»⁶⁴.

Заранее поставленная реакционная цель — сохранить и укрепить капиталистический строй — обрекает на научное бесплодие Кейнса и кейнсианцев. Стремясь затушевать связь между безработицей и экономической структурой капитализма, Кейнс ищет источник безработицы не в экономических законах капитализма, а в неправильной экономической политике, в следовании принципам *laissez faire*. Безработица и кризисы, согласно этой концепции, неизбежны только в таком буржуазном обществе, которое проводит политику невмешательства государства в экономическую жизнь. Следовательно, для устранения кризисов и безработицы достаточно лишь изменить экономическую политику и осуществить ряд правительственных мероприятий, вполне совместимых с капиталистическим строем.

Кейнс считает аксиоматическим положение о том, что буржуаз-

ное государство способно исправить «недостатки» автоматического действия капиталистического механизма и установить оптимальное сочетание факторов, определяющих, по его мнению, общий объем занятости.

На всем протяжении своего анализа он трактует государственное вмешательство в экономику как фактор, который может подменить действие стихийных экономических законов и определить новые пути экономического развития. «Нашей конечной целью, — писал он, — может быть отбор таких переменных величин, которые поддаются сознательному контролю или управлению со стороны центральных властей в рамках той хозяйственной системы, в которой мы живем»⁶⁵. Фактическое отрицание объективных экономических законов является важнейшей чертой методологии Кейнса и кейнсианцев.

Эта методология носит на себе явную печать субъективного идеализма. Характерно, что Кейнс заканчивает свою книгу «Общая теория занятости, процента и денег» чисто идеалистическим утверждением о господствующей роли идей в историческом развитии. «...Идеи экономистов и политических мыслителей, — пишет Кейнс, — и тогда, когда они правы, и тогда, когда они ошибаются, — более могущественны, чем обычно думают. В действительности мир почти этим только и управляется»⁶⁶.

Эта идеалистическая трактовка — новая дополнительная иллюстрация антинаучного характера теоретических предпосылок, из которых исходит кейнсианская теория. Это — лишнее опровержение буржуазных домыслов о «научном перевороте» в политической экономии, совершенном Кейнсом.

Встав на идеалистические позиции, Кейнс пошел по пути установления мнимых психологических факторов, определяющих общий объем занятости. Такими факторами он объявляет склонность к потреблению, предельную эффективность капиталовложений (которую он трактует в психологическом смысле) и предпочтение ликвидности. Он пытается вывести экономические законы из неизменных свойств человеческого сознания. Отсюда — характеристика всех важнейших экономических категорий, в том числе и капиталистической прибыли, как чисто психологических феноменов. В качестве главной экономической силы у Кейнса выступает «психологическая характеристика человеческой природы». Самую необходимость сохранения капиталистического способа производства он выводит из якобы свойственной современному человеку «страсти приобретательства». Кейнс доводит положение о решающей роли психологических факторов до явно абсурдных выводов. Он, например, утверждает: «Оценивая перспективы инвестиций, мы должны поэтому принимать во внимание первые, склонность к

⁶² Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег. М., ИЛ, 1948, стр. 368.

⁶³ L. J. Zimmerman. Die Geschichte der theoretischen Volkswirtschaftslehre. Köln, 1954, p. 107.

⁶⁴ L. Klein. The Keynesian Revolution. N. Y., 1947, p. 131.

⁶⁵ Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег, стр. 240.

⁶⁶ Там же, стр. 370.

истерии и даже несварение желудка и реакцию на перемену погоды у тех, от самопроизвольной деятельности которых они главным образом зависят»⁶⁷. В действительности психологические факторы имеют чисто производный характер — они целиком обусловлены экономическими законами, они отображают лишь, как экономические процессы преломляются в сознании капиталиста и его агентов. Поэтому эта методология, основанная на подчеркивании психологических факторов, неизбежно обрекает Кейнса на скольжение по поверхности, закрывая возможность вскрытия подлинных причин экономических процессов.

Анализ Кейнса характеризуется также отсутствием исторического подхода к рассмотрению экономических проблем. Установленные им положения он рассматривает как положения, действующие в любом обществе, на любой стадии исторического развития. Такой метафизический подход отразился на постановке проблемы занятости. Кейнс ставит проблему занятости вообще, а не применительно к капиталистическому способу производства. Неудивительно, что при такой внеисторической постановке у Кейнса выпало самое основное — понимание того, что безработица — неизбежный продукт капиталистического способа производства, обязательный спутник технического прогресса, осуществляемого в этих условиях, необходимая предпосылка капиталистического накопления. Такой внеисторический подход позволяет сделать ложный вывод, охотно подхваченный современными буржуазными реформаторами, о возможности ликвидации безработицы в рамках капиталистического способа производства. Такой внеисторический подход является особенно удобным для того, чтобы обойти молчанием специфические противоречия, характеризующие период империализма, и прежде всего политику монополий, ограничивающих производство с целью взвинчивания цен и получения монопольно-высоких прибылей. Характерно, что в своей книге «Общая теория занятости, процента и денег» Кейнс упоминает о монополиях только в трех местах по самым случайным поводам. Весь кейнсовский анализ строится на полном игнорировании факта перехода от свободной конкуренции к господству монополий. Такое замалчивание монополий представляет собой один из методов приукрашивания современного капитализма.

Поставив перед собой в качестве центральной задачи подвести теоретический фундамент под программы спасения и укрепления капитализма, Кейнс соответственно перестроил некоторые разделы буржуазной экономической теории. В этой перестройке практические мотивы играли решающую роль. При этом он исходил из той программы антикризисных мероприятий, которая к тому времени уже сложилась в буржуазных кругах. Основные элементы этой программы — форсирование непроизводительных расходов, стиму-

лирование частных инвестиций, рост государственных инвестиций в разных видах, в частности в форме общественных работ, осуществление умеренной инфляции, применение в случае необходимости бюджетного дефицита и т. д. Для оправдания каждого из этих мероприятий требовалась особая аргументация. Старые буржуазные теории не были приспособлены для этой цели. Кейнс стремился восполнить этот недостаток.

Его заслуга перед буржуазными кругами состоит в том, что он пересмотрел в свете новых задач не только некоторые общие положения, но и трактовку более специальных вопросов в применении к отдельным конкретным антикризисным мероприятиям.

Так, задаче оправдания форсирования непроизводительного потребления подчинена теория «склонности к потреблению» Кейнса. Он сконструировал «основной психологический закон», выражающийся в том, что люди склонны увеличивать свое потребление с ростом дохода, но не в той мере, в какой растет доход. Одну из важнейших причин роста экономических трудностей современного капитализма Кейнс усматривает в слабом росте национального дохода и в сокращении в нем доли, идущей на личное потребление. В качестве противоядия он рекомендует борьбу со стремлением к сбережениям и стимулирование личного потребления. На первый взгляд получается впечатление, что Кейнс проповедует стимулирование потребления всех классов буржуазного общества, поскольку он отвлекается от классовой природы потребления в буржуазном обществе. Он устанавливает единый закон потребления для всех классов, игнорируя то, что потребление рабочих имеет совершенно другую природу, нежели потребление капиталистов. Теория «склонности к потреблению» Кейнса порочна. Потребление класса капиталистов определяется размерами прибавочной стоимости, которые обеспечивают капиталистам увеличение роскоши при одновременном росте накопления капитала. Наличие в руках капиталистов огромных масс прибавочной стоимости создает предпосылки для реализации «склонности к сбережению».

Потребление же рабочих подчинено закону стоимости рабочей силы, абсолютного и относительного обнищания рабочего класса. Рабочие, как правило, лишены возможности делать сбережения. В. И. Ленин писал: «Та часть производимых наемным рабочим богатств, которую он получает в виде заработной платы, настолько незначительна, что ее едва хватает на удовлетворение его самых насущных жизненных потребностей; пролетарий лишен таким образом всякой возможности сделать из своей заработной платы сбережения на случай потери им трудоспособности вследствие увечья, болезни, старости, инвалидности, а также в случае безработицы, неразрывно связанной с капиталистическим способом производства»⁶⁸. Ссылка Кейнса на «основной психологический закон»

⁶⁷ Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег, стр. 154.

⁶⁸ В. И. Ленин. VI («Пражская») Всероссийская конференция РСДРП 5—17 (18—30) января 1912 г. Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 146.

дает искаженную картину спроса рабочих, являющегося важнейшим фактором потребительского спроса общества.

Противоречие между производством и потреблением в буржуазном обществе объясняется не «психологическим законом» Кейнса, а совершенно другими причинами, коренившимися в структуре капиталистического производства. Это противоречие — форма проявления основного противоречия капитализма между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения.

Кейнс старается замолчать классовый характер потребления, но тем не менее его учение о «склонности к потреблению» преследует определенные классовые задачи. Кейнс словесно выступает за рост личного потребления, но в действительности он является сторонником не всякого роста личного потребления. Во всяком случае он не может согласиться с ростом потребления рабочего класса. Рекомендуемая Кейнсом система мероприятий, способствующих инфляции, никак не может способствовать увеличению покупательной силы рабочих. Фактически смысл кейнсовских предложений сводится к поощрению расточительного потребления господствующих классов. Не случайно Кейнс счел нужным поднять на щит таких реакционных идеологов расточительного потребления, как Мальтус. Кейнс считает целесообразным поощрять всякие виды потребления, хотя бы самые расточительные и парадоксальные. Он доходит до того, что считает оправданным даже такой абсурд, как организацию массовых работ по раскопкам предварительно зарытых в разных местах банкнот. Он видит особое преимущество древнего Египта в такой «производительной» деятельности, как... строительство пирамид.

В условиях империализма основным видом непроизводительного потребления выступают военные затраты. Апология расточительного потребления в этих условиях используется для оправдания и восхваления войны и милитаризации хозяйства.

Кейнс фактически выступает за снижение потребления рабочего класса. Это видно из того, что необходимым условием роста занятости он объявляет снижение реальной заработной платы. Одно из важнейших положений кейнсианской теории — положение об обратной зависимости между общим объемом занятости и уровнем реальной заработной платы. В начале своего основного труда он пишет: «...При данной организации, средствах производства и уровне техники реальная заработная плата и объем производства (а отсюда и занятости) совершенно определенным образом связаны между собой так, что, как правило, увеличение занятости может наступить только вместе с уменьшением ставок реальной заработной платы»⁶⁹.

⁶⁹ Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег, стр. 16.

Этот вывод настолько красноречив, что он не нуждается в комментариях. Он отчетливо показывает направление, по которому Кейнс пытается разрешить проблему безработицы. Причем следует отметить, что этот вывод не случаен — он фигурирует в начальном разделе основной его книги, в котором рассматриваются исходные предпосылки его теории. То, что это положение является составной частью его экономической теории, подтверждают его виднейшие комментаторы. Так, А. Хансен в книге, дающей популярное изложение кейнсианской теории («Путеводитель по Кейнсу»), пишет: «Уровень реальной заработной платы и занятости относятся друг к другу единственным образом; рост занятости связан, в условиях равновесия, с более низким уровнем реальной заработной платы»⁷⁰. С. Харрис также подтверждает, что «Кейнс был согласен с тем, что реальная заработная плата (блага, эквивалентные денежной заработной плате) и занятость изменяются в обратных направлениях»⁷¹.

Правда, Кейнс считал нецелесообразным в большинстве случаев прямое снижение денежной заработной платы. Он предупреждал капиталистов, что такое снижение может вызвать ожесточенное сопротивление рабочего класса. Он считал наиболее целесообразным метод снижения реальной заработной платы при посредстве осуществления «умеренной» или «регулируемой» инфляции. Он предполагал форсировать общественный спрос при помощи различных государственных мероприятий, объективным содержанием которых является создание военно-инфляционной конъюнктуры.

Антирабочая направленность, весьма заметно выступающая в работах самого Кейнса, еще более усилилась после второй мировой войны.

Важнейшее средство борьбы с кризисами и безработицей буржуазные деятели усматривают в форсировании капиталовложений как частных, так и правительственных. Буржуазная практика разработала ряд приемов для стимулирования частных инвестиций. Особое значение в этой области имеют предоставление капиталистам выгодных заказов, дешевого кредита, правительственных субсидий; стимулирование спроса на товары путем увеличения государственных, в основном военных, расходов; скупки государством избыточной продукции для ее хранения или уничтожения; регулирование внешней торговли с целью создания более благоприятных условий для экспорта и ограничения импорта товаров. В этой системе мероприятий следует особо отметить субсидирование монополий, оказавшихся под угрозой банкротства, с целью их спасения. Вместе с тем в буржуазной практике большое внима-

⁷⁰ А. Hansen. A Guide to Keynes. N. Y., 1953, p. 21.
⁷¹ S. Harris. John Maynard Keynes — Economist and Policymaker, p. 129.

ние уделяется правительственным инвестициям; в частности в форме общественных работ.

Буржуазные антикризисные программы в любой их форме связаны со значительным увеличением правительственных расходов, которые используются для увеличения доходов капиталистов. Правительственные расходы реализуются в значительной степени путем предоставления государственных заказов и подрядов капиталистам. Рост этих расходов сопровождается расширением объема покупок товаров государственным служащими, в том числе военнослужащими. Львиную долю от увеличения правительственных расходов получают крупнейшие монополисты, тесно связанные с государственным аппаратом. Финансовая система буржуазных государств является орудием перераспределения национального дохода в пользу монополий. Своеобразие эпохи империализма состоит в том, что прибыли извлекаются монополиями не только при помощи стихийного механизма капиталистического производства и обращения. В дополнение к обычной конкуренции монополии все в большей мере используют государственную власть.

Охрана высоких прибылей монополий составляла основной предмет забот Кейнса. Этой задаче непосредственно подчинена его теория «предельной эффективности капиталовложений». Он подчеркивал величайшую опасность для перспектив капиталистического развития ослабления стимулов предпринимателей к вложениям, а это ослабление он связывал с минимым снижением рентабельности капиталовложений. Кейнс рисовал грозную перспективу наступления «судного дня», когда отпадут стимулы к инвестициям и когда дальнейшее воспроизводство общественного капитала станет невозможным.

Кейнс пытался показать, что происходит процесс чуть ли не самоликвидации прибылей, который чреват самыми ужасными последствиями для капиталистической экономики. Для предупреждения этих последствий необходима систематическая, регулярная политика поощрения капиталистических предприятий.

Теория «предельной эффективности капиталовложений» Кейнса представляет собой вульгарное истолкование тенденции нормы прибыли к понижению, сохраняющей свою силу и в условиях монополистического капитализма. Кейнс дает извращенный анализ, поскольку он а) не проводит четкого различия между нормой и массой прибыли; б) дает превратное объяснение причин, обусловивших понижение нормы прибыли; в) неправильно изображает влияние этого понижения на капиталистическое накопление. Понижение нормы прибыли, как показал Маркс, отнюдь не препятствует усилению капиталистического накопления.

Поэтому, хотя Кейнс отправляется от такого реального факта, как тенденция нормы прибыли к понижению, но, в силу превратного толкования этой тенденции, приходит к совершенно неправильным выводам.

В своей аргументации Кейнс исходит из предположения, что предприниматель расширяет свои инвестиции до тех пор, пока предельная эффективность капитала (соответствующая приблизительно норме прибыли) снижается до уровня нормы процента. Это предположение несостоятельно, оно основано на ряде неправильных предпосылок. Во-первых, оно исходит из того, что предприниматель применяет исключительно ссудный капитал. В действительности же самая возможность использования ссудного капитала обусловлена наличием собственного капитала. Поэтому вопрос об уровне процента имеет подчиненное значение для предпринимателя. Во-вторых, это положение исходит из пресловутого закона убывающей производительности, согласно которому с увеличением капитала его «производительность», или эффективность, снижается. Если отбросить этот надуманный «закон», то остается совершенно непонятным, почему с увеличением применяемого в производстве капитала норма прибыли должна снижаться и почему в конечном счете она должна опуститься до уровня процента. В-третьих, это положение основано на полном игнорировании капиталистических монополий. Последние получают монопольно высокие прибыли, значительно превышающие норму процента.

«Общая теория занятости» покоится на совершенно неправильном его представлении о факторах, определяющих норму прибыли (так называемую предельную эффективность капитала).

Кейнс не занимается специально проблемой источника прибыли. По этому вопросу он повторяет наиболее вульгарные воззрения. Основу того, что капитал приносит доход, превышающий издержки его возмещения, Кейнс усматривает в редкости капитала. С увеличением капитала снижается его эффективность, или прибыльность. Кейнс делает поистине сногсшибательный вывод, что в обществе, вооруженном современной техникой, в результате колоссальной аккумуляции капиталов предельная эффективность капитала может быть доведена в течение одного поколения до нуля. «Стоит немного подумать, — восклицает Кейнс, — чтобы понять, какие огромные социальные изменения произошли бы в результате постепенного исчезновения нормы прибыли на накопленное богатство»⁷².

Вся история капиталистического производства полностью опрокидывает измышления Кейнса по этому вопросу. Общей тенденцией капиталистического развития является тенденция увеличения массы прибыли наряду с тенденцией нормы прибыли к понижению. С развитием капитализма изыскиваются все новые и новые методы эксплуатации рабочего класса, которые имеют своим непосредственным результатом увеличение массы прибыли. Особенно ярко эта тенденция к увеличению массы прибыли проявляется в эпоху империализма, когда устанавливаются монопо-

⁷² Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег, стр. 213.

ные цены и монопольно высокие прибыли. Достаточно вспомнить об обогащении монополий во время и после второй мировой войны.

В свете этих фактов становится очевидным, что версия Кейнса о тенденции к самоликвидации прибыли надумана от начала до конца. Кейнс совершенно обходит вопрос об источнике прибыли. Поэтому остается открытым вопрос о том, почему рост капитала обуславливает сокращение или во всяком случае замедление роста массы прибыли. Кейнсу остается лишь апеллировать к пресловутой редкости капитала, к тому, что редкость капитала снижается в результате его аккумуляции. Очевидно, что ссылка на редкость капитала ничего не объясняет. Редкость — это относительное и субъективное понятие, не имеющее никакого отношения к процессу образования прибавочной стоимости. Ссылка на редкость капитала ставит своей целью лишь замаскировать классовые отношения, эксплуатацию рабочего класса.

Наряду с общей суммой накоплений Кейнс придает большое значение психологическим факторам в определении эффективности, или рентабельности, капитала. В этом вопросе он продолжает самые худшие традиции вульгарной экономии. «Новшество» Кейнса⁷³ состоит в том, что рентабельность капитала он ставит в зависимость от оценки капиталистом возможного в будущем дохода. Расчеты капиталиста на будущее, его оценка перспектив развития, его надежды, страхи, ожидания и т. п. превращаются в самостоятельную силу, определяющую движение доходов предприятий. В качестве одной из основных причин экономических трудностей современного капитализма Кейнс выдвигает ослабление среди предпринимателей «духа жизнерадости» и «самопроизвольного оптимизма». Кризис с этой точки зрения есть прежде всего «кризис доверия», означающий потерю предпринимателем веры в свое экономическое положение.

Идеалистическая теория прибыли Кейнса, при всей своей вздорности, выполняет определенный социальный заказ. Она служит оправданием политики искусственного взбадривания капиталистов при помощи предоставления выгодных заказов, государственных субсидий, дешевого кредита, налоговых льгот и т. д. Вместе с тем она служит и для оправдания политической реакции. «...Экономическое процветание, — пишет Кейнс, — в чрезмерно большей степени зависит от наличия политической и социальной атмосферы, подходящей к духу среднего бизнесмена. Если страх перед рабочим правительством или «новым курсом» подавляет предпринимательство, то это не обязательно нужно считать результатом рационального расчета или политического заговора. Это простое следствие нарушения деликатного равновесия самопроизвольного оптимизма»⁷⁴. Скрытый смысл этого положения

⁷³ В предыдущем разделе настоящей главы было показано, что эта идея была раньше высказана шведскими экономистами.

⁷⁴ Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег, стр. 154.

сводится к тому, что политическая реакция, благоприятно действуя на настроения и ожидания предпринимателей, тем самым способствует повышению предельной эффективности капитала и экономическому процветанию страны. В толковании Кейнса благоприятная социальная и политическая атмосфера означает отказ от всяких социальных реформ и уступок рабочему классу, т. е. наиболее неприкрытые формы господства капитала над трудом.

Развитие государственно-монополистического капитализма неразрывно связано с увеличением правительственных расходов. К этому приводят рост государственных заказов и закупок, возрастающие субсидии монополиям, гонка вооружений и войны, разбухание государственного аппарата и т. д.

Восхваление пароднохозяйственного эффекта роста государственных расходов занимает центральное место во всех программах спасения и укрепления капитализма. Государственный бюджет большинством современных буржуазных экономистов трактуется как важнейший рычаг, имеющийся в распоряжении правительства. При помощи этого рычага правительство, расширяя свои расходы и создавая дополнительный спрос на средства производства и рабочую силу, может компенсировать недостаточное развитие потребительского спроса и частной инициативы. Кейнс по разным линиям пытался теоретически «подкрепить» это важнейшее положение современной буржуазной апологетики. Этой задаче служат все важнейшие разделы экономической теории Кейнса, и в частности его теория мультипликатора (см. гл. 5).

Рост правительственных расходов вызывает напряжение в области государственного бюджета и приводит к дефициту последнего.

Проблема бюджетного дефицита стала одной из актуальнейших проблем в современном капиталистическом мире. В частности, все программы по спасению и укреплению капиталистической системы упираются в то, что они ведут к обострению бюджетного дефицита, сопряженному обычно с инфляционными процессами. Полемика в буржуазной литературе вокруг этих программ прежде всего связана с проблемой инфляционных последствий от их реализации.

Неудивительно, что Кейнс, этот главный теоретик программ спасения и укрепления капитализма, старался при помощи разных теоретических приемов рассеять страх перед бюджетным дефицитом и его инфляционными последствиями. В противовес традиционным положениям Кейнс провозгласил критерием «разумной» экономической политики отказ от золотого стандарта и объявил бюджетный дефицит чуть ли не нормой финансовой политики.

Некоторые авторы из этих высказываний Кейнса по вопросу о бюджете усматривают существо пресловутой «кейнсианской революции». Так, английский лейборист Хью Дальтон писал: «Но-

вому отношению к бюджетной политике мы в большей степени, чем кому-либо, обязаны Кейнсу. Это как раз то, что мы называем «кейнсианской революцией». Другие развили и улучшили идеи, которые он выдвинул, но то, что выдвинул он, было одной из интеллектуальных революций нашего времени и в практической и в теоретической экономике»⁷⁵. Кейнс пытался сеять иллюзию о возможности удержать инфляцию в «разумных» границах, о возможности осуществления «контролируемой», или «планируемой», инфляции. Эта иллюзия составляет основное содержание кейнсианской «теории управляемой валюты», неразрывно связанной с его проповедью увеличения государственных расходов.

Вся история денежного обращения капиталистических стран дает многочисленные иллюстрации, демонстрирующие неспособность буржуазных правительств регулировать по своему желанию процесс инфляции, когда он достигает известного обострения. Успешными оказываются лишь попытки преодоления слабых и неглубоких инфляционных процессов. Когда же инфляция достигает известного обострения, то буржуазные правительства становятся игрушкой слепых законов капиталистического производства и обращения. Практика денежного обращения в капиталистических странах показала, что если с инфляцией не борются на начальной стадии, когда ее еще можно ликвидировать, то она, постепенно усиливаясь, выходит из-под контроля буржуазного правительства. Попытки удержать инфляцию на каком-то «разумном уровне» всегда кончаются провалом.

Теория «управляемой валюты» представляет собой такую же разновидность учения о «плановом капитализме», как и теория бескризисного капитализма. Теория «управляемой валюты» основана на неправильной предпосылке о возможности сознательного управления в буржуазном обществе процессом ценообразования. Действующий в буржуазном обществе закон конкуренции и анархии производства, господство стихийного закона стоимости исключают возможность сознательного управления общественным производством и тем самым — ценами. Стихийные колебания цен представляют собой единственный механизм, регулирующий капиталистическое производство.

Кейнс разными методами пытался обосновать положительное с народнохозяйственной точки зрения значение «умеренной инфляции» и тем самым бюджетного дефицита. С этой целью он пытался использовать и свою теорию процента, которая занимает важное место в его экономической системе. Ход рассуждений Кейнса следующий. Высокий уровень процента рассматривается им как один из важнейших тормозов для капиталовложений, а снижение нормы процента — как метод преодоления этого препятствия. Уровень же процента, по Кейнсу, зависит от двух фак-

торов — «предпочтения ликвидности» и количества денег. Процент изменяется в прямом отношении к степени «предпочтения ликвидности» и в обратном — к количеству денег. Тем самым инфляция объявляется средством борьбы за снижение нормы процента, стимулирование капиталовложений и увеличение занятости. Подчеркивая, что высокая норма процента является тормозом для развития производства, Кейнс задает вопрос: где же выход из положения? — и отвечает: «Единственный выход... может заключаться (до тех пор, пока склонность к ликвидности остается неизменной) в увеличении количества денег...»⁷⁶ Подчеркивая, что один из главных источников бедствий буржуазного общества заключается в недостатке денег, Кейнс прямо утверждает, что, «если бы деньги можно было бы выращивать подобно зерну или фабриковать подобно автомобилям, тогда можно было бы избежать депрессий или смягчить их»⁷⁷. В увеличении количества денег Кейнс видел одно из решающих средств для ликвидации хронической безработицы и обеспечения полной занятости.

Характерной особенностью этой теории процента является полный отрыв процента от прибыли, рассмотрение движения денежных ссуд независимо от процесса капиталистического воспроизводства, независимо от движения производительного капитала. Не случайно процент в кейнсианской теории выступает как чисто «монетарный феномен», не связанный внутренне с капиталистическим производством.

Кейнс оперирует с абстрактным понятием спроса на деньги, лишенным всякой исторической определенности. Такой спрос может преследовать потребительские цели. Он может исходить от самых различных агентов производства, в том числе и от мелких самостоятельных товаропроизводителей, не втянутых еще в капиталистическое производство. Точно так же лишено всякой исторической определенности и кейнсовское определение предложения ссуд.

Полностью оторвав процент от прибыли, Кейнс тем самым совершенно закрыл для себя возможность объяснения источника процента. Он бессильно отвечает на вопрос о том, в какой сфере и как создается процент. Единственное объяснение, которое он дает, сводится к ссылке на психологический фактор «предпочтения ликвидности». Но каким образом этот психологический фактор может создать какую-то новую стоимость, принимающую форму процента, остается секретом Кейнса. Объявляя «предпочтение ликвидности» первичным фактором, определяющим движение процента, Кейнс ставит вещи с ног на голову. В действительности усиленная погоня за деньгами, характерная для отдельных моментов капиталистического цикла, является производным факто-

⁷⁵ H. Dalton. Principles of Public Finance. N. Y., 1955, p. 221.

⁷⁶ Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег, стр. 227.

⁷⁷ Там же, стр. 223.

ром, обусловленным экономическим кризисом и нарушением сложившихся кредитных связей.

Совершенно несостоятельна попытка Кейнса установить зависимость между изменениями уровня процента и количества денег. Тут отчетливо сказался основной методологический порок его теории процента — игнорирование ссудного капитала и связанное с этим отождествление движения кредита с движением денег. Между тем и спрос и предложение ссудного капитала, определяющие норму процента, имеют свои специфические закономерности, только в некоторой степени обусловленные денежным обращением. Так предложение ссудных капиталов связано с особенностями кругооборота капитала и условиями высвобождения некоторых частей капитала. Эти условия могут видоизменяться в зависимости от хода воспроизводства основного капитала и от ряда других моментов процесса воспроизводства. Так, например, в фазе депрессии, когда нет благоприятных условий для обновления и расширения основного капитала, предложение ссудных капиталов расширяется, поскольку продолжается процесс высвобождения определенных частей капитала. Этот рост предложения ссудных капиталов не находится ни в какой связи с изменением массы денег в обращении.

Спрос на ссудный капитал в значительной степени зависит от состояния коммерческого кредита, которое в свою очередь находится в тесной зависимости от общего хода воспроизводства общественного капитала. Резкое сокращение коммерческого кредита в фазе кризиса вызывает увеличение спроса на ссудный капитал, что в свою очередь ведет к дальнейшему повышению процента. Эти изменения коммерческого кредита опять-таки не связаны непосредственно с изменением массы денег.

Маркс в III томе «Капитала» с исчерпывающей полнотой показал, что «масса этого ссужаемого капитала отлична и независима от массы обращающихся денег»⁷⁸.

Своей теорией процента Кейнс распространяет иллюзию о том, что буржуазное правительство при помощи изменения денежной массы может регулировать норму процента. Но тот факт, что эта норма определяется в конечном счете общим ходом капиталистического воспроизводства, исключает возможность для буржуазного государства определять норму процента. В тех случаях, когда центральные банки устанавливают новую процентную ставку, они в основном приспособляются к изменившемуся положению на рынке ссудных капиталов. Само же движение спроса и предложения ссудных капиталов определяется действием стихийных законов.

Попытка Кейнса обосновать бюджетный дефицит и «умеренную инфляцию» с помощью теории процента является столь же

неубедительной, как и попытка обосновать эти положения с помощью теории «управляемой валюты».

Выше мы показали, что различные положения экономического учения Кейнса служат одной и той же общей задаче — подвести теоретический фундамент под практику государственно-монополистического капитализма, под современные проекты организации и спасения капитализма.

Этой задаче отвечают и теория «склонности к потреблению», и теория «предельной эффективности капиталовложений», и теория процента, и теория «управляемой валюты». Все эти теории пытаются, в частности, оправдать различные мероприятия, из которых складываются современные антикризисные программы — воздействие на личное потребление (при помощи изменения налоговых ставок, варьирования отчислений по социальному страхованию, поощрения потребительского кредита и т. д.), стимулирование частных инвестиций (посредством налоговой, кредитной политики, предоставления заказов, субсидий и т. д.), форсирование государственных капиталовложений, например в форме общественных работ, образование государственных товарных запасов за счет скупки избыточной продукции, организация спасения предприятий, которым угрожает банкротство, и т. д.

Различные положения экономической теории Кейнса ведут к общему выводу — капиталистический механизм не обеспечивает автоматическим путем, т. е. в условиях *laissez faire*, при отсутствии и соответствия между совокупным спросом и предложением, между общественным производством и потреблением. Этот основной вывод кейнсианской теории, из которого непосредственно вытекает отказ от политики *laissez faire* и призыв к тому, чтобы правительство проводило ряд мероприятий, направленных на предупреждение или во всяком случае смягчение экономических кризисов перепроизводства и массовой безработицы, в той или иной форме (открытой или молчаливой) признавали все авторы программ спасения и укрепления капитализма. «Заслуга» Кейнса в том, что он попытался мобилизовать различные разделы буржуазной политической экономии для обоснования этого генерального вывода и органически связать со своей «общей теорией занятости». Так, общий объем занятости, по Кейнсу, находится в прямой зависимости от потребительского спроса и нормы прибыли и в обратной зависимости от уровня процента. Рост склонности к потреблению вызывает повышение спроса на предметы потребления, рост предельной эффективности капиталовложений способствует увеличению производственного спроса, рост же нормы процента ведет к задержке инвестиций и к связанному с ней сокращению производственного спроса. Кейнс отмечает, что стихийный механизм не обеспечивает такого сочетания трех психологических факторов, которое дало бы возможность осуществить «полную заня-

⁷⁸ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 513.

тость». Так объем инвестиций часто оказывается недостаточным для того, чтобы восполнить недостаток потребительского спроса. Норма процента устанавливается на таком высоком уровне, который препятствует развертыванию достаточного объема инвестиций. Поэтому, заключает Кейнс, оптимальное сочетание действия трех психологических факторов не может быть достигнуто автоматическим путем, путем действия стихийного механизма.

Этот главный вывод кейнсианской теории отражает в иррациональной форме реальный факт — в условиях империализма и общего кризиса капитализма все более затрудняется действие внутренних сил капитализма, углубляются его экономические противоречия и тормозится даже временное, насильственное восстановление равновесия. Но Кейнс, вынужденный признать эти факты немолимой действительности, оказался бессильным дать им научное объяснение. Он пытается вывести эти факты не из действия экономических законов капитализма на его монополистической стадии развития, а из трех психологических факторов — «склонности к потреблению», предельной эффективности капиталовложений и «склонности к ликвидности», коренящихся в человеческой природе. Такая психологическая трактовка факторов, обуславливающих общий объем занятости, позволяет сделать вывод, что для избавления общества от растущих экономических противоречий не требуются какие-либо социальные преобразования, а достаточно только одного воздействия на психологию людей. А такое воздействие может быть оказано обществом в лице его руководящего органа — правительства. Так Кейнс приходит к второй стороне своего основного вывода — установление соответствия между совокупным спросом и предложением возможно при сохранении тех же социально-экономических условий за счет изменения экономической политики буржуазного государства. Оптимальное сочетание действия трех психологических факторов может быть достигнуто, по Кейнсу, путем экономического регулирования со стороны государства. Последнее должно устранить недостатки стихийного капиталистического механизма своим активным вмешательством в экономику. Кейнсианская теория, по словам ее автора, «указывает на жизненную необходимость создания централизованного контроля в вопросах, которые ныне, в основном, предоставлены частной инициативе»⁷⁹.

В изображении Кейнса буржуазное государство выступает как сила, способная определить объем общественного производства, капиталовложений, общественного спроса, нормы прибыли и процента. На деле буржуазное государство не может выполнять таких функций. Оно может регулировать, как мы выше показали (в гл. 4), отдельные частные процессы, но оно не в состоянии руководить народным хозяйством в целом.

⁷⁹ Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег, стр. 364.

Напрасно было бы искать у Кейнса какой-либо попытки обосновать возможность для буржуазного государства управления народным хозяйством. Кейнс и не ставит такого вопроса. По существу этот вопрос для Кейнса, как и для всех буржуазных идеологов, является предметом веры, а не знания. Это вера в то, что каким-то чудом можно найти решение капиталистических противоречий в рамках самого капитализма. Голбрейс так остроумно охарактеризовал это чудо: «Суровый бог наделил капитализм внутренними противоречиями. Но в конечном счете и он оказался достаточно добрым, сотворив социальные реформы, удивительно совместимые с улучшением функционирования экономической системы»⁸⁰.

Вывод Кейнса о недостаточности автоматического действия капиталистического механизма для преодоления экономических противоречий современного капитализма получил свое наиболее последовательное выражение в так называемой теории стагнации.

Эта теория получила большое распространение в буржуазной литературе в 30-х и 40-х годах. Промышленное оживление, наступившее после второй мировой войны, временно ослабило влияние этой теории, но она отнюдь не сошла со сцены. Некоторые буржуазные экономисты и в настоящее время продолжают отстаивать основные положения этой теории⁸¹.

Суть этой теории Хансен выразил в следующих словах: «В настоящее время американская экономика не может развиваться за счет своих внутренних факторов»⁸².

Буржуазный вариант «теории стагнации» является столь же ненаучным, как и ее социал-демократический вариант. В основе и того и другого вариантов лежит неправильное положение о том, что внутренние силы капитализма уже исчерпали себя. В действительности обострение капиталистических противоречий, хотя и тормозит, но отнюдь не исключает возможности роста производительных сил на основе действия внутренних факторов. Так, господство монополий, задерживающих во многих случаях применение новых технических методов, не исключает того, что в ряде случаев внедрение в производство новых изобретений соответствует интересам извлечения монополично высоких прибы-

⁸⁰ J. K. Galbraith. The Great Crash 1929. Boston, 1955, pp. 199—200.

⁸¹ Наиболее известный защитник этой теории в американской литературе — А. Хансен. Он защищал эту теорию в ряде работ: A. Hansen. Full Recovery and Stagnation. N. Y., 1938; Economic Progress and Declining Population Growth. «American Economic Review», March, 1939; Fiscal Policy and Business Cycles. N. Y., 1941. Своеобразный вариант «теории стагнации» дал И. Шумпетер в своей книге: J. Schumpeter. Capitalism, Socialism and Democracy. N. Y., 1947. См. также: A. Sweezy. Secular Stagnation. «Postwar Economic Problems», ed. by S. Harris. N. Y.—L., 1943; B. Higgins. The Doctrine of Economic Maturity. «American Economic Review», March, 1946; R. Steindl. Maturity and Stagnation in American Capitalism. Oxford, 1951; A. Murford. Private Credit and Public Debt. Wash., 1954.

⁸² A. Hansen. Growth or Stagnation in American Economy. «Review of Economics and Statistics», November, 1954, p. 412.

лей при производстве строительных материалов и других средств производства. И в условиях монополистического капитализма и в обстановке кризиса мировой капиталистической системы не отпадает необходимость в периодическом обновлении основного капитала, являющегося материальной основой расширения производства. История последнего десятилетия показала, что нельзя бесконечно откладывать обновление основного капитала. США и капиталистические страны Европы не осуществили массового обновления в 30-х годах и во время второй мировой войны. Они стали осуществлять такое обновление в широких масштабах после войны, и это сыграло немаловажную роль в послевоенном подъеме.

«Теория стагнации» отражает реальную тенденцию, выражающуюся в том, что действие внутренних сил капитализма в условиях господства монополий затрудняется, но она дает искаженное представление об этой тенденции. Эта теория игнорирует другую тенденцию, не учитывает того, что действие этих сил все же сохраняется.

«Теория стагнации» представляет интерес как типичный продукт эпохи упадка капитализма. В период, когда капитализм развивался по восходящей линии, буржуазные экономисты не выступали с подобного рода теориями.

Вместе с тем буржуазные экономисты бессильны дать правильное объяснение причин, вызвавших затруднение действия внутренних сил капитализма⁸³. Основной источник этого затруднения они ищут не во внутренних изменениях капитализма, характерных для периода империализма и общего кризиса капиталистической системы, а в исчерпании «внешних импульсов». Хансен к этим внешним «импульсам» относит сокращение коэффициентов прироста населения, исчерпание свободных земель в США, а также сокращение спроса на новые инвестиции в связи с возможностью технического перевооружения за счет модернизации действующего оборудования.

Основной порок этой схемы заключается в игнорировании ряда важнейших процессов, оказавших непосредственное влияние на ход воспроизводства в капиталистических странах — выпадение ряда стран из капиталистической системы, кризис, а затем распад колониальной системы, обостряющаяся борьба между империалистическими странами за рынки сбыта, усиливающееся ограбление монополиями трудящихся масс и т. д. Из схемы Хансена и других буржуазных экономистов выпал такой важнейший момент, как резко обострившееся противоречие между производственными возможностями капитализма и ограниченным ростом потребления масс. Эта схема не учитывает

⁸³ Правильная критика «теории стагнации» Хансена дана в кн.: П. А. Баран. К экономической теории общественного развития. М., ИЛ, 1960.

влияния таких факторов, как недогрузка производственных мощностей и хроническая безработица, которые, с одной стороны, являются результатом возросших трудностей реализации, а с другой стороны, в значительной мере обостряют эти трудности. Очевидно, что правильный анализ условий воспроизводства общественного капитала в современных условиях может быть дан лишь на основе всей совокупности процессов, характеризующих общий кризис капитализма.

Что касается факторов, на которые ссылается Хансен, то они имеют временный, подчиненный и в значительной мере производный характер. Это замечание прежде всего относится к факту исчерпания свободных земель в США, которое выявилось еще в конце прошлого столетия. Очевидно, что ссылка на такого рода факт ничего не может дать для объяснения процессов, характерных для современного капитализма.

В отношении снижения прироста народонаселения следует сказать, что оно не оказывает непосредственного влияния на общий объем платежеспособного спроса. Последний зависит от величины народного дохода вообще и в особенности дохода рабочего класса и трудящихся масс, а не от численности народонаселения. Кроме того, само изменение численности народонаселения является производным фактором от общего экономического положения. Это видно из расчетов, приводимых самим Хансеном. Он вынужден признать, что снижение прироста населения стало проявляться в США уже с 70-х годов XIX в. Он констатирует, что значительное снижение прироста населения произошло в 20-х годах XX в. и что наиболее низкий процент прироста населения имел место в 30-х годах, когда он равнялся всего 0,7⁸⁴ (в послевоенный период в связи с временным улучшением конъюнктуры обнаружилось некоторое повышение прироста населения). Снижение прироста населения обусловлено усилением обнищания трудящихся масс, в первую очередь рабочего класса, ростом безработицы, обострением экономических противоречий. Фактор, которому Хансен приписывает решающую роль, есть не первопричина изменений капиталистического цикла, а лишь производное от этих изменений.

В отношении третьего фактора следует заметить, что Хансен неправильно обобщил тенденции сокращения спроса на новые инвестиции, которые наблюдались в США в период между двумя мировыми войнами, в особенности в 30-е годы. Эта тенденция имела временный характер. В послевоенные годы в ряде отраслей производства выявились большие технические сдвиги, которые позволяют говорить о назревании технической революции. Для решения новых технических задач одной модернизации действующего оборудования, значение которой так подчеркивал

⁸⁴ A. Hansen. Some Notes on Tarborgh's «The Bogey of Maturity». — «The Review of Economic Statistics», February, 1946, p. 14.

Хансен, оказалось явно недостаточно. В послевоенный период значительно увеличился спрос на новое оборудование. Это дало толчок для временного оживления конъюнктуры, для расширения производства.

Рассмотрение третьего фактора особенно наглядно вскрывает порочность объяснения Хансена. По Хансену, приостановка действия этого фактора должна вызвать общее улучшение конъюнктуры и преодоление тех тенденций деформации цикла, которые так явственно обнаружились в 30-х годах. В действительности же развертывание технической революции, вызывая временное улучшение конъюнктуры, должно в то же время значительно обострить противоречие между производственными возможностями капитализма и ограниченным ростом потребления масс, т. е. привести к еще более глубоким экономическим кризисам, к усилению деформации капиталистического цикла.

То, что буржуазные экономисты пытаются объяснить деформацию цикла исчерпанием «внешних импульсов», имеет свой определенный смысл. Такая трактовка позволяет выдвинуть положение, что болезни современного капитализма можно излечить путем создания новых «внешних импульсов», в первую очередь путем усиления государственного вмешательства в экономику и увеличения государственных инвестиций.

«Теория стагнации» имеет две стороны. Подчеркивая рост трудностей экономического развития капитализма, она в то же время пытается доказать, что источник этих трудностей — не в капиталистической системе, а во внешних факторах, которые могут быть преодолены путем государственного вмешательства в экономику. Имея в виду эту вторую сторону, американский автор А. Суизи полемизировал с теми, кто трактует «теорию стагнации» как пораженческую и пессимистическую. А. Суизи квалифицировал эту теорию как выражение социального оптимизма⁸⁵.

Весьма симптоматична эволюция взглядов виднейшего представителя «теории стагнации» Хансена. В своей новейшей работе «Американская экономика», опубликованной в 1957 г., он дает восторженную оценку американской экономики, характеризуя ее как экономику, основанную на «высокой занятости» и устойчивом денежном обращении. Вслед за наиболее откровенными апологетами американского капитализма он утверждает, что за последние десятилетия в США произошла «экономическая революция», что в Америке получило реализацию так называемое государство благосостояния. Эту мнимую «экономическую революцию» он связывает с победой кейнсианских идей. «Таким образом, — пишет он, — американская экономическая революция

за последнюю четверть столетия представляет собой лабораторный эксперимент, во время которого ход событий осуществил всеобъемлющую проверку кейнсианских диагнозов и кейнсианской политики»⁸⁶.

Общий смысл высказывания Хансена сводится к тому, что стагнация капитализма была порождена всем предшествовавшим развитием, когда господствовали принципы *laissez faire* и когда вмешательство государства в экономическую жизнь осуществлялось в весьма ограниченных масштабах. Современную экономику США Хансен квалифицирует как «управляемую экономику», как «смешанную государственно-частную экономику с ударением на социальном благосостоянии»⁸⁷. Переход к этой экономике, по мнению Хансена, помог преодолеть стагнацию капитализма.

Не успела выйти в свет книга Хансена, как в США разразился экономический кризис, показавший всю иллюзорность мифа об «экономической революции».

Эволюция Хансена представляет интерес в том отношении, что она помогает выявить служебное назначение «теории стагнации». Признание кейнсианцами неприятных факторов и противоречий капиталистической экономики, угрожающих самому существованию последней, не могут изменить общего направления буржуазной политической экономии. Она по-прежнему остается в своей основе вульгарной и апологетической. Она по-прежнему находится на службе капитала и враждебна интересам трудящихся. Она широко используется для идеологического оправдания реакции. Все эти определения применимы и к кейнсианской теории.

Отсюда не следует, что все кейнсианцы могут быть рассматриваемы как реакционеры. Некоторые кейнсианцы выдвигают в качестве важнейших средств антикризисной политики повышение покупательной способности масс, рост реальной заработной платы, развитие жилищного строительства, финансируемые за счет правительства общественные работы, преследующие своей целью лучшее обслуживание населения (например, строительство новых школ, больниц и т. д.). Некоторые наиболее радикальные кейнсианцы сопровождают свои антикризисные предложения требованием ограничения прибылей монополий. Хотя работы подобного рода содержат в себе иллюзии о возможности реформирования основ капитализма, устранения кризисов перепроизводства и безработицы при капитализме, однако подобные практические требования играют положительную роль в борьбе за настоящие жизненные интересы масс. При всей своей непоследовательности работы этого рода отражают растущее сопротивление демократических слоев общества антинародной политике монополий.

⁸⁵ А. Н. Hansen. The American Economy, p. 39.
by S. Harris. N. Y.—L., 1943, p. 81—82.

⁸⁶ А. Н. Hansen. The American Economy, p. 39.
⁸⁷ Ibid., p. 10.

Было бы, однако, неверным рассматривать этот левый вариант кейнсианства как равноправный по своему значению с правым, или реакционным вариантом кейнсианства. Такая версия дает повод трактовать кейнсианство как какое-то политически нейтральное учение, которое может получить различное толкование и использование политически разными группировками. В действительности кейнсианство по своей сути является реакционным учением, преследующим своей целью спасение буржуазного общества на путях укрепления государственно-монополистического капитализма и наступления на жизненный уровень рабочего класса. Подлинными наследниками и правоверными толкователями теории Кейнса являются те буржуазные экономисты, которые делают из этой теории реакционные милитаристские и антирабочие выводы. Эти экономисты верны и духу и букве своего учителя.

Кейнс всегда проявлял исключительную заботу об интересах предпринимателей. В этом отношении большой интерес представляют его критические замечания по поводу политики Ф. Рузвельта, известной под названием «нового курса», которая, как известно, отнюдь не преследовала своей целью ущемление капиталистов. Так, в переписке с Ф. Рузвельтом в 1934 г. он высказывал опасения, что предприниматели президентом США мероприятия могут в некоторой степени подорвать доверие деловых кругов. В письме, опубликованном тогда в «Нью-Йорк таймс», Кейнс убеждал президента США разъяснить бизнесменам, что самое худшее позади, что они могут успокоиться и приспособиться к новой ситуации. Наконец, в письме, отправленном Рузвельту в 1938 г., во время кризиса, Кейнс убеждал президента не озлоблять бизнесменов⁸⁸.

Переписка Кейнса с Ф. Рузвельтом дает отчетливое представление о классовом лице Кейнса. Он защищал интересы капитала не только в общем и целом, он выступал против уступок рабочему классу. Не случайно в его экономической программе вопрос о социальных реформах не получил сколько-нибудь заметного отражения, несмотря на то, что эти реформы совместимы с капиталистическим строем.

Так называемые левые кейнсианцы исходят из весьма вольного и широкого толкования кейнсианства, отождествляя последнее со всякого рода программами борьбы с безработицей и кризисами. Но эту борьбу буржуазные экономисты мыслят в разных планах. Одни (их подавляющее большинство) связывают эту борьбу с обязательным повышением монопольных прибылей, другие (отражающие влияние немонополизированной буржуазии и отчасти давление рабочего класса) — с требованием ограничения прибы-

лей монополий. Для Кейнса характерно определенное направление в решении этого вопроса, не совпадающее с предложениями, выдвигаемыми «левыми кейнсианцами».

История экономических учений знает случаи, когда некоторые теории были использованы для целей, прямо противоположных тем, которые выдвигались основоположниками этих теорий. Так, представители раннего английского социализма (Оуэн, В. Томсон и др.) пытались использовать учение Рикардо, этого, по выражению Маркса, «классического представителя (выразителя) интересов буржуазии и самого стопоческого противника пролетариата»⁸⁹, для критики капитализма и обоснования преимуществ социалистической экономики. Но нет сомнения в том, что такие попытки были основаны на неправильном толковании теории Рикардо, что из последней (и в частности, из его теории стоимости) отнюдь не вытекали социалистические выводы.

По аналогии можно сказать, что всякие попытки повернуть кейнсианскую теорию в интересах рабочего класса основаны на таком толковании этой теории, которое находится в непримиримом противоречии с ее исходными предпосылками и ее основными принципами.

Так, одной из важнейших предпосылок теоретического анализа Кейнса является положение о том, что уровень занятости должен определяться на таких условиях, которые обеспечили бы предпринимателю наивысшую прибыль. «...Уровень занятости, — пишет он, — определяется точкой пересечения функций совокупного спроса и совокупного предложения. Именно в этой точке ожидаемая предпринимателями прибыль будет наибольшей»⁹⁰. «Предприниматели, — пишет он, — будут стараться закрепить величину занятости на уровне, при котором они надеются иметь наибольшее превышение выручки над факториальными издержками»⁹¹.

Из этих высказываний можно сделать вывод, что Кейнс исходил из реальных условий капитализма, в которых борьба за максимальную прибыль имеет решающее значение. Но из этих высказываний также видно, что он к этим условиям подходил как к единственно нормальным условиям. У Кейнса не было никаких сомнений в правомерности подобных условий. Он был очень далек от требования ограничения прибылей монополий.

Реакционные тенденции, присущие кейнсианству, получили отчетливое выражение после второй мировой войны.

В этот период значительно усилилось использование кейнсианства для оправдания гонки вооружений и милитаризации народного хозяйства. Сам Кейнс рядился в тогу пацифиста и по

⁸⁹ Маркс — И. Вейдемейеру, 5 марта 1852. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXV, стр. 145.

⁹⁰ Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег, стр. 24.

⁹¹ Там же, стр. 23.

⁸⁸ Материалы из писем Кейнса Ф. Рузвельту приводятся в кн.: S. Hargis. John Maynard Keynes — Economist and Policymaker, p. 71.

фактическим мотивам не считал нужным распространяться о благотворной роли военных расходов. Лишь в отдельных местах главного труда Кейнса прорывается мысль о войне как важнейшем факторе, стимулирующем рост общественного спроса. «Если не считать периода войны (имеется в виду первая мировая война. — И. Б.), — писал Кейнс, — то едва ли мы имели за последнее время какой-нибудь бум, настолько сильный, чтобы он привел к полной занятости»⁹². Кейнсианцы 30-х годов преимущественно рекламировали общественные работы, как наиболее желательную форму антикризисных мероприятий. В 1940 г., однако, Кейнс сформулировал в категорической форме вывод, который раньше выражал лишь в форме намеков, что только милитаризация и войны могут обеспечить полную занятость. Он констатировал, что «во все последнее время расходы на инвестиции осуществлялись на таком уровне, который безнадежно мал для решения проблемы... По-видимому, для капиталистической демократии политически невозможно организовать расходы на уровне, необходимом для осуществления великого эксперимента, который доказал бы это (речь идет о полной занятости. — И. Б.), за исключением военных условий»⁹³.

В послевоенный период кейнсианство по инициативе в первую очередь американских буржуазных экономистов было поставлено прежде всего на службу оправдания гонки вооружений. Кейнсианская теория о необходимости искусственного форсирования общественного спроса путем увеличения государственных расходов оказалась сущей находкой для агрессивных кругов американского империализма, сделавших как раз главное ударение на «народнохозяйственном» значении военных расходов и завоевании внешних рынков в качестве средства преодоления внутренних противоречий капиталистической экономики.

Некоторые буржуазные авторы высказывают положение о том, что перманентно милитаризованная экономика может обеспечить перманентную высокую занятость. Так, например, Хансен писал: «Растущие военные расходы, могущие противостоять возможному падению капитальных затрат, могут в самом деле дать нам почти бесконечный период высокой занятости»⁹⁴. Такого рода высказывания льют воду на мельницу апологетов войны. Американский буржуазный экономист К. Айрес писал: «Война — вещь ужасная. Но в то же время она является главным фактором

процветания... Военная программа любого вида увеличивает потребление и — пропорционально масштабам этой программы — сокращает разрыв между производством и потреблением в экономике страны»⁹⁵. В другом своем произведении Айрес откровенно охарактеризовал роль войны как средства продления жизни капитализма. «Войны двадцатого столетия, — пишет он, — могут быть смертельной агонией капитализма. Но война также служит для того, чтобы продлить агонию, ибо великий недостаток капитализма, недопотребление, полностью корректируется войной... Она корректирует фатальный недостаток капитализма»⁹⁶. Но буржуазные экономисты забывают «мелочь» — война в то же время резко обостряет противоречия капитализма. Если война, по словам Айреса, призвана продлить агонию капитализма, то в то же время она ускоряет разрыв империалистической цепи в наиболее слабом звене. Она способствует отделению от капиталистического мира новых стран. Так, после первой мировой войны из капиталистического мира выпала Россия, после второй мировой войны — ряд стран Азии и Европы.

С усиленной пропагандой милитаризма тесно связана другая тенденция кейнсианства, выражающаяся в том, что особенно подчеркивается роль правительственных расходов в программах полной занятости и антикризисных проектах. Сам Кейнс в своей «Общей теории занятости, процента и денег», говоря о мероприятиях экономической политики, придавал решающее значение созданию благоприятных условий для частных инвестиций. Правительственным расходам, в частности государственным инвестициям, он отводил подчиненную, хотя и весьма существенную роль. После войны начинается особенно сильное подчеркивание роли бюджетной политики. Суть этих воззрений отчетливо выразил виднейший представитель кейнсианства в США А. Хансен, охарактеризовавший «компенсационную (т. е. приспособленную к циклическим колебаниям) денежную и налоговую программу» как «рулевой механизм (steering gear)» современного общества⁹⁷. В сборнике, вышедшем в 1955 г., «Послекейнсианская экономическая наука» отмечается, что, хотя в «Общей теории занятости, процента и денег» Кейнса сравнительно мало говорится о мероприятиях налоговой политики, но именно этот вопрос привлек к себе наибольшее внимание со стороны экономистов. «Аспектом теории Кейнса, который возбудил наибольший интерес, — читаем мы в этом сборнике, — было утверждение, что стабильное процветание может быть достигнуто в основном с помощью компенсационной фискальной и кредитно-денежной политики»⁹⁸.

⁹² Д. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег, стр. 312—313.

⁹³ «New Republic», July 29, 1940. Цит. по G. H. Steiner. Government's Role in Economic Life, p. 183—184.

⁹⁴ A. Hansen. Needed: A Cycle Policy. — «Saving American Capitalism». ed. by S. Harris. N. Y., 1948, p. 219. Положительная роль милитаризованной экономики как условия обеспечения «полной занятости» подчеркивается в работе Хансена. (См. A. Hansen. The American Economy, p. 28).

⁹⁵ C. E. Ayres. The Industrial Economy. Boston, 1952, p. 178.

⁹⁶ C. E. Ayres. The Divine Right of Capital, Boston, 1946, p. 43.

⁹⁷ A. Hansen. Monetary Theory and Fiscal Policy, N. Y., 1949, p. 183.

⁹⁸ «Post-Keynesian Economics», ed. by K. Kurihara. L., 1955, p. 163.

Тот акцент, который современные кейнсианцы делают на правительственных расходах, отражает усиление государственно-монополистического капитализма и возросшую роль перераспределения национального дохода в пользу монополий через государственный бюджет.

* * *

После опубликования основного труда Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» (1936 г.) прошло свыше двадцати лет. За это время наряду с восторженными оценками так называемой кейнсианской революции в политической экономии имелся ряд резких критических выступлений по адресу Кейнса. Отдельные части кейнсианской экономической теории претерпели различную судьбу. Многие положения этой теории не получили большого хождения (например, учение о «предпочтении ликвидности») и не защищаются даже экономистами, близко стоящими к Кейнсу. Но это не исключает широкого распространения некоторых общих положений, выдвинутых Кейнсом. Кейнсианская теория дала толчок для осуществления ряда антикризисных мероприятий в некоторых капиталистических странах. Эти распространенные кейнсианские идеи нередко защищаются не только без ссылки на Кейнса, но и в полемике с другими его положениями. Часто приводится другая аргументация в защиту этих идей. Но в какой бы форме ни высказывались эти идеи, самый факт их широкого распространения в течение длительного времени свидетельствует о том, что кейнсианство является ведущим направлением в современной буржуазной политической экономии.

Степень распространения кейнсианства — своеобразный показатель настроений буржуазных кругов, их оценки устойчивости современного капитализма, их позиций по важнейшим вопросам экономической политики. В кейнсианской теории отражаются в иррациональной и мистифицированной форме рост экономических противоречий капиталистического способа производства и тенденции развития государственно-монополистического капитализма. Эта теория открыто признает опасность краха капитализма в результате нарастания экономических трудностей и соответственно строит свою экономическую программу.

В связи с этим обстоятельством представляет интерес вопрос о судьбе кейнсианства после второй мировой войны. В послевоенный период, под влиянием промышленного оживления, в буржуазной литературе получили широкое распространение оптимистические иллюзии о том, что капитализму удалось создать механизм, способный предупреждать наступление глубоких экономических кризисов типа 1929—1933 гг. Но несмотря на эти иллюзии, имеющие конъюнктурный характер, кейнсианство стало наиболее влиятельным направлением в экономической литературе США и Англии. В современной буржуазной литературе

господствует кейнсианская идея о том, что без активной поддержки со стороны государства капиталистическая экономика не может нормально функционировать.

Тот факт, что и в годы промышленного оживления кейнсианство оставалось господствующим направлением в буржуазной литературе, служит дополнительным подтверждением неустойчивости капиталистической системы.

4. ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

В послевоенный период в буржуазной литературе получили большое распространение работы по экономической динамике. В ряде работ буржуазные авторы (Харрод, Хикс, Домар, Росту, Кирстид, Хаавельмо и др.) пытаются выявить основные факторы, определяющие экономическое развитие, формы и результаты их взаимодействия и т. д. В своей значительной части, во всяком случае в части тех работ, которые больше занимаются теоретическими проблемами, эти работы представляют модификацию кейнсианской теории. Практические предложения большинства авторов, писавших по вопросам экономической динамики, совпадают с предложениями кейнсианцев.

Кейнс, как известно, исходил из статической теории. Он рассматривал как неизменные и постоянные так называемые исходные данные, к которым он относил квалификацию и количество имеющейся рабочей силы, количество и технический уровень различных орудий производства, организацию производства, степень конкуренции, вкусы и привычки потребителей. Он отвлекался от всяких производственно-технических и социально-экономических изменений, происходящих в капиталистических условиях.

Многие буржуазные экономисты отдают себе отчет в том, что статические предпосылки, из которых исходил Кейнс, находятся в таком очевидном противоречии с действительностью, что их фальшь сразу бросается в глаза и делает эту теорию совершенно неубедительной для читателя.

К тому же анализ, который строится на предпосылке о неизменности технического уровня, концентрации производства и социально-экономической структуры, трудно совместить со столь модными в современной буржуазной литературе теориями, как теория «трансформации капитализма».

Модное увлечение в буржуазной литературе теориями экономической динамики есть в известной мере результат конъюнктурных изменений. В обстановке тяжелых кризисов и депрессии особого рода, характеризовавших 30-е годы, главное внимание буржуазных экономистов было сосредоточено на том, как обеспечить известную стабильность экономики, как предупредить или хотя бы ослабить экономические кризисы. В условиях же промышленного подъема буржуазные деятели и экономисты озабо-

чены прежде всего тем, как обеспечить устойчивый рост производства, который может быть прерван кризисом. И в том и в другом случае выдвигается борьба с кризисами. Но одна и та же проблема в двух разных конкретных ситуациях выступает по-разному: в одном случае делается акцент на том, чтобы приостановить сокращение производства, в другом случае — на том, чтобы не допустить такого сокращения.

В условиях подъема проблема темпов развития, которая рассматривается в работах по экономической динамике, приобретает особое значение.

На выдвигание на передний план проблемы темпов оказывают очень значительное воздействие борьба и соревнование между капиталистической и социалистической системами. В буржуазных писаниях все чаще звучит тревога по поводу очень высоких темпов роста промышленного производства в странах социалистического лагеря. Эти высокие темпы служат наглядной иллюстрацией преимуществ социалистической системы перед капиталистической. Отсюда усилившийся интерес к проблемам экономической динамики. На это обстоятельство указывает Э. Домар. «Нынешний интерес к проблеме роста, — пишет он, — не случаен: с одной стороны, он является результатом запоздалого беспокойства о том, что полная занятость в нашей системе невозможна без роста, а с другой — результатом современного международного конфликта, который делает проблему роста условием существования»⁹⁹.

Изучение литературы, посвященной проблеме экономической динамики, позволяет прийти к двум общим выводам:

Во-первых, среди авторов, занимавшихся этим вопросом, существует большой разноречивости. Каждый автор дает свою трактовку экономической динамики. Пока нельзя говорить не только об общепризнанной, но даже о широко распространенной концепции экономической динамики.

Во-вторых, теоретические попытки дать анализ динамики поражают своей беспомощностью. Пока ничего серьезного (даже с точки зрения буржуазной политической экономии) буржуазные авторы не дали в этой области. Работы по экономической динамике можно разбить на две основные группы.

К первой группе относятся работы, в которых делаются попытки построить теоретические модели, выясняющие связи между экономическими категориями, в первую очередь между инвестициями и сбережениями. Эти работы в основном опираются на теорию Кейнса. Наиболее известная из этих попыток приспособить кейнсианскую теорию для рассмотрения более длительных процессов принадлежит Харроду. Особое место в этой группе занимают экономисты, защищающие теорию стагнации.

⁹⁹ E. V. Domar. Essays on the Theory of Economic Growth, p. 18.

Вторая группа охватывает работы преимущественно социологического характера, в которых рассматривается вопрос о факторах, влияющих на экономическое развитие общества. В качестве иллюстрации такого рода работ можно назвать книгу В. Ростоу «Процесс экономического роста». К этой группе можно отнести и новейшие технократические теории, выпячивающие роль технического прогресса в экономическом развитии.

Наиболее известной из работ первой группы является книга Р. Харрода «К динамической экономической науке». Харрод выделяет три «фундаментальных элемента», определяющих масштабы расширения производства: 1) количество рабочей силы; 2) средний доход на душу населения и 3) количество находящегося в его распоряжении капитала¹⁰⁰. Под количеством капитала тут имеется в виду фонд средств производства, которым располагает общество. Первый и третий факторы характеризуют, таким образом, наличные производительные силы. Второй фактор дает представление о потреблении общества. Последнее рассматривается в отрыве от классовой структуры буржуазного общества. Но при этой трактовке потребление ставится в зависимость только от уровня производительных сил. Вполне естественно, что при таком подходе, когда исследователь оперирует только со средним доходом на душу населения, из поля зрения выпадает противоречие между тенденцией капиталистического производства к безграничному расширению и ограниченным ростом потребления трудящихся масс.

Игнорирование Харродом этого важнейшего противоречия ясно сказывается в том разделе, где он трактует вопрос о разных темпах роста капитальных расходов.

Этому вопросу он придает решающее значение. Он различает трех родов норму роста капитальных расходов — фактическую, гарантийную (warranted) и естественную. Под гарантийной нормой он понимает такую норму, которая обеспечивает равномерный рост производства (с учетом действия факторов мультипликатора и акселератора) и полное использование всех производственных мощностей. Под естественной нормой имеется в виду такая норма, при которой достигается полное использование всей имеющейся наличной рабочей силы. Если фактическая норма превышает гарантийную норму, то возникает нехватка инвестиционных товаров; если фактическая норма меньше гарантийной, то налично избыток инвестиционных товаров. Превышение естественной нормы над гарантийной означает неизбежность безработицы и в условиях равномерного роста производства.

Все внимание Харрода сосредоточено на рассмотрении соотношения между ростом капитальных расходов, который выражается указанными выше тремя нормами, и ростом сбережений.

¹⁰⁰ R. F. Harrod. Towards a Dynamic Economics, p. 20.

Различного рода нормы капитальных расходов выражают материально-технические потребности роста производства, рассматриваемые в разных аспектах, т. е. они показывают, какие темпы расширения производства достаточны для того, чтобы загрузить все оборудование или всю рабочую силу. Норма сбережения показывает, как капиталисты распределяют прибавочную стоимость на накапливаемую и потребляемую части. Но из анализа Харрода выпала важнейшая проблема — как накопление влияет на потребление рабочего класса. Антагонистические отношения рабочих и капиталистов вообще выпали из поля зрения Харрода.

Неудивительно, что он бессилён дать ответ на вопрос о причинах циклических кризисов. Он приходит к выводу, что всегда возможно несовпадение между G (фактической нормой роста капитальных расходов) и Gw (гарантийной нормой), вызванное самыми различными случайными причинами. «Даже в условиях, вообще говоря, устойчивого роста производства в целом, — пишет он, — нельзя полагать, что все составляющие его компоненты развиваются одинаковым темпом. Поэтому даже в самых идеальных условиях, какие можно себе только представить, G будет время от времени отличаться от Gw вследствие сезонных или случайных причин»¹⁰¹.

Верно то, что в условиях анархии производства всегда возможны диспропорции между отдельными элементами производства, вызывающие непродолжительные и неглубокие нарушения равновесия. Но между такого рода случайными перебоями капиталистического механизма и экономическими кризисами перепроизводства существует глубокое принципиальное различие.

Динамическая теория Харрода не даёт основы для научного анализа проблемы кризисов, поскольку она обходит важнейшие противоречия капиталистического производства и по существу игнорирует классовую структуру буржуазного общества.

Этот коренной порок присущ и другим теоретическим схемам экономической динамики. Так, известный эконометрик Т. Хаавельмо, выдвигая проблему сравнительного анализа динамики различных стран и районов, указывает, что для этого анализа достаточно ограничиться четырьмя моментами: 1) показателем объёма производства, 2) численностью населения, 3) размерами накопленного капитала и 4) накопленным уровнем образования и технических знаний¹⁰². Хаавельмо в своей схеме обходит полностью не только внутренние противоречия, присущие капиталистической экономике, но и такие моменты, играющие очень существенную роль в объяснении различия темпов и уровня развития разных стран, как влияние колониализма, империалистических войн, милитаризации и т. д.

¹⁰¹ R. Harrod. Economic Essays, p. 257.

¹⁰² T. Haavelmo. A Study in the Theory of Economic Evolution. Amsterdam, 1956, p. 18.

К первой группе работ по экономической динамике можно также отнести работы (преимущественно шведских экономистов), в которых трактуется проблема так называемых лагов.

Современные буржуазные экономисты придают чрезвычайно важное значение в трактовке динамических проблем понятию «лага». Английское слово lag соответствует в русском языке слову «запаздывание», «отставание». Прежде в буржуазной политической экономии молчаливо подразумевалось, что «экономические индивидуумы» в своей деятельности реагируют без промедления на изменения экономического характера, с которыми они сталкиваются. Например, изменение величины дохода той или иной категории потребителей тотчас же отражается на спросе, изменение величины прибыли сразу же сказывается на размерах инвестиций и т. д. Современные же буржуазные экономисты в своём большинстве подчеркивают, что между возникновением тех или иных изменений в сфере экономики и реакцией на эти изменения агентов капиталистического производства проходит определённый период времени, лаг, в течение которого происходит процесс «приспособления». Это усложняет и затягивает процесс приспособления предложения к изменениям спроса на те или иные товары.

Современные буржуазные экономисты подчеркивают ещё один момент. Прежде считалось, что экономические действия определяются текущей величиной прибыли. Считалось, что размер инвестиций определяется величиной прибыли, полученной за тот же период. Сейчас же подчеркивается, что агенты капиталистического производства вырабатывают программу своих действий, исходя не столько из фактического положения вещей, сколько из их оценок (антиципаций) будущего. Эти оценки могут подвергаться резким колебаниям в ту или другую сторону. Это также усложняет процесс приспособления производства к спросу и вызывает неустойчивость всей экономической системы.

По мнению буржуазных экономистов, это использование понятий «лага» и антиципаций будущего ввело в экономическую науку «фактор времени», позволило сделать её «динамической», отличной от старых теорий, построенных на идеях «статики» и равновесия.

В действительности все эти моменты — то, что участники капиталистического производства не сразу приспосабливаются к изменениям конъюнктуры, влияние антиципации — приобретают значение только в связи с назреванием капиталистических противоречий и диспропорций, ведущих к кризисам производства. Так наличие лага и неправильные антиципации предпринимателей приводят к тому, что производство продолжает расширяться высокими темпами, несмотря на существование в скрытом виде перепроизводства товаров. Это способствует некоторой оттяжке кризиса, но зато делает его более глубоким и продолжительным.

Указанный лаг влияет на воспроизводство общественного капитала таким же образом, как наличие многочисленных звеньев — торговых посредников между производителями и конечными потребителями товаров. При наличии этих многочисленных звеньев производство может расширяться несмотря на то, что в конечном звене торговли уже обнаруживается перепроизводство. «...В силу своего обособления, он (купеческий капитал.— И. Б.) совершает свое движение в известных границах независимо от пределов, полагаемых процессом воспроизводства, и потому заставляет даже процесс воспроизводства выходить из своих пределов. Внутренняя зависимость, внешняя самостоятельность приводит его к такому пункту, когда внутренняя связь вновь восстанавливается насильственно, посредством кризиса»¹⁰³.

Понятие лага может быть использовано и иметь познавательную ценность лишь при правильных теоретических посылках и всестороннем анализе воспроизводства общественного капитала. Так поступает марксистская политическая экономия. Хотя в ней не употребляется специальная терминология, но фактически лаги учитываются при детальном анализе капиталистического цикла. Если же понятие лагов оторвать от анализа противоречий и диспропорций капиталистического воспроизводства, как это делает большинство буржуазных авторов, занимающихся проблемой экономической динамики, то оно теряет свой смысл и свое значение. Современное развитие техники, в частности в области строительства новых предприятий, облегчает и ускоряет процесс приспособления предприятий к изменившейся конъюнктуре. Развитие информационной службы может предохранить предпринимателей от неправильных антиципаций. Вообще если бы лаги или неправильные антиципации были связаны только с причинами технического или психологического характера, то они не имели бы существенного значения и легко могли бы быть преодолены.

Игнорирование социально-экономических противоречий закрывает путь для более глубокого анализа даже там, где буржуазным экономистам удается нащупать некоторые интересные закономерности в движении спроса и предложения. Это можно проиллюстрировать на примере так называемой паутиной теоремы (cobweb theorem). Суть этой теории заключается в том, что при известных условиях равновесие между спросом и предложением не только не восстанавливается, но экономическая система все более удаляется от этого состояния равновесия. Предположим, что цена на какой-либо товар повысилась. Предложение реагирует на это изменение не сразу, а лишь через некоторый период времени. Когда предложение будет максимальным, цены снизятся, а это приведет к тому, что через некоторый период времени предложение окажется на минимальном уровне. Это

вновь приведет к росту цен, увеличению предложения товаров через некоторый отрезок времени, новому падению цен и т. д. Предложение и цены движутся по зигзагообразной линии, напоминающей паутину.

«Паутинная теорема», таким образом, подчеркивает неустойчивость рыночного равновесия для ряда товаров, связанную с замедленным реагированием предложения товаров на изменение цен и с тем, что предложение имеет тенденцию изменяться в большей степени, чем это необходимо для поддержания прежнего уровня цен. Поэтому цены все время изменяются в противоположном направлении — они то растут, то падают. Авторы «паутинной теоремы» связывают это с тем, что кривая спроса (т. е. кривая, показывающая, как с повышением цены падает спрос на данный товар) является более крутой, чем кривая предложения (т. е. кривая, показывающая, как с повышением цены растет предложение данного товара). Экономический смысл «паутинной теоремы» заключается в следующем: если кривая спроса является крутой, т. е. если с повышением цены спрос резко падает, то для реализации выросшей продукции требуется значительное понижение цен. «Паутинная теорема» применима к товарам, потребление которых характеризуется большой неустойчивостью, резкими колебаниями в связи с изменением цен. Это — товары, спрос на которые характеризуется высокой эластичностью. Таковы, например, некоторые предметы питания, не всегда доступные для широких масс, одежда, мебель и т. д.¹⁰⁴

Буржуазные экономисты, применяющие «паутинную теорему», правильно констатировав факт неустойчивости рыночного равновесия и цен для некоторых товаров, останавливаются, однако, перед выяснением более глубоких причин, лежащих в основе этих фактов. Решающее значение в объяснении этих фактов имеет неустойчивость потребления многих продуктов, доступных массам только при низком уровне цен. Эта неустойчивость потребления непосредственно связана с пролетарским состоянием масс. Она — непосредственный продукт капиталистического способа производства, обрекающего трудящиеся массы на нищенский уровень жизни.

«Паутинная теорема» может быть использована в экономической теории лишь при всестороннем анализе капиталистической экономики, при обязательном учете закона абсолютного и относительного обнищания рабочего класса.

Следует отметить, что и в тех работах, посвященных проблемам экономической динамики, в которых частично отмечаются некоторые противоречия капиталистической экономики, авторы, в силу своей классовой природы, оказываются неспособными

¹⁰⁴ Эта теорема высоко оценивается как инструмент изучения цен на сельскохозяйственные продукты в кн. W. Lee. *Economic Fluctuations*. Homewood, 1955.

¹⁰³ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 316.

сделать правильные выводы о законах развития капитализма. В качестве примера можно привести работу канадского буржуазного экономиста Б. Кирстида «Теория экономических изменений». Автор уделяет большое внимание росту монополизации и ее влияния на экономику. Он подчеркивает, что «эта коррупция рынка, или увеличение степени монополизации, имеет чрезвычайно важное значение, потому что... она оказывает прямо отрицательное влияние на благосостояние, препятствуя тому, чтобы все пользовались плодами технического прогресса; ...это — главная причина огромных избытков или остатков, образующихся при распределении общественного дивиденда, именно поэтому она ведет к накоплению капитала, который не может быть прибыльно инвестирован вследствие ограничения покупательной способности»¹⁰⁵.

Кирстид отмечает большую роль, которую сыграл Маркс в разработке вопросов экономической динамики. «Карл Маркс, — пишет он, — это уникум среди экономистов в период между Смитом и Шумпетером, потому что его главной целью была скорее теория экономического развития и социального изменения, чем статический анализ рынка... Для Маркса изменение и развитие было самой сутью современного капитализма, существенной чертой, понимание которой необходимо, если человек хочет стать хозяином своей судьбы»¹⁰⁶. Но Кирстид спешит тут же отмежеваться от Маркса и призывает отказаться в первую очередь от центрального положения марксистского учения о неизбежности замены капиталистического способа производства социалистическим.

Отказавшись от марксистского, т. е. единственно правильного научного анализа, автор становится на позиции теории стагнации капитализма. Выход из стагнации он усматривает в развитии «смешанной экономики», которая на практике представляет собой не что иное, как государственно-монополистический капитализм. Кирстид выступает с мелкобуржуазными проектами организации контроля над монополиями, над использованием избытков товаров, над ходом капиталистического цикла, что представляет собой один из методов обоснования необходимости усиления государственного вмешательства. В периоды, когда опасность кризиса вырисовывается особенно отчетливо, защитники этой теории подчеркивают, что стагнация может быть устранена при помощи соответствующих регулирующих мероприятий. В периоды промышленного оживления сторонники этой теории выпячивают другую сторону — только благодаря регуливающим мероприятиям удалось преодолеть стагнацию.

¹⁰⁵ B. S. Keirstead. The Theory of Economic Change. Toronto, 1948, p. 180—181.

¹⁰⁶ Ibid., p. 85.

В том и другом случае «теория стагнации» является порочной теорией.

Хотя Кейнс должен был внести некоторые коррективы в традиционные буржуазные экономические теории, он не мог отказаться от общих антинаучных принципов буржуазной методологии — антиисторизма, идеализма, психологизма, тенденции к замазыванию антагонистических противоречий, отрицания эксплуатации рабочего класса и т. д.

Рассмотрение «теории стагнации» показывает, что и в тех случаях, когда буржуазные экономисты при рассмотрении экономической динамики в какой-то мере учитывают экономические противоречия капитализма, они все же стараются подчинить свой анализ задачам апологии.

* * *

Вторая группа работ по экономической динамике пытается выявить факторы, воздействующие на экономическое развитие. В отличие от работ первого типа, в которых преобладает чрезмерно абстрактный подход, работы второго типа характеризуются преимущественно эмпирическим направлением. Некоторые из представителей этой группы открыто выступают против применения абстрактного метода в политической экономии (например, французский экономист Фурастье).

Буржуазные работы по экономической динамике характеризуются идеалистической трактовкой экономических процессов. В этих работах принимается за аксиому положение о решающей роли психологических факторов, рассматриваемых как самодовлеющие силы, действующие независимо от экономических условий и имеющие внеисторический характер. При такой трактовке затушевываются специфические движущие мотивы капиталистического производства и фактически снимается вопрос об объективных законах экономического развития.

Некоторые авторы доходят до признания того, что решающую роль в экономическом развитии играют неэкономические силы. Типичной для буржуазных авторов является позиция У. Ростоу, написавшего специальную книгу «Процесс экономического роста». «Центральная идея этой книги, — пишет Ростоу, — заключается в том, что экономические решения, определяющие темпы роста и производительность труда и капитала, не следует рассматривать как результат действия только экономических мотивов человеческого существования. Экономическое действие оценивается как результат сложного процесса приспособления (balancing) материального развития к другим человеческим целям. История и современные события подтверждают, что действия, порождающие экономический прогресс, не должны быть мотивированы экономическими целями»¹⁰⁷.

¹⁰⁷ W. W. Rostow. The Process of Economic Growth, p. 11.

Экономическое развитие, по Ростоу, определяется склонностями человека, проявляющимися независимо от общественного строя. Ростоу насчитывает шесть таких склонностей: 1) к развитию наук; 2) к применению наук в экономических целях; 3) к распространению всяких нововведений; 4) к материальному прогрессу; 5) к потреблению; 6) к тому, чтобы иметь детей.

Характеризуя различные склонности, Ростоу приходит к следующему курьезному выводу: «Склонности отражают степень отклонения подлинных экономических решений общества от тех, которые имели бы место, если бы действовали только „экономические“ мотивы»¹⁰⁸.

В итоге у Ростоу получается весьма оригинальная картина экономического развития, «эмансипированного» от решающей роли экономических факторов. Нетрудно убедиться в том, что такой подход закрывает путь для познания экономического развития в любых условиях. В самом деле, что даст ссылка на такие абстрактные склонности, как стремление к материальному прогрессу или склонность к потреблению? Не стоит большого труда показать, что попытка автора определить размер использования материальных ресурсов и объем инвестиций на основе взаимодействия склонности к материальному прогрессу и склонности к потреблению представляет собой попытку с негодными средствами.

В динамической схеме Ростоу выпало основное и решающее звено — капиталистические производственные отношения. Вместе с этим выпала классовая структура буржуазного производства и потребления. «Освободившись» от классов, Ростоу тем самым «освободился» и от специфических противоречий, в которых развивается капиталистическая экономика. Такая искусственно сконструированная «динамика», конечно, очень далека от подлинной экономической динамики буржуазного общества.

Ростоу в этом вопросе не одинок. Он, может быть, более ярко, чем другие, отразил важнейшую черту буржуазных теорий экономической динамики — стремление затушевать обострение социально-экономических противоречий капитализма. Динамика в том виде, в каком она представлена в буржуазных теоретических представлениях, — это динамика минус обнищание рабочего класса, минус противоречие между условиями производства и реализации прибавочной стоимости, минус усиливающийся гнет капиталистических монополий, минус рост империалистических тенденций и милитаризма. Это — приукрашенная, идеализированная схема капиталистического развития в духе теории «народного капитализма».

Яркой иллюстрацией порочности буржуазных теорий экономической динамики являются различные варианты теории «трансформации» капитализма, рисующие эволюцию современного ка-

питализма в совершенно извращенном и грубо апологетическом свете (см. п. 1 гл. 2).

Неудивительно, что американский экономист У. Боумол, написавший обзорную работу о теориях экономической динамики, вменяет Марксу в качестве вины то, что он обосновал учение об обнищании рабочего класса и показал социальные последствия растущей концентрации капитала¹⁰⁹.

Особое место среди вариантов экономической динамики занимает технократическая теория, подчеркивающая решающее влияние на экономическое развитие технического прогресса. Важнейшая особенность этой концепции состоит в том, что техническое развитие рассматривается как самодовлеющий процесс, в отрыве от общественно-экономического строя, от господствующих отношений собственности.

Наиболее развернутое выражение технократический вариант получил у современного французского буржуазного экономиста Жана Фурастье, работы которого — «Великая надежда XX века» и «Развитие машин и благосостояние» — вызвали большой шум и привлекли внимание французской общественности.

Через все работы Фурастье красной нитью проходит одна руководящая идея — техника, независимо от общественных отношений, решает все, она — источник всех социальных преобразований, она, в частности, решающее условие роста благосостояния всех трудящихся. «Технический прогресс, — категорически заявляет Фурастье, — есть фактор, определяющий современную экономическую эволюцию»¹¹⁰. «Мы можем сейчас писать, — говорит он в другом месте, — что производительность труда есть переменная (variable) движущая сила современной экономической эволюции. Это — не только один из факторов улучшения уровня жизни, но это — преобладающий и господствующий фактор, потому что он определяет и обуславливает большую часть других: ренту, прибыль, стоимость капиталов и их частное присвоение, географическую структуру, профессиональную структуру, заработную плату и иерархию заработных плат, социальную структуру и социальные действия...»¹¹¹.

Техника, как известно, составляет один из важнейших элементов производительных сил, которые неразрывно связаны с определенными производственными отношениями. Производительные силы и производственные отношения составляют две стороны общественного производства. Между этими двумя сторонами существует тесная взаимосвязь. Без учета последней невозможно понимание и самого технического прогресса.

¹⁰⁹ W. J. Baumol. Economic Dynamics. An Introduction. N. Y., 1952, p. 32.

¹¹⁰ J. Fourastié. Le grand espoir du XX-e siècle. Progrès technique. Progrès économique. Progrès social. P., 1949, p. 71.

¹¹¹ J. Fourastié. Machinisme et bien-être. P., 1951, p. 238.

¹⁰⁸ W. W. Rostow. The Process of Economic Growth, p. 35.

Система производственных отношений предопределяет возможности технического развития, — эти возможности различны для разных способов производства. История человечества дает многочисленные иллюстрации этого общего положения. Достаточно сравнить феодальное и буржуазное общество, для того чтобы увидеть, насколько переход к капиталистическим производственным отношениям широко раздвинул рамки технического прогресса. Социалистическая экономика в свою очередь создает несравненно более широкие возможности для развития техники по сравнению с капиталистической экономикой.

Система производственных отношений предопределяет социальные последствия технического прогресса, его воздействие на положение разных классов, на социальные противоречия, возможность появления экономических циклов и т. д. Маркс в «Капитале» с исчерпывающей полнотой показал, как технический прогресс в условиях капитализма приводит к абсолютному и относительно общему обнищанию рабочего класса, обогащению буржуазии, обострению основного противоречия буржуазного общества. Совершенно по-иному проявляются последствия технического прогресса в социалистической экономике, где они идут целиком на пользу трудящихся.

Суть методологии Фурастье сводится к тому, что при рассмотрении технического прогресса он полностью абстрагируется от социальных условий, в которых осуществляется этот прогресс. О том, в какой мере Фурастье игнорирует роль социальных отношений, можно судить по следующему его высказыванию: «В действительности можно сказать, что технический прогресс порождает экономический прогресс не столько благодаря политическому и экономическому режиму, сколько вопреки ему»¹¹². С точки зрения Фурастье, существуют имманентные технические тенденции, которые действуют независимо от производственных отношений, господствующих в данном обществе. Для технических закономерностей безразлична экономическая структура общества, — вот вывод, к которому ведут все рассуждения Фурастье. «Прогресс техники, — изрекает он, — образует *существенный детерминизм* (determinisme essentiel) *экономической жизни*, детерминизм, который осуществляется так же хорошо при либеральном режиме, как и при дирижистском, при капиталистическом режиме, как и при коллективистическом»¹¹³.

Метод, защищаемый Фурастье, очень выгоден для буржуазии — он позволяет обосновать положение, что технический прогресс и рост производительности труда в любых условиях и при любом общественно-экономическом строе идут на пользу всему населению данной страны. Ход рассуждений Фурастье следую-

щий: повышение производительности труда способствует росту производства, а рост производства создает возможность для соответствующего расширения потребления и повышения уровня жизни. Суть «переворота», осуществленного Фурастье в экономической науке, сводится к отождествлению этой абстрактной возможности с действительностью. «Уровень жизни народа, — заявляет он, — есть не что иное, как среднее производное на душу населения»¹¹⁴. При такой постановке заранее снимается вопрос о том, что результаты возросшего производства могут быть присвоены незначительной верхушкой и что основная масса населения может быть обойдена при распределении возросшего богатства общества.

В действительности «среднее производное на душу населения» отнюдь не совпадает обязательно с «уровнем жизни народа». Допустим, что в данном обществе 100 лиц имеют доход по 1000 и два лица по 100 000 фр. Средний уровень дохода на душу населения составит около 2940, а типичный для народа уровень дохода не будет превышать 1000 фр. Если доходы указанных выше двух лиц повысятся со 100 000 до 120 000, а доходы 100 лиц снизятся с 1000 до 900 фр., то средний доход повысится (он составит 3530), типичный же для народа уровень дохода понизится (до 900). Общий рост дохода для общества в целом без учета его классовой структуры и дифференциации доходов не исключает снижение дохода, приходящегося на одного трудящегося.

Метод, предложенный Фурастье, не отличается оригинальностью. Уже издавна излюбленным аргументом противников экономической борьбы пролетариата была ссылка на то, что уровень заработной платы определяется только величиной национального продукта и что он якобы не зависит от распределения этого продукта между отдельными классами. Маркс подверг исчерпывающей критике это положение в своей работе «Заработная плата, цена и прибыль» на примере английского идеолога тред-юнизма в 60-х годах прошлого столетия Уэстона. «Гражданин Уэстон, — писал Маркс, — иллюстрировал свою теорию следующим примером: если в миске содержится определенное количество супа, предназначенное для известного числа лиц, то это количество не может возрасти от того, что будут увеличены размеры ложек... Гражданин Уэстон, в свою очередь, позабыл, что в миске, из которой едят рабочие, находится весь продукт национального труда и что брать из нее больше им мешает не малый объем миски и не скудное количество ее содержимого, а исключительно малые размеры их ложек»¹¹⁵.

¹¹² Ibid., p. 115.

¹¹³ К. Маркс. Заработная плата, цена и прибыль. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I. М., Госполитиздат, 1952, стр. 360.

¹¹² J. Fourastié. Machinisme et bien-être, p. 240.

¹¹³ Ibid., p. 139.

При той же величине национального продукта и вновь созданной стоимости рабочий класс может присвоить себе большую долю этого продукта за счет снижения доли, поступающей в распоряжение класса капиталистов. Точно так же возможно (и это наиболее вероятный случай), что, несмотря на увеличение национального продукта, рабочий получает прежний уровень заработной платы, поскольку все приращение вновь созданной стоимости присваивается классом капиталистов. Во всяком случае в буржуазном обществе нет и не может быть прямой связи между расширением производства и ростом производительности, с одной стороны, и уровнем заработной платы, — с другой, поскольку рабочий класс не является собственником средств производства и не распоряжается производственным процессом. В некоторых случаях рабочему классу удастся присвоить часть возросшего национального продукта, но это удастся только путем упорной классовой борьбы, путем преодоления ожесточенного сопротивления со стороны капиталистов, стремящихся максимально урезать и ограничить экономические завоевания рабочих. В этой борьбе преимущества остаются на стороне капиталистов, являющихся хозяевами положения. Заработная плата, как правило, не поднимается даже при благоприятных условиях над уровнем стоимости рабочей силы.

Верный своему методу «технизма», Фурастье доходит поистине до крайних пределов абсурда, когда он объявляет, что технический прогресс автоматически приводит к уничтожению капитализма и к возникновению социализма. «Капитализм оказывается полностью разрушенным благодаря техническому прогрессу», — изрекает он¹¹⁶. «Технический прогресс, — восклицает он в другом месте, — порождает социализм»¹¹⁷.

Фурастье выступает с поистине сенсационным открытием о том, что технический прогресс постепенно автоматически подрывает основы частной собственности. Для демагогических приемов, применяемых этим автором, типично следующее его высказывание: «Технический прогресс лишает собственника производительных благ в первичном и вторичном производстве. Могущество собственности, датируемое от самых отдаленных эпох римского права, имеет тенденцию к упадку. Ситуация в «коллективистической» России имеет тенденцию в длительной перспективе совпадать с тенденцией в «капиталистических» (характерно, что термины «коллективистический» и «капиталистический» автор заключает в иронические кавычки. — И. Б.) Соединенных Штатах»¹¹⁸.

Для того чтобы подкрепить это явно противоречащее действительности положение, Фурастье мобилизует различные буржуазные теории.

¹¹⁶ J. Fourastié. Le grand espoir du XX-e siècle, p. 219.

¹¹⁷ J. Fourastié. Machinisme et bien-être, p. 147.

¹¹⁸ J. Fourastié. Le grand espoir du XX-e siècle, p. 128.

Ссылаясь на теорию дифференциальной ренты Рикардо, он заключает, что с ростом производительности труда в сельском хозяйстве худшие участки земель постепенно перестанут обрабатываться, соответственно снизятся хлебные цены, величина ренты, приносимой отдельными участками, и цены последних. Так Фурастье аргументирует автоматическую экспроприацию крупных землевладельцев. Эта аргументация строится на чрезмерной переоценке одних тенденций (связанных с ростом производительности сельскохозяйственного труда) и на полном игнорировании ряда существенных моментов: а) специфических противоречий капитализма, тормозящих развитие сельского хозяйства; б) монополии земельной собственности, приводящей к образованию абсолютной ренты, существующей наряду с дифференциальной рентой; в) увеличения вложений капитала в один и тот же земельный участок, связанного с образованием дифференциальной ренты второго вида, которая, как показал Маркс, может расти в условиях снижения хлебных цен. Факты подтверждают, что в США и других капиталистических странах земельная рента не обнаруживает тенденции к падению, несмотря на довольно быстрое развитие сельскохозяйственной техники за последнее время.

Столь же несостоятельна попытка Фурастье показать, что предпринимательская прибыль обнаруживает тенденцию к падению и даже к исчезновению. Фурастье при этом исходит из давно раскритикованной в марксистской литературе теории, согласно которой предпринимательскую прибыль получают только капиталисты, применяющие более прогрессивные методы производства по сравнению с общепринятыми. При этом предпринимательская прибыль отождествляется со сверхприбылью, связанной с более низкими издержками производства на передовых предприятиях. Фурастье ссылается на то, что технический прогресс ускоряет подтягивание отсталых предприятий к уровню более передовых и срезает разницу в уровне издержек производства. В действительности предпринимательская прибыль отнюдь не связана с этой разницей в издержках производства. Она получается на всех предприятиях — как передовых, так и отсталых. Она получается как в условиях технического прогресса, так и в обстановке технического застоя.

Современное развитие капитализма не дает никаких материалов, которые позволили бы утверждать о наличии тенденции к снижению абсолютных размеров прибылей вообще и предпринимательских прибылей (составляющих основную долю капиталистических прибылей) в частности. Напротив, статистика большинства капиталистических стран свидетельствует о том, что капиталистические прибыли после второй мировой войны достигли небывало высокого уровня. Вместо экспроприации крупных собственников в ведущих империалистических странах происходит

усиленный процесс перераспределения национального дохода через государственный бюджет в пользу крупнейших монополий.

Явно противоречит действительности и ссылка Фурастье на то, что для современного капитализма якобы характерна тенденция к обесценению основного капитала. Сам Фурастье счел себя вынужденным дать специальное объяснение по поводу того, что эта великая истина не получила еще признания. Оказывается, все дело в том, что обыкновенно люди обращают внимание на абсолютную величину капиталов. Фурастье не может отрицать совершенно бесспорного факта, что абсолютная величина капиталов растет. Что же остается тогда от этого столь разрекламированного тезиса об обесценении капиталов? Фурастье пытается спасти свой явно обанкротившийся тезис путем ссылки на то, что происходит якобы относительное обесценение капиталов (т. е. по сравнению с заработной платой). Теория обесценения капиталов подменяется Фурастье еще более несостоятельной теорией снижения органического строения капитала.

Еще Маркс установил, что техническое развитие, неизбежно связанное с повышением технического строения капитала (этот факт настолько бесспорен, что его не отрицают и буржуазные экономисты), сопровождается повышением органического строения капитала. С того времени не произошло никаких изменений, которые дали бы основание отвергнуть это положение.

Фурастье ссылается на то, что отношение цен элементов оборудования (например, цены одной лошадиной силы) к часовой заработной плате снизилось. Такие факты имеют место в действительности. Они объясняются большим ростом производительности труда в области производства оборудования, приводящим к снижению цен отдельных элементов оборудования (например, одного киловатта, одной лошадиной силы). Политика монополий, заинтересованных в получении высоких прибылей, задерживает это падение цен, но не в состоянии полностью парализовать этот процесс. В отраслях, производящих средства существования, стоимость которых определяет стоимость и цену рабочей силы, производительность труда развивается слабее. Различие в уровне технического прогресса, достигнутого различными отраслями, объясняет приводимый выше факт, на который ссылается Фурастье. Но отсюда никоим образом не следует, что стоимость постоянного капитала, приходящегося на одного рабочего, падает. Дело в том, что параллельно техническому прогрессу происходит рост мощности оборудования на одного рабочего. Этот процесс по своим масштабам перекрывает снижение цен отдельных элементов оборудования. В результате стоимость оборудования на одного рабочего повышается. Так, по расчетам Коллин Кларка стоимость основного капитала, приходящегося на одного представителя самостоятельного населения в США, повысилась с 291 долл. в 1899 г. до 380 в 1919 г.

и до 650 в 1939 г.¹¹⁹ По всем данным статистики европейских стран, стоимость основного капитала на одного рабочего повысилась. Строение капитала по стоимости (т. е. отношение стоимости постоянного капитала к стоимости переменного капитала) должно повышаться также в результате снижения реальной заработной платы.

Фурастье, следуя традициям буржуазной политической экономии, не только отрицает этот факт, но пытается обосновать свой вывод о понижении органического строения капитала при помощи буржуазной легенды о якобы чрезмерных притязаниях рабочих, о непомерно высоком уровне заработной платы, о чрезмерной мощи профсоюзов и т. д. Как ни распространяется усиленно эта легенда в буржуазной прессе, она от этого не становится более правильной. Практика, свидетельствующая о тяжелом экономическом положении рабочих, не оставляет камня на камне от этой легенды и полностью подрывает тесно связанную с ней «теорию» о снижении органического строения капитала.

¹¹⁹ Цит. по Ch. Bettelheim. La classe ouvrière et le progrès technique en régime capitaliste: Paupérisation relative ou «dépérissement» du capitalisme? «Cahiers Internationaux», 1954, N 1, p. 51.

СОВРЕМЕННЫЙ НЕОЛИБЕРАЛИЗМ

1. СТАРЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

Кризис современной буржуазной политической экономии получил наиболее отчетливое выражение в работах сторонников «регулируемого капитализма». Но этот кризис не мог не отразиться и на других направлениях современной буржуазной политической экономии. Он вызвал определенную эволюцию либерального течения, породив особое направление — так называемый неолиберализм.

Сторонники неолиберального направления сохранили в основном аппарат старой вульгарной политической экономии. Они представляют теоретическими конструкциями, порожденными австрийской, лозаннской, кембриджской школами и другими направлениями, выступившими на арену еще в конце прошлого столетия. Следуя этим направлениям, неолибералы занимаются воспеванием капиталистической конкуренции, подчеркивая, что механизм последней автоматически обеспечивает наилучшие условия для развития производительных сил. Некоторые из современных либералов придерживаются еще такой явно обанкротившейся теории, как теория реализации Ж.-Б. Сэя. Так, известный французский буржуазный экономист Ж. Рюэфф выступает в защиту этой теории со всеми вытекающими из нее выводами. «Поскольку существует определенный продукт, — безапелляционно заявляет он, — нет ни малейших оснований беспокоиться о покупательной способности, которая бы этот продукт поглотила, и нет оснований стараться создать ее соответствующей политикой»¹. При наличии невмешательства государства в процесс ценообразования, заявляет он, каков бы ни был урожай, производители всегда смогут его продать; какова бы ни была длительность рабочего дня, никогда не будет постоянной безработицы. Безоговорочным сторонником теории реализации Сэя выступает и Л. Мизес. В сборнике, посвященном Мизесу, под заглавием «О свободе и свободном пред-

¹ J. Rueff. L'ordre sociale, v. 2. P., 1945, p. 145.

приятии» напечатана специальная статья Х. Петерсона в защиту пресловутого «закона Сэя».

Но как ни пытаются сторонники либерализма удержаться на старых позициях, они вынуждены вносить существенные поправки в свои теоретические построения. Дело в том, что традиционные буржуазные теории, из которых исходят либералы, связаны с определенными выводами в вопросах экономической политики. Восхваление стихийной игры спроса и предложения неразрывно связано с защитой политики *laissez faire*. Такие выводы, в частности, делали старые представители австрийской школы. Но эти выводы не соответствуют современному экономическому положению и интересам большинства буржуазии. Современное экономическое положение капиталистических стран характеризуется все возрастающим вмешательством государства в экономическую жизнь. Буржуазные экономисты не могут просто отмахнуться от этих фактов, связанных с развитием государственно-монополистического капитализма. Как пишет немецкий буржуазный экономист В. Вебер, теперь стало «общим мнением (*communis opinio*)...», что в основе имеет место дискуссия не о том, должно ли государство вмешиваться или нет, а исключительно о том, в каких областях, в каких формах и в каком объеме это целесообразно осуществлять»².

Перед лицом этих фактов современные либералы пытаются изыскать какие-то новые теоретические аргументы для усиливающегося государственного вмешательства в экономику. Они должны как-то разрешить противоречие между их исходными теоретическими позициями и практическими предложениями в области экономической политики.

Вместе с тем для современных либералов становится все труднее защищать оптимизм в таких безграничных дозах, которые были характерны для экономистов XIX в. После мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. нельзя просто отмахнуться от проблемы экономических кризисов перепроизводства. Не случайно многие современные либералы вынуждены были сделать уступки кейнсианцам в вопросах антикризисной политики.

По всем этим причинам произошла некоторая перестройка либерального направления. Современные неолибералы значительно отличаются от защитников старого либерализма, господствовавшего в прошлом столетии. Как указывает французский экономист Э. Жамс, «если бы Бастиа или Дюнуайе поднялись из могил, то они, вероятно, всех этих авторов, которые допускают государственное вмешательство для «организации» конкуренции или для лучшего распределения прибыли, заклеили бы как ренегатов. И действительно, неолибералы признают значительно меньшую

² W. Weber. Wirtschaftswissenschaft von heute. Überblick über moderne ökonomische Forschungen. Wien, 1953, p. 145.

экономическую свободу, чем сторонники неограниченной конкуренции»³. Как указывает другой французский автор, Гоннар, современные либералы «не приемлют систематического антиэтатизма (т. е. оппозиции против государственного вмешательства. — И. Б.) предшественников, живших в прошлом столетии»⁴.

Лишь немногие современные буржуазные экономисты решаются защищать либерализм в полном и неурезанном виде. Наиболее крайний и упрямый защитник политики *laissez faire* в современных условиях — Л. Мизес⁵. Он принципиальный противник всякого государственного вмешательства в экономику. «Правительственное вмешательство, — пишет он, — всегда означает либо насильственное действие, либо угрозу такого действия. В конечном счете правительство обращается к помощи вооруженных людей, полицейских, жандармов, солдат, тюрем и палачей. Существенная особенность правительства заключается в навязывании своих законов с помощью избиений, убийств и заключений в тюрьму. Те, кто требуют увеличения государственного вмешательства, требуют в конечном счете больше принуждения и меньше свободы»⁶. Мизес отрицает не только таможенные пошлины, воздействие правительства при помощи налоговой политики, рабочее законодательство, частичную национализацию и муниципализацию, он выступает даже против государственного контроля и регулирования в условиях военной экономики. «Реализация этих (т. е. военных. — И. Б.) программ, — пишет он, — не требует установления контроля и приоритетов»⁷. Ключ к укреплению капитализма он видит только в беспрепятственном развитии свободного предпринимательства.

«Нет других средств, — заявляет он, — для достижения полной занятости, роста реальной заработной платы и высокого уровня жизни для простого человека, кроме частной инициативы и свободного предпринимательства»⁸. Политику *laissez faire* он объявляет не только наиболее целесообразным, но и единственным эффективным средством борьбы с коммунизмом.

В своих критических выступлениях против сторонников «регулируемого капитализма» Мизес подметил некоторые слабые стороны своих противников. В частности, Мизес обрушивается на тех, кто одновременно критикует и капитализм и коммунизм (как

³ Э. Жамс. История экономической мысли XX века. М., ИЛ, 1959, стр. 232.

⁴ F. Gonnard. Histoire des doctrines économiques. P., 1943, p. 421.

⁵ Прогрессивный немецкий писатель Р. Науман, недавно издавший большую монографию о неолиберализме, неправильно относит Мизеса к неолибералам (см. R. Naumann. Theorie und Praxis des Neoliberalismus. B., 1957, S. 11).

⁶ L. Mises. Human Action. New Haven, 1949, p. 715.

⁷ Ibid., p. 821.

⁸ L. Mises. Planning for Freedom and Other Essays and Addresses. N. Y., 1952, p. 17.

он их называет — «антикоммунистических либералов»). Он правильно говорит, что нужно выбирать между капитализмом и социализмом и что всякие половинчатые решения этой кардинальной проблемы обречены на неудачу. «Люди, — пишет он, — должны выбирать между капитализмом и социализмом. Они не могут избежать этой дилеммы, создавая капиталистическую систему без предпринимательской прибыли»⁹.

Мизес критикует государственное вмешательство в экономику с реакционных, консервативных позиций.

Рьяно защищая принцип *laissez faire*, Мизес замазывает факты, связанные с ростом государственно-монополистического капитализма. Он не учитывает такую «мелочь», как огромный рост монополий, получивших господство в капиталистической экономике. Он отрицает существование самостоятельной проблемы капиталистических монополий. Все зло, по его мнению, коренится в государственном вмешательстве в экономику. Последнее, по словам Мизеса, якобы породило монополии. «Великая проблема монополий, перед которой стоит сегодня человечество, — пишет он, — не является продуктом развития рыночной экономики. Это — продукт преднамеренных действий со стороны правительства»¹⁰. Поставив, таким образом, эту проблему на голову, Мизес оказался неспособным не только решить, но даже поставить вопрос о причинах, вызвавших усиление вмешательства буржуазного государства в экономику. Он усмотрел в этом вмешательстве лишь аномалию, противоречащую «нормальным» законам капиталистического развития.

Попытка Мизеса уложить современный капитализм в прокрустово ложе учения о *laissez faire*, отвечавшего действительности сто лет назад, — яркий пример доктринерства. Последнее не является индивидуальной особенностью Мизеса. Оно характеризует все работы современных представителей старого либерализма или, как их называют некоторые авторы, «абсолютных либералов»¹¹.

Таких же позиций придерживается и Ж. Рюэфф, хотя он выступает в менее категорической форме и допускает некоторые отклонения от принципа *laissez faire*. В своей работе «Почему, несмотря на все, я остаюсь либералом?» он выдвинул положение, что «источник всех гнусностей капиталистического режима» — государственное вмешательство¹².

Полностью игнорируя изменения в экономике современного капитализма, Рюэфф объявляет источником всех социальных бедствий... нарушение бюджетного равновесия. Свою двухтомную

⁹ Ibid., p. 150.

¹⁰ L. Mises. Human Action, p. 363.

¹¹ См. F. Karrenberg. Neoliberalismus — Neosozialismus. «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», Bd. 166, 1954, H. 5—6.

¹² J. Rueff. Pourquoi malgré tout je reste libéral. P., 1934, p. 15.

книгу «Социальный порядок» он заканчивает следующими словами: «Именно вследствие дефицита (речь идет о бюджетном дефиците.— И. Б.) люди теряют свою свободу»¹³. «Социальный порядок или рабство — такова единственная перспектива для народов, живущих в условиях отсутствия финансового равновесия»¹⁴. Рюэфф предлагает создать институт так называемых тесмотетов, которые пожизненно назначались бы «коллекцией наиболее высоких моральных авторитетов страны» и которые могли бы налагать вето на любое постановление парламента, если оно, по их мнению, может привести к бюджетному дефициту.

Нет необходимости давать критику теорий старого либерализма, отрицающих экономическую необходимость государственного вмешательства в экономику и трактующих явления, связанные с последним, как случайную аномалию. Несостоятельность таких воззрений очевидна. Объяснения требует другой факт — почему работы Мизеса имеют широкое хождение и, судя по сборнику «О свободе и свободном предприятии», он имеет многочисленных сторонников в разных капиталистических странах. Объяснение этого факта следует искать в том, что многие стороны экономических писаний Мизеса весьма выгодны для буржуазии и широко используются буржуазными авторами.

Прежде всего следует отметить, что Мизес — один из самых ярых противников социализма. В течение многих лет он упражняется в распространении положения, что в социалистическом обществе, при отсутствии свободно складывающихся на рынке в процессе стихийной игры спроса и предложения цен, невозможен якобы правильный учет издержек производства и тем самым невозможна рациональная организация хозяйства. За сорок лет существования советской экономики сложилась определенная система хозяйственного расчета. Социалистическая система за эти годы обеспечила невиданные темпы развития производительных сил, показав тем самым огромные преимущества перед капиталистической системой. Под влиянием этих бесспорных фактов многие буржуазные экономисты вынуждены были отказаться от приведенного тезиса Мизеса, но автор этого тезиса по-прежнему продолжает упорствовать на своей явно обанкротившейся позиции. В работах Мизеса критики социалистической экономики по-прежнему продолжают черпать аргументацию для своих критических вылазок и инсинуаций по адресу социалистических стран.

Вместе с тем Мизес и другие теоретики старого либерализма выступают в качестве наиболее бесцеремонных апологетов капитализма. Мизес считает опасным и избегает какого-либо заигрывания с социалистами. В своих работах он на все лады занимает-

ся воспеванием капиталистического способа производства. Он всюду настойчиво проводит точку зрения, что капитализм ни в малейшей степени не несет ответственности за социальные бедствия современности, в частности за массовую безработицу, он взваливает вину на рабочий класс. «Массовая безработица не есть доказательство недостатка капитализма, она — доказательство недостатка традиционных методов союзов» (имеются в виду профсоюзы.— И. Б.)¹⁵.

Для буржуазии весьма привлекательной стороной писаний Мизеса и его сторонников является активная оппозиция против всяких мероприятий, представляющих собой вынужденные уступки буржуазии рабочему классу, в частности против рабочего законодательства. Свой основной огонь старолибералы направляют против подобного рода мероприятий, например против социального страхования, пособий по безработице, законов о сокращении рабочего дня, общественных работ в той мере, в какой они связаны со строительством школ, больниц и т. п. Как ни мизерны мероприятия, проводимые буржуазным государством в этой области, они вызывают яростную критику со стороны наиболее откровенных защитников капитала.

Идеологи старого либерализма занимают видное место среди пропагандистов наступления на жизненный уровень рабочего класса. Рюэфф в свое время получил широкую известность как автор теории, сводящей причины массовой безработицы к завышенному уровню заработной платы. Он в 1925 г. выступил со статьей, посвященной безработице в Англии¹⁶. Опираясь статистическими данными об индексах номинальной заработной платы, стоимости жизни и числа безработных, Рюэфф пытается показать наличие прямой связи между размером безработицы и уровнем реальной заработной платы. С ростом последней растет, по Рюэффу, и безработица. Для снижения безработицы нужно снизить заработную плату — таков основной вывод Рюэффа, встреченный очень сочувственно в буржуазной экономической литературе. Некоторые авторы окрестили это чисто апологетическое измышление «законом Рюэффа».

В основе вывода Рюэффа лежит порочная статистическая методология. Во-первых, он отождествил фактически получаемую рабочими заработную плату с официальными тарифными расценками. Между тем в фазе подъема фактически получаемая заработная плата обычно выше тарифных расценок, а в фазе кризиса

¹⁵ L. Mises. Planning for Freedom..., p. 13.

¹⁶ J. Rueff. Les variations du chômage en Angleterre. «Revue Politique et Parlementaire», 10 décembre 1925. Рюэфф повторил свое выступление в 1931 г., выступив с анонимной статьей под заглавием «Страхование безработицы — причина постоянной безработицы» (J. Rueff. L'assurance chômage, cause du chômage permanent. «Revue d'économie politique», 1931, No 2.).

¹³ J. Rueff. L'ordre sociale, v. 2, p. 734.

¹⁴ Ibid., p. 715.

она ниже. Во-вторых, Рюэфф при определении реальной заработной платы исходит из уровня оптовых цен. Между тем рабочим приходится покупать товары не по оптовым, а по розничным ценам, которые сохраняются на высоком уровне и в годы кризиса. В-третьих, Рюэфф исходит из официального индекса стоимости жизни, дающего искаженное представление о расходах рабочей семьи. В обследованных бюджетах, на основе которых строился этот индекс, не были учтены расходы на отопление, на квартиру, на одежду, на транспортные и другие «разные» расходы.

«Заслуги» Мизеса, Рюэффа и им подобных в отношении отстаивания наиболее реакционных теорий и методов буржуазной политики очевидны. Некоторые авторы открыто восхваляют Мизеса за его реакционность. Так, в сборнике «О свободе и свободном предприятии» мы встречаем такое высказывание Л. Рида: «Длительное доверие к Людвигу фон Мизесу объясняется тем, что в течение нескольких десятилетий он был наиболее «реакционным» среди ученых, реакционером по разуму и экономической теории. За это он заслужил наше восхищение и благодарность»¹⁷. Этими «заслугами» объясняется широкое распространение писаний Мизеса и других идеологов старого либерализма в буржуазном мире.

Но как ни велики «заслуги» Мизеса и компании в отношении отстаивания наиболее реакционных теорий, писания идеологов старого либерализма не могут вполне удовлетворить буржуазию.

Во-первых, Мизес и компания, с буржуазной точки зрения, выплескивают с водой и ребенка. Мизес выступает не только против рабочего законодательства и каких-либо уступок рабочему классу, но и против таких регулирующих мероприятий, которые весьма выгодны монополистическому капиталу, например против правительственной поддержки экспортных монополий. Единомышленник Мизеса, Рюэфф, отвергает всякое искусственное форсирование экспорта. А Мизес отвергал столь выгодную для экспортных монополий США меру, как «план Маршалла». Не приходится говорить о том, что высказывания Мизеса по вопросам военной экономики, например его отрицательное отношение к установлению приоритетов, к нормированию дефицитных видов сырья и продовольствия, не может встретить сочувствия среди весьма влиятельных кругов буржуазии, в частности среди монополий, связанных с военным ведомством. Буржуазные круги проходят мимо подобного рода предложений, трактуя их как старомодные высказывания доктринеров, далеких от современной капиталистической практики. Буржуазия прощает Мизесу подобного рода старомодные высказывания лишь за его «полезную» деятельность по борьбе с рабочим движением.

Во-вторых, более дальновидные буржуазные деятели отдают себе отчет в том, что апологетические приемы, применяемые Ми-

зесом, Рюэффом и другими идеологами старого либерализма, слишком прубы, прямолинейны, имеют топорный характер. В этом отношении характерно высказывание английского журнала «Экономист» по поводу книги Мизеса «Плановый хаос». «Экономист» писал, что в этой работе «либерализм... представлен в своей наиболее прубой и наименее убедительной форме; и никто не будет сожалеть об этом результате больше, чем сами либералы... Доктрина Мизеса принадлежит к такому роду оружия, которое вызывает больше страха среди ее друзей, нежели среди ее врагов. Как средство вызвать насмешки среди левых, трудно придумать нечто лучшее»¹⁸. Более дальновидные буржуазные деятели отдают себе отчет в том, что откровенная защита наступления на жизненный уровень рабочего класса не может встретить сочувствия среди рабочих. Некоторые авторы прямо указывали, что пропаганда так называемого «закона Рюэффа» будет способствовать не укреплению, а подрыву веры рабочих в капиталистический строй. В таком роде высказался известный французский буржуазный экономист Р. Пикар, который писал по адресу Рюэффа: «Если действительно нынешний экономический режим должен для своего сохранения требовать без конца жертв от одного и того же социального класса, он был бы осужден. Тезис господина Рюэффа, выдаваемый за объективную и абсолютную истину, как раз подходит, чтобы внушить, что это именно так и не может быть иначе. Если бы это было правильно, нет ничего, что могло бы отвлечь рабочих от отчаяния и восстания»¹⁹.

Многие буржуазные деятели понимают, что крайний антиэтатизм Мизеса и компании связан с отказом от каких-либо социальных реформ, при помощи которых буржуазия надеется привлечь на свою сторону значительную часть рабочего класса, и что подобная позиция затрудняет идеологическую обработку рабочих в буржуазном духе.

По всем этим причинам старый либерализм, хотя он имеет видных теоретиков и хотя его работы используются для некоторых идеологических кампаний, не оказывает большого влияния на современную буржуазную экономическую мысль. Он слишком старомоден. Использование государства монополиями в современных условиях получило такое широкое распространение и осуществляется в таких больших масштабах, что категорическое отрицание государственного вмешательства в экономику звучит теперь как анахронизм и вызывает возражения даже у самых откровенных поклонников капитализма.

¹⁸ «Economist», August 30, 1947. Примерно такую же критику «Экономист» дал на книгу Л. Мизеса «Теория и история» (См. «Economist», April 19, 1958).

¹⁹ R. Picard. L'assurance chômage est-elle la cause du chômage permanent? «Revue d'économie politique», 1931, No 6, p. 1587.

¹⁷ P. L. Greaves. Is Further Intervention a Cure for Prior Intervention? — «On Freedom and Free Enterprise». N. Y., 1956, p. 188—189.

Значительное влияние на эволюцию либерализма оказал мировой экономический кризис 1929—1933 гг. Он вынудил буржуазные правительства ряда стран к проведению антикризисных мероприятий. Даже такой твердолобый защитник «свободного предпринимательства», как бывший президент США Г. Гувер, вынужден был признать необходимость усиления государственного вмешательства в экономику для борьбы с кризисом. В одной из своих речей во время этого кризиса он заявил: «Когда силы уходят из-под контроля частных лиц или других совместных действий, из-под контроля местных самоуправлений и штатов, тогда должен быть пущен в ход большой резерв власти федерального правительства для того, чтобы защитить общество»²⁰. Правительство Гувера пыталось бороться с кризисом при помощи ряда мероприятий. Оно, в частности, создало «фермерскую палату» для изъятия с рынка «излишков» зерна и хлопка. Одним из важнейших мероприятий этого правительства была организация в начале 1932 г. Реконструктивной финансовой корпорации, представлявшей собой своеобразную «спасательную» организацию, призванную оказать «скорую помощь» предприятиям, которым угрожало банкротство. Она была образована в основном за счет государственных средств. Антикризисные мероприятия, которые наметило и начало осуществлять правительство Гувера, были продолжены и значительно расширены Ф. Рузвельтом в период «нового курса». Американский экономист Бродус Митчелл подчеркивал, что открыто выраженная и подразумеваемая политика Гувера ближе стоит к «новому курсу», чем обычно признается. У. Линнман считает, что программа Гувера представляла более резкий разрыв с прошлым, чем программа «нового курса»²¹.

Наиболее симптоматично в данном вопросе то, что большую антикризисную программу пытался осуществлять человек, взгляды которого по экономическим вопросам примыкали к воззрениям старого либерализма. Это показывает, что идеологи старого либерализма не могли удержаться на своих позициях, когда им пришлось столкнуться с огромными трудностями, порожденными мировым экономическим кризисом 1929—1933 гг.

Одним из важнейших факторов, обусловивших потерю старым либерализмом его бывшего влияния, является опомный рост милитаризма. Милитаризация хозяйства приводит к наиболее полному подчинению государственного аппарата военно-промышленным концернам. Она означает работу на казну множества предприятий, обслуживающих военный спрос. Государственно-монополистический капитализм получает при милитаризации хозяйства особенно неприкрытое выражение.

В этих условиях многие экономисты, защищавшие в прошлом

политику *laissez faire*, стали выступать за государственное вмешательство в экономику. В этом отношении характерна книга Л. Роббинса «Экономическая проблема войны и мира», вышедшая в 1947 г., в которой он присоединился к некоторым положениям Кейнса и признал целесообразным осуществление в некоторой степени государственного вмешательства в экономику. Любопытно отметить, что в полемике, развернувшейся в январе 1951 г. на страницах консервативного журнала «Спектейтор» по вопросу о милитаризации хозяйства, Роббинс выступил сторонником наиболее жестких форм регулирования экономики в виде прямого распределения сырья, установления системы ратционирования и т. д. Роббинс оправдывал такие мероприятия соображениями о том, что нужно спешить с военной подготовкой.

Характерно, что такой видный идеолог старого либерализма, как французский экономист Ш. Рист, в своей последней работе выступил против неограниченного применения принципа *laissez faire*. В «биографических заметках» Ш. Риста, опубликованных посмертно в 1955 г., мы встречаем, например, следующее признание: «Я всегда инстинктивно отвергал ортодоксальный либерализм, который еще торжествовал в момент, когда я начинал свои исследования. Этот либерализм мне представлялся надуманным и невежественным»²².

Весьма характерны идеологические изменения, наблюдающиеся среди деятелей Национальной ассоциации промышленников США. Официальной доктриной этой ассоциации является защита «свободного предпринимательства» в духе старого либерализма. Развернутое выражение эта доктрина получила в большой работе, выпущенной Национальной ассоциацией промышленников в 1946 г., под заглавием «Американская индивидуальная система предприятий» («The American Individual Enterprise System»). Резюмируя благотворное влияние свободной конкуренции, авторы этой работы заявляют, что «с точки зрения общественного благоденствия конкуренция служит регулятором и фактором снижения цен, стимулом к усовершенствованию производительности труда, гарантом того, что мы получим все, что пожелаем, и охранителем свободы производства»²³. В 30-х годах Национальная ассоциация промышленников вела упорную борьбу против регулирования экономики, проводившегося правительством Франклина Рузвельта. Однако следует учесть, что эта борьба велась в основном против отдельных конкретных форм такого регулирования и прежде всего — против закона Вагнера. «Когда же 5 июля 1935 г. законопроект Вагнера стал законом, корпорации, а не

²² Ch. Rist. Notice Biographique. «Revue d'économie politique», 1955, novembre — décembre, p. 1044.

²³ «National Association of Manufacturers. Economic Principles Commission. The American Individual Enterprise System», v. I, 1946, p. 58—59. Цит. по G. A. Steiner. Government's Role in Economic Life, p. 70.

²⁰ Цит. по G. A. Steiner. Government's Role in Economic Life, p. 159.

²¹ См. там же.

Верховный суд, — пишет Д. Сельдес, — немедленно объявили, что он не соответствует конституции»²⁴. Как известно, реакция победила, и демократические достижения «нового курса» были уничтожены в 1947 г. принятием реакционного закона Тафта — Хартли, составленного по указаниям Ассоциации промышленников, и ряда других законов, направленных против рабочего движения. С этого времени официальная оппозиция крупнейших американских бизнесменов против государственного регулирования экономики значительно ослабла.

За последнее время все более учащаются открытые выступления крупных промышленных и банковских деятелей США в защиту усиленного вмешательства государства в экономику. Так, например, вице-президент «Ферст нэшнел сити бэнк оф Чикаго» Герберт Прочнау в статье под названием «Отношение правительства к бизнесу: прошлое и будущее» следующим образом определяет экономическую роль государства, говоря об «Акте о занятости» 1946 г.: «В этом акте имеются широкие возможности для регулирования национальной экономики. Обеспечивая требования акта, президент может призывать отдельных руководителей бизнеса и труда следовать определенной экономической политике. Сегодня действия федерального правительства пронизывают всю экономику»²⁵. В связи с этим Прочнау призывает к пересмотру взглядов бизнесменов на связь правительства с бизнесом. На таких же позициях защиты усиления экономической роли буржуазного государства стоит крупный делец Э. Шмидт. «Возможно, — заявляет он, — мы (т. е. система частного предпринимательства. — И. Б.) не так хороши, как думали раньше». Шмидт приветствует вложение государственных средств в ряд отраслей, в первую очередь — в военные отрасли. «В 1956 г., — заявляет он, — ...примерно одна треть национального дохода проходила через государство. Мы являемся примерно на треть социализированными»²⁶. Шмидт не возражает против дальнейшего роста удельного веса государственного сектора. Он в перспективе предвидит, что государственный сектор охватит всю экономику, и он не возражает против такой перспективы. «Если правительственный сектор будет продолжать расти, как это имело место с 1929 г., — пишет он, — то в течение 50 лет 99% нашей экономики будет социализировано и только одно лицо из ста будет заниматься частным образом»²⁷.

Такие выступления крупных дельцов весьма симптоматичны. Они свидетельствуют о продолжающемся отходе от идей «сво-

бодного предпринимательства», составлявших прежде официальную доктрину крупнейших предпринимательских организаций. В этих условиях защита старого либерализма в его полной неприкосновенности становится все более затруднительной.

2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

Начиная с 30-х годов сформировался новый либерализм, который стал одним из наиболее влиятельных течений в современной буржуазной экономической литературе. К неолиберализму примыкают представители лондонской школы в Англии и большинство сторонников «свободного предпринимательства» в США. К неолиберализму примыкают многие видные буржуазные экономисты Франции — А. Афтальон, Б. Ногаро, Г. Пирю, М. Алле, Л. Бодэн, Л. Ружье, Р. Пикар и др. После второй мировой войны неолиберализм стал ведущим направлением в буржуазной экономической литературе Западной Германии. Теоретическим главой немецких неолибералов является покойный Вальтер Ойкен, профессор Фрейбургского университета. Поэтому это направление иногда называют фрейбургской школой. Главной теоретической трибуной немецких неолибералов являются издающиеся ежегодно (с 1948 г.) сборники под названием «Ордо». (В этих сборниках принимают участие и представители неолиберализма других стран.) Иногда говорят о кружке «Ордо», как синониме неолиберального направления. Виднейшие представители этого кружка, кроме Ойкена, — А. Рюстов, Ф. Бем, А. Мюллер-Армак, Л. Микш, Ф. Лютц, Шмелдоре. К этому кружку примыкает министр хозяйства Федеративной Республики Германии — Л. Эрхардт²⁸. Активным участником выпусков «Ордо» выступает буржуазный экономист В. Репке. В работах последнего имеются некоторые специфические особенности, например элементы романтизма, отражающие влияние мелкобуржуазных тенденций, но в основном по своим взглядам Репке примыкает к немецкому неолиберализму.

Немецкие авторы дали наиболее систематическое изложение современного неолиберализма (причины этого явления будут рассмотрены ниже). Поэтому в дальнейшем мы будем иллюстрировать положения неолиберализма преимущественно на немецких материалах.

Одним из первых авторов, защищавших положение о том, что свободная конкуренция может быть реализована лишь в результате определенных усилий со стороны правительства, был известный американский публицист У. Липпман. Его книга «Свободный город» оказала большое влияние на формирование неолиберализма, в частности французского. В августе 1938 г. в Париже

²⁸ Л. Эрхардт является членом учрежденного в 1954 г. научного общества Института Вальтера Ойкена, объединяющего последователей Ойкена.

²⁴ Д. Сельдес. 1000 американцев. ИЛ, 1948, стр. 69.

²⁵ H. Prochnow. The Relationship of Government to Business: Past and Future. «The Commercial and Financial Chronicle», May 9, 1957, p. 31.

²⁶ E. P. Schmidt. Government and Business. «The Commercial and Financial Chronicle», May 2, 1957, p. 9.

²⁷ E. P. Schmidt. Government and Business. «The Commercial and Financial Chronicle», May 2, 1957, p. 9.

собралась первая международная конференция неолибералов, получившая название Коллоквиум Линнмана. На этой конференции была намечена экономическая программа неолибералов, характеризующая их взгляды на экономическую роль государства.

Важнейшие моменты этой программы следующие²⁹.

1. Прежде всего государство должно определить правила, в рамках которых развивается экономическая активность, и обеспечить их соблюдение. Оно должно установить те юридические формы, которые могут обеспечить свободное движение капиталов и товаров.

2. Государство должно поддерживать свободную конкуренцию и принимать меры против монополий.

3. В тех случаях, когда быстрое возвращение к равновесию на основе движения цен становится сомнительным, например в период войны, допускается государственное вмешательство в экономику.

Очень существенным отличием неолиберализма от старого либерализма является подчеркивание опасности, угрожающей капитализму в том случае, если будет сделана ставка только на стихийный механизм конкуренции. Неолибералы призывают к энергичным мероприятиям со стороны государства. В работах неолибералов встречаются весьма тревожные высказывания по вопросу о перспективах развития капитализма. Так, немецкий неолиберал Александр Рюстов заявляет: «Мы живем в мире, который балансирует на острие ножа, поскольку речь идет о том, сможет ли вообще дальше существовать наш образ жизни, наша государственная форма, наше свободное общество. В том, что оно может существовать, еще нет уверенности. Но если так стоит вопрос, а он стоит именно так, то обеспечение всего того, что нам дорого, не может быть осуществлено без жертв»³⁰.

Один из виднейших представителей английского неолиберализма, Л. Роббинс, должен был признать, что автоматическое действие капиталистического механизма само по себе не является гарантией успешного развития производства. «Нет никакой гарантии, — заявляет он, — что свободная игра частных интересов может привести к положительным результатам»³¹. «Что бы мы ни думали, — писал Роббинс, — о преимуществах цен как механизма распределения доходов, какие бы соображения ни высказывались об автоматизме системы цен и частного предпринимательства в регулировании относительного спроса и относительного предложения, я убежден, что в качестве инструмента сохранения достаточно

постоянного уровня общего спроса. Эффективность автоматизма очень ограничена»³². Роббинс ищет выход в проектах «усовершенствования» капитализма при помощи различных мероприятий, связанных с вмешательством государства в экономику. «Чем разрушать систему рыночного хозяйства и предпринимательства, — заявляет он, — лучше попытаться ее усовершенствовать»³³.

В этих высказываниях находят отчетливое выражение некоторые моменты, связанные с кризисом буржуазной политической экономии.

Важнейшей особенностью современного неолиберализма является сочетание восхваления свободной конкуренции и автоматического восстановления равновесия с признанием необходимости государственного вмешательства в экономику. Неолибералы много распространяются об опасности, чреватой жестким регулированием экономики. Они формально выступают против «регулируемого капитализма». Они подчеркивают опасность для экономики бюджетного дефицита и слишком широкого использования государственных финансов. Но в то же время неолбералы выступают против политики *laissez faire*. Так, виднейший идеолог французского неолиберализма М. Алле объявляет недопустимым заблуждением отождествление режима свободной конкуренции с *laissez faire*. Он выступает за совмещение свободной конкуренции с принципом государственного регулирования. В его интерпретации это именуется «конкурентным планированием».

В таком же духе выступает В. Репке. Он критикует авторов, противопоставляющих либералов «интервенционистам», т. е. сторонникам государственного вмешательства в экономику. «Какой смысл, — пишет он, — заставлять либерализм и интервенционизм маршировать друг против друга, тогда как в действительности речь идет о том, чтобы допустить больше или меньше либерализма, а не о резком противопоставлении «или — или», когда всеобщий либерализм невозможен, а интегральный интервенционизм сам себя упраздняет, превращаясь в коллективизм?»³⁴. Репке подчеркивает, что так называемая «рыночная свобода», которая объявляется важнейшим условием благосостояния, не есть нечто, данное от природы, а должна активно поддерживаться и охраняться государством.

А немецкий неолиберал А. Рюстов возлагает на политику *laissez faire* ответственность за то, что монополии получили такое большое влияние. Он в весьма резких выражениях осуждает формы конкуренции, установившиеся в конце прошлого столетия, и связывает ее пороки с недостаточным воздействием государства на экономику.

²⁹ См. Э. Жамс. История экономической мысли XX века. стр. 229—231.

³⁰ A. Rüstow. Wirtschaftsordnung und Staatsform. «Magna Charta der sozialen Marktwirtschaft», S. 33. Цит. по R. Naumann. Theorie und Praxis des Neoliberalismus, S. 60.

³¹ L. Robbins. The Economic Problem in Peace and War. L., 1947. p. 83.

³² Ibid., p. 67.

³³ Ibid., p. 83.

³⁴ W. Röpke. Die Lehre von der Wirtschaft. Erlenbach — Zürich, 1946. S. 288.

«Мрачная и варварская жестокость, характеризующая конкуренцию XIX столетия, — пишет он, — достигла своего наивысшего пункта в вырождении конкуренции в плюрализм (очевидно, имеется в виду олигополия. — И. Б.), монополизм, субвенционизм, протекционизм. Как раз этот переход болезни в ее острую стадию дает возможность увидеть, чем была она раньше, находясь в скрытом состоянии, и что она с самого начала была обусловлена отсутствием публично-социального ограничения и полицейски-рыночного надзора, осуществляемого сильной государственной властью»³⁵. Автор объявляет «манчестерское представление свободы вредной и отвратительной формой конкуренции»³⁶.

В отличие от идеологов старого либерализма неолибералы утверждают, что действие механизма свободной конкуренции не может быть обеспечено автоматическим путем, что оно должно непрерывно поддерживаться определенными мероприятиями со стороны правительства. Государственное вмешательство в экономику рассматривается в этой связи уже не как неизбежное зло, а как необходимое условие действия экономических законов. Тем самым признается активная и положительная роль государства в экономической области. Некоторые представители неолиберализма выдвигают положение, что режим свободной конкуренции есть порождение определенной экономической политики.

В отличие от старых либералов неолибералы утверждают, что экономическая политика играет не только негативную, но и конструктивную роль. Французский неолиберал Л. Бодэн характеризует неолиберализм как «конструктивный либерализм». Он подчеркивает весьма важное значение экономической функции государства. «...Хотя, — указывает он, — максимум полезности есть первая из целей, на которые указывают исследования, но она не является единственно возможной целью экономики. Общественные власти, представляющие нацию в целом, учитывают необходимость осуществления тех мероприятий, которые превышают возможности индивида в данный момент, принимая на себя заботы о поощрении рождаемости, укреплении территориальной обороны, стимулировании производительности труда, поднятии стоимости земли путем облесения, ирригации, осушения, создания национального оборудования (l'utilillage national), о стимулировании научных исследований, воспитании граждан и т. д.»³⁷ Свои взгляды на экономическую роль государства Бодэн резюмирует в следующих словах: «Государство в неолиберальной системе выполняет важные задачи, которые мы перечислили. Оно не является ни простым сторожем и арбитром, каким оно было в XVII столетии, ни морально бес-

чувственным «агентом» Бастиа, ни, тем более, тираническим левиафаном XX века... Оно образует соединительное звено между вчерашним дирижизмом и завтрашним либерализмом. Будучи далеким от того, чтобы поглотить индивидуальность, оно старается стимулировать ее и в случае необходимости ассоциируется с ней; оно не приглушает предприятие, а приходит ему на помощь, либо замещает его в случае исчезновения. Его существенная роль состоит в том, чтобы поместить на прежнее место механизм цен, использованный в свое время, но испорченный многочисленными вмешательствами»³⁸.

Сущность неолиберализма и его представлений об экономической роли государства весьма четко сформулировал другой французский автор, Э. Жамс. Он пишет: «В современных условиях *laissez faire* означает не всеобщую свободу, а простор для деятельности господствующих фирм.

В этой связи следует считать оправданным экономическое вмешательство государства, которое призвано любыми способами исправить создавшееся положение. Оно должно найти пути к смягчению или обузданию мощи крупных частных компаний, к тому, чтобы усилить господствующий эффект тех фирм, которые руководствуются общими интересами, или, наконец, обеспечить господствующую роль тех экономических факторов, действие которых считается оправданным»³⁹.

Под флагом необходимости обеспечения свободной конкуренции неолибералы проповедают различные формы государственного вмешательства в экономику в таком объеме, который привел бы в смятение идеологов либерализма XIX в. В отличие от последних неолибералы весьма далеки от трактовки государства как ночного сторожа. Они апеллируют к сильной государственной власти и призывают последнюю к большой активности. «Требуется, — заявляет немецкий автор Ф. Бем, — чрезвычайное политическое и умственное напряжение для того, чтобы защитить свободу соревнования и противодействовать тенденции к чрезмерному накоплению, концентрации и монополизации»⁴⁰.

Знаменем времени является то, что сейчас уже отпали споры среди подавляющего большинства буржуазных экономистов о том, нужны ли вообще регулирующие мероприятия или нет. Споры ведутся по вопросу о масштабах вмешательства государства в экономику.

Ойкен считал нужным специально говорить, что его разногласия с противниками неолиберализма отнюдь не связаны с вопросом о масштабах государственного вмешательства в экономику. Существенным, заявляет он, является вопрос не о мере, а о форме

³⁵ A. Rüstow. Zwischen Kapitalismus und Kommunismus. «Ordo», 1949, S. 154.

³⁶ Ibid., S. 153.

³⁷ L. Baudin. Le neolibéralisme. «La Revue des deux mondes», mars 1957, p. 51.

³⁸ Ibid., p. 54.

³⁹ Э. Жамс. История экономической мысли XX века. М., ИЛ, 1959, стр. 354.

⁴⁰ F. Bohm. Die Aufgaben der freien Wirtschaft. München, 1951, S. 12.

вмешательства государства в экономику⁴¹. Как известно, буржуазные экономисты делятся на две группы по вопросу о формах воздействия государства на экономику и использования его мероприятий монополиями. Одна группа подчеркивает необходимость так называемого физического контроля, под которым имеются в виду различные методы рационализации сырья и продовольствия, непосредственного распределения имеющихся в ограниченном количестве материалов между предприятиями, принудительного направления рабочей силы на отдельные предприятия и т. д. Эти методы, связанные с более жестким контролем над деятельностью отдельных предприятий, получают преимущественное применение в обстановке войны или подготовки войны в особенности там, где ощущается острая нехватка сырья и материалов, недостаток рабочей силы. Другая группа буржуазных экономистов отстаивает предпочтительность «стоимостного контроля» в форме воздействия на общественный спрос и на деятельность отдельных предприятий при посредстве кредитной, налоговой, бюджетной, валютной политики и т. д.

Неолибералы принадлежат ко второй группе. Они ратуют за то, чтобы правительство непосредственно не вмешивалось в производственную и коммерческую деятельность капиталистических предприятий, предоставив им полную «свободу рук». Неолибералы возражают против таких мероприятий, как установление обязательных контингентов производства, нормирования цен, принудительного распределения сырья и рабочей силы и т. д. Функции правительства, по их концепции, должны сводиться к тому, чтобы обеспечить наилучшие условия для работы предприятий (т. е. наиболее высокую прибыль) и для развертывания «свободной конкуренции» между ними.

Позицию неолибералов отчетливо выражает образное сравнение, приводимое М. Алле. Последний сравнивает государство с регулировщиком уличного движения, который никому не предписывает, в какую сторону двигаться, но поддерживает некоторые правила уличного движения, установленные с целью предупреждения катастроф. Буржуазное государство, по этой идее, должно вмешиваться в экономику для того, чтобы устранять наиболее бьющие в глаза и чреватые социальными опасностями эксцессы монополистического капитализма.

Следует отметить, что неолибералы не ограничиваются только этими мероприятиями, хотя последним они уделяют главное внимание.

Во-первых, неолибералы не возражают против весьма жестких методов регулирования экономики в условиях войны.

Во-вторых, большинство неолибералов поддерживает антикризисные мероприятия. Правда, они защищают эти мероприятия не

⁴¹ См. W. Eucken. Unser Zeitalter der Mißerfolge, Tübingen, 1951, SS. 71—72.

в таких масштабах, как кейнсианцы, и сопровождают свои предложения разными оговорками (например, призывом проводить соответствующие мероприятия только в случае наступления серьезного кризиса). Но все же многие неолибералы вынуждены согласиться с большими правительственными расходами во время кризисов.

В-третьих, неолибералы в своем большинстве выступают за государственное регулирование внешней торговли. Они поддерживают политику ограждения внутреннего рынка при помощи таможенных пошлин и ряд других мероприятий внешнеторговой политики.

Фактически в практических вопросах экономической политики позиции неолибералов и сторонников «регулируемого капитализма» значительно сблизились. Неолибералы стоят ближе к последним, нежели к идеологам старого либерализма, несмотря на большую близость с ними в теоретических вопросах.

Близость неолибералов и кейнсианцев отмечали некоторые буржуазные авторы. Так, например, немецкий экономист В. Гроткопп, ссылаясь на работы неолибералов Ф. Лютца, Ф. Мейера и Л. Микша, пишет, что эти работы обнаруживают «тесное родство с миром идей кейнсианства, более тесное, чем фрейбургская школа хотела бы признать»⁴².

Это же родство отмечает английский экономист А. Пикок в своей рецензии на книги Ойкена. Он отмечает, что имеется «незначительное реальное различие в социальной философии многих кейнсианцев и «кружка Ойкена»»⁴³.

Неолибералы выступают против старых либералов, обвиняя последних в косности, доктринерстве и характеризуя их как «радикалов справа». В этом отношении характерна рецензия на книгу английского экономиста Э. Мида «Планирование и механизм цен», напечатанная в теоретическом органе немецких неолибералов «Ордо». Рецензент берет под защиту Мида и показывает родство его взглядов со взглядами немецких либералов. Г. Ирмлер (автор рецензии) проницательно замечает, что «книга Мида написана не для людей, которые в каждом отклонении от старолиберальной линии доктринерски видят преступление против «экономической теории» либо шаг к принудительному хозяйству или к авторитарной террористической системе; она оставит неудовлетворительными как радикалов справа, так и радикалов слева»⁴⁴.

Старолибералы, поддерживающие политику, близкую к принципам laissez faire, в свою очередь обвиняют неолибералов в «этатизме» и «интервенционизме», т. е. в ориентации в основном на

⁴² W. Grotkopp. Die große Krise. Lehre aus der Überwindung der Wirtschaftskrise 1929/1932, Düsseldorf, 1954, S. 256.

⁴³ A. Peacock. The Problem of Economic Power (W. Eucken. Unser Zeitalter der Mißerfolge. Fünf Vorträge zur Wirtschaft, politik). «Weltwirtschaftliches Archiv», Bd. 68, 1952, H. I, S. 5x.

⁴⁴ H. Irmler. Der mittlere Weg (Zum Buch von J. E. Meade, Planung und Preismechanismus). «Ordo», 1953, S. 331.

содействие государства в осуществлении определенных форм экономического развития. Один из старолибералов, Хельвег, писал, что идеи Ойкена, Белла и Микша о «строе, основанном на соревновании», можно было встретить в изданиях Академии немецкого права во времена господства нацистов⁴⁵.

Между теоретическими исходными положениями неолибералов и их практическими выводами существует противоречие. Из их исходных теоретических положений вытекают выводы в духе политики *laissez faire*, поскольку неолибералы признают возможность автоматического восстановления равновесия на основе действия механизма свободной конкуренции. Между тем в своих практических выводах неолибералы выступают за весьма интенсивное государственное вмешательство в экономику, трактуя это вмешательство как необходимое условие функционирования экономической системы. Это противоречие отражает неприспособленность традиционных буржуазных теорий для оправдания мероприятий, связанных с развитием государственно-монополистического капитализма. Неолиберализм пытается преодолеть эту трудность путем внесения некоторых коррективов в традиционную теорию. Основной корректив сводится к применению антимонополистической демагогии. Неолибералы фактически являются защитниками интересов монополистического капитала и в своих практических предложениях фактически исходят из интересов последнего. Но в то же время большинство неолибералов тщательно маскируют свою приверженность к монополистическому капиталу и объявляют главной задачей экономической политики борьбу с монополистическими тенденциями. Аргументация неолиберализма строится следующим образом. Свободная конкуренция трактуется как идеальное состояние экономики. Но свободная конкуренция не всегда может быть реализована в силу противодействия со стороны монополий. Это противодействие может быть преодолено и свободная конкуренция восстановлена в своих правах лишь путем ряда мероприятий экономической политики. Так подводится теоретический базис для оправдания мероприятий, связанных с развитием государственно-монополистического капитализма. Своеобразие этой аргументации в том, что оправдание государственного вмешательства в экономику преподносится под видом борьбы за свободную конкуренцию.

В этом пункте имеется тактическое расхождение между сторонниками старого и нового либерализма. Сторонники старого либерализма редко прибегали и прибегают к антимонополистической демагогии. Они нередко объявляют крайне преувеличенными «толки о монополистическом господстве». Они распространяют иллюзии о том, что источник ограничения конкуренции следует искать

⁴⁵ «Monatsblätter für freiheitliche Wirtschaftspolitik», Mai 1953. Цит. по F. A. Lutz. Bemerkungen zum Monopolproblem. «Ordo», 1956, S. 19.

не в монополиях, а в неправильной политике государства, в чрезмерном правительственном вмешательстве в экономику, в росте государственных расходов и т. д.

В отличие от подобного рода откровенной апологии капиталистических монополий неолибералы выступают под флагом демагогической критики монополий. Они проповедуют создание строя, «основанного на соревновании», свободного от засилья монополий.

Наиболее широко используют антимонополистическую демагогию для обоснования государственного вмешательства в экономику немецкие неолибералы.

В своей «критике» монополий немецкие неолибералы не оригинальны. Они применяют аргументы, имеющие широкое хождение среди мелкобуржуазных критиков монополий. Отрицая совершенно очевидный и бесспорный факт, что монополии выросли на почве капитализма и что вся их деятельность целиком и полностью подчинена законам капиталистического производства, неолибералы пытаются представить дело так, будто бы монополии образуют какое-то чужеродное тело в системе капитализма, что они нарушают его чистоту и подрывают его основы. Так, Ф. Бем выступает с утверждением, что монополии «стоят на почве предпринимательского хозяйства, но в то же время они разрушают тот строй, который оправдывает морально и политически существование свободного предпринимателя. Они — могильщики своего собственного права»⁴⁶. А. Репке ничтоже сумняшеся призывает защищать капитализм... от капиталистов, т. е. монополистов⁴⁷.

В основе этого фальшивого противопоставления монополизма капитализму лежит отрицание того очевидного факта, что капитализм свободной конкуренции неизбежно, в силу своих внутренних законов перерастает в монополистический капитализм.

Ойкен пытается подвести теоретическую базу под это отрицание исторической неизбежности возникновения монополистического капитализма. Он, как мы уже отметили во второй главе, отвергает вообще экономическую необходимость в процессе исторического развития.

Опираясь на эту чисто идеалистическую теорию, Ойкен и другие сторонники неолиберализма делают вывод, что общество свободно выбирать экономический строй, который оно считает наиболее разумным и справедливым. Применяя этот вывод к проблеме монополистического капитализма, Ойкен заключает, что последний отнюдь не является неизбежным результатом всего предшествовавшего капиталистического развития. Поскольку общество, по Ойкену, вольно допустить любую форму экономического развития, для него не составляет какой-либо трудности предупредить

⁴⁶ F. Böhm. Die Aufgaben der freien Marktwirtschaft, S. 37.

⁴⁷ W. Röpkе. Die Lehren der Wirtschaft, SS. 285—286.

развитие и установление господства монополий. Оно может, по его мнению, парализовать вредные последствия монополий, ослабить их роль в экономике и осуществить фактически свободную конкуренцию.

Отрицание законов общественного развития неизбежно ведет к антиисторизму. Последний проявляется в трактовке монополий. Ойкен рассматривает монополии как внеисторическую категорию. «Глубокое стремление к отмене конкуренции, стремление занять позицию монополистов,— пишет он,— существует везде и во все времена»⁴⁸.

Встав на путь отрицания объективных экономических законов, Ойкен приходит к самым фантастическим результатам. Общество, в его представлении, может добиться любого результата. Оно может сохранить монополии и вместе с тем добиться того, чтобы они действовали так, как в условиях свободной конкуренции. Оно может сохранить частную собственность и вместе с тем не допустить господства частных собственников. Этой явно утопической задаче должен соответствовать так называемый «строй, основанный на соревновании»⁴⁹.

Ленин в свое время писал о «новом прудонизме», который он характеризовал, как мелочный реформизм, как пропаганду чистенького, прилизанного, умеренного и аккуратного капитализма⁵⁰.

Носителями «нового прудонизма» являются мелкобуржуазные экономисты. Неолибералы, хотя и стоят на других классовых позициях, широко черпают свою аргументацию из этого источника.

Ойкен использует и такой ходкий среди мелкобуржуазных критиков монополий аргумент, как ссылку на то, что технический прогресс якобы не благоприятствует концентрации производства и капитала, что он создает, напротив, предпосылки для усиления конкуренции и ослабления монополий. Он ссылается на такие тенденции, как развитие средств транспорта и связи, появление многочисленных субститутов, конкурирующих с основными продуктами отдельных отраслей, возросшую гибкость предприятий и расширение возможностей перестройки производства соответственно изменению спроса. Все эти процессы, характерные для современного технического развития, способствуют, по Ойкену, так называемой децентрализации экономической мощи наиболее крупных предприятий и усилению конкуренции.

Для Ойкена, как и для подавляющего большинства буржуазных экономистов, писавших о монополиях, характерно игнорирование того, что монополия не устраняет конкуренции, а существует рядом с ней и над ней. При этом конкуренция становится еще более

ожесточенной и разрушительной по своим последствиям. Между тем Ойкен, как и другие буржуазные экономисты, пытается истолковать этот бесспорный факт усиления и обострения конкуренции в совершенно неправильном свете, как показатель мнимого ослабления монополий.

Эта элементарная ошибка лежит в основе всех рассуждений Ойкена о влиянии тенденции технического развития. Нельзя, конечно, отрицать того, что развитие транспорта обостряет конкуренцию, но это обострение отнюдь не происходит в ущерб монополиям. Напротив, развитие транспорта способствует усилению процесса концентрации производства и тем самым создает предпосылки для еще более интенсивного роста монополий. Точно так же нельзя отрицать того, что конкуренция субститутов, или заменителей, играет все возрастающую роль в капиталистической экономике, но этот бесспорный факт не дает никаких оснований утверждать, что конкуренция заменителей противодействует монополиям, ограничивает их рост и ослабляет их влияние. Факты капиталистической действительности говорят о другом — только монополии способны организовать производство заменителей в таких масштабах и на таком техническом уровне, которые позволили бы осуществить успешную конкуренцию с продукцией существующих монополий. Монополистические предприятия обладают наибольшими возможностями для научно-исследовательских работ. В частности, монополистическим предприятиям легче производить перестройку производства, на которую ссылается Ойкен в качестве фактора, якобы противодействующего монополиям.

Таким образом, все приводимые Ойкеном средства стимулирования и форсирования конкуренции находятся в руках монополий. Какие бы многообразные формы ни принимал технический прогресс, как бы ни были специфичны отдельные его проявления, господствующей тенденцией является применение таких методов, которые предполагают массовое производство. А эта господствующая тенденция не может иметь иных последствий, как вытеснение мелких предприятий крупными. Не может быть никаких сомнений, что эта господствующая тенденция благоприятствует концентрации, а отнюдь не децентрации производства.

Этот факт настолько бесспорен, что некоторые неолибералы иногда, в порыве откровенности, сознаются в неосуществимости устранения засилья монополий при сохранении основ капиталистического производства. Так, например, Бем вынужден признать, что «в течение ближайших десятилетий сохранится та же уродливая форма рыночного хозяйства, которую мы имели в течение последних десятилетий»⁵¹. Несколько ниже после приведенного высказывания Бем конкретизирует то, что он понимает под «уродливой формой рыночного хозяйства». Он ссылается на

⁵¹ F. Böhm. Die Idee des Ordo im Denken Walter Euckens. «Ordo», 1950. S. XXVIII.

⁴⁸ W. Eucken. Grundsätze der Volkswirtschaftspolitik, S. 31.

⁴⁹ W. Eucken. Die Wettbewerbsordnung und ihre Verwirklichung. «Ordo», 1949, S. 51.

⁵⁰ См. В. И. Ленин. Тетради по империализму. Госполитиздат, 1939, стр. 83.

засилье сотен частных объединений, картелей, профсоюзов и влиятельных частных лиц. Если исключить из этого перечня профсоюзы, то перед нами вырисовывается типичная картина монополистического капитализма.

Другой видный представитель неолибералов, А. Рюстов, также вынужден признать, что основной пункт их хозяйственно-политической программы, который он формулирует как создание строя, основанного на свободном соревновании без монополий, картелей и трестов, до сих пор никоим образом не осуществлен⁵².

Но подобного рода откровенные заявления для неолибералов скорее являются исключением, чем правилом. Обычно они предпочитают распространять иллюзии о возможности парализовать господство монополий и установить капитализм свободной конкуренции.

Выпады против засилья монополий так часто встречаются в работах неолибералов, что на первый взгляд получается видимость совпадения их позиций с позициями мелкобуржуазных критиков монополий. Однако для большинства неолибералов — это только видимость, маскирующая действительное положение вещей.

Мелкобуржуазные критики монополий отражают взгляды мелкой и средней буржуазии, интересы которых ущемляются монополиями. Идеологи этих кругов ратуют за антитрестовское законодательство и другие мероприятия, которые призваны ограничить всевластие монополистических объединений. Как ни мало эффективны предлагаемые ими мероприятия, последние отражают реальную оппозицию против монополий. Существо же неолиберализма заключается в защите программы, отвечающей интересам монополий и в использовании «критики» монополий преимущественно для маскировочных целей.

Демагогический характер критики неолибералами монополий особенно отчетливо выступает, когда речь идет о практических мероприятиях борьбы с монополиями. Тогда оказывается, что неолибералы отвергают даже самые умеренные и робкие шаги в этом направлении.

Так, например, Ойкен выступает против закрытия и роспуска монополистических объединений. Он, в частности, — противник роспуска картелей. Он призывает к тому, чтобы экономическая политика правительства стимулировала конкурентные силы, заложенные в народном хозяйстве. Он — сторонник сведения к минимуму так называемого контроля над монополиями. «Собственно контроль над монополиями, — пишет он, — ограничивается относительно немногими действительными монополиями. Поэтому учреждение по делам монополий не должно быть гигантской организацией с большим бюрократическим аппаратом»⁵³.

В этом вопросе отчетливо сказывается различие между Ойкеном и мелкобуржуазными критиками монополий. Последние (например, американский писатель У. Бердж) видят серьезный недостаток в том, что антитрестовская администрация располагает недостаточными ресурсами и кадрами для ведения борьбы с монополиями. Между тем Ойкен предостерегает от раздувания штатов антитрестовской администрации. Бердж высказывает сожаление по поводу того, что эта администрация малодействительна. Ойкен же опасается, как бы эта администрация не проявила слишком много деятельности.

Рецепты, предлагаемые Ойкеном по «борьбе» с монополиями, сводятся к тому, чтоб затруднить возникновение новых монополий. Ойкен призывает к тому, чтобы при помощи мероприятий экономической политики всячески стимулировать конкуренцию между предприятиями. Он распространяет иллюзорное представление, что можно будет создать обстановку, при которой монополии вынуждены будут действовать таким способом, каким они действовали бы в условиях свободной конкуренции. Короче говоря, рецепт Ойкена сводится к тому, чтобы сохранить монополии, но одновременно парализовать монополистическую практику и тем самым сделать монополии безвредными организациями.

Вся многолетняя практика капиталистического развития демонстрирует полную несостоятельность предложений Ойкена по «борьбе» с монополиями. Эта практика свидетельствует о том, что свободная конкуренция расчищает почву для монополий. Располагая наибольшим производственным аппаратом, наилучшими научно-техническими и инженерными кадрами, наиболее благоприятными возможностями в получении сырья и материалов, транспортировке продукции, получении кредита на самых удобных условиях, монополии могут вытеснять своих соперников и в порядке чисто экономического соревнования без использования помощи со стороны государственного аппарата. Предположение Ойкена об обезвреживании монополий остается таким же пустым благим пожеланием, как и его гипотеза о том, что каким-то образом удастся ослабить стремление предпринимателя к монополизации производства.

В шестой главе приводились многочисленные высказывания неолибералов, раскрывающие подлинный смысл, который они вкладывают в требование «борьбы» с монополиями. Наиболее реакционные идеологи монополий пытаются под флагом антимонополистических лозунгов расправиться с боевыми организациями рабочего класса — профессиональными союзами. Вместе с тем распространением мифа о «контроле» над монополиями буржуазные экономисты пытаются опровергнуть реальный и бесспорный факт господства монополий в империалистических странах.

⁵² A. Rüstow. Kritik des technischen Fortschritts. «Ordo», 1951, S. 393.

⁵³ W. Eucken. Grundsätze der Wirtschaftspolitik. Bern, 1952, S. 299.

Как мы отметили выше, неолиберальное направление в политической экономии после второй мировой войны получило наиболее законченное и систематическое выражение в Федеративной Республике Германии. Неолиберализм стал ведущим направлением в западногерманской экономической литературе. Выдвинутый неолибералами лозунг «свободного социального рыночного хозяйства» официально поддерживается правительством Аденауэра.

Немецкая буржуазная экономическая мысль после второй мировой войны претерпела эволюцию, отличающуюся от эволюции, проделанной буржуазными экономистами других стран. Вместо перехода от либерализма к дирижизму в Западной Германии происходил обратный процесс. Многие из виднейших представителей современного западногерманского неолиберализма в 30-х годах стояли на позициях «регулируемого капитализма». Многие из них пропагандировали тогда усиленное вмешательство государства в экономику, в частности кредитную экспансию за счет государства, программу общественных работ и т. д., например В. Ренке в своей книге «Кризисы и конъюнктура», Л. Эрхардт в ряде статей, опубликованных в 1932—1933 гг.

Кроме открыто фашистских авторов, в немецкой литературе в 30-х годах подвизались и свои кейнсианцы, например В. Лаутенбах.

После второй мировой войны большинство немецких буржуазных экономистов выступает против кейнсианства.

Для них стала характерной попытка замаскировать свои истинные классовые цели, выдавая себя за противников монополий и государственно-капиталистических мероприятий. Широкое применение таких маскировочных средств в послевоенной Западной Германии требует своего объяснения.

Неолибералы фактически выступают защитниками германского монополистического капитала.

В отдельных выступлениях, рассчитанных на узкий круг слушателей и читателей, идеологи немецкого неолиберализма откровенно демонстрируют свою глубокую преданность капиталистическим монополиям. Так, например, Л. Эрхардт в своем приветствии по случаю пятидесятилетнего юбилея компании «Сименс-Шуккерт верке» в 1953 г. восторженно восхвалял заслуги крупных предпринимателей, играющих решающую роль в монополистических объединениях.

Ссылаясь на то, что на практике трудно разграничить положительные и отрицательные последствия деятельности монополий, Эрхардт склонен приписать им только положительное влияние на народное хозяйство.

Германский монополистический капитал активно поддерживает пропагандистскую деятельность немецких неолибералов. Так,

руководители всех западногерманских союзов предпринимателей основали в Кельне в 1953 г. Центральный попечительный совет для содействия социальному рыночному хозяйству, занимающийся пропагандой идей неолиберализма. Этот совет финансируется за счет взносов, получаемых от монополистических объединений⁵⁴. Он возглавляет разветвленную сеть обществ по содействию социальному рыночному хозяйству, членами которых являются отдельные промышленные и торговые фирмы. В период избирательных кампаний монополии мобилизуют через эти общества огромные суммы для финансирования Христианско-демократического союза.

Неолиберальное направление не случайно пользуется такой широкой поддержкой германского монополистического капитала, — последний возлагает на это направление большие надежды в отношении идеологического воздействия на массы в специфических исторических условиях, в которых развивается Западная Германия после второй мировой войны. Неолибералы пытаются использовать в своей апологии капитализма широко распространенные среди германских трудящихся в послевоенный период антифашистские настроения. Вся пропагандистская деятельность неолиберального направления обращена против социалистического лагеря, в первую очередь — против социалистического строительства, осуществляемого в Германской Демократической Республике. Пытаясь всячески очернить социалистическую экономику, неолибералы прибегают к широко распространенному в буржуазной литературе приему — отождествлению социализма с тоталитаризмом. Они пытаются протащить идею о том, что экономический строй ГДР якобы имеет родство с экономическими порядками, существовавшими в «Третьей империи». Они спекулируют на всякого рода формальных аналогиях, например на том, что в гитлеровской Германии осуществлялось в широких масштабах вмешательство государства в экономику. Развиваемая неолибералами критика государственной регламентации экономики преследует своей целью прежде всего дискредитацию социалистических методов хозяйствования путем их отождествления с гитлеровской практикой. Неолибералы при этом спекулируют на глубоко укоренившейся среди германских трудящихся ненависти к гитлеровской регламентации хозяйства, которая была тесно связана с милитаризацией экономики и непосредственно служила обогащению германских монополий. Неолибералы играют также на широко распространенных среди германских трудящихся антимилитаристских настроениях,

⁵⁴ В книге Ю. Кучинского (J. K u s z y n s k i. Die Geschichte der Lage der Arbeiter in Deutschland, Bd. II, T. 2. B., 1955, SS. 266—267) приводится интересный циркуляр этого совета, адресованный объединению строительной индустрии земли Северный Рейн-Вестфалия от 7 марта 1953 г. В циркуляре выражается сожаление по поводу того, что это объединение не сделало соответствующего взноса, и отмечается значение совета для борьбы за победу Христианско-демократического союза в избирательной кампании в бундестаг в 1953 г.

пытаясь представить любое регулирование экономики государством, независимо от социальной формы этого регулирования, как систему мероприятий, преследующих своей целью подготовку войны.

Что побуждает немецких неолибералов маскировать свою фактическую приверженность к господству монополистического капитала? Тут действует ряд причин, специфических для послевоенной Германии. Известную роль играет тот факт, что крупнейшие монополистические концерны скомпрометировали себя в глазах широких трудящихся масс Германии своим сотрудничеством с Гитлером и деятельным участием в подготовке военных авантюр. Но решающую роль играет факт раскола Германии, образования двух германских государств. В Германской Демократической Республике полностью ликвидированы капиталистические монополии. Трудящиеся взяли там власть в свои руки и строят социалистическую экономику, не знающую эксплуатации человека человеком, свободную от антагонистических противоречий капитализма. В этой обстановке защитникам монополий в Федеративной Республике Германии приходится менять свою тактику⁵⁵. С одной стороны, они считают неудобным открыто защищать монополии перед лицом ликвидации монополий в Германской Демократической Республике. Неолибералы пытаются создать обманчивую видимость, что и в Федеративной Республике Германии якобы подорвана власть монополий и что в этом отношении у Германской Демократической Республики якобы нет преимуществ по сравнению с Федеративной Республикой Германии. С другой стороны, неолибералы пытаются использовать демагогическую критику монополий для того, чтобы оклеветать и опорочить социализм, строящийся в Германской Демократической Республике. Так, Ойкен безапелляционно заявляет, что не только практика, но и теоретический анализ якобы подтверждают «аналогию» хозяйственных процессов, связанных с монополиями, с «центрально управляемым хозяйством»⁵⁶. Еще резче формулирует эту «аналогию» В. Репке, который социалистическое государство рассматривает как «разновидность абсолютной и тотальной монополии коллективной экономической власти... как сверхмонополию, которая доводит до колоссальных и совершенно непереносимых размеров все то, что нам ненавистно в монополии»⁵⁷.

При рассмотрении характерной для немецких неолибералов демагогической критики монополий следует учесть специфические условия, в которых развивались монополии в Западной Германии.

⁵⁵ Этот факт отмечен в интересной статье немецкого экономиста Турлея (H. Turley. Über die apologetische «Monopolkritik» der neoliberalen Marktwirtschaftstheoretiker. «Wirtschaftswissenschaft», 1955, Dezember, Sonderheft).

⁵⁶ W. Eucken. Grundsätze der Wirtschaftspolitik. Tübingen, 1952, S. 94.

⁵⁷ W. Röpke. Maß und Miete. «Zürich», 1950, S. 122.

В период второй мировой войны в США и Англии были популярны требования о роспуске крупнейших германских концернов, сыгравших крупную роль в создании гитлеровской военной машины.

После окончания войны некоторые из этих концернов (например, три крупнейших банка, германский сталый трест «Ферейнингте штальверке», германский химический трест «ИГ Фарбениндустри» и др.) были распущены. Роспуск крупнейших монополий был проведен американскими и британскими военными властями (по закону 1947 г. «о запрете чрезмерной концентрации немецкого хозяйства») чисто формально. Так, три крупнейших германских банка — «Дейче банк», «Дрезднер банк» и «Коммерцбанк» — были разбиты на 30 банковских институтов с новыми названиями. Но эта так называемая «децентрализация» носила формальный характер.

В руководящих органах вновь созданных банковских институтов (в правлениях и наблюдательных советах) остались воротилы прежних трех крупнейших банков. Сохранился весь прежний банковский аппарат. В качестве другого примера можно привести «ИГ Фарбениндустри». Формально этот трест распался на три компании — «Фарбенфабрикен Байер», «Бадише анлиин-унд сода фабрик», «Фарбенверке Хехст». Однако эти три компании действуют так сплоченно, что они фактически выступают как филиалы единой организации.

В связи со всеми этими мероприятиями практика маскировки капиталистических монополий в послевоенной Западной Германии получила значительно большее распространение, нежели в довоенный период. Тут, помимо всего прочего, сказалось значительное влияние практики США, где маскировка монополий имеет длительные исторические традиции.

Ярким проявлением такой маскировочной тактики является «Закон против ограничения конкуренции», принятый в ФРГ в 1957 г. Хотя первый параграф этого закона объявляет «недействительными» соглашения, которые ограничивают конкуренцию в производстве или на рынке товаров и услуг, однако это общее положение сопровождается многочисленными оговорками, условиями и исключениями, которые фактически сводят его на нет. Так, например, разрешается создание кризисных картелей, картелей для проведения рационализации, картелей, способствующих экспорту, и т. д. По новому закону значительно снижены штрафы, которые взимаются с монополий за нарушение закона. Обойти новый закон даже в легальном порядке для монополий не составляет никакого труда. Кроме того, в распоряжении монополий по-прежнему остаются все формы нелегальных картелей. К тому же следует добавить, что новый закон совершенно не затрагивает важнейшую форму капиталистических монополий в ФРГ — концерны.

Ориентация немецких неолибералов на то, чтобы осуществлять более гибкие формы государственного регулирования экономики,

их показная критика государственного вмешательства в экономику в известной мере объясняются специфическими интересами германских экспортных монополий. Крупнейшие западногерманские монополии, связанные с различными отраслями машиностроения и химической промышленности, весьма заинтересованы в форсировании экспорта. Экспорт играет все более крупную роль в западногерманской экономике. В частности, он в значительной мере обусловил рост промышленного производства за последние годы в Федеративной Республике Германии. По заданию федерального правительства Институт экономических исследований проделал специальное исследование факторов роста западногерманской промышленности в 1949—1954 гг. В работе, излагающей результаты этого исследования⁵⁸, отмечается, что больше половины прироста промышленной продукции за эти годы обусловлено расширением экспорта, тогда как спрос на так называемые инвестиционные товары внутри страны вызвал лишь четверть этого прироста, а спрос на предметы личного потребления — также не более четверти прироста промышленной продукции.

Западногерманские монополии в отношении экспорта находятся в менее благоприятных условиях, нежели их английские, французские и американские конкуренты. В распоряжении западногерманских монополий нет таких защищенных рынков, которые обеспечиваются колониальными владениями, системой преференциальных пошлин и стерлинговой зоной. В их распоряжении нет таких рычагов политического давления, которыми располагают американские монополии. Западногерманские монополии в конкурентной борьбе с предпринимателями других стран могут рассчитывать только на свои экономические преимущества, т. е. в первую очередь на большую дешевизну своей продукции. В этих условиях германские экспортеры особенно заинтересованы в либерализации внешней торговли, в ослаблении таможенного законодательства, в снятии преград для проникновения иностранных капиталов, в максимальном ограничении государственного регулирования в области внешней торговли, имея в виду, конечно, в первую очередь регулирование в тех странах, куда направляется германский экспорт.

Оппозиция против государственного регулирования экономики всегда была связана с проповедью фритредерских принципов. Следует, однако, отметить, что если в условиях домонополистического капитализма фритредеры были действительно сторонниками невмешательства государства в экономику и в области развития национальной экономики, то в период империализма положение значительно меняется. Экспортные монополии требуют активной помощи со стороны своих правительств. Идея невмешательства государства в экономику становятся в значительной мере предметом экспорта в другие страны, со стороны которых можно ожидать

⁵⁸ «Die Expansion der westdeutschen Industrie 1949—1954». «Deutsches Institut für Wirtschaftsordnung». B., 1955, Sonderheft, Nr 34.

оппозиции экспортному наступлению данной страны. В этих условиях оппозиция государственному регулированию экономики приобретает в значительной мере фиктивный характер.

Наглядную иллюстрацию этого положения дает западногерманская практика. Экспортное наступление западногерманских монополий осуществляется при самом активном содействии со стороны правительства Федеративной Республики Германии через налоговую и кредитную политику. Экспортеры освобождены от налога с оборота, им предоставлены льготы по другим налогам. Важным средством поощрения экспортеров является предоставление им льготных кредитов. С этой целью в 1952 г. рядом банков при активном содействии Банка немецких земель было учреждено специальное общество («Аусфуркредит») для предоставления экспортным компаниям кредита на выгодных для них условиях. Существует ряд других кредитных организаций, финансируемых правительством Федеративной Республики Германии, широко обслуживающих экспортные монополии.

Проповедь «свободного предпринимательства», оппозиция против ряда мероприятий государственного регулирования экономики, наряду с общей задачей укрепления позиций германского финансового капитала внутри страны, преследуют цель — облегчить западногерманским монополиям экспансию на внешних рынках товаров и капиталов.

Эта идеологическая кампания направлена к тому, чтобы развязать руки западногерманским экспортерам в их борьбе со старыми конкурентами Германии, и в первую очередь с Англией. Вместе с тем эта кампания своим острием направлена против национально-освободительного движения в слаборазвитых странах, поскольку борьба последних за свою политическую и экономическую независимость устраняет возможность произвольного хозяйничанья монополий в бывших колониальных и зависимых странах, создавая тем самым препятствия для свободной миграции капиталов. Неолиберал Б. Берендт жалуется на то, что «в то время как в области европейской межгосударственной хозяйственной организации за последние годы достигнуты некоторые успехи в направлении либерализации внешней торговли и международного платежного оборота, слаборазвитые страны все еще остаются оплотом государственного дирижизма и протекционизма»⁵⁹.

Ненависть неолибералов к национально-освободительному движению и откровенная защита колониализма отчетливо отражены в статье Репке «Слаборазвитые страны»⁶⁰. Через всю статью красной нитью проходит положение о том, что экономический рост слаборазвитых стран обусловлен в основном финансовой помощью со стороны Запада. Репке восхваляет прежний порядок, когда в

⁵⁹ B. F. Berendt. Eine freiheitliche Entwicklungspolitik für materiell zurückgebliebene Länder. «Ordo», 1956, S. 84.

⁶⁰ W. Röpke. Unentwickelte Länder. «Ordo», 1953.

экспорте капиталов подавляющую роль играли частные инвестиции. Он призывает к созданию наиболее благоприятных условий для экспорта западных капиталов. Он с восторгом упоминает «о добром старом времени», когда западные инвесторы безраздельно господствовали в колониях. «Трезвое размышление, — пишет он, — позволяет уяснить, что упомянутый риск (связанный с вывозом капитала. — И. Б.) может быть значительно сокращен путем предоставления права экстерриториальности и других привилегий в пользу Запада, которые были ему обеспечены в прошлом»⁶¹.

У Репке хватает еще чувства реальности для того, чтобы понять, что возврат старого колониализма в его полной неприкосновенности уже невозможен. Но он старается удержать и закрепить максимум того, что удалось еще сохранить от старого колониализма. В частности, он подчеркивает, что специалисты Запада должны играть ведущую роль в слаборазвитых странах и что им должны быть обеспечены наиболее выгодные условия.

С аналогичными предложениями выступает неолиберал Берендт в цитированной выше статье. Для того чтобы судить о характере этих предложений, достаточно привести следующее его высказывание по поводу собственной программы: «На первый взгляд такая программа может показаться утопической и вызвать возражение на том основании, что она обрекает слаборазвитые страны на возврат к хозяйственному колониализму в форме господства неконтролируемых иностранных хозяйственных интересов»⁶². Как ни старается Берендт рассеять это впечатление от его программы, оно имеет серьезное основание. О направленности его работы достаточно говорит его стремление убедить читателя в том, что экономика и положение народных масс в слаборазвитых странах якобы ухудшились после свержения колониального гнета и завоевания национальной независимости.

Неолиберальное направление представляет собой попытку оправдания методов, при помощи которых германский монополистический капитал укреплял свои позиции после второй мировой войны. Это — апология пресловутого германского «хозяйственного чуда». Как известно, в последние годы в Федеративной Республике Германии наблюдался быстрый рост промышленного производства, более быстрый, чем в большинстве капиталистических стран. Этот рост имел в своей основе, с одной стороны, большие вложения в тяжелую промышленность, понесшую определенные потери во время войны и давно не обновлявшую свой основной капитал, а с другой стороны, усиленное продвижение на внешних рынках, опирающееся на использование дешевой рабочей силы немецких рабочих и на усиленную их эксплуатацию. Своеобразие конъюнктуры, сложившейся в Западной Германии, в том, что военные заказы там почти не играли никакой роли до самого последнего времени.

⁶¹ W. Röpke. Unentwickelte Länder, S. 102.

⁶² Ibid., S. 106.

Эта конъюнктура создала благоприятные условия для критики жесткого государственного контроля, характерного для милитаризованной экономики и для периода экономических кризисов.

Относительно быстрый рост промышленного производства в ФРГ до 1958 г. объясняется некоторыми благоприятными условиями, имевшими временный и преходящий характер. Но немецкие буржуазные экономисты пытаются преподнести эти временные экономические успехи как свидетельство якобы особой жизнеспособности и эффективности так называемого свободного рыночного хозяйства.

В действительности, как широко известно, германская экономика меньше всего напоминает это пресловутое «свободное рыночное хозяйство». Там, как и в других развитых капиталистических странах, господствуют монополии. Их власть особенно велика в тяжелой промышленности. Так, в черной металлургии девять компаний дают $\frac{3}{4}$ западногерманской выплавки стали. Добыча свинцово-цинковой руды монополизирована тремя концернами. В выплавке цветных металлов доминируют компании «Металлгезельшафт» и ДЕГУССА. В электротехнической промышленности концерны Сименса и АЭГ контролируют около половины производства электротехнического оборудования. По заявлению члена правления компании Сименса А. Лозе, этот концерн занимает второе место среди электротехнических концернов после американской «Дженерал электрик». Производство автомобилей в Западной Германии на $\frac{3}{4}$ монополизировано двумя гигантскими предприятиями — заводами «Фольксваген» и фирмой «Опель». В производстве судов в ФРГ господствует крупнейшая фирма не только западной Германии, но и всего мира. В 1953—1955 гг. она занимала первое место в капиталистических странах по тоннажу спущенных на воду судов. Три концерна дают примерно 95% западногерманского производства сырого калия. Концерн «Ферейнигте глянциштоффен фабрик» дает около $\frac{3}{4}$ западногерманского производства искусственного волокна. В ФРГ создано объединение крупнейших монополий и в области атомной энергии⁶³.

По данным Германского экономического института, финансовая олигархия в лице четырех крупнейших монополистических групп контролирует почти $\frac{2}{3}$ всего западногерманского акционерного капитала⁶⁴.

В Западной Германии государственно-монополистический капитализм осуществлен в весьма развитых формах. Государство участвует более чем в 500 промышленных предприятиях, капиталы которых достигают суммы 4,86 млрд. марок, что составляет 22%

⁶³ См. В. Котов. О так называемом «социально-рыночном хозяйстве». «Мировая экономика и международные отношения», 1957 г., № 6, стр. 50.

⁶⁴ «Deutsches Wirtschaftsinstitut», 1955, N 13.

западногерманского акционерного капитала⁶⁵. На долю государственных предприятий приходится около 30% добычи железной руды, около 15% общей добычи каменного угля, свыше половины производства электроэнергии, 75% производства алюминия и т. д.⁶⁶

Государственное содействие широко используется в ФРГ в интересах монополий. Особенно наглядно это содействие выступает в отношении вопросов, связанных со стимулированием экспорта. Правительство ФРГ предоставляет экспортным монополиям налоговые льготы, гарантирует предоставленные им кредиты и т. д.

Яркую иллюстрацию использования государства крупнейшими монополиями представляет «закон об инвестиционной помощи», принятый в 1952 г. По этому закону все промышленные предприятия, за исключением ведущих предприятий металлургической, угольной и электроэнергетической промышленности, а также предприятий, принадлежащих государству, обязаны были внести в специальный фонд взнос, исчислявшийся в зависимости от оборота прибылей, амортизационных отчислений и т. д. В течение двух лет 132 700 предприятий внесли в этот фонд свыше 1 млрд. марок. Капитализация этих средств, а также накопленные на счетах «фонда инвестиционной помощи» вклады из амортизационных отчислений позволили этому фонду предоставить долгосрочные кредиты 34 предприятиям угольной промышленности, 22 металлургическим предприятиям, 34 предприятиям электропромышленности, одному вагоностроительному предприятию, всего на сумму 4,75 млрд. марок⁶⁷.

В свете всех этих фактов становится очевидным, что утверждение об установлении в Западной Германии «свободного рыночного хозяйства» является не чем иным, как дымовой завесой, прикрывающей хозяйничанье монополий, широко использующих в своих интересах государственный аппарат и бюджет. В создании этой дымовой завесы особенно активное участие принимают неолiberaлы. Поэтому не удивительно, что они завоевали такое признание в кругах германской буржуазии.

Таковы исторические условия, объясняющие выдвижение на передний план в западногерманской буржуазной экономической литературе неоллиберального направления.

Современный немецкий неоллиберализм по своей классовой природе, по своим важнейшим приемам оправдания капитализма совпадает с американским, английским, французским неоллиберализмом. На страницах «Ордо» печатаются сочувственные рецензии на книги защитников либерализма из других стран — Хайека, Саймонса, Ал. Фишера и др. Так, Хайек весьма активно выступает на страницах «Ордо». В одной из статей, напечатанных в этом органе,

он с большим пафосом отзывается об Ойкене и его последователях⁶⁸. В напечатанной в «Ордо» рецензии на книгу английского неоллиберала Д. Мида отмечается, что его линия совпадает с линией кружка «Ордо» и фрейбургской школы в Германии, В. Репке в Швейцарии, У. Линимана в США и т. д.⁶⁹ Вместе с тем немецкий неоллиберализм имеет некоторые специфические особенности. Его аргументация несколько отличается от аргументации, применяемой неоллибералами других стран. Для «теоретического аппарата» немецких неоллибералов характерны три момента:

- 1) особое учение о хозяйственном строе (Ordnung);
- 2) положение о «свободном социальном рыночном хозяйстве»;
- 3) особый вариант теории «народного капитализма» в виде положений о «социальном партнерстве» и «народных акциях».

Теоретическую базу политико-экономических рассуждений немецких неоллибералов составляет учение В. Ойкена об «идеальных типах» в экономике. Это учение было разрекламировано в немецкой буржуазной литературе как новое слово в политической экономии. Сам Ойкен изображает эту теорию как новый шаг вперед по сравнению с учением классиков и исторической школы. Основной недостаток классической школы (следует отметить, что к этой школе Ойкен относит не только подлинных классиков, но и вульгарных экономистов типа Сэя и Мальтуса) он усматривает в том, что она ограничилась рассмотрением одного экономического строя, в котором господствует неограниченная свободная конкуренция. Шмоллер, по словам Ойкена, пытался выйти за рамки учения одного типа экономики, но ограничился только эмпирическим наблюдением хозяйственных фактов, отказавшись от их теоретического обобщения. Ойкен ставит перед собой задачу осуществить синтез этих двух школ — дать новую теорию, которая охватила бы все многообразие экономических типов, существовавших в человеческой истории.

Сама постановка этой задачи весьма симптоматична. Она демонстрирует, как в кривом зеркале буржуазной политической экономии отражается тот факт, что капитализм перестал быть единой, всеохватывающей системой, что наряду с капиталистической системой существует развивающаяся и проявившая свои большие преимущества социалистическая система. Учитывая этот факт, Ойкен пытается несколько перестроить экономическую теорию с тем, чтобы представить раскол мира на две системы — капиталистическую и социалистическую — в совершенно извращенном виде и всячески опорочить социалистическое строительство.

Ставя вопрос о том, что нужно выделить основные типы хозяйства, основные формы хозяйственного строя, Ойкен подходит к этому вопросу с чисто идеалистических позиций. Он пытается

⁶⁸ F. A. Hayek. Marktwirtschaft und Wirtschaftspolitik. «Ordo», 1954, S. 4.

⁶⁹ H. Irmeler. Der mittlere Weg. «Ordo», 1953, S. 332.

⁶⁵ Ibid., 1956, N 1—2, S. 15.

⁶⁶ См. Е. Хмельницкая. О государственно-монополистическом капитализме в Западной Германии. «Вопросы экономики», 1956, № 10, стр. 87.

⁶⁷ Там же, стр. 91.

сконструировать при помощи произвольных признаков, отвлекаясь от исторической действительности, искусственные теоретические модели, так называемые идеальные типы. Он подчеркивает, что «это — типы, которые не изображают конкретное хозяйство, это — не реальные типы, характеризующие экономическую организацию или экономическую степень развития. Это — мысленные модели, идеальные формы, настоящие идеальные типы»⁷⁰.

При этом Ойкен оговаривается, что сконструированные им «идеальные типы» отнюдь не связаны с определенными историческими условиями, с известной исторической эпохой. Он нарочито выбирает выражения для характеристики отдельных экономических типов, которые имеют наиболее расплывчатый характер и лишены специфической исторической окраски. Так, например, он пишет, что предпочитает выражения «заведения» и «руководители заведений» выражениям «предприятия» и «предприниматели», «потому что при словах — предприятие и предприниматель — приходит на память капиталистическая эпоха, оба слова имеют определенную историческую окраску. Такой окраски следует всячески избегать при определении идеальных типов»⁷¹.

Ойкен категорически отвергает положение о том, что экономические законы исторически обусловлены, что они имеют преходящий характер. «Я утверждаю, — заявляет он, — что как раз благодаря этому «историческому предрассудку» был закрыт путь к познанию действительного хозяйства в прошлом и настоящем. Действительное хозяйство со своими особенностями может быть познано только с помощью теоретических законов, не связанных с определенной эпохой»⁷².

«Идеальные типы» Ойкен изображает как исходные структурные формы хозяйства, которые мыслятся как неизменные и неподвижные. Все многообразие исторически существовавших хозяйственных укладов, по Ойкену, представляет собой лишь различные комбинации данных наперед и неизменных «идеальных типов». Эта концепция насквозь пронизана отрицанием исторического метода в политической экономии.

Все многообразие хозяйственных форм Ойкен сводит к двум основным «идеальным типам» — «свободному», или рыночному, хозяйству, в котором связи между отдельными хозяйствами устанавливаются при помощи рынка, и «центрально-управляемому хозяйству», в котором отдельные хозяйства подчиняются единому руководящему центру. При определении своих «идеальных типов» Ойкен полностью отвлекается от важнейшего и решающего критерия — от характера производственных отношений. Не удивительно, что при таком подходе у него в одну и ту же рубрику «центрально-управляемого хозяйства» попадают самые различные хо-

зяйственные формы — плановое хозяйство Советского Союза, милитаризованная экономика гитлеровской Германии, обширные хозяйства древних фараонов, государство инков в XV столетии, феодальные поместья раннего средневековья, Рабовладельческие, феодальные, капиталистические и социалистические производственные отношения смешаны у Ойкена в одну кучу.

Ойкен остается верен своему антинаучному методу, основанному на игнорировании производственных отношений, когда он отвергает вопрос о значении форм собственности для характеристики хозяйственного строя и вообще для решения социальных вопросов. Он всячески старается преуменьшить значение форм собственности в процессе исторического развития. По его трактовке, формы собственности имеют производный характер; они обусловлены характером управления хозяйственным процессом — централизованным или децентрализованным (т. е. через рынок). В действительности в основе различия между отдельными типами хозяйства лежат различия между производственными отношениями, а эти различия в первую очередь зависят от того, в чьей собственности находятся средства производства. На почве сложившихся имущественных отношений складываются отношения между различными классами. В зависимости от характера собственности решается такой кардинальный вопрос — основано ли данное общество на эксплуатации трудящихся или нет. Разным формам собственности в антагонистическом обществе соответствуют разные формы эксплуатации. С изменением характера собственности изменяется и форма управления хозяйственным процессом.

Антинаучный характер теории «идеальных типов» Ойкена особенно отчетливо проявляется в том, что в его классификации типов хозяйства не нашлось места ни для капиталистического, ни для социалистического способов производства. Ойкен отвергает даже самую возможность создания единого учения о капиталистической экономике. По его трактовке, экономика гитлеровской Германии и экономика современного боннского государства имеют совершенно различный характер и подчиняются различным законам. Отвергнув решающее значение капиталистической частной собственности для характеристики буржуазного способа производства, Ойкен отбросил само понятие этого способа производства. Он предлагает не пользоваться вообще термином «капитализм». Этот термин представляется ему опасным — он слишком часто фигурирует в социалистической и коммунистической пропаганде, он в глазах сознательных рабочих стал основным объектом, против которого направлена их борьба. А Репке рекомендует пользоваться каким-либо другим, нейтральным и незапятнанным понятием, например понятием «хозяйственной системы»⁷³.

⁷³ W. Röpke. Civitas Humana. Grundlagen des Gesellschafts- und Wirtschaftsreform. Zürich, 1946, S. 36.

⁷⁰ W. Eucken. Die Grundlagen der Nationalökonomie. Jena, 1940, S. 144.

⁷¹ Ibid., S. 104.

⁷² Ibid., S. 203.

Смысл этого похода Ойкена, Ренке и других неолибералов против понятий капитализма и социализма раскрывается очень просто. Об этом весьма откровенно пишет другой соратник Ойкена — Ф. Бем. Он выставляет в качестве важнейшей заслуги Ойкена то, что он своей теорией «идеальных типов» отбросил господствующую в течение столетия дилемму — «капитализм или социализм»⁷⁴.

Прием Ойкена не блещет оригинальностью. Из истории общественной мысли известно, что некоторые писатели пытались «освободиться» от неприятных сторон капитализма и его противоречий путем всякого рода терминологических ухищрений, изобретения новых словечек. Но никогда эти усилия не увенчивались и не могли увенчаться успехом. Никакие словообразования не в состоянии устранить капиталистической частной собственности и неразрывно связанной с ней капиталистической эксплуатации и всех вытекающих отсюда противоречий.

Хотя Ойкен внешне отвергает дилемму «капитализм или социализм», но скрытый смысл его теории «идеальных типов» состоит в том, чтобы оправдать капитализм и опорочить социалистический способ производства. Для этой цели Ойкен выбрал своеобразный метод. Защита капитализма ведется под флагом воспевания «свободного», или «рыночного», хозяйства. Для дискредитации социалистического способа производства используется критика так называемого «центрально-управляемого хозяйства». Социалистическая экономика в трактовке Ойкена выступает как наиболее яркое и последовательное проявление этого типа хозяйства.

Вся эта конструкция «центрально-управляемого хозяйства» чужда, ибо она отождествляет и объединяет в одном понятии совершенно различные производственные отношения — государственно-монополистический капитализм и плановую социалистическую экономику. Это объединение различных по своему классовому содержанию экономических типов строится на чисто формальном признаке — в том и другом случае государство играет крупную роль в экономике. Но за этим общим формальным признаком скрываются глубокие различия и в классовой природе государства, и в характере экономических законов, и в задачах государственного регулирования экономики, и в социально-экономических последствиях этого регулирования. Эти различия заложены в самой природе капиталистического и социалистического способов производства.

Частная собственность на средства производства разъединяет многочисленные капиталистические предприятия и определяет неизбежность стихийного развития капиталистического хозяйства. Связь между капиталистическими предприятиями осуществляется стихийно и содержит в себе неизбежность остерших про-

тиворечий конкуренции и анархии производства. Как указывал В. И. Ленин, «регулирование экономической жизни, если его осуществлять серьезно, требует одновременно национализации и банков и синдикатов»⁷⁵.

Только социалистическая собственность на средства производства, объединения все предприятия и все отрасли народного хозяйства, делает тем самым необходимым и возможным планомерное, пропорциональное развитие всего народного хозяйства как единого целого. В противоположность капитализму в социалистическом хозяйстве общественному характеру производства соответствует общественная собственность на средства производства. В результате отсутствия противоречия между общественным характером производства и формой присвоения продуктов производства социалистическая экономика избавлена от периодических кризисов перепроизводства и обеспечивает возможность непрерывного роста народного хозяйства высокими темпами.

Социалистическое государство выполняет новую, совершенно иную по сравнению с буржуазным государством роль в экономическом развитии общества. Опираясь на общественную собственность на средства производства, социалистическое государство сознательно использует и применяет законы экономического развития и этим путем направляет развитие всего народного хозяйства как единого целого. Такую роль не может выполнять капиталистическое государство. Государственно-монополистический капитализм не в состоянии устранить конкуренции и анархии производства, он не в состоянии ликвидировать экономические кризисы перепроизводства; он не только не устраняет антагонистических противоречий капитализма, но способствует их дальнейшему обострению и углублению.

Апологетический смысл смещения Ойкеном совершенно различных типов экономики — государственно-монополистического капитализма и планового социалистического хозяйства — состоит в том, что пороки, присущие первому типу экономики (в частности, его специфической форме — военно-государственному капитализму), он приписывает второму типу. Это — новый способ опорочить и оклеветать социалистическое строительство, основанный на использовании материалов военного хозяйства капиталистических стран.

Неолибералы отдают себе отчет в том, что недостаточно ограничиться критикой социализма, что нужно выдвинуть какую-то позитивную хозяйственную программу. Они понимают, что призыв к возрождению и укреплению «свободного рыночного хозяйства» не может привлечь германский рабочий класс. Неолибералы учтывают, что идеи социализма пустили глубокие корни в сознании

⁷⁴ F. Böhm. Die Idee des Ordo im Denken Walter Euckens. «Ordo», 1950, S. XLIII.

⁷⁵ В. И. Ленин. Грозная катастрофа и как с ней бороться.— Сочинения, изд. 4, т. 25, стр. 311.

немецких рабочих, что среди них фритредерская пропаганда никогда не пользовалась большой популярностью. Поэтому в пропаганде неолибералов лозунг «свободного рыночного хозяйства» дополняется лозунгом «социального хозяйства». При помощи этого ярлыка трудящимся стараются внушить веру в то, что неоллиберальное направление будто бы борется за какой-то справедливый общественный строй, при котором будут уничтожены классовые противоречия и достигнут «социальный мир».

Словечки «социальное хозяйство» пустил в оборот бывший нацистский идеолог, перешедший затем в лагерь неолибералов, проф. А. Мюллер-Армак в своей книге «Хозяйственное управление и рыночное хозяйство» (1947 г.). Этот термин заимствовал у него канцлер Аденауэр и применил его к экономической действительности Западной Германии в предисловии к книге Репке «Правильна ли немецкая хозяйственная политика?» (1950 г.). С тех пор этот термин получил широкое хождение в ФРГ.

Немецкие неолибералы развернули большую демагогию вокруг «социального хозяйства». Мюллер-Армак пытался выдать последнее за какой-то третий путь развития, отличный и от капитализма и от социализма. Некоторые неолибералы прямо декларировали, что их программа является антикапиталистической. О том, к каким демагогическим приемам прибегают неолибералы, видно по следующему высказыванию Репке: «Прежде всего пужно вспомнить, — пишет он, — что «капитализм» (это слово он берет в кавычки. — И. Б.) означает не что иное, как ухудшенную и испорченную форму, которую рыночное хозяйство приняло в экономической истории за последнее столетие. Действительное рыночное хозяйство и строй, основанный на соревновании, это то, что не было капитализмом... Уже в силу этого наша программа является вполне «антикапиталистической». Наш первый отправной пункт — строй, основанный на соревновании, — имеет поэтому не консервативный, а революционный характер»⁷⁶.

Демагогическая сущность подобного рода заявлений о «революционном» и «антикапиталистическом» характере программы неолибералов отчетливо выступает при рассмотрении их практических предложений по отдельным конкретным вопросам экономической политики.

Не случайно неолибералы выбрали в качестве главного лозунга такое ни к чему не обязывающее выражение, как «социальное хозяйство». Если научно употреблять термины «социальное» и «хозяйство», то становится ясным, что выражение «социальное хозяйство» представляет собой просто тавтологию. Всякое хозяйство, независимо от его исторической формы, является социальным, поскольку оно основано на сотрудничестве людей и предпо-

лагает определенные производственные отношения между людьми. Несocialным хозяйством можно было бы считать только хозяйство Робинзона, живущего на необитаемом острове, которое возможно только как редчайший случай в человеческой истории. К тому же следует добавить, что Робинзон до того, как попал на необитаемый остров, жил в обществе и приобрел там определенные производственные навыки, опыт и т. п.; иными словами, Робинзон является продуктом общества.

Неолибералы вкладывают в понятие социального хозяйства свой особый смысл. Они хотят подчеркнуть, что это хозяйство служит якобы для общего блага. Для того чтобы не связывать себя определенными конкретными обязательствами, они нарочито дают самые расплывчатые и самые общие, ничего конкретно не выражающие формулировки. Так, например, Бем дает такое определение: «Социальной, — пишет он, — мы называем такую хозяйственную систему, которая способна обеспечить широким массам населения, включая неспособных к труду детей, стариков, больных и инвалидов, достойное человека существование и всем трудоспособным членам общества соответствующие возможности для работы в условиях, достойных человека»⁷⁷. Бем предпочитает такие эластичные выражения, как «достойное человека существование», «достойные человека условия», которые допускают самое широкое толкование и которые при желании могут быть применены к любой ситуации.

В столь же расплывчатых и неопределенных выражениях формулирует содержание «социального хозяйства» Л. Эрхардт. Экономическую политику, проводимую боннским правительством, он провозглашает социальной политикой. «Эта политика потому является социальной, что она... заботится о том, чтобы в процессе длительного прогресса добиться наилучшего социального, наилучшего экономического и, конечно, наилучшего политического воздействия на народ в целом, на его потребление, повышение жизненного уровня»⁷⁸. Любой политический деятель может подписаться под подобным рода заявлением. Все дело в том, что понимать под «наилучшим социальным, наилучшим экономическим и наилучшим политическим действием». В истории не было такого реакционного мероприятия, которое идеологи эксплуататорских классов не пытались бы представить в качестве средства, служащего для общего блага⁷⁹. Фактическое содержание социально-экономических программ определяется не такими слишком общими и бессодержательными лозунгами, а практическими предложениями по отдельным конкретным вопросам экономической политики.

⁷⁷ F. Böhm. Die Aufgaben der freien Wirtschaft, S. 5.

⁷⁸ Цит. по W. Grotkopp. Die große Krise, S. 273.

⁷⁹ Небезынтересно при этом отметить, что франкискская Испания официально называется «католическим, социальным, представительным государством».

⁷⁶ W. Röpke. Civitas Humana. Grundlagen des Gesellschafts- und Wirtschaftsreform, S. 75.

Ближайшее рассмотрение таких практических предложений неолибералов убеждает нас в том, что последние решительно выступают против любых уступок трудящимся со стороны капиталистов.

Прежде всего бросается в глаза, что неолибералы всячески отмежевываются от популярных среди реформистских кругов программ «полной занятости». Ойкен считает эти программы причиной экономических трудностей, переживаемых капиталистическими странами в послевоенный период, в частности развертывающейся в некоторых странах инфляции. Он выступает против предлагаемых некоторыми буржуазными деятелями мероприятий, преследующих своей целью повышение покупательной способности населения.

Неолибералы в своей борьбе с программами «полной занятости» используют ходячий среди буржуазных экономистов аргумент о том, что сокращение безработицы может привести к росту заработной платы, а повышение последней якобы чревато вредными последствиями для народного хозяйства.

Вопрос об уровне заработной платы является одним из наиболее острых вопросов в экономической борьбе, развертывающейся в капиталистических странах. В этом вопросе особенно явственно выступает водораздел между позициями различных классов. Защитники интересов капиталистического класса концентрируют свои усилия на том, чтобы дискредитировать борьбу рабочих против наступления капитала на их жизненный уровень. Буржуазные апологеты выдают борьбу рабочих за повышение заработной платы за первоисточник инфляционных процессов. В упорстве, с которым профсоюзы отстаивают достигнутый уровень заработной платы, они усматривают первопричину нарушения хозяйственного равновесия.

В этом кардинальном вопросе немецкие неолибералы целиком стоят на позициях наиболее откровенных и наиболее последовательных противников рабочего класса. Они безоговорочно принимают фигурирующие в буржуазной литературе аргументы против повышения заработной платы.

Ойкен и его соратники выступают даже против такой элементарной реформы, осуществленной в некоторых капиталистических странах, как закон о минимуме заработной платы.

По такому вопросу, как вопрос о налоговой политике, в котором сталкиваются интересы разных классов, неолибералы открыто защищают буржуазные позиции. И в этой области неолибералы не оригинальны. Они привлекают широко распространенный в буржуазных кругах аргумент о том, что принцип прогрессивного обложения наиболее зажиточных слоев населения таит в себе опасность ослабления стимулов к накоплению капитала.

Для того чтобы опорочить принцип прогрессивного обложения, немецкий неолиберал Курт Шмидт выдвигает соображение, что такое обложение якобы способствует трансформации «рыночного

хозяйства в «центрально-управляемое». «Для того чтобы не произошло такого превращения хозяйственного строя, — пишет он, — нужно следить за тем, чтобы высокий прогрессивный налог не вызвал «холодного» трансформационного процесса»⁸⁰. Как видим, весь теоретический аппарат неолиберального направления ставится на службу такой прозаической и корыстной задаче, как отрицание прогрессивного налогового обложения.

Сотрудничающий с немецкими неолибералами Ф. Хайек в одной из своих последних статей ставит в прямую зависимость способность отдельных стран к техническому и промышленному прогрессу от наличия социальных контрастов. Он ставит в пример Великобританию и Скандинавским странам, где под давлением масс были осуществлены за последнее время некоторые социальные реформы (Хайек называет эти страны «государствами благосостояния»), такие страны, как Западная Германия, Бельгия, Италия, где, на его взгляд, промышленное развитие осуществлялось быстрее⁸¹. Так отказ от каких-либо социальных реформ возводится Хайеком на уровень первого требования хозяйственного развития.

Неолибералов трудно заподозрить в стремлении пойти навстречу требованиям трудящихся хотя бы в каком-нибудь второстепенном вопросе. Во всяком случае это стремление не получило никакого отражения в их практической программе.

Единственный смысл разговоров о «социальном хозяйстве», «социальной политике» заключается в том, чтобы обмануть трудящихся и ослабить их борьбу с господствующими классами. «Свободное социальное рыночное хозяйство» в трактовке неолибералов означает такую желательную экономическую форму, в которой была бы устранена классовая борьба.

Лозунг неолибералов о «социальном хозяйстве» на деле является слегка видоизмененным вариантом старой басни о «гармонии интересов». Эта басня давным-давно опровергнута жизнью. Попытка гальванизировать эту басню заранее обречена на неудачу.

Демагогия о «социальном хозяйстве» тесно связана с широко распространенной в Западной Германии пропагандой так называемого «социального партнерства». Это — своеобразный немецкий вариант пресловутой теории «народного капитализма», имеющей своим главным центром распространения Соединенные Штаты Америки. Согласно этой теории, рабочие и капиталисты перестали быть двумя враждебными классами, а выступают в качестве «социальных партнеров», участников единого производственного процесса и руководства производственными предприятиями. Для подкрепления этой совершенно фальшивой версии применяются старые приемы — распределение среди рабочих мелких акций, распространение системы участия рабочих в прибылях, привлече-

⁸⁰ K. Schmidt. Zur ordnungspolitischen Problematik der Progressivbesteuerung. «Ordo», 1957, S. 229.

⁸¹ F. A. Hayek. Grundtatsachen des Fortschritts. «Ordo», 1957, S. 35.

ние послушных капиталистам реформистских профсоюзных деятелей в административные органы предприятий и т. д. В Западной Германии «социальное партнерство» даже официально признано в законодательном порядке. Но от этого оно не стало действительностью. В Западной Германии, как и в других буржуазных странах, продолжают действовать законы капиталистического способа производства, обрекающие рабочих на эксплуатацию, безработицу, абсолютное и относительное обнищание. Никакие уловки буржуазных деятелей не в состоянии отменить классов и классовой борьбы в буржуазном обществе.

За последнее время в Западной Германии развернулась большая демагогическая шумиха о так называемых «народных акциях». Л. Эрхардт на Гамбургском съезде Христианско-демократического союза (март 1957 г.) объявил о наступлении второй фазы «социального рыночного хозяйства». Эта пресловутая вторая фаза, по словам Эрхардта, должна ознаменоваться осуществлением «благого состояния для всех», а главным средством для достижения этой цели объявлена распродажа так называемых «народных акций». Эрхардт объявил, что правительство имеет в виду осуществить постепенную передачу в частную собственность предприятий, находящихся во владении или под контролем государства, путем превращения их в акционерные общества. Часть акций, вышущенных этими обществами, будет иметь небольшие купюры, и их смогут приобрести рабочие, крестьяне и вообще небогатые люди. В качестве первого опыта реализации «народного капитализма» правительство Аденауэра внесло проект о распродаже правительственной фирмы «Фольксваген». Согласно этому проекту, правительство должно преобразовать эту фирму в акционерную компанию, которая выпустит акции на сумму 500 млн. марок. Часть акций на сумму в 125 млн. марок будет выпущена достоинством в 50 марок каждая. Это и есть «народные акции». Остальные три четверти капитала придется на акции более крупных достоинств — до 1000 марок включительно. Лица, имеющие доход не более 9 тыс. марок, а также рабочие и служащие «Фольксваген» получают некоторую скидку при покупке акций.

История знает многочисленные случаи выпуска акций в небольших купюрах, а также распространение акций среди рабочих отдельных предприятий. Однако история не знает ни одного случая, когда рабочие таким путем превратились бы в собственников предприятий. Выпуск мелких акций является лишь методом мобилизации главари акционерных компаний трудовых сбережений и привязывания рабочих к данным предприятиям, ослабления их классовой активности. Все выгоды от выпуска «народных акций» будут получены заправилами акционерных компаний.

Западногерманские монополии, помимо получения указанных выше выгод, заинтересованы в выпуске «народных акций» еще по одной причине. Они стремятся провести под флагом «народного

капитализма» денационализацию государственных предприятий. Правящие круги ФРГ боятся провозгласить прямую распродажу государственных предприятий и открытую передачу их в руки монополистического капитала. Они боятся решительного отпора рабочего класса. Поэтому они предпочитают обходные пути в виде выпуска «народных акций».

«Социальное хозяйство» и на первой и на второй стадиях не сулит ничего хорошего рабочему классу. Это лишь другая вывеска для современного монополистического капитализма, преследующая демагогические цели.

Демагогический характер неолиберальной пропаганды о «социальном хозяйстве» особенно явно выступает в заявлениях о том, что это пресловутое «социальное хозяйство» получило свою реализацию в боннском государстве. Между тем Западная Германия является одной из тех стран, где эксплуатация рабочих выступает в наиболее открытой и резкой форме. Достаточно сказать, что после второй мировой войны она занимает одно из первых мест среди государств капиталистического мира по продолжительности рабочего дня. Этот факт отмечают даже буржуазные круги Западной Европы. Так, газета «Индустрикурир», связанная с кругами монополий западногерманской тяжелой индустрии, отмечала 22 сентября 1955 г., что в обрабатывающей промышленности Федеративной Республики Германии существовала наиболее длинная рабочая неделя в Западной Европе за все послевоенное время.

Для Западной Германии в послевоенный период характерно значительное усиление интенсивности труда. Она настолько усилилась, что многие немецкие экономисты выдвигают вопрос об износе рабочей силы, об угрозе здоровью и даже жизни миллионов людей. В связи с интенсификацией труда значительно повысилось число несчастных случаев на производстве и процент профессиональных заболеваний.

Ни в одном из индустриальных государств Западной Европы не наблюдается такого разрыва между ростом выработки на одного рабочего и движением заработной платы, как в Федеративной Республике Германии. Согласно подсчетам Экономического института западногерманских профсоюзов, доля заработной платы в чистой продукции промышленности после войны колебалась в пределах 41—43%, не достигая уровня 1936 г., когда эта доля составляла не меньше половины чистой продукции⁸².

Как отметил Вальтер Ульбрихт на IV съезде Социалистической единой партии Германии, «свободное хозяйство» в Западной Германии означает свободу, безграничную свободу для эксплуатации рабочего класса благодаря повышению интенсивности труда и снижению реальной заработной платы⁸³.

⁸² См. Е. Хмельницкая. Некоторые черты экономического развития Федеративной Республики Германии. «Вопросы экономики», 1956, № 3, стр. 144.

⁸³ «Neues Deutschland», 1 April, 1954.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В обстановке общего кризиса капитализма усиливается реакционность буржуазной политической экономии. Одним из наиболее ярких проявлений этого процесса выступает ревностная защита милитаризма, гонки вооружений, истребительных войн и всяких форм паразитического потребления.

Современные буржуазные экономисты всячески оправдывают возрастание государственных расходов, увеличение армии и вооружений, территориальную экспансию и поддержание колониальных империй, подготовку новых войн, несущих с собой угрозу чудовищных разрушений. Все это не может не означать небывалого роста *faux frais* (непроизводительных, паразитических расходов), покрытие которых падает в своей подавляющей части на трудящихся.

С особенной силой эта черта сказалась в экономической литературе США, которые после войны постепенно превращаются в мировой центр буржуазной экономической мысли. Из США распространяется теперь на весь капиталистический мир легенда о том, что усиленная гонка вооружений и милитаризация народного хозяйства представляют собой якобы наилучшее противоядие от экономических кризисов перепроизводства. Буржуазные экономисты США и других капиталистических стран изощряются в восхвалении «преимуществ» военной экономики, якобы свободной от безработицы, кризисов, анархии производства и других противоречий капиталистической экономики.

В послевоенный период в американской буржуазной литературе, как и в литературе других капиталистических стран, имеет место весьма бесцеремонное восхваление пресловутой «политики силы». Американский буржуазный автор Э. Ривз безапелляционно заявлял: «Сейчас было бы напрасной потерей времени искать законы экономической жизни. В мире национального индустриализма только пушки регулируют производство, торговлю и потребление»¹.

Усиление реакционности буржуазной политической экономии, ревностная защита ею милитаризма нашли свое выражение в том, что многие экономические теории, появившиеся на предшествующих этапах капиталистического развития, получили после второй

мировой войны ярко выраженное империалистическое и милитаристское истолкование. Такова судьба, например, мальтузианской теории. Защита империалистической экспансии стала основным содержанием современного мальтузианства, которое, в частности, используется для оправдания наиболее варварских методов истребления населения — атомной, бактериологической, химической войны.

Такова же судьба столь излюбленного в буржуазной политической экономии «принципа редкости», лежащего в основе теории «предельной полезности». Ссылка на ограниченность естественных ресурсов, связанную якобы с ограниченностью государственной территории, широко используется идеологами империализма для обоснования территориальной экспансии.

После второй мировой войны широко используется для обоснования военных программ ряд теорий, появившихся еще на первом этапе общего кризиса капитализма, но тогда не получивших еще столь явно выраженного милитаристского звучания. К числу этих теорий прежде всего следует отнести теорию «планового капитализма».

«Плановая» фразеология буржуазных экономистов в современных условиях приобрела у некоторых авторов империалистический смысл. Она нередко связана с проповедью экономической экспансии, милитаризации народного хозяйства капиталистических стран и подготовки новой мировой войны.

Следует отметить, что и кейнсианская теория получила в послевоенный период особенно ярко выраженное империалистическое и милитаристское истолкование. Кейнсианская теория о необходимости искусственного форсирования общественного спроса путем увеличения государственных расходов как якобы средства преодоления внутренних противоречий капиталистической экономики поставлена в современных условиях прежде всего на службу оправдания гонки вооружений. В частности, проблема преимуществ «умеренной» инфляции и опасностей разрушительной инфляции рассматривается большинством буржуазных экономистов, в особенности в США, прежде всего под углом зрения обеспечения наилучших методов финансирования военных программ.

Реакционная сущность современной буржуазной политической экономии выражается также и в том, что одним из ее важнейших мотивов является «теоретическое» осуждение борьбы рабочих за улучшение своего экономического положения. В разных разделах экономической науки, по самым разным поводам высокая заработная плата рассматривается как важнейший источник всех социальных бедствий современности. Буржуазные авторы пытаются объяснить якобы чрезмерно завышенной, по их мнению, заработной платой массовую безработицу, кризисы перепроизводства, инфляцию, ухудшение условий конкуренции на внешних рынках, недо-

¹ E. Reves. The Anatomy of Peace. N. Y., 1945, p. 47.

статочную гибкость капиталистического механизма и т. д. Характерная черта большинства антикризисных и антиинфляционных программ состоит в том, что авторы этих программ пытаются перенести все издержки по их реализации на рабочий класс и трудящихся вообще.

Империалистическая, милитаристская и антирабочая направленность — важнейшая тенденция, характеризующая глубокое загнивание современной буржуазной экономической науки. Для того чтобы затушить эту важнейшую тенденцию, апологеты капитализма выдвигают версии о «революции» в экономической науке, о появлении «новой экономической науки» (new economics). Некоторые авторы хвастаются крупными «достижениями» буржуазной политической экономии. Так, ссылаются на то, что в распоряжении последней в настоящее время имеется гораздо больше фактического и статистического материала, чем несколько десятилетий назад. Так, например, Шумпетер, отмечая, что буржуазная политическая экономия за период 1914—1945 гг. не обогатилась какой-либо фундаментально новой идеей, видит положительную сторону в усовершенствовании «техники исследования», в том, что «результаты ее стали более надежными, доказательства более строгими»².

Подобного рода оценки современной буржуазной политической экономии не соответствуют действительности. Не приходится, конечно, отрицать, что современные экономисты располагают более богатым фактическим и статистическим материалом, чем экономисты в прошлом. Но весь вопрос в том, какое использование получает этот материал. Богатство статистического материала отнюдь не исключает возможности его фальсификации и тенденциозной обработки для обоснования апологетических выводов. История буржуазной политической экономии знает немало таких примеров. Достаточно привести примеры немецкой исторической школы, гарвардской школы (Персонса), институционалистов (Митчелла и др.). Защитники «теории больших циклов» мобилизовали большие груды цифр, но от этого данная теория не стала ни на йоту научной. Апологетическая целеустремленность создает непреодолимый барьер для научного использования фактического и статистического материала, несмотря на все его богатство.

Буржуазные экономисты используют и другие приемы для приукрашивания состояния экономической науки. Так, Э. Жамс в книге, специально посвященной истории экономической мысли в XX в., восхваляет современные буржуазные экономические теории за то, что они якобы более реалистичны, чем экономические теории в прошлом³.

Жамс ссылается на то, что современные экономисты вместо микроэкономического анализа занимаются макроэкономическим исследованием (т. е. изучают экономические явления в масштабе всего народного хозяйства, а не с точки зрения отдельного предприятия), что они не ограничиваются статикой, а предпочитают заниматься динамикой, что они рассматривают не только условия хозяйственного равновесия, но и многочисленные случаи нарушения последнего.

Нельзя отрицать того, что современные буржуазные экономисты перед лицом огромного усиления экономических противоречий не могут позволить себе роскошь проявления такого же оптимизма и беззаботности, какие были типичны для буржуазных экономистов прошлого столетия. Развитие событий заставило буржуазных авторов взглянуть в лицо опасности, угрожающей капитализму. Оно заставило отказаться от таких явно несостоятельных и давным-давно обанкротившихся догм, как «теория реализации» Сэя, отрицавшая общее перепроизводство товаров. Буржуазные авторы должны были наконец признать, что безработица и экономические кризисы не представляют собой случайного явления. Но эти вынужденные признания неприятных фактов нельзя рассматривать как симптомы поворота буржуазной политической экономии в сторону научного анализа. Признание этих фактов сопровождается попытками показать, что можно избежать безработицы и кризисов, оставаясь на почве капиталистического строя. Тем самым анализ важнейших проблем экономики с самого начала ставится на неправильные рельсы. Заранее поставленная реакционная цель сохранить и укрепить обреченный историей на слом капиталистический строй обрекает буржуазных авторов на научное бесплодие. Антинаучный характер этого анализа выражается, в частности, в том, что из этого «реалистического», по словам Жамса, анализа делаются весьма реакционные выводы о желательности и целесообразности роста правительственных расходов, милитаризации народного хозяйства, гонки вооружений и т. д.

Вынужденные признания буржуазными экономистами неприятных фактов и противоречий капиталистической экономики, угрожающих самому существованию последней, не могут изменить общего направления буржуазной политической экономии. Она по-прежнему остается вульгарной и апологетической. Она по-прежнему находится на службе капитала и враждебна интересам трудящихся. Она широко используется для идеологического оправдания реакции.

² J. A. Schumpeter. History of Economic Analysis, N. Y., 1954, p. 1145.

³ Э. Жамс. История экономической мысли XX века. М., ИЛ, 1959, стр. 558.

ОСНОВНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
доктора экономических наук, профессора
И. Г. БЛЮМИНА

Книги и брошюры

1. Субъективная школа в политической экономии. Изд. Коммунистической Академии.
1928 (1-е изд.)
т. 1 — Австрийская и англо-американская школы, 339 стр.
т. 2 — Математическая школа, 352 стр.
1931 (2-е изд., дополненное и переработанное).
т. 1 — Австрийская и англо-американская школы, 504 стр.
т. 2 — Математическая школа, 436 стр.
2. Очерки современной буржуазной теоретической экономии. К характеристике социального направления. М., Изд. Коммунистической Академии, 1930, 349 стр.
3. Капиталистическое комбинирование. М.—Л., Соцэкгиз, 1934, 234 стр.
4. Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века. Изд-во АН СССР, 1940, 284 стр.
5. Критика современной буржуазной политической экономии Англии. Изд-во АН СССР, 1953, 359 стр. (издана также в Чехословакии).
6. Очерки современной буржуазной политической экономии США. Госполитиздат, 1956, 279 стр.
7. О современной буржуазной политической экономии. Лекция по курсу истории экономических учений. Изд-во «Советская наука», 1956, 23 стр.
8. Миф о «народном капитализме». Госполитиздат, 1957, 118 стр. (соавтор — И. Н. Дворкин).
9. О современной буржуазной политической экономии. Соцэкгиз, 1958, 160 стр.
10. Основные направления в современной буржуазной политической экономии. Изд-во МГУ, 1958, 27 стр.
11. Кризис современной буржуазной политической экономии. Изд-во ИМО, 1959, 364 стр.

Статьи и рецензии

1. Теория Курно. «Вестник Коммунистической Академии», 1927, № 19, стр. 92—136; № 20, стр. 96—129.
2. Теория Вальраса. «Вестник Коммунистической Академии», 1927, № 23, стр. 68—119; № 24, стр. 90—136.
3. К вопросу о кризисе австрийской школы. «Проблемы экономики», 1929, № 1, стр. 74—101.
4. Теория Дилля. «Проблемы экономики», 1929, № 3, стр. 42—65.
5. Теория Шпанна. «Проблемы экономики», 1929, № 4—5, стр. 74—89; № 6, стр. 68—86.

6. Теория Веблена. «Проблемы экономики», 1929, № 7—8, стр. 82—115.
7. Предисловие к книге Бем-Баверка «Основы теории цен хозяйственных благ». Л., Изд-во «Прибой», 1929 г., стр. I—XVI.
8. Теория Штольцамана (Очерк 1. Общая характеристика учения и метода Штольцамана). «Проблемы экономики», 1930, № 1, стр. 131—145; № 3, стр. 79—100.
9. Теория Аммона. «Проблемы экономики», 1930, № 7, стр. 81—107.
10. Границы капиталистического комбинирования. «Проблемы экономики», 1932, № 8, стр. 138—175.
11. Комбинирование в социалистической промышленности в первой пятилетке (сб. «Техническая реконструкция народного хозяйства СССР в первой пятилетке», Соцэкгиз, 1934), стр. 281—302.
12. Техническая реконструкция химической промышленности в первой пятилетке (сб. «Техническая реконструкция народного хозяйства СССР в первой пятилетке», Соцэкгиз, 1934), стр. 213—248.
13. К вопросу о равномерном размещении производительных сил. «Проблемы экономики», 1935, № 3, стр. 44—58.
14. Роль электрификации в размещении социалистической промышленности. «Вестник Коммунистической Академии», 1935, № 6, стр. 14—23.
15. Давид Рикардо (Соч., т. II, М., 1935). «Проблемы экономики», 1936, № 1, стр. 190—199.
16. Экономические взгляды Н. И. Тургенева. «Проблемы экономики», 1936, № 4, стр. 105—124.
17. Социально-экономические воззрения Шторха. «Проблемы экономики», 1936, № 6, стр. 134—154.
18. Экономическая идеология русского крепостничества («Дух журналов»). «Проблемы экономики», 1937, № 2, стр. 174—193.
19. Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях (М., 1937). «Проблемы экономики», 1937, № 3—4, стр. 216—224.
20. Фурьеризм в России. «Проблемы экономики», 1937, № 5—6, стр. 237—250.
21. Экономические сочинения Ричарда Джонса (Ричард Джонс. Экономические сочинения. Л., Соцэкгиз, 1937). «Книга и пролетарская революция», 1937, № 8, стр. 77—80.
22. Великий ученый и критик Н. Г. Чернышевский (Н. Г. Чернышевский. Избранные сочинения, т. II. Соцэкгиз, 1937). «Книга и пролетарская революция», 1937, № 10, стр. 86—90.
23. Предисловие к книге Н. И. Тургенева «Опыт теории налогов» (3-е изд.). М., Соцэкгиз, 1937, стр. I—XVI.
24. Экономические воззрения Н. С. Мордвинова. «Проблемы экономики», 1938, № 1, стр. 124—142.
25. Русский фурьеризм 40-х годов. «Известия АН СССР» (отд. общественных наук), 1938, № 1—2, стр. 43—50.
26. Русская деревня после «освобождения» крестьян (А. Н. Энгельгардт. Из деревни. 12 писем. 1872—1887. М., Соцэкгиз, 1937). «Книга и пролетарская революция», 1938, № 1, стр. 76—79.
27. Книга о первобытной экономической культуре (Н. И. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры. М., Соцэкгиз, 1937). «Книга и пролетарская революция», 1938, № 2, стр. 70—73.
28. Экономические работы Годскина (Годскин Томас. Соч., т. I. Защита труда против притязания капитала; т. II. Популярная политическая экономия. М., Соцэкгиз, 1938). «Книга и пролетарская революция», 1938, № 5—6, стр. 85—89.
29. Германский фашизм — агентура финансового капитала. «Проблемы экономики», 1938, № 5, стр. 128—149.
30. Критика вульгарных теорий стоимости. «Проблемы экономики», 1939, № 1, стр. 198—213.

31. Социальная демагогия германского фашизма. «Проблемы экономики», 1939, № 4, стр. 125—139.
32. Эрих Ролл. «Проблемы экономики», 1939, № 5, стр. 203—206.
33. К характеристике современной английской буржуазной экономики. «Проблемы экономики», 1940, № 2, стр. 98—113.
34. Экономические воззрения декабристов. «Проблемы экономики», 1940, № 5—6, стр. 204—220.
35. Историческая школа в политической экономии. «Проблемы экономики», 1940, № 10, стр. 129—145.
36. Лондонская школа в политической экономии. «Известия АН СССР» (отд. экономики и права), 1946, № 3, стр. 217—232.
37. Экономическое учение Кейнса. «Известия АН СССР» (отд. экономики и права), 1946, № 4, стр. 301—319. Напечатано также в «Political Affairs», N. Y., 1948, p. 638—661.
38. Экономические воззрения В. А. Милютин. Вступительная статья к кн. В. А. Милютин. Избранные произведения. М., Госполитиздат, 1946, стр. 5—37.
39. Социально-экономические воззрения Гобсона. «Известия АН СССР» (отд. экономики и права), 1947, № 4, стр. 265—277.
40. Проблемы полной занятости в современной английской экономической литературе. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1947, № 4, стр. 81—88.
41. Кейнс — пророк «регулируемого капитализма». «Вестник МГУ», 1947, № 4, стр. 43—66.
42. Современная буржуазная политическая экономия в Англии. «Большевик», 1947, № 10, стр. 40—54.
43. Американские буржуазные экономисты на службе монополий. «Вопросы экономики», 1948, № 8, стр. 52—65. Напечатана также в «La pensée», P., 1949, p. 19—34.
44. Вступительная статья к кн. Дж. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег. М., ИЛ, 1948, 45 стр.
45. Буржуазные экономисты — прислужники американского империализма (сборник «Агрессивная идеология и политика американского империализма»). М., Госпланиздат, 1950, стр. 77—106.
46. Буржуазные экономисты на службе милитаризации и войны. «Вопросы экономики», 1952, № 9, стр. 107—119. Напечатана также в «Etudes économique», P., 1953, № 76 «Wirtschaftswissenschaft», B., 1953, Nr. 2.
47. Учение о прибавочной стоимости — краеугольный камень экономической теории Маркса. «Вопросы экономики», 1953, № 3, стр. 22—38.
48. Буржуазные теории «цикла» на службе американских монополий. «Вопросы экономики», 1954, № 6, стр. 55—56.
49. Предисловие к кн. Д. И. Розенберг. Очерк развития экономического учения Маркса и Энгельса в сороковые годы XIX века. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 3—16.
50. Апология капиталистических монополий буржуазными экономистами США. «Коммунист», 1955, № 4, стр. 66—79.
51. О современной политической экономии промежуточных классов. «Вопросы экономики», 1955, № 9, стр. 148—162 (соавтор — И. Н. Дворкин).
52. Предисловие к кн. Дж. Грей. Сочинения, под общей редакцией И. Г. Блюмина. Госполитиздат, 1955, стр. 3—16.
53. Книга Шумпетера по истории экономического анализа (Дж. А. Шумпетер. История экономического анализа. Нью-Йорк, 1954). «Вопросы экономики», 1956, № 5, стр. 150—155.
54. Смит А., Большая Советская Энциклопедия, изд. 2-е. т. 39. 1956, стр. 408—410.
55. Современная буржуазная политэкономия и ревизионизм. «Мировая экономика и международные отношения», 1957, № 1, стр. 71—82 (соавтор — И. Н. Дворкин).
56. По поводу так называемого «народного капитализма». «Международная жизнь», 1957, № 5, стр. 64—69.
57. О кризисе современной буржуазной политической экономии. «Вопросы экономики», 1957, № 12, стр. 64—75.
58. Об эконометрическом направлении в буржуазной политической экономии. «Вопросы экономики», 1958, № 11, стр. 79—93 (соавтор — В. Шляпентох).
59. Апология монополистического капитала буржуазными экономистами США (в кн. «Монополистический капитал США после второй мировой войны», гл. 9). М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 505—542).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адамс Дж. П. (Adams G. P.) 18
Адамс У. (Adams W.) 138, 139, 224
Аденауэр К. 346, 360, 364
Айрес К. Э. (Ayres C. E.) 77, 274, 303
Акерман Ж. (Akerman J.) 36, 86, 172
Алле М. (Allais M.) 333, 335, 338
Аллен Дж. (Allen J.) 147
Амонн А. (Amonn A.) 268
Антони К. (Anthony K.) 73, 74
Аншен М. (Anshen M.) 159, 160
Ардан Г. (Ardant G.) 9, 32, 50, 248, 249, 274
Афтальон А. (Aftalion A.) 333
Бай Р. Т. (Bye R. T.) 107
Бакман Ж. (Backman J.) 142
Баран П. А. 296
Бартоли А. (Bartoli A.) 35
Бастиа Ф. (Bastiat F.) 323
Бевеидж У. (Beveridge W.) 24
Белл (Bell) 340
Бем Ф. (Böhm F.) 75, 234, 333, 337, 341, 343, 358, 361
Берендт Б. Ф. (Berendt B. F.) 351, 352
Берли А. А. (Berle A. A.) 66—70, 141
Бешо 250
Биго П. 34
Бодан Л. (Baudin L.) 98, 333, 336
Боулдинг К. Е. (Baulding K. E.) 82, 139, 140
Боули Дж. 219, 220
Баумол У. Дж. (Baumol W. J.) 9, 111, 166, 167, 237, 238, 315
Браун Г. Дж. (Brown H. J.) 55
Брентано Л. (Brentano L.) 71, 123
Бройль А. 76
Бронфенбреннер М. (Bronfenbrenner M.) 122, 275
Бувье-Адам М. (Bouvier-Adam M.) 233
Бэйн Дж. С. (Bain J. S.) 221
Бэрнс А. Ф. (Burns A. F.) 44, 190, 194, 276
Вагенфюр Х. (Wagenführ H.) 45, 46
Вайнер Дж. (Viner J.) 142
Вайнинг Р. (Vining R.) 147
Вальрас Л. (Walras L.) 97
Варга Е. С. 136, 141, 142
Вебер В. (Weber W.) 323
Веблен Т. (Veblen T.) 30, 102
Вегфорс Э. (Wegforss E.) 260
Виксель К. (Wicksell K.) 251—256, 273, 279
Винер Н. (Wiener N.) 202
Гантер Дж. (Gunter J.) 149
Голбрейс Дж. К. (Galbraith J. K.) 44, 56, 207, 208, 222—224, 276, 295
Гольденвейзер Э. А. (Goldenweiser E. A.) 8
Гоннар Ф. (Gonnard F.) 324
Грей Г. М. (Gray H. M.) 138, 139, 224
Грейзон Г. (Grayson H.) 261, 271
Гроткопп В. (Grotkopp W.) 242, 339, 361
Грэхем 18
Гувер Г. К. (Hoover H. C.) 330
Гэллоуэй Дж. В. (Galloway J. B.) 155
Гюнтер А. (Günther A.) 45
Давидсон Д. (Davidson D.) 251
Дальтон Г. (Dalton H.) 289, 290
Дени А. (Denis H.) 47
Дибольд К. 201, 202
Диккинсон Г. Д. (Dickinson H. D.) 251, 258
Димитров Г. 20
Джевокс С. (Jevons S.) 97
Джефферсон Т. (Jefferson Th.) 33
Джонсон Г. Дж. (Johnson H. J.) 54
Джонстон Э. (Johnston E.) 13
Джукис Дж. (Jewkes J.) 49, 50
Добб М. (Dobb M.) 112
Домар Э. В. (Domar E. V.) 37, 82, 83, 305, 306
Домарши М. 37
Друкер П. Ф. (Drucker P. F.) 200, 201, 203

- Дурбин Э. Ф. М. (Durbin E. F. M.) 155
Дунлоп Дж. Т. (Dunlop J. T.) 115
Дюнаше 323
Жамс Эмиль (James E.) 7, 14, 34, 39, 115, 142, 249, 250, 323, 324, 334, 337, 368, 369
Жибинская Э. Д. 270
Жувенель Б. 248
Журавицкий С. (Zuravicki S.) 56
Зайцев Е. Н. 262, 269
Зомбарт В. (Sombart W.) 240
Ирмлер Х. (Irmeler H.) 339, 355
Исти Дж. А. (Estey J. A.) 176
Калекский М. (Kalecki M.) 37
Калдор Н. (Kaldor N.) 110, 111
Кан А. Э. (Kahn A. E.) 158
Кан Р. (Kahn R. F.) 178, 242
Каплан А. Д. (Kaplan A. D.) 209, 214, 218
Карр Э. Г. (Carr E. H.) 6, 18
Каренберг Ф. (Carrenberg F.) 325
Кассель Г. (Kassel G.) 251, 277, 278
Кассельман П. Г. (Casselmann P. H.) 8
Кейнс Д. М. (Keynes J. M.) 9, 11, 23, 79, 85, 87, 174, 175, 178, 179, 181—183, 185, 191, 242, 248—252, 271—295, 300, 301, 302—304, 306, 313
Кенэ Ф. 279
Кизер Д. М. (Keezer D. M.) 12
Кирстид Б. С. (Keirstead B. S.) 80, 305, 312
Кларк Д. Б. (Clark J. B.) 77, 78, 113, 114, 121, 125, 215
Кларк К. (Clark C.) 320
Кларк Д. М. (Clark, J. M.) 89, 103, 108, 114, 155, 182, 218, 235
Клейн Л. Р. (Klein L. R.) 280
Коккалис А. 101
Кольм Г. (Colm G.) 130, 154
Коммонс Дж. Р. (Commons J. R.) 71
Копленд М. А. (Copeland M. A.) 273
Котов В. 353
Коулман Дж. К. (Coleman J. K.) 122
Краузе А. (Krause A.) 49
Кристианс С. Г. (Christians S. H.) 166
Кузнец С. (Kuznets S.) 69
Курихара К. К. (Kurihara K. K.) 86
Курно А. (Cournot A.) 219
Кучинский Ю. (Kuchynski J.) 347
Кэйзерлинг Л. Г. (Keyserling L. H.) 148
Ландауэр К. (Landauer K.) 155
Лаутенбах В. (Lautenbach W.) 242
Ленни В. Н. 39, 58, 63, 72, 133—135, 164, 283, 342, 359
Леонтьев В. 57
Лестер Р. А. (Lester R. A.) 116, 117
Ли У. А. (Lee W. A.) 311
Лилиенталь Д. Э. (Lilienthal D. E.) 209, 210
Линдаль Э. (Lindahl E.) 74, 82, 88, 251, 256, 257—261, 264, 267
Линдблом Ч. Э. (Lindblom Ch. E.) 121
Липпман У. (Lippman W.) 6
Литтл Дж. М. (Little J. M.) 133
Лорвин Л. Л. (Lorwin L. L.) 44
Лундберг Э. (Lundberg E.) 82, 171, 251, 252, 258, 272
Лундгрэн К. (Lundgren K. G.) 256, 263, 265
Люис У. А. (Lewis W. A.) 75
Лютц Ф. А. (Lutz F. A.) 338, 339
Мальтус Т. (Malthus Th.) 31, 185, 284, 355
Манд В. А. (Mund V. A.) 140
Манукян А. 204
Маркс К. 5, 11, 16, 31, 34—39, 58, 59, 61, 70, 91, 92, 97, 123, 146, 148, 164, 187, 199, 253, 255, 266, 280, 286, 292, 301, 310, 312, 315, 316, 317, 320
Маршалл А. (Marshall A.) 104, 117, 274
Маршалль Жан (Marchal J.) 37, 117—120
Маршалль А. (Marchal A.) 50, 52, 76, 250
Махлуп Ф. (Machlup F.) 19, 122, 270, 236
Мейер 339
Менгер К. (Menger K.) 97
Мендес-Франс П. (Mendès-France P.) 9, 10, 32, 248, 249, 274
Мид Д. Э. (Meade J. E.) 142, 355
Мизес Л. (Mises L.) 33, 73, 111, 322, 323, 324, 325—332
Милли Л. 333, 339, 340
Минз Г. К. (Means G. C.) 66
Митчелл Б. (Mitchell B.) 71, 74, 330, 368
Моргенштерн О. (Morgenstern O.) 95
Моултон Г. Г. (Moulton H. G.) 171, 176, 177
Мэзон Э. С. (Mason E. S.) 237
Мерфи К. (Murphy C.) 162
Мюллер Дж. Г. (Müller J. H.) 116
Мюллер-Армак А. 333, 360
Мюрдаль Г. (Myrdal G.) 251, 256, 258, 264
Мюрфд А. 295

Наттер Г. У. (Nutter G. W.) 226
 Науман Р. (Naumann R.) 324
 Нейман Дж. (Neumann J.) 76, 95
 Неймарк Ф. (Neimark F.) 245
 Нельсон Д. (Nelson D.) 146
 Ногаро 333
 Ойкен В. (Eucken W.) 75, 78, 233, 333, 338, 339, 340, 342—345, 348, 355—359, 362
 Олин Б. (Ohlin B.) 251, 256, 258, 261, 264, 271
 Ортон У. А. (Orton W. A.) 231
 Ошима Г. Т. (Oshima H. T.) 131
 Поландер Т. (Polander T.) 265
 Парето В. (Pareto V.) 100
 Паттон Р. Д. (Patton R. D.) 18, 129
 Педерсен Дж. (Pedersen J.) 126
 Перру Ф. (Perroux F.) 249
 Персонс Т. (Parsons T.) 368
 Пигу А. (Pigou A.) 81, 109
 Пикар Р. (Picard R.) 329, 333
 Пикок А. Т. (Peacock A. T.) 339
 Пиру 333
 Поле Л. (Pohle L.) 45
 Поллок Ф. (Pollock F.) 202
 Прочнау Г. В. (Prochnow H. V.) 332
 Ратгиз Р. (Ruggles R.) 89
 Райт Д. М. К. (Wright D. Mc. Cord) 18, 35
 Рассел Б. 71
 Репке В. (Röpke W.) 210, 211, 233, 335, 346, 348, 351, 352, 357, 358, 360
 Ривз Э. (Reves E.) 366
 Рид Л. 328
 Риз А. (Rees A.) 24
 Рикардо Д. 127, 301, 319
 Рист III. (Rist Ch.) 32, 33, 331
 Ричберг Д. (Richberg D.) 121
 Роббинс Л. (Robbins L.) 11, 25, 234, 235, 331, 333, 334
 Робертсон Д. Г. (Robertson D. H.) 38, 104, 105, 182
 Робертсон Р. М. (Robertson R. M.) 211
 Робинсон Джоан (Robinson, Joan) 36, 38, 39, 47, 81, 82, 101, 142, 177, 184, 185, 207, 208
 Робинсон Э. Дж. (Robinson E. J.) 214
 Роджин Л. (Rogin L.) 38
 Ролл Э. (Roll E.) 244
 Ростов У. У. (Rostow W. W.) 38, 147, 305, 313, 314
 Руджерио 71
 Ружье Л. 233, 333
 Рузвельт Ф. Д. (Roosevelt F. D.) 33, 45, 142, 157, 159, 161, 206, 279, 300, 330, 331

Рэндолл Р. В. (Randall C. B.) 68
 Рюстов А. (Rüstow A.) 333—336, 344
 Рюэфф Й. (Rueff J.) 322, 325—332
 Саймонс Г. К. (Simons H. C.) 354
 Саллерон Л. (Salleron L.) 47, 48
 Саул Дж. (Soule J.) 30, 37, 38, 54
 Сегал Н. Е. 256, 257, 270
 Сельдес Д. 332
 Сениор Н. (Senior N.) 255
 Симон 184
 Сличтер С. (Slichter S. H.) 115, 122, 147, 191, 192
 Смит А. 87
 Сави А. (Sauvy A.) 142, 192, 193
 Солне 162
 Сграффа П. (Sraffa P.) 207
 Стейн Г. 227
 Стейнер Дж. А. (Steiner J. A.) 129, 132—135, 148, 158, 160, 302, 331
 Стейндль Дж. (Steindl J.) 295
 Стиглер Д. (Stigler G. J.) 226
 Стрэчи Дж. (Strachey J.) 19
 Стэмп Дж. (Stamp J.) 111
 Сунзи А. (Sweeney A.) 295, 298
 Сущенко В. 228
 Сэй Ж.-Б. 53, 73, 114, 252, 253, 263, 268, 278, 322, 355
 Самюэлсон П. А. (Samuelson P. A.) 25, 179, 182
 Тинберген Дж. (Tinbergen J.) 229
 Триффин Р. (Triffin R.) 207
 Труман Г. С. (Truman H. S.) 24
 Туган-Барановский М. И. 118, 120, 122
 Турлей Х. (Turley H.) 348
 Тюнен И. Г. (Thünen J. H.) 113
 Уилсон Т. (Wilson T.) 115
 Уильямс Ф. (Williams F.) 19
 Ульбрихт В. (Ulbricht W.) 365
 Уормут Ф. Д. (Wormuth F. D.) 158, 159
 Уоттон Б. (Wotton Barbara) 46, 47
 Уэндзел Дж. Т. (Wendzel J. T.) 236
 Фабрикант С. (Fabricant S.) 131
 Феллнер У. У. (Fellner W. W.) 115, 207, 276
 Фишер А. (Fisher A.) 354
 Флинн Дж. (Flynn J.) 33
 Фогарти М. (Fogarty M. P.) 157
 Фостер У. П. (Foster W. P.) 275
 Фрезер Л. (Fraser L.) 47
 Фурастье Ж. (Fouratié J.) 48, 56, 76, 313, 315—321
 Фусфильд Д. Р. (Fusfield D. R.) 159, 279

Хаавельмо Т. (Haavelmo T.) 305, 308
 Хабергер А. (Haberger A.) 210
 Хаберлер Г. (Haberler G.) 172
 Хайек Ф. А. (Hayek F. A.) 70, 71, 90, 111, 252, 354, 355, 363
 Хамберг Д. (Hamburg D.) 38, 39
 Хан А. (Hahn A.) 190
 Хансен А. Г. (Hansen A. H.) 34, 139, 142, 166, 174, 179, 185, 186, 193, 222, 229, 248, 271, 285, 295—299, 302, 303
 Харбисон Ф. Г. (Harbison F. H.) 122
 Харрис С. Дж. (Harris S. J.) 12, 30, 125, 191, 244, 275, 285, 306, 307
 Харрод Р. Ф. (Harrod R. F.) 38, 174, 185, 188, 189, 199, 229, 230, 274, 305, 308
 Харт А. Дж. (Hart A. J.) 27
 Хейс Г. (Hages H.) 12
 Хельвер 340
 Хени Л. Г. (Haney L. H.) 50, 51, 206
 Хиггинс Б. (Higgins B.) 295
 Хикс Дж. Р. (Hicks J. R.) 11, 98—105, 110, 120, 121, 126, 174, 179, 182, 187, 207, 305
 Хмельницкая Е. 354, 365
 Хоутри Р. Г. (Hawtrey R. G.) 173, 174
 Хрущев Н. С. 7, 60, 65, 204, 205
 Хэккер 33, 71
 Цассенхаус Г. (Zassenhaus G.) 159
 Цейтлен Ф. (Zeithen F.) 235
 Циммерман Л. Дж. (Zimmerman L. J.) 280

Чемберлин Э. Г. (Chamberlin E. H.) 207, 212, 213, 215—218
 Чемберлен Н. У. (Chamberlain N. W.) 89
 Чендлер Л. В. (Chandler L. V.) 9, 166, 167, 237, 238
 Шахтшабель Г. Дж. (Schachtsschabel H. J.) 46
 Шекл 252
 Шеффлер С. (Schaeffler S.) 49, 55
 Шмелдоре 333
 Шмидт Э. П. (Schmidt E. P.) 332
 Шмидт К. (Schmidt K.) 362, 363
 Шнеерсон А. И. 137, 247
 Шоу Э. С. (Show E. S.) 27, 191
 Шпанн О. (Spann O.) 45, 240
 Штакельберг Г. (Stakelberg H.) 124, 207
 Штольцманн Р. (Stolzmann R.) 45
 Шумпетер И. А. (Schumpeter J. A.) 38, 77, 78, 98, 214, 224, 234, 295, 368
 Эджворт Ф. Дж. (Edgeworth F. J.) 92
 Эйнауди Л. (Einaudi L.) 53, 54
 Эйнзиг П. (Einzig P.) 124, 191, 203
 Энгельс Ф. 39, 127
 Эттли К. (Attlee K.) 19
 Юнг А. (Young A.) 46

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
<i>Глава первая.</i> Общая характеристика кризиса современной буржуазной политической экономики	5
1. Возникновение кризиса современной буржуазной политической экономики	5
2. Новые методы социальной демагогии	17
3. Изменение соотношения важнейших направлений в буржуазной политической экономике	23
4. Важнейшие моменты кризиса буржуазной политической экономики	31
5. Особенности кризиса буржуазной политической экономики в послевоенный период	40
6. Критика буржуазных трактовок кризиса политической экономики	45
<i>Глава вторая.</i> Эволюция методологии буржуазной политической экономики	61
1. Новые формы вульгарного историзма	61
2. Отрицание объективных экономических законов	72
3. Кризис «теории равновесия»	77
4. О так называемом макроэкономическом методе	83
5. Подчеркивание решающего значения математического метода	96
<i>Глава третья.</i> Эволюция теорий «предельной полезности» и «предельной производительности»	96
1. Эволюция теории «предельной полезности»	97
2. Кризис теории «предельной производительности»	113
<i>Глава четвертая.</i> Критика буржуазных теорий об экономической роли государства	129
1. Буржуазные авторы о причинах усиления экономических функций государства	132
2. О границах экономического воздействия буржуазного государства	142
3. Невозможность народнохозяйственного планирования при капитализме	154
4. Апология милитаризации под флагом «планирования»	159
<i>Глава пятая.</i> Эволюция буржуазных теорий кризисов	166
1. Некоторые особенности современных буржуазных теорий кризисов	167
2. Психологическая теория кризисов	174

3. Теории мультипликатора и акселератора	178
4. Современные варианты теории недопотребления	184
5. Проблема кризисов и инфляции	189
6. Критика теории «стабилизаторов конъюнктуры»	194
<i>Глава шестая.</i> Проблема монополии и конкуренции	206
1. Общая характеристика буржуазных «теорий» монополии	206
2. Теория «монопольстической конкуренции» Чемберлина	212
3. Теория олигополии	217
4. Теория «уравновешивающих сил»	222
5. Теория «деконцентрации экономической мощи»	226
6. Трактровка монополий в качестве нейтрального фактора	229
<i>Глава седьмая.</i> Теории «регулируемого капитализма»	239
1. Общие черты теорий «регулируемого капитализма»	239
2. Стокгольмская школа в политической экономике	251
3. Значение кейнсианства	273
4. Теория экономической динамики	305
<i>Глава восьмая.</i> Современный неолиберализм	322
1. Старый либерализм	322
2. Общая характеристика неолиберализма	333
3. Западногерманский неолиберализм	346
Заключение	366
Основные произведения доктора экономических наук, профессора И. Г. Блюмина	370

Израиль Григорьевич Блюмин
Критика буржуазной политической экономии, том III

Утверждено к печати
Институтом мировой экономики и международных отношений
Академии наук СССР

Редактор А. А. Кормильцева
Художник Л. Г. Ларский
Технические редакторы Г. А. Астафьева, С. Г. Тихомирова

РИСО АН СССР № 21-97В. Сдано в набор 2/X 1962 г.
Подписано к печати 26/XI 1962 г. Формат 60×90^{1/16}
Печ. л. 23,75. Уч.-издат. л. 24,8
Тираж 3200 экз. Изд. № 1296. Тип. зак. № 1209
Цена 1 руб. 69 коп.

Издательство Академии наук СССР
Москва Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
12	22 св.	экономии	экономике
14	14 св.	конкретный	конкурентный
33	1 св.	Montality	Mentality
103	6 св.	аггрегативных	аггрегативных
105	19 св.	стоимости о объек-	стоимости и объек-
229	4 св.	Tinberger	Tinbergen
233	6 св.	M. Bouvier-Agam	M. Bouvier-Adam
276	14 св.	а годичной	на годичной
298	2 св.	⁸³ A. H. Hansen. The American Economy, p. 30	⁸⁵ A. S w e e z y. Secular Stagnation. «Postwar Economic Problems», ed.